ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ Выпуск 2

ТИБЕТОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сборник статей
Выпуск 2

ISBN 978-5-85803-572-5

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS
(ASIATIC MUSEUM)

TIBETOLOGY IN ST. PETERSBURG

Collected papers

Issue 2

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
(АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ)

ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Сборник статей

Выпуск 2

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2021

УДК 09(235.242)
ББК Ш171+Ч611.5+Ч611.63(0)41

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ Франции по проекту № 21-512-15001

Funding: the edition was funded by RFBR and CNRS, project number 21-512-15001

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Р е ц е н з е н т ы:
доктор ист. наук проф. *Н. В. Цыремпилов*; канд. филос. наук *Т. В. Ермакова*

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
Б. Б. Бадмаев (Дид Хамбо-лама, Ширээтэ-лама *Джампа Доньед*); канд. филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор); проф. *Ч. Рэмбл* (Париж); *А. А. Сизова* (секретарь); доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*

Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 2. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. — 356 с. + 16 ил.

Основная часть сборника состоит из материалов, посвященных изучению исторического наследия ойратов XVII–XVIII вв., тесно связанного с историей возникновения тибетологии и буддологии в России и Европе. Вторая часть, мемориальная, посвящена памяти В. С. Толокнова (1980–2016) и его работе по изучению тибетской диаспоры в Индии.

Tibetology in St. Petersburg. Collected papers. Issue 2. — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021. — 356 p. + 16 il.

The main part of the book consists of papers that deal with historical legacy of the Oirats from the 17th to 18th centuries which is closely connected with the initial history of Tibetology and Buddhology in Russia and Europe. The second part is dedicated to the memory of V. S. Toloknov (1980–2016) and his study of the Tibetan diaspora in India.

На первой странице обложки: использована рукопись Tib. 957, No. 1 (ИВР РАН).

ISBN 978-5-85803-572-5
DOI 10.25882/8x6h-re86

© Коллектив авторов, 2021
© Институт восточных рукописей РАН, 2021
© Петербургское Востоковедение, 2021

Содержание

Предисловие (*А. В. Зорин*) 7
Foreword (*A. V. Zorin*) 10

Часть 1. У ИСТОКОВ ТИБЕТОЛОГИИ И БУДДОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЙРАТОВ XVII–XVIII ВВ.

А. В. Зорин. Тибетские рукописи из Семи Палат в собрании ИВР РАН 14
Приложение. The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of *Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa* 28
В. П. Зайцев. Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723) 75
Приложение. Письмо аббата Ж.-П. Биньона русскому царю Петру I от 1 февраля 1723 г. 126
А. А. Сизова. О первой попытке перевода в истории тибетологии: метод братьев Фурмон 135
Приложение № 1. Перевод статьи «Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis» 156
Приложение № 2. Перевод фрагмента книги Г. З. Байера 160
Приложение № 3. Перевод фрагмента книги А. Джорджи 177
Приложение № 4. Перевод фрагмента статьи Г. Ф. Миллера «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio» 184
В. Б. Бородаев. Лист монгольского «золотого» Ганджура из Городской библиотеки Линчёпинга с русскими надписями 1720 года. 195
А. А. Туранская. Фрагменты монгольских рукописей из ойратского монастыря Аблай-хит в коллекции Национальной библиотеки Франции . 246
В. Л. Успенский, Н. С. Яхонтова. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ 267

Часть 2. ПАМЯТИ В. С. ТОЛОКНОВА (1980–2016)

Н. Л. Жуковская. Пусть это будет памятью о нем, о том, что он по воле судьбы не успел сделать сам 294
А. В. Зорин. В. С. Толокнов и его работа о тибетской диаспоре в Индии. Предисловие редактора 297
В. С. Толокнов. Автобиография 302
Список публикаций В. С. Толокнова: статьи, тезисы 303
В. С. Толокнов. Сохранение этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры в Индии 305

Об авторах 354

CONTENTS

Foreword (*A. V. Zorin*) (in Russian) 7
Foreword (*A. V. Zorin*) (in English) 10

Part 1. AT THE SOURCE OF TIBETOLOGY AND BUDDHOLOGY: THE OIRAT HISTORICAL LEGACY, 17TH AND 18TH CENTURIES

A. V. Zorin. The Tibetan manuscripts from Sem Palat preserved in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS 14
Appendix. The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of *Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa* 28
V. P. Zaytsev. Translation from the Tibetan language by the Fourmont brothers (1723) 75
Appendix. A letter of Abbe J.-P. Bignon to the Russian Tsar Peter the Great dated February 1, 1723 126
A. A. Sizova. On the First Attempt at Translating in the History of Tibetan Studies: Fourmont Brothers' Method 135
Appendix 1: Russian Translation of the article *Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis* 156
Appendix 2: Russian Translation of a fragment of G. S. Bayer's book . 160
Appendix 3: Russian Translation of A. Giorgi's book 177
Appendix 4: Russian Translation of a fragment of G. F. Müller's article *De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio* 184
V. B. Borodaev. A Folio of the Mongolian "Golden" Kanjur with the Russian Inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library 195
A. A. Turanskaya. Mongolian manuscript fragments from the Oirat monastery Ablaikit preserved in the National Library of France. 246
V. L. Uspensky, N. S. Yakhontova. Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Chieftains Kept at the Saint Petersburg University Library. 267

Part 2. IN MEMORY OF V. S. TOLOKNOV (1980–2016)

N. L. Zhukovskaya. Let it be in memory of him, of what he did not have a chance to complete himself 294
A. V. Zorin. V. S. Toloknov and his study of the Tibetan diaspora in India. The editor's foreword 297
V. S. Toloknov. An autobiography 302
The list of V. S. Toloknov's publications 303
V. S. Toloknov. Preservation of Tibetan Ethnic Identity in the Diaspora in India 305

Authors 354

Предисловие

Осенью 2021 г. исполнится триста лет с момента публикации в парижском издании «La Gazette» сведений о загадочных письменах, привезенных Петру I из Прииртышья (ныне территория Восточного Казахстана), где в 1717–1721 гг. российскими военными были обнаружены два монастыря с библиотеками оставленных ойратами (западными монголами) книг на тибетском и монгольском языках. Новость вызвала живой интерес среди европейских ученых. В 1722 г. по личному распоряжению Петра I один тибетский лист был отправлен в Париж в Королевскую Академию наук для перевода, который выполнили известные ориенталисты братья Этьен и Мишель Фурмон.

Лист, ставший знаменитым благодаря этому переводу, пусть и весьма далекому от верного, происходил из второго найденного монастыря — Аблай-хита. Между тем самые первые листы поступили из найденного первым монастыря Дархан-цорджи-хита, или Семи Палат, как его назвали русские военные. Этот факт лично я полагаю надежно установленным. Однако моя коллега по ИВР РАН Н. В. Ямпольская, занимающаяся монгольскими листами из Прииртышья, поставила его под сомнение в вышедшей в 2019 г. в Казахстане коллективной монографии, посвященной Аблай-хиту и его рукописному наследию [1]. Одно это указывает на необходимость продолжения поиска и анализа документов по данной теме. Но вне зависимости от нашего спора тема эта привлекает внимание ученых как в России, так и за рубежом, а многие вопросы по-прежнему требуют дальнейшего всестороннего рассмотрения. Наконец, сами рукописи, легшие в основу коллекционирования тибетских и монгольских книг в России и некоторых европейских странах, нуждаются в полноценном введении в научный оборот, так как они имеют большое значение для изучения тибетского и монгольского сводов буддийского канона.

Благодаря поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Национального центра научных исследований Франции в 2021 г. в Санкт-Петербурге и Париже начал реализовываться двухлет-

[1] Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019.

ний совместный проект «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе», нацеленный на решение обозначенных выше задач. Данный сборник представляет первые результаты работы российских участников проекта.

В моей статье, открывающей сборник, представлено текстологическое исследование тибетских рукописей, которые идентифицируются мной как семипалатинские. К статье прилагается первая часть иллюстрированного каталога данных материалов. В статье В. П. Зайцева подробнейшим образом анализируются источники по истории перевода тибетского листа из Аблай-хита братьями Фурмон и рецепции его научным сообществом в XVIII в. и позднее. А. А. Сизова публикует сам лист, которым занимались Фурмоны, исследует их переводческую стратегию и предлагает первый полный русский перевод фрагмента буддийского текста, содержащегося на данном листе. К статье приложены переводы на русский язык наиболее существенных научных работ XVIII в. по данному вопросу. А. А. Туранская публикует четыре монгольских листа из Аблай-хита на белой бумаге, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции, и предлагает предварительный анализ истории их появления в Париже.

Две статьи, написанные коллегами, не участвующими в проекте, имеют большое значение для нашего сборника. Темы, связанные с прииртышскими находками, давно интересуют В. П. Бородаева, ведущего специалиста по истории русского освоения Южной Сибири. В своей статье он дает исчерпывающий анализ русских надписей, обнаруженных на монгольском листе, хранящемся с первой половины XVIII в. в Линчёпинге (Швеция). Кроме того, он рассматривает последовательность обнаружения и распространения рукописей из ойратских монастырей, полемически заостряет ряд вопросов, связанных с этой темой. Должен признаться, что, хотя мы оба придерживаемся точки зрения, согласно которой семипалатинские листы поступили в Петербург ранее аблай-хитских, по некоторым другим вопросам у нас сохраняются разногласия. Но наличию этих разногласий следует только порадоваться, поскольку без споров не бывает прогресса в науке.

Статья В. Л. Успенского и Н. С. Яхонтовой вводит в научный оборот важные документы по истории калмыков начала XVIII в., хранящиеся в научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ. Это очень ценный материал для восстановления более полной картины того, что происходило с ойратами/калмыками в то время, когда в Петербург стали поступать первые рукописи на тибетском, монгольском и ойратском языках. Уже к 1710 г. в Петербурге была некая тибетская рукопись, которая впоследствии попала в Галле, где ею занимался Г. З. Байер,

ставший затем первым российским академиком-востоковедом и продолживший в Петербурге свои тибето-монгольские штудии, начатые в Германии [2].

Перечисленные работы составили первую часть сборника, которая посвящена ойратскому наследию, сыгравшему ключевую роль в становлении тибетологии и монголоведения в России.

Вторая часть сборника посвящена памяти нашего московского коллеги В. С. Толокнова (1980–2016), участника первого выпуска сборника «Тибетология в Санкт-Петербурге» (2014). Эту часть открывает слово его научного руководителя Н. Л. Жуковской, а также мое предисловие к изданию фрагментов исследования по проблеме сохранения этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры в Индии, которым занимался В. С. Толокнов. Увы, преждевременная скоропостижная кончина не позволила исследователю завершить эту работу. Тем не менее написанные им разделы имеют научное значение, и публикация их в данном сборнике, несомненно, может принести пользу российской науке.

А. В. Зорин

[2] Эта тема будет подробно освещена в статье, над которой я сейчас работаю совместно с Б. В. Меняевым и Х. Вальравенсом.

FOREWORD

The autumn of 2021 marks three hundred years since the Paris newspaper *La Gazette* published some information about certain mysterious writings that were brought to Peter the Great from the Irtysh area (currently in the territory of Eastern Kazakhstan), where Russian soldiers had found two abandoned Buddhist monasteries (Sem Palat and Ablai-kit) with libraries of books in Tibetan and Mongolian. The news sparked keen interest among European scholars. In 1722, on the personal orders of Peter the Great, one Tibetan folio was sent to the Royal Academy of Sciences in Paris, where it was translated by two eminent Orientalists, the brothers Étienne and Michel Fourmont.

The folio, which became famous thanks to this translation, albeit very far from the correct one, had been brought from the second found monastery, Ablai-kit. Meanwhile, the very first manuscripts originated from the first found monastery — Darqan čorǰi-yin keyid, or Sem Palat as the Russians called it. I believe this fact to be reliably established, although in a collective monograph on Ablai-kit and its manuscript heritage (Almaty, 2019) [1] it was questioned by my colleague N. V. Yampolskaya, senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, who studies Mongolian folios from the Irtysh area. This alone indicates the need to continue searching and analyzing documents on this topic. But regardless of our dispute, the topic attracts great interest of scholars both in Russia and abroad, and many issues still require more in-depth consideration. Finally, the manuscripts themselves, which became the basis for collecting Tibetan and Mongolian books in Russia and some European countries, need to be fully introduced since they are of great importance for the study of the Tibetan and Mongolian versions of the Buddhist canon.

Thanks to the support of the Russian Foundation for Basic Research and the French National Center for Scientific Research a two-year joint project *Exploring the origins of Tibetology: a Russian-French collaborative study of the first Tibetan manuscripts in Europe*, aimed at solving the

[1] *Baypakov K. M., Erofeeva I. V., Kazizov Ye. S., Yampolskaya N. V.* Buddiiskii monastyr' Ablay-khit [The Buddhist Monastery of Ablaikit] / Ed. by D. A. Voyakin. Almaty: TOO Arkheologicheskaia Ekspertiza, 2019.

above-mentioned tasks, was started in Saint Petersburg and Paris in 2021. This collection of papers presents some of the first results of the work of the Russian participants in the project.

In my paper the Tibetan manuscripts which I identify as those brought from Sem Palat are analyzed, the first part of an illustrated catalog of these materials being presented as an appendix. The paper by V. P. Zaytsev scrutinizes the sources on the history of the translation of the Tibetan folio from Ablaikit made by the Fourmont brothers and its reception by the academia in the 18th century and afterwards. A. A. Sizova publishes the very folio the Fourmont brothers dealt with (it is preserved in the Bibliothèque nationale de France), examines their translation strategy and offers the first complete Russian translation of the fragment of a Buddhist text the folio contains. In the appendices she presents Russian translations of some focal 18th century works on this issue. A. A. Turanskaya publishes four Mongolian folios on white paper from Ablaikit, also kept in the Bibliothèque nationale de France, and offers a preliminary analysis of the history of their appearance in Paris.

Two papers written by colleagues not involved in the project make important contribution to the collection. Topics related to the Irtysh finds have long drawn interest of V. P. Borodaev, a leading expert in the history of the Russian exploration of southern Siberia. In his paper, he makes an exhaustive analysis of Russian inscriptions written on a Mongolian folio that has been kept in Linköping, Sweden, since the first half of the 18th century. In addition, he examines the sequence of the discovery and distribution of manuscripts from the Oirat monasteries, polemically sharpens a number of issues related to this topic. I must admit that, although we both share the point of view according to which the Sem Palat manuscripts arrived in Saint Petersburg earlier than those from Ablaikit, we have disagreements on certain other issues. Since there is no progress in academic research without disputes, a possibility for discussion is gladly accepted.

The paper by V. L. Uspensky and N. S. Yakhontova introduces a series of important documents on the history of the Kalmyks at the beginning of the 18th century, kept at the M. Gorky Scientific Library of Saint Petersburg University. They are valuable for reconstructing a fuller picture of how the Oirats / Kalmyks lived at the time when the first manuscripts in Tibetan, Mongolian and Oirat started arriving in St. Petersburg: by 1710, a certain Tibetan manuscript existed in St. Petersburg. It was later brought to Halle and investigated there by G. S. Bayer [2], who later would become the first Orientalist at the Russian Academy of Sciences and continue his Tibeto-Mongolian studies in Saint Petersburg.

[2] This topic is to be covered in a paper that has been prepared by me in cooperation with B. V. Menyaev and H. Walravens.

Such are the papers included in the first part of the collection that deals with the Oirat legacy which played a key role in the formation of the basis for the consequent development of Tibetan and Buddhist studies in Russia.

The second part of the collection is dedicated to the memory of our Moscow colleague V. S. Toloknov (1980–2016), one of the authors of the first issue of the series *Tibetology in Saint Petersburg* (2014). This part starts with the foreword of his academic advisor N. L. Zhukovskaya, as well as my introduction to the publication of fragments of V. S. Toloknov's research on the problem of preserving the ethnic identity of Tibetans in the diaspora in India. The untimely sudden death did not allow him to complete this work. Nevertheless, the fragments he wrote are of importance and their publication in this collection, without doubt, can benefit the Russian academia.

Alexander V. Zorin

Часть 1

У ИСТОКОВ ТИБЕТОЛОГИИ И БУДДОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОЙРАТОВ XVII–XVIII вв.

А. В. Зорин

ТИБЕТСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ СЕМИ ПАЛАТ В СОБРАНИИ ИВР РАН *

DOI 10.25882/9d96-ck66

В статье рассмотрены фрагменты двух четырехтомных списков тибетской версии «Панчавимшатисахасрика-праджняпарамита-сутры» («Сутры Праджняпарамиты в двадцати пяти тысячах строк»), которые, судя по всему, поступили в Санкт-Петербург из ойратского монастыря, известного как Семь Палат, в конце 1710-х гг. и затем, возможно, поступали в течение 1720-х гг. Рассматривается версия, что некоторые из них мог привезти Д. Г. Мессершмидт. Найденные на Иртыше рукописи на синей бумаге с золотыми письменами привлекли внимание Петра I, их поступление положило начало собиранию тибетских рукописей в Санкт-Петербурге. Статья содержит текстологический и кодикологический анализ имеющихся фрагментов (основные сведения о них представлены в двух таблицах), а также описание повреждений, нанесенных листам буддийских книг в российской Сибири, прежде чем они поступили в Петербург. В приложении к статье содержится первая часть иллюстрированного каталога рассматриваемых материалов (представлено восемнадцать фрагментов первого списка сутры).

Ключевые слова: первые тибетские рукописи в Санкт-Петербурге, «Панчавимшатисахасрика», Семь Палат, ойратское культурное наследие, тибетская кодикология и текстология

В 2014 г. в процессе инвентаризации фонда тибетских ксилографов и рукописей ИВР РАН [1] были выделены 33 единицы хранения, которые, по моему мнению, можно идентифицировать как происходя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ в рамках научно-исследовательского проекта «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе», проект № 21-512-15001.

[1] Осуществляется с 2007 г. автором этих строк совместно с С. С. Сабруковой.

щие из ойратского прииртышского монастыря Дархан-цорджи-хита, более известного в истории науки как Семь Палат [2]. Данные единицы хранения представляют собой листы и фрагменты листов на синей бумаге с золотыми письменами. Находились они среди разрозненных материалов Тибетского фонда наряду с листами на черной или темно-коричневой бумаге, которые, как вскоре стало ясно, представляют собой фрагменты Аблай-хитского Кагьюра. Изначально я полагал, что и те и другие листы происходят из одного источника, то есть из Аблай-хита. Однако углубленное изучение истории их появления в Петербурге заставило выдвинуть предположение, что рукописи на синей бумаге происходят из Семи Палат, причем по крайней мере часть из них были доставлены в Петербург *до* аблай-хитских материалов и находились в личном собрании Петра I [3]. Перипетиям обнаружения русскими военными двух брошенных ойратских монастырей посвящен целый ряд публикаций различных авторов, в данном сборнике эта история подробно освещена в статье В. Б. Бородаева, поэтому не стану на ней останавливаться.

Сразу следует оговориться, что речь идет не просто о «золотых» рукописях на голубой бумаге, а конкретно о фрагментах двух списков одной из пространных буддийских сутр — «Панчавимшатисахасрика-праджняпарамита-сутры» («Праджняпарамиты в двадцати пяти тысячах строк»): к первому относится восемнадцать единиц хранения [4], ко второму — четырнадцать. Каждый список состоял из четырех томов, об их кодикологических отличиях друг от друга будет сказано чуть ниже. Сейчас важно подчеркнуть, что фрагменты обоих, по всей вероятности, поступили именно из Семи Палат.

По крайней мере, некоторые из этих фрагментов были доставлены Петру I не позднее 1719 г. [5] Мы не знаем, к сожалению, сколько именно их было доставлено тогда, не знаем также, были ли еще поставки таких рукописей в последующие несколько лет. Прославившийся в истории востоковедения тибетский лист, изданный в 1722 г. в Лейпциге

---

[2] Место, где некогда находился монастырь, находится в черте современного города Семея/Семипалатинска (Восточно-Казахстанская область, Республика Казахстан).

[3] Подробнее см.: [Zorin, 2015].

[4] Формально девятнадцать, но последнюю можно пока не считать: в ней объединены три мелких фрагмента из разных листов и трудно сказать, точно ли все они относились к первому списку сутры.

[5] Семь Палат были обнаружены в 1717 г., но едва ли уже в том же году листы могли попасть в Петербург — более вероятно, что это произошло в 1718 г.; крайний срок поступления — 1719 г., так как о них писал немецкий дипломат Ф. Х. Вебер (169?–1739), оставивший российскую столицу в 1719 г. [Weber, 1721: 225].

и «переведенный» по заказу Петра I парижскими учеными, происходил уже из Аблай-хита [6]: по всей видимости, он принадлежал партии из шести листов, отправленных в Петербург в августе 1721 г. губернатором Сибири князем А. М. Черкасским (1680–1742). Этот лист, как и подавляющее большинство других дошедших до нас листов Аблайхитского Кагьюра, не имеет существенных повреждений целенаправленного характера. Между тем многие фрагменты двух списков «Панчавимшатисахасрики» на синей бумаге могут выступать весьма наглядными иллюстрациями к известным словам заведующего Императорской библиотекой и Кунсткамерой Л. Л. Блюментроста (1692–1755): «Новые находки [Петр I] хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей» **(**из письма аббату Ж.-П. Биньону (1662–1743), февраль 1724 г.**)** [7].

Среди всех фрагментов первого списка «Панчавимшатисахасрики», имеющихся в собрании ИВР РАН, только два (!) листа не имеют следов намеренных повреждений. У еще четырех сохранилась целиком или почти целиком центральная часть с текстом, при этом поля полностью или частично обрезаны. Все остальные единицы хранения являются фрагментами, причем в основном они составляют не более половины от исходного листа в длину, у некоторых при этом дополнительно срезаны нижнее и верхнее поля. Боковые линии у фрагментов могут быть как ровными (явный след обреза), так и рваными. В целом видно, что текстовую часть на имеющихся у нас образцах старались не трогать, но очевидно также и то, что многие другие листы ждала иная участь: слой с текстом мог быть срезан с листа, как это видно по двум фрагментам из второго списка той же сутры, выявленным в Тибетском фонде ИВР РАН. При этом, однако, во втором списке куда больше целых листов: совершенно целые тут четыре листа, еще у одного срезан центральный слой на лицевой стороне, но оборотная сторона целая, у четырех есть утраты, но не очень большие (у двух из них эти утраты могут иметь случайный характер).

Если в распоряжении Петра I и петербургских ученых к началу 1720-х гг. имелись все фрагменты обоих списков, то они вполне могли отобрать дополнительные образцы для отправки в Париж. Тем не менее сделано это не было, чему я вижу два возможных варианта объяснения: 1) листы имелись, но их не хотели отправлять по какой-то при-

---

[6] См. статьи В. П. Зайцева и А. А. Сизовой в данном сборнике.

[7] Цитирую в пересказе Е. А. Княжецкой, см.: [Княжецкая, 1989: 22–23]. Оригинал письма, к сожалению, до сих пор не издан, поэтому не совсем ясно, насколько точно переданы слова Блюментроста.

чине (например, были разочарованы качеством перевода братьев Фурмон или просто не желали расставаться с интересными находками, тем более если они хранились в личном кабинете царя), 2) целых листов действительно не было, они появились в Петербурге позже.

Не отвергая ни в коем случае реалистичности первого варианта, я допускаю, что по крайней мере некоторые листы мог привезти из своего долгого сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидт (1685–1735). Он находился в Тобольске с 24 декабря 1719 г. до 1 марта 1721 г. — в то самое время, когда в сибирской столице активно должны были циркулировать листы из семипалатинской буддийской библиотеки. По-видимому, у нас есть прямое документальное свидетельство, что он действительно приобрел в Тобольске какие-то «калмыцкие письма» [8], правда, это могли быть одни лишь монгольские рукописи, а не тибетские.

Как известно, позднее в Красноярске Мессершмидт также получил несколько листов, вывезенных российскими разведчиками из тувинского скального святилища Чурумал-Бурханныг-Хая, и Г. Ф. Миллер (1705–1783), зафиксировавший эту историю, по-видимому, пытался показать, что листы эти были на синей бумаге. Однако один лист из этой партии был опубликован Ф. И. Страленбергом (1676–1747) в 1730 г., благодаря чему мы знаем доподлинно, что это была обычная рукопись. Это, конечно, не означает, что среди красноярских листов не было фрагментов рукописей на синей бумаге, но невозможно всерьез считать, что в тувинском святилище могли быть фрагменты списков «Панчавимшатисахасрики», о которых говорилось выше [9]. Даже если все листы, полученные в Красноярске, — а это *меньшая* часть от исходных двух десятков, от которой еще следует отнять по крайней мере один лист, подаренный Страленбергу (то есть, видимо, речь идет буквально о нескольких листах), — были на синей бумаге, общее их число никак не может коррелировать ни с одним из двух рассматриваемых списков сутры. Первый состоит из восемнадцати единиц хранения; второй — из четырнадцати в собрании ИВР РАН и еще четырех

---

[8] Из прошения на имя губернатора А. М. Черкасского от 27 мая 1720 г.: «Того ради моего всенижайшаго следованного прибежища не вотще всей губернской канцелярии воображати, аще что тому подобныя, к древности принадлежащия, вещи, якобы языческия шейтаны, великия мамантовы кости, **древния калмыцкия** и татарския **писма** и их праотческия писмена, такожде каменныя и кружечныя могилныя образы и устроения тем же, аз оныя **по обретении** списал и рисунок прислать могу» [Басаргина, 2019: 245]; фрагменты в цитате выделены мной.

[9] Подробнее об оценке Миллером состава коллекции Мессершмидта и о связанных с этим вопросах см.: [Зорин, 2021: 295–296].

(все — целые!), зафиксированных на данный момент в европейских коллекциях. Один лист хранится в Национальной библиотеке Франции [10], один — в Библиотеке Университета Глазго в составе коллекции петербургского академика Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера (1694–1738) [11], один — в Британской библиотеке [12], еще один в первой половине XIX в. находился в частной коллекции немецкого археолога Вильгельма Дорова (1790–1845), который опубликовал его полную копию (дальнейшая судьба листа неизвестна) [13]. Лист из коллекции Байера в каталоге личной библиотеки, составленной самим академиком, атрибутируется как семипалатинский [14].

Таким образом, я полагаю, мы можем достаточно уверенно утверждать, что фрагменты обоих списков происходили из библиотеки Семи Палат: имеющиеся в Петербурге фрагменты были привезены в основном еще при Петре I, но, возможно, были и более поздние поступления — прежде всего от Мессершмидта, который если приобрел их, то в Тобольске (листы, полученные им в Красноярске, даже если были на синей бумаге, содержали иные тексты — они пока не идентифицированы).

Представим теперь таблицы со сведениями о каждом из известных на данный момент листов из двух списков «Панчавимшатисахасрики»: в первом столбце указан шифр ИВР РАН или отсылка к европейскому собранию, во втором дается характеристика сохранности листов (за основу описания взяты стороны recto), в третьем — номера тома и листа (по возможности), в четвертом — точное место представленного фрагмента в сводном критическом издании тибетского буддийского

---

[10] В составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 14); фотоизображение доступно на сайте gallica.bnf.fr.

[11] В составе ед. хр. PL 61 (л. 1) [Weston, 2018: 191]; фотокопия листа (в низком разрешении) была любезно предоставлена мне Д. Уэстоном, автором каталога книг из коллекции Байера в собрании Библиотеки Университета Глазго.

[12] Sloane 2836 (см.: [Ямпольская, 2019: 219–221]); я мог ознакомиться с содержанием листа по фотокопии (в низком разрешении), которую мне любезно предоставил К. В. Алексеев.

[13] [Dorow, 1820]; о В. Дорове и его публикации см.: [Walravens].

[14] СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 71. № 2. Ед. хр. 47 («Catalogus librorum Dni Prof. Bayeri»), см. раздел без названия, следующий за 13-м, № 42 (л. 24). Указанный номер содержит шесть пунктов, интересующий нас лист идет среди них первым: «Charta oblonga coerulea, Scriptura Tangutana, aureis litteris elegantissima. Direpta ex Szem palati». Аналогичная информация содержится на бумажной обертке, в которую помещены этот и шесть монгольских прииртышских листов [Weston, 2018: 193].

канона, известном как *Dpe bsdur ma* [15]. Благодаря идентификации всех фрагментов по этому изданию оказалось возможным расположить листы в правильном порядке, хотя у многих из них отсутствует левое поле стороны recto с обозначением номера тома и листа. В частности, удалось установить, что в первом списке номера 7–11 представляют собой фрагменты пяти листов, следовавших в первом томе (ka) один за другим.

Список 1

Источник	Состояние сохранности	Том: лист	Dpe bsdur ma
Tib. 957, No. 1	Имеется небольшой центральный фрагмент справа	[Ka]: [1]	vol. 26: 3^{2}–3^{6}
Tib. 957, No. 2	Лист обрезан примерно на треть слева (линия неровная диагональная); нижнее поле и примыкающая к нему часть правого поля оторваны	[Ka]: ?	vol. 26: $[6^{21}]$–9^{4}
Tib. 957, No. 3	Все поля обрезаны, оставлена только центральная часть с текстом, но не целиком: отсутствует небольшой фрагмент слева	[Ka]: ?	vol. 26: 107^{14}–110^{4}
Tib. 957, No. 4	Имеется левая половина листа; верхнее поле и примыкающая к нему часть бокового поля оторваны	[Ka]: [5]8	vol. 26: 131^{1}–$133^{[11]}$
Tib. 957, No. 5	Отрезаны верхнее и левое поля (линия обреза ровная), оторвана часть нижнего поля слева; центральный фрагмент с текстом целый	Ka: 60	vol. 26: 135^{21}–138^{8}
Tib. 957, No. 6	Отрезаны верхнее и левое поля, а также, возможно, полоса нижнего поля (линии обреза ровные); центральная часть (с текстом) целая	Ka: 116	vol. 26: 280^{6}–282^{20}
Tib. 957, No. 7	Имеется правая половина листа (отрезана наискосок, линия обреза довольно ровная); правое поле отсут-	[Ka]: ?	vol. 26: $558^{[3]}$–560^{19}

[15] Каждая запись содержит номера тома, начальной и конечной страниц с номерами строк: квадратные строки указывают, что номера даны гипотетически — по предполагаемому началу и/или окончанию текста на листе, который дошел до нас не целиком.

	ствует почти целиком (вероятно, было оторвано намеренно), у верхнего и нижнего полей оторваны небольшие фрагменты (возможно, случайные повреждения)		
Tib. 957, No. 8	Имеется правая половина листа (отрезана наискосок, линия обреза довольно ровная); поля частично деформированы (в основном, вероятно, намеренные повреждения)	[Ka]: ?	vol. 26: 560[20]_ 563[12]
Tib. 957, No. 9	Имеется правая половина листа (отрезана наискосок, линия обреза довольно ровная); правое поле отсутствует почти целиком (вероятно, было оторвано намеренно), у верхнего и нижнего полей оторваны небольшие фрагменты (причина повреждений неясна)	[Ka]: ?	vol. 26: 563[12]–566[6]
Tib. 957, No. 10	Имеется правая половина листа (отрезана наискосок, линия обреза довольно ровная); правое поле отсутствует почти целиком (с заходом на верхнее поле), нижнее поле обрезано наполовину от имеющегося фрагмента листа по линии, где заканчивается текст	[Ka]: ?	vol. 26: 566[6]–568[21]
Tib. 957, No. 11	Имеется правая половина листа (отрезана по диагонали, линия обреза довольно ровная); правое поле отсутствует почти целиком (с небольшим заходом на часть с текстом), но внизу остался небольшой фрагмент (здесь линия отрыва довольно ровная), у верхнего поля отсутствуют фрагменты с обеих сторон (слева видно, что обрыв шел по линии текста)	[Ka]: ?	vol. 26: 569[1]–571[15]
Tib. 957, No. 12	Целый лист с небольшими (вероятно, случайными) повреждениями полей	Kha: 273	vol. 27: 457[10]–459[17]
Tib. 957, No. 13	Имеется примерно две трети листа в сложной конфигурации: отсутствует значительный фрагмент условно треугольной формы слева снизу (с заходом на центральную часть с текстом) и	[Ga]: ?	vol. 27: 550[11]–553[1]

	еще бóльший фрагмент справа в центральной и нижней части (линии отрыва в обоих случаях волнистые), правое поле почти полностью отсутствует		
Tib. 957, No. 14	Целый лист с небольшими (вероятно, случайными) повреждениями полей	Ga: 55	vol. 27: 591[16]–593[13]
Tib. 957, No. 15	Имеется сравнительно небольшой клиновидный центральный фрагмент, левая часть в основном отрезана довольно ровно, но снизу обрыв неровный, так же как и по всей поверхности справа; от нижнего поля у имеющегося фрагмента остался только «зубец», тогда как верхнее поле у него целое	[Ga]: ?	vol. 27: 825[19]_ 828[9]
Tib. 957, No. 16	Почти целая центральная часть с текстом (обрезаны рамка с маргиналиями слева и небольшая часть справа), обрамленная заметно обрезанными полями сверху и снизу, со всех сторон линии обреза ровные	[Ga]: ?	vol. 27: 861[10]–863[19]
Tib. 957, No. 17	Имеется сильно поврежденная (от воды?) правая половина листа; линия обреза немного волнистая, но относительно ровная; поля имеют утраты (фрагменты могли быть оторваны намеренно, но в данном случае нельзя исключать случайного повреждения)	[Ga]: ?	vol. 27: 892[14] _ vol. 28: 3[11]
Tib. 957, No. 18	Имеется чуть больше половины листа слева (линия обреза довольно ровная); поля у фрагмента повреждены не очень значительно, однако слева сверху отсутствует небольшой треугольный фрагмент (похоже, был отрезан), также у верхнего поля есть небольшие утраты справа, у линии обреза	A: 45	vol. 28: 340[11]_ 342[17]

Список 2

Источник	Состояние сохранности	Том: лист	Dpe bsdur ma
[Dorow, 1820]	Воспроизведена полностью центральная часть листа с текстом, о наличии	Ka: 16	vol. 26: 33[7]–35[14]

	полей сказано в тексте статьи, о дефектах не сообщается		
Tib. 958, No. 1	Имеется две трети листа справа (линия отрыва волнистая); поля у фрагмента без дефектов; текст поврежден (водой?), особенно сильно на стороне verso	[Ka]: ?	vol. 26: 194[17]_ 196[18]
Tib. 958, No. 2	Практически целый лист, отсутствует лишь краешек вверху справа; текст несколько поврежден (водой?)	Ka: 229	vol. 26: 486[3]–488[6]
Tib. 958, No. 3	Имеется примерно половина листа слева (линия обреза имеет сложную конфигурацию, но, скорее всего, это был именно обрез, сделанный острым предметом); поля у фрагмента не повреждены	Kha: 13	vol. 26: 653[15]_ 655[16]
Tib. 958, No. 4	С лицевой стороны срезана (и отсутствует) значительная часть внешнего слоя бумаги, в том числе больше половины центральной части с текстом слева и ее фрагменты справа; поля имеют не очень большие утраты (видимо, случайные); с обеих сторон на листе имеется по большому рыжему пятну	[Kha]: ?	vol. 26: 714[4]–716[19]
Tib. 958, No. 5	Лист целый	Ka (=Kha?): 73	vol. 26: 779[13]–781[12]
Tib. 958, No. 6	Не хватает небольшого фрагмента в нижнем левом углу и большого неровно оторванного фрагмента слева в верхней части; текст поврежден (водой?), особенно сильно на лицевой стороне	Kha: ?	vol. 27: 104[2]–106[3]
Париж: Tibétain 464	Лист целый	Kha: 193	vol. 27: 172[10]— 174[15]
Tib. 958, No. 7	Практически целый лист, отсутствуют лишь край внизу справа и узкий фрагмент вверху справа	Kha: 248	vol. 27: 289[14]–291[14]
Tib. 958, No. 8	Отсутствуют фрагменты нижнего поля и значительная часть правого по-	Kha: 302	vol. 27: 405[6]–407[8]

	ля (линии неровные); текст немного поврежден (водой?)		
Лондон: Sloane 2836	Лист целый	Kha: 310	vol. 27: 422^{11}–424^{16}
Глазго: PL61	Лист целый	Ga: 10	vol. 27: 441^{4}–443^{6}
Tib. 958, No. 9	Лист целый	Ga: 84	vol. 27: 594^{17}–596^{19}
Tib. 958, No. 10	Срезанный маленький фрагмент внешнего слоя бумаги из центральной части с текстом (ср. с Tib. 958, No. 4)	[Ga]: ?	vol. 27: 672^{17}–673^{7}
Tib. 958, No. 11	Слева в верхней части не хватает довольно большого фрагмента (условно треугольной формы), но линия среза почти не задела центральную часть с текстом	Ga: 253	vol. 28: 59^{18}–61^{19}
Tib. 958, No. 12	Отсутствует большой клиновидный фрагмент с расширением книзу в средней части листа (так что фрагменты слева и справа оказались оторваны друг от друга); текст немного поврежден (водой?)	Ga: 266	vol. 28: 86^{16}–88^{18}
Tib. 958, No. 13	Отсутствует сравнительно небольшая часть слева (линия обреза немного неровная), однако с заходом на центральную часть с текстом (в каждой строке отсутствует по 3–5 слогов)	[Nga]: ?	vol. 28: 454^{7}–456^{8}
Tib. 958, No. 14	Лист целый; текст слегка поврежден (водой?)	Nga: 235	vol. 28: 681^{1}–683^{5}

Рассмотрим теперь критерии, которые, собственно, позволили разделить фрагменты на две группы. При внимательном изучении представленных выше таблиц видно, что среди фрагментов двух списков нет ни одной пары, где имелись бы прямые пересечения в плане содержания. Тем не менее номера Tib. 957, No. 14 (первого списка) и Tib. 958, No. 9 (второго списка) не могут принадлежать одному списку. Им соответствуют следующие страницы в 27-м томе *Dpe bsdur ma*: 591^{16}–593^{13} и 594^{17}–596^{19}. Каждый целый семипалатинский лист содержит примерно две страницы текста в *Dpe bsdur ma*, здесь же «зазор» составляет всего одну страницу с небольшим.

О наличии двух, по крайней мере, списков говорит и то, что последний, четвертый том имеет два разных обозначения тибетскими буквами: в первом случае использована последняя буква тибетского алфавита *a* (вообще соответствующая номеру 30, но часто используемая для обозначения последнего тома в изданиях, где количество частей не очень велико), во втором случае — nga (соответствующая номеру 4).

Наконец, то, что мы имеем дело именно с двумя списками (не менее, но и не более), следует из кодикологического анализа фрагментов. Самый простой критерий — формат листов. Несмотря на все дефекты имеющихся единиц хранения, можно утверждать, что максимальный размер листов первого списка составлял ок. 75,0×26,0 см, листов второго списка — ок. 69,0×21,5 см (для сравнения: максимальный размер аблай-хитских листов составляет ок. 65,0×22,5 см). Соответственно, размер т. н. «зеркала» (т. е. черненой центральной части с текстом) в первом списке также немного больше. При внешнем осмотре может сложиться впечатление, что голубой пигмент, которым покрыты поля бумаги, в первом списке немного бледнее, чем во втором, но это требует дополнительного подтверждения, так как листы подвергались повреждениям, некоторые явно сильно пострадали от влаги (мной ранее выдвигалось предположение, что они могли быть выброшены на снег при пожаре в Кунсткамере в 1747 г. [Zorin, 2015: 158–159]) [16]. В остальном характеристики списков не имеют отличий: все строки текста написаны золотой минеральной краской; слева и справа «зеркало» отчерчено двойной вертикальной линией; на стороне recto слева имеется дополнительное поле, где указаны номера тома и листа; на уровне 4–5-й строк на каждом листе с обеих сторон той же краской нарисовано слева и справа по декоративному кружку (двойной внешний ободок, в центре точка); начало текста на каждом листе (на стороне recto) отмечено комбинацией знаков: двойное *свасти* + *ше* + пустое пространство + особый знак (имеются варианты, иногда его нет) + *ше*.

Предварительное сличение почерков, представленных на двух списках, позволяет утверждать, что они сделаны если не одним писцом, то в одном стиле. Важно подчеркнуть, что в таком же стиле (но все же, по-видимому, другими писцами) написаны и листы Аблай-хитского Кагьюра, и уникальный целый том «Аштасахасрики» («Праджняпарамиты в восьми тысячах строк») из коллекции Г. З. Байера, хранящейся в Глазго [17]. Сравнению почерков этих памятников тибет-

[16] Однако именно по причине более темного оттенка голубого цвета, которым окрашено верхнее поле у ед. хр. Tib. 178, No. 10 (речь идет о маленьком фрагменте слоя с текстом, срезанным с листа), данный фрагмент был отнесен (с известной долей условности) ко второму списку.

[17] PL62 [Weston, 2018: 194–195].

ской письменности из прииртышских ойратских монастырей я намерен посвятить отдельную статью. Но, полагаю, мы можем говорить, что и в Семи Палатах, и в Аблай-хите имелись парадные рукописи на тибетском языке, написанные в одном стиле, что, безусловно, дает пищу для новых вопросов по истории этих монастырей. Напомню предварительно, что оба были связаны с деятельностью Зая-пандиты по распространению буддизма среди монголов [18]. Соответственно, обе библиотеки могли формироваться при его активном участии [19].

Осталось коснуться только сугубо текстологического аспекта изучения имеющихся фрагментов. Проведенное мной сравнение их со сводным изданием «Dpe bsdur ma» выявило незначительное число расхождений с ксилографическими изданиями. Кроме того, среди них очень мало *значимых* случаев, основываясь на которых, можно было бы сказать, что семипалатинские списки ближе к тому или иному варианту издания; имеющиеся же случаи дают противоречивую картину: например, имеются как значимые схождения, так и значимые расхождения с изданием императора Юнлэ (и следующим ему Пекинским изданием Канси [20]), то же самое можно сказать про Дэргэское издание. На некоторых листах наблюдаются пропуски и сбои в тексте, что, конечно, должно объясняться ошибками переписчиков. Стоит отметить также, что в целом тибетский текст «Панчавимшатисахасрики», по-видимому, предоставляет не много материала для изучения различий между теми или иными изданиями канона.

Полноценное введение рассматриваемых материалов в научный оборот предполагает издание их в виде каталога с факсимильным воспроизведением. К счастью, в 2015–2016 гг. все листы прошли обработку в реставрационной лаборатории ИВР РАН (руководитель Л. И. Крякина), что сделало их пригодными не только для исследования, но и для публикации [21]. В качестве приложения к данной статье публикуется первая часть такого каталога, где представлены восемнадцать фрагментов первого списка из собрания ИВР РАН. Вторая часть, в которую войдут фрагменты второго списка, будет опубликована отдельно, так как мной пока не получены фотокопии хорошего качества ли-

---

[18] См.: [Бадмаев, 2003: 168; Tsyrempilov, 2020: 284–285].

[19] Ценные сведения о происхождении рукописей «Панчавимшатисахасрики» может принести химический анализ бумаги, который, как планируется, до конца 2021 г. будет выполнен ведущим специалистом в истории тибетской бумаги А. Хельман-Важны.

[20] Издание Ваньли, на которое последнее непосредственно опиралось, в сводном издании «Dpe bsdur ma» не учитывалось.

[21] См. подробнее о реставрации: [Helman-Ważny et al., 2015: 61–64].

стов, хранящихся в Лондоне и в Глазго [22]. Каталог публикуется с аннотациями на английском языке, чтобы сделать его более доступным коллегам за рубежом.

Список литературы

Бадмаев, 2003: Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред. А. В. Бадмаев. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2003.

Басаргина, 2019: Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / составители: Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общей редакцией Е. Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7.)

Зорин, 2021: *Зорин А. В.* О тибетских рукописях из коллекции Д. Г. Мессершмидта в собрании Института восточных рукописей РАН // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 291–305. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 19.)

Княжецкая, 1989: *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Книга 3. Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 10–35.

Ямпольская, 2019: *Ямпольская Н. В.* [Глава III.] Рукописное наследие Аблай-хита в России и Европе // К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019.

Dorow, 1820: *Dorow W.* Die assyrische Keilschrift, Wiesbaden: Ludwig Schellenberg, 1820.

Dpe bsdur ma, 2008: Bka’ ’gyur dpe bsdur ma. Vols. 26–28. Pe cin: Krung go’i bod rig pa’i dpe skrun khang, 2008.

Helman-Ważny, 2015: *Helman-Ważny A., Kriakina L, Zorin A*. The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis // Written Monuments of the Orient, 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2015. P. 61–76.

Tsyrempilov, 2020: *Tsyrempilov N.* Khoshut Ablai Taiji and his Fortifi ed Monastery on the Upper Irtysh // Acta Orientalia Hungarica. Volume 73: Issue 2. 2020. P. 269–289.

Walravens, 2015: *Walravens H*. Siberian Manuscripts and the Tibetan Jäschke Type // Zentralasiatische Studien, No. 44, 2015. S. 179–191.

[22] В качестве дополнения ко второй части каталога будет опубликована и ед. хр. Tib. 957, No. 19, состоящая из трех мелких фрагментов от разных листов: в настоящий момент она требует еще дополнительного анализа.

Weber, 1721: Das Veränderte Rußland… Frankfurth: Verlegts Nicolaus Förster, 1721.

Weston, 2018: *Weston D.* The Bayer Collection: A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. [Glasgow]: University of Glasgow, 2018. URL: https://eprints.gla.ac.uk/163266/

Zorin, 2015: *Zorin A.* The History of the First Tibetan Texts Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies = Kokusai Bukkyōgaku daigakuin daigaku kenkyū kiyō 国際仏教学大学院大学研究紀要. March, 2015. Vol. XIX. P. 184–142 (1–43).

Alexander V. Zorin

The Tibetan manuscripts from Sem Palat preserved in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS

This paper examines fragments of two four-volume sets of Tibetan manuscript copies of *Pañcaviṃśatisāhasrikā Prajñāpāramitā Sūtra* (The Prajñāpāramitā Sūtra in Twenty-Five Thousand Lines) which, apparently, were brought to St. Petersburg from the Oirat monastery known as Sem Palat at the end of the 1710s and then, possibly, during the 1720s (an assumption that some of them could be brought by D. G. Messerschmidt is considered). The manuscripts on blue paper with gold letters found on the Irtysh attracted the attention of Peter the Great, and their acquisition marked the beginning of the collection of Tibetan manuscripts in St. Petersburg. The paper contains a textological and codicological analysis of the available fragments, basic information about them is presented in two tables. The damage inflicted on the leaves of Buddhist books in Russian Siberia before they were sent to St. Petersburg is characterized *inter alia*. The appendix to the paper contains the first part of the illustrated catalog of the manuscripts under consideration (eighteen fragments of the first set of the Sūtra are presented).

Key words: the first Tibetan manuscripts in Saint Petersburg, *Pañcaviṃśatisāhasrikā*, Sem Palat, Oirat cultural legacy, Tibetan codicology and textology.

Приложение / Appendix. The Catalogue of the Tibetan Manuscripts from Sem Palat. Pt. 1: Set 1 of *Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag nyi shu lnga pa*

Each item is presented in both diplomatic transliteration and digital copy: copies of six folios are marked as *Plates* and to be found among the color plates, the others are marked as *Fig.* and provided right after the transliteration in gray scale.

The transliteration is based on T. Wylie transliteration system. The reverse *gi gu* sign is marked with a capital *I*. The dot (·) renders *tsheg* sign; + sign (e. g. *ka+rma*) is used for the cases when *tsheg* sign is absent between syllables. The *shad* sign is marked by a vertical bar (|). The combination @# renders the *yig mgo* sign. Intervals between words in the line are rendered with underscors. Abbreviated syllables are rendered with use of hyphon (e. g. yong-s). The lacunas of texts that could be reconstructed according to *Dpe bsdur ma* are represented in the angle brackets and marked with italics. The Indo-Tibetan method of marking errata and other mistakes by dots drawn above is rendered by means of quotation marks “ ”. Interlinearly added syllables are given in brackets and marked with italics. If the vowels are written to the right or to the left of the syllable they belong to the signs › and ‹ are used, respectively. The decorative circles drawn on both sides of each folio are rendered with the sign ◎.

All the texts are compared with *Dpe bsdur ma* and most of the discrepancies are listed in notes. The following sigla are used to designate block printed Kanjur editions: D — Sde dge; Y — Yongle Kanjur, L — Lithang, P — Peking (Kangxi Kanjur), N — Narthang, C — Cone, U — Urga, Zh — Zhol (Lhasa). If no sigla is used it means that the text of the manuscript diifers from all of the editions represented in Dpe bsdur ma. When two or more syllables have discrepancies with the latter these syllables are underscored.

The following discrepancies are common and not noted each time they are met in the texts:

’od gzer = ’od zer
la+stsogs = la sogs
gang ga = gang gā, ga+nggā
sha ra dwa ti = shā ra dwa ti
°’ang = ° yang
bco = bcwo
ngur mig = ngur smrig
ka’u shu ka = kau shi ka
the tsom = the tshom

Vol. [Ka], f. [1]; IOM RAS: Tib. 957, No. 1 (inv. no. 14004)

See Fig. 1—2. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 3^{2}–3^{6}

Recto: blank

Verso

[*ka*_1]	[…]shu·lnga·pa|_|glegs	[1]
	[*bam·dang·po|bam·po·gcig·pa|'di·skad·bdag·gis·thos·pa·*]dus·gcig·na	[2]
	[*bcom·ldan·'das·rgyal·po'i·khab·kyi·ri·bya·rgod·'phung*]s·po(?)·[1]la| dge·slong·lnga·[2]tsam·gyi	[3]

Notes: [1] YLPNC: 'phungs pa, Zh: phung po; [2] +stong.

Fig. 1–2 (verso: also the cover of the book): Tib. 957, No. 1: recto & verso

Vol. [Ka], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 2 (inv. no. 14005)

See Fig. 3–4. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: [6^{21}]–9^{4}

Recto

[ka_ ?]	[...]bdud·kyi·stobs·rab·tu·'joms·[1]ba·dang|_rdo·rje·blo·gros·dang|_lag·na·rin·chen·phyag·rgya·dang|_rtag·tu·lag·brkyang·dang|_snying·rje·cher·sems	[1]
	[*dang|rgyan·chen·po·dang|rnam·par·bkod·pa'i·rgyal·po·dang|ri·bo'i·zom·dang|byang*·]chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·byams·pa·dang·de·dag·la+stsogs·pa·gzhan·yang·|_byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa':chen·po[2]	[2]
	[*bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong·du·ma·dag·dang·thabs·gcig·tu·bzhugs·so||de·nas·de'i·tshe·bc*]om·ldan·'das·nyid·kyis|_gdan·seng·ge'i·khri·bshams·nas|_sku·drang·por·bsrang[·]ste|_dgongs·pa·mngon·du·bzhag·nas|_skyil·mo·bkrung[3]	[3]
	[*bcas·te·bzhugs·so||der·bzhugs·nas·ting·nge·'dzin·gang·du·ting·nge·'dzin·thams·ca*]d·'du·ba·dang|_khongs·su·chud·pa·dang|_rjes·su·'brang·ba·dang|_◎'du·bar·'gyur·ba'i·ting·nge·'dzin|_ti›ng·nge·'dzin·gyi·rgyal·po·zhes·bya·ba	[4]
	[*la·mnyam·par·bzhag·go·|de·nas·bcom·ldan·'das·dgongs·shing·yang·dag·par·mkhyen·pas*·]ting·nge·'dzin·de·las·bzhengs·te[4]|_'phrul·gyi·spyan·gyis|_sangs·rgyas·kyi·zhi›ng·'di·la·rnam·par·gzigs·so|_|de·ltar·gzigs	[5]
	[*nas·sku·thams·cad·nas·'od·rab·tu·bkye·ste|de'i·zhabs·kyi·mthil·gnyis·kyi·'khor·lo·rtsibs·st*]ong·dang·ldan·ba·gnyis[·]las·kyang[5]·'od·gzer·bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong[·]drug·cu·[6]drug·cu·byung·ngo|_|zhabs·[7]kyi·sor·mo·bcu·las_	[6]
	[*kyang·'od·zer·bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong·drug·cu·drug·cu·byung·ngo·||zhabs·kyi·long·bu·gnyis·dang|zhabs·byin*]·pa·gny‹is·dang|_zhabs·pus·mo·gnyis·dang|_zhabs·brla·gnyis·dang|_sku·lta·[8]zur·gnyis·dang|_sku·lte·ba'i·dkyil·'khor	[7]
	[*dang|sku·rtsib·logs·gnyis·dang|thugs·ka'i·skyes·bu·chen·po'i·mtshan·dpal·gyi·be'u·las·kyang·'od*·]zer·bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong·drug·cu·drug·cu·byung·ngo|_|phyag·gi·sor·mo·bcu·las·kyang·'od·gzer·bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong_	[8]

Notes: [1] YP: 'jom; [2] —; [3] YP: dkyil mo dkrung, LC: skyil mo dkrung; [4] YLPNCZh: de na; [5] —; [6] YLP: bcu; [7] + gnyis; [8] sta.

Verso

	[*drug·cu·drug·cu·byung·ngo||de·bzhin·du·phyag·lag·ngar·gnyis·dang|sku·phrag·pa·gnyis·dang|mgur·da*]ng|_tshems·mche·ba·bzhi·dang|_tshems·bzhi·bcu·dang|_spyan·gnyis·dang|snyan·gnyis·dang|_shangs·kyi·sbubs·gnyis·dang;	[1]
	[*smin·mtshams·kyi·mdzod·spu·dang|steng·gi·spyi·gtsug·dang|zhal·gyi·sgo·nas·kyang·'od·zer·bye·ba·khrag·khrig*]brgya·stong·drug·cu·drug·cu·byung·ste|_'od·gzer·bye·ba·khrag·khr‹i·brgya·stong·[9]drug·cu·po·de·dag·thams·cad·kyang·[10]stong·gsum·gyi·stong·chen	[2]
	[*po'i·'jig·rten·gyi·khams·'di·dag·thams·cad·snang·ba·chen·pos·khyab·par·byas·te|shar·phyogs·kyi·'jig·rten·gyi·kham*]s·gang·ga'‹i·klung·gi·bye·ma·snyed·snang·ba·chen·pos·khyab·par·byas·so|_|lho·dang|nub·dang|byang·dang|byang·shar·dang|_shar·lho·dang;	[3]
	[*lho·nub·dang·nub·byang·gi·phyogs·mtshams·dang·'og·dang·steng·gi·phyogs·su·phyogs·re·re·zhi*]ng·'jig·rten·gyi·khams·gang·ga'‹i·klung·gi·bye·ma·snyed·snang◎ba·chen·pos·khyab·par·byas·so|_|sems·can·gang·gis·'od·zer·de	[4]
	[*mthong·ba·dang|'od·des·gang·la·reg·par·gyur·pa·de·dag·thams·cad·kyang·|bla·na·med·pa·yang·dag·pa*]r·rdzogs·pa'i·[11]byang·chub·tu·nges·par·gyur·to|_|de·nas·yang·[12]bcom·ldan·'das·kyi·[13]ba·spu'i·sgo·thams·cad·nas·'od·gzer·rab·tu·'gyed[14]	[5]
	[*ba·mdzad·de|'od·des·kyang·stong·gsum·gyi·stong·chen·po'i·'jig·rten·gyi·khams·'di·snang·ba·chen*]·pos·khyab·par·byas·so|_|shar·phyogs·su·'jig·rten·gyi·khams·gang·ga'‹i·klung·gi·bye·ma·snyed·snang ba·chen·pos·khyab·par·byas·so	[6]
	[*lho·dang·nub·dang·byang·dang·byang·shar·dang·shar·lho·dang·lho·nub·dang·nub·byang·gi·*]phy[*o*]gs·mtshams·dang|_'og·dang|steng·gi·phyogs·su·phyogs·re·re·[15]yang·'jig·rten·gyi·khams·gang·ga'i·klung·gi·bye·ma·snyed·snang·ba·chen·pos	[7]
	[*khyab·par·byas·so||sems·can·gang·gis·'od·de·mthong·ba·dang·'od·des·gang·*]la·reg·par·gyur·pa·de·dag·thams·cad·kyang·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·nges·par·gyur·to|_|de·nas·yang·[16]bcom·ldan·'das	[8]

Notes: [9] YLPNCZh: +phrag; [10] kyis; [11] Zh: pas; [12] NZh: kyang; [13] YP: kyis; [14] dgye; [15] +yang; [16] NZh: kyang.

Fig. 3–4: Tib. 957, No. 2: recto & verso

Vol. [Ka], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 3 (inv. no. 14006)

See Plate 1. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 107^{14}–110^{4}

Recto

[*ka_?*]	[@#|_|*...lhan·cig·kun·du·rgyu·zhes·bya*]·bar·yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ngo‖tshor·ba·dang|'du·shes·dang|'du·byed·dang[1]|rnam·par·shes·pa·dang·lhan·cig·kun·tu·rgyu·zhes·bya·bar·yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ngo‖rnam·par·shes·pa·ni·'du[·]byed·[*dang*]	[1]
	[*lhan·cig·kun·du·rgyu·zhes·bya·bar·*]yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ngo|_|de·ci'i·phyir·zhe·na|de·ni·'di·ltar·chos·gang·yang·chos·gang·dang·yang·lhan·cig·kun·tu·rgyu·ba·med·de|rang·bzhin·gyis·stong·ba'i·phyir·'gro·ba·med·do‖rnam·par·'gro·ba·med·do‖'du·ba·_	[2]
	[*med·do‖rnam·par·'du·ba·med·do‖*]sha·ra·dwa·ti'i·bu·gzugs·kyi·stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·ni·gzugs·ma·yin|tshor·ba'i·stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·ni·tshor·ba·ma·yin·|'du·shes·kyi·stong·pa·nyi›d·gang·yi›n·ba·de·ni·'du·shes·ma·yin|'du·byed·kyi·stong·pa·nyi›d	[3]
	[*gang·yin·pa·de·ni·'du·byed·ma·yin*|]rnam·par·shes·pa'i·stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·ni·rnam·par·shes·pa·ma·yin[2]|'di·ltar·gzugs·kyi·stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·ni·thogs·par·byed·pa·med·do‖tshor·ba'i·stong·pa·nyi›d·gang·yin·ba·de·ni›·[3]tshor·bar·mi·byed·do	[4]
	[*'du·shes·kyi·stong·pa·nyid·gang·yin·*]ba·de·'du·shes·su·mi·byed·do|_|'du·byed·kyi◎stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·mngon·bar·'du·mi·byed·do|_|rnam·par·shes·pa'i·stong·pa·nyid·ga◎ng·yi›n·ba·de·rnam·par·shes·par·mi·byed·do‖de·ci'i·phyir·zhe·na|sha·ra·dwa·ti'i	[5]
	[*bu·gzugs·kyang·gzhan·ma·yin·*]la·stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin·|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin·la|gzugs·kyang·gzhan·ma·yin·te|gzugs·nyid·kyang·stong·pa·nyid·la|stong·pa·nyid·kyang·gzugs·so‖tshor·ba·yang·gzhan·ma·yin·la|stong·pa·nyid	[6]
	[*kyang·gzhan·ma·yin|stong·pa·nyi*]d·kyang·gzhan·[4]yi›n·la|tshor·ba·yang·gzhan·ma·yin·te|tshor·ba·nyid·kyang·stong·pa·nyi›d·la|stong·pa·nyid·kyang·tshor·ba'o|_|'du·shes·kyang·gzhan·ma·yin·la|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yi[*n·la*]	[7]
	[*'du·shes·kyang·gzhan·ma·y*]in·te|'du·shes·nyid·kyang·stong·pa·nyid·la|stong·pa·nyid·kyang·'du·shes·so|'du·byed·rnams·kyang·gzhan·ma·yin·la|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yi›n·|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin·la|'du·byed·rnams·kyang·g[*zhan*]	[8]

Notes: [1] ni; [2] +te; [3] — <u>but</u> U has it; [4] +ma.

Verso

	[*ma·yin·te|'du·byed·rnams·kyang·stong·*]pa·nyid·la|stong·pa·nyid·kyang·'du·byed·rnams·so||rnam·par·shes·pa·yang·gzhan·ma·yin·[5]la·stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin|stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin|[6]stong·pa·nyid·kyang·gzhan·ma·yin·la|rnam·par·shes·pa[·_]	[1]
	[*yang·gzhan·ma·yin·te|rnam·par*]·shes·pa·nyid·kyang·stong·pa·nyid·la|stong·pa·nyi›d·kyang·rnam·par·shes·pa'o||sha·dwa·t‹i'i›·bu·stong·pa·nyid·gang·yin·ba·de·ni·mi·skye·mi·'gag·cing|kun·nas·nyon·mongs·par·'gyur·ba·med|rnam·par·byang·ba·med·la·'grib·pa·med[·_]	[2]
	[*cing·'phel·ba·med·pa·ste|de·ni·'das·pa*]·yang·ma·yin|ma·'ongs·pa·yang·ma·yin|da·ltar·byung·ba·yang·ma·yin·no||gang·mi·skye·mI·'gag·cing·kun·nas·nyon·mongs·par·'gyur·ba·med|rnam·par·byang·ba·med·la[7]|mi·'grib·mi·'phel·te|'das·pa·yang·ma·yi›n·_	[3]
	[*ma·'ongs·pa·yang·ma·yin|_da·ltar·byung·*]ba·yang·ma·yin·ba·de·la·ni·gzugs·med·do;tshor·ba·med·do|'du·shes·med·do|'du·byed·med·do|rnam·par·shes·pa·med·do|de·la·n‹I·mig·__med·do|rna·ba·med·do|sna·med·do|lce·med·do|lus·med·do|yid·med·do|de·la·	[4]
	[*ni·gzugs·med·do||sgra·med·do||dri·med·*]do|ro·med·do|reg·[8]med·do|chos·med·do||◎de·la·ni·sa'i·khams·med·do|chu'i·khams·med·do|me'i·khams·med·do|rlung·gi·khams◎med·do|nam·mkha'i·khams·med·do|rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do;_	[5]
	[*de·la·ni·mig·gi·khams·med·do||gzu*]gs·kyi·khams·med·do|mig·gi·rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do|de·la·ni·[9]rna·ba'i·khams·med·do|sgra'i·khams·med·do|rna·ba'i·rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do|sna'i·khams·med·do|dri'i·khams·med·do|sna'‹i	[6]
	[*rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do||lce'i·kham*]s·med·do;ro'i·khams·med·do;lce'i·rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do|_|lus·kyi·khams·med·do||reg·bya'i·khams·med·do|lus·kyi·rnam·par·shes·pa'i·khams·med·do|yid·kyi·khams·med·do|chos·kyi·khams·med·do;_	[7]
	[*yid·kyi·rnam·par·shes·pa'i·khams·*]m[*e*]d·do|de·la·ni·ma·rig·pa·med·do|ma·rig·pa·'gag·pa·med·do|'du·byed·[10]do|'du·byed·'gag·pa·med·do|rnam·par·shes·pa·med·do|rnam·par·shes·pa·'gag·pa·med·do|ming·dang·gzugs·med·do|ming·dang·g[*zugs·'gag*]	[8]

Notes: [5] = ? (marked in the text but missing in the list); [6] —; [7] pa la; YP: la, U: pas; [8] +bya; [9] —; [10] +med.

See Fig. 5–6. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 131[1]–133[11]

Recto

[*la_nga*].bźag[yad]	@#|____|sangs·rgyas·bcom·ldan·'das·rnams·lung·ston·pa·mdzad·do||bdag·ni·lung·bstan·pa·rna[*ms·[1]la·nye·bar·gyur·to||bdag·gis·ni·sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·sbyang·bar·bya'o||bdag·gis·ni·sems·can·rnams·yongs·su·smin·par·bya'o||bdag·gis*]	[1]
	ni·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·bar·sangs·rgyas·te|chos·kyi·'khor·lo·bsko[*r·bar·bya'o·snyam·du·mi·sems·so||de·ci'i·phyir·zhe·na|de·ni·'di·ltar·de·chos·kyi·dbyings·la·bye·brag·tu·byed·pa·med·do||de·ni·chos·kyi·dbyings·las·chos·gang·shes·rab*]	[2]
	kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa·'am|gang·la·sangs·rgyas·bcom·ldan·'das·rnams·kyis·lung·bstan·pa[*r·bya·ba'am|gang·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·'tshang·rgya·ba·de·lta·bu'i·chos·gzhan·gang·yang·yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ngo·||de*]	[3]
	ci'i·phyir·zhe·na|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·de·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·[*pa'i·tshe|sems·can·gyi·'du·shes·mi·skye'o||bdag·dang·srog·dang·'gro·ba·dang·gso·ba·dang·skyes·bu·dang·gang·zag·dang·shed·can·dang·shed·bdag·dang·byed*]	[4]
	pa·po·dang;tshor·ba·po·dang|shes·pa·po·dang|mthong·ba·po'i·'du·shes◎mi·skye'o||de·ci'i·phyir·zhe·na|_[*de·ni·'di·ltar·sems·can·shin·tu·skye·ba·med·cing·'gag·pa·med·pa'i·phyir·te|sems·can·la·ni·skye·ba·dang·'gag·pa·med·do||gang·la·skye·ba·dang·'gag·pa*]	[5]
	med·pa·de·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa·[2]yang·ji·ltar·'gyur·te|sha·ra·dwa·ti'i·bu·de·ltar·spyod·pa[*'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni·sems·can·skye·ba·med·pas·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa·yin|sems·can·stong·pa·nyid*]	[6]
	kyis··shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa·yin|sems·can·mi·dmigs·pa·dang|sems·can·dbe[*n·[3]pa·dang|sems·can·rang·bzhin·med·pa·dang|sems·can·ngo·bo·nyid·med·pas·shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·la·spyod·pa·yin·te|sha·ra·dwa·ti'i·bu·'di·ni·byang*]	[7]
	chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·rnams·kyi·rnal·'byor·dam·pa·ste|'di·ltar·stong·pa·nyid·kyi·[*rnal·'byor·to||sha·ra·dwa·ti'i·bu·'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa'i·rnal·'byor·te|des·de·ma*]	[8]

Notes: [1] ni; [2] +te; [3] — <u>but</u> U has it; [4] +ma.

Verso

	yin·ba'i·rnal·'byor·rnams·zil·gyis·mnan·te·gnas·so|_|sha·ra·dwa·ti'i·bu·rnal·'byor·'di·la·spyod·pa'i·byang·chub[*·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni|de·bzhin·gshegs·pa'i·stobs·bcu·mngon·par·bsgrub·bo||mi·'jigs·pa·bzhi·dang|so·so·yang·dag·par·rig·pa·bzhi*]	[1]
	[*da*]ng;byams·pa·chen·po·dang|snying·rje·chen·po·dang|sangs·rgyas·kyi·chos·ma·[4]'dres·ba·bco·brgyad·mngon·bar·sgrub·[5]bo|[|*sha·ra·dwa·ti'i·bu·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·rnal·'byor·'di·la·spyod·pa·ni·ser·sna'i·sems·mi·bskyed·do||tshul·khrims·ngan·pa'i·sems*]	[2]
	dang;gnod·par·sems·pa'i·[6]sems·dang|le·lo'i·sems·dang|'khrug·pa'i·sems·dang|shes·rab·'cha[*l·pa'i·sems·mi·bskyed·do||de·skad·ces·bka'·stsal·pa·dang|sha·ra·dwa·ti'i·bus·bcom·ldan·'das·la·'di·skad·ces·gsol·to||bcom·ldan·'das·byang·chub*]	[3]
	sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·gang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa'i·_rnal·'byor·'dis·spyod·pa·de·[*gang·nas·shi·'phos·te·'dir·skyes·pa·lags|'di·nas·shi·'phos·nas·ni·gang·du·skye·bar·'gyur|bcom·ldan·'das·kyis·bka'·stsal·pa|sha·ra·dwa·ti'i·bu·*]	[4]
	byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·gang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu◎phyin·pa'i·rnal·'byor·'dis[*·rnam·par·spyod·pa·de·ni·sangs·rgyas·kyi·zhing·gzhan·nas·shi·'phos·te·'dir·skyes·pa'am|dga'·ldan·gyi·lha'i·ris·dang·mi'i·nang·nas·shi·'phos·te·'dir*]	[5]
	skyes·par·shes·par·bya'o|_|sha·ra·dwa·ti'i·bu·de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·gang·sangs[*·rgyas·kyi·zhing·gzhan·nas·shi·'phos·te·'dir·skyes·pa·de·ni|'di·ltar·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa'i·rnal·'byor·la|rnal·'byor·myur·du·'grub·pa·ste|tshe·rabs*]	[6]
	[*'d*]i[·[7]*na*]s·kyang·chos·zab·mo·'d‹i·dag·de·la·mngon·tu·'gyur·ro|_|de·nas·kyang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyi›n·pa'i·rna[*l·'byor·la·mnyam·par·gzhag·go|sangs·rgyas·kyi·zhing·gang·dang·gang·na|de·bzhin·gshegs·pa·dgra·bcom·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·sangs·rgyas·rnams*]	[7]
	[*bzhug*]s·shing·'tsho·skyong·ba·de·dang·de·dag·tu·skye·bar·'gyur·te|de·de·bzhin·gshegs·pa·dgra·bcom·ba·yang·da[*g·par·rdzogs·pa'i·sangs·rgyas·de·dag·la·yang·bsnyen·bkur·byed·par·'gyur·ro|...*]	[8]

Notes: [4] U: —; [5] bsgrub; [6] YP: dpa'i; [7] +'das.

Fig. 5–6: Tib. 957, No. 4: recto & verso

See Plate 2. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 135[21]–138[8]

Recto

ka_drug·cu·thaṃ·pa	@#|__)__|par·'jug·cing;_de·dag·thabs·mkhas·pas|bsam·gtan·dang| ting·nge·'dzin·dang|snyoms·par·'jug·pa'i·dbang·gis·mi·skye·ba· yang·yod·de|de·dag·ni·phyir·'dod·pa'i·khams·'dir·skyes·kyang· rgyal·rigs·che·zhing·mtho·ba·dang[1]|bram·ze'i·_	[1]
	rigs·che·zhing·mtho·ba·dang[2]|khyim·bdag·[3]che·zhing·mtho·ba'i· rigs·su·skye·ste|de·yang·srid·pa·la·brkam·ba'i·phyi›r·ma·yin·gyi| sems·can·yongs·su·smi›n·par·bya·ba'i·phyir·ro|_|sha·ra·dwa·ti'i· bu·'di·ltar·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·bsam· gtan	[2]
	bzhi·pa·[4]la·yang·snyoms·par·'jug|byams·pa·dang|snying·rje·dang| dga'·ba·dang|btang·snyoms·la·yang·snyoms·par·'jug|nam·mkha'· mtha'·yas·skye·mched·la·yang·snyoms·par·'jug|rnam·shes·mtha'· yas·skye·mched·dang|chung·[5]zad·med·pa'i·skye·mched	[3]
	dang;'du·shes·med·'du·shes·med·min·skye·mched·la'ang·snyoms· pa_r·'jug·cing|de·dag·thabs·mkhas·pas·bsam·gtan·dang|ting·nge· 'dzin·dang|snyoms·par·'jug·pa'i·dbang·gis·mi·skye·ba·yang·yod· de|de·dag·ni·rgyal·po·chen·po·bzhi'i·ris·kyi·lha	[4]
	rnams·dang;bskal[·][6]ba·mnyam·bar·skye'o[7]|_|sum·bcu·rtsa·gsum·d a◎ng;mtshe·ma·dang|dga'·ldan·dang|'phrul·d·ga'·dang|gzhan· 'phrul·dbang·byed·kyi·lha·rnams·dang·skal·[8]pa·m◎nyam·bar· skye·ste|_de·dag·na·gnas·shing·sems·can·rnams·yongs·su_	[5]
	smin·par·byed·do|_|sangs·rgyas·ky‹I·zhi›ng·yongs·su·dag·par· byed·do|_|sangs·rgyas·bcom·ldan·'das·rnams·kyang·mnyes·par· byed·do|_|sha·ra·dwa·ti'i›·bu·'d‹i·ltar·yang·byang·chub·sems·dpa'· sems·dpa'·chen·po·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyi›n·pa·la·spyod·pa	[6]
	dag;_thabs·mkhas·pas|bsam·gtan·bzh‹i·po·la·yang·snyoms·par· 'jug|_byams·pa·dang|snying·rje·dang|dga'·ba·dang|btang·snyoms· la·yang·snyoms·par·'jug|nam·mkha'·mtha'·yas·skye·mched·la· yang·snyoms·par·'jug|_rnam·shes·mtha'·_	[7]
	yas·skye·mched·dang|cung·zad·med·pa'i·skye·mched·dang|_'du· shes·med·'du·shes·med·min·skye·mched·la·yang·snyoms·par·'jug· pa·yod·de|_de·dag·ni·'di·nas·shi·'phos·nas·tshangs·pa'i·'jig·rte›n· du·skye'o|_|de·dag·de·na·yang·tshangs·pa·tshangs·chen·dbang	[8]

Notes: [1] ba'am; [2] ba'am; [3] +gi rigs; [4] po; [5] cung; [6] skal; [7] bya'o but YPC: skye'o; [8] YP: bskal.

Verso

	[9][*po*·]dang·ldan·ba·brgya·phrag·bcu·la·dbang·sgyur·ba·de·lta·bu'i·sems·can·gyi·nang·na·yang·mchog·dam·pa·phul·tu·bya·bar·'gyur·te|_|de·dag·de·na·'khod·cing·gang·na·de·bzhin·gshegs·pa·dgra·bcom·ba·yang·dag·par·rdzogs·pa'i_sangs·rgyas·rnams·mngon·bar·sangs	[1]
	rgyas·shing·chos·kyi·'khor·lo·bskor·[10]ba·bzhugs·pa·de·lta·bu'i·sangs·rgyas·kyi·zhing·nas|_sangs·rgyas·kyi·zhing·du·rgyu·zhing·'dong·ngo|_|de·bzhin·gshegs·pa·dgra·bcom·ba·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·sangs·rgyas·de·dag·la·yang·chos·kyi·'khor·lo·bskor·_	[2]
	ba'i·don·du·gsol·ba·gdab·pa·byed·do|_|sha·ra·dwa·ti'i·bu·'di·ltar·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·tshe·gcig·gi›s·thogs·pa·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa·dag·thabs·mkhas·pas·bsam·gtan·bzhi·pa·[11]la·[12]snyoms·par_	[3]
	'jug;_byams·pa·dang|snying·rje·dang|dga'·ba·dang·|_btang·[13]snyoms·la·yang·snyoms·par·'jug|_nam·mkha'·mtha'·[14]yas·skye·mched·la·yang·snyoms·par·'jug|_rnam··shes·mtha'·yas·skye·mched·dang|__cung·zad·med·pa'i·skye·mched·dang	[4]
	_'du·shes·med·'du·shes·med·min·skye·mched·la·yang·snyoms·pa◎r·'jug|__dran·ba·nye·bar·gzhag·pa·bzhi·dang_|_yang·dag·par·spong·ba·bzhi·dang|_rdzu·'phrul·gyi·rkang·◎pa·bzhi·dang|_dbang·po·lnga·dang|stobs·lnga·dang|byang·chub·kyi·yan_	[5]
	lag·bdun·dang|'phags·pa'‹I·lam·yan·lag·brgyad·pa·la·yang·sgom[15]|_|stong·pa·nyid·dang|mtshan·ma·med·pa·dang|smon·pa·med·pa'i·ti›ng·nge·'dzin·la·yang·snyoms·par·'jug·cing·de·dag·gi·dbang·gis·mi·skye·ba·yang·yod·de|_de·dag·sangs·__	[6]
	_rgyas·bcom·ldan·'das·mngon·du·gyur·pa·rnams·bsnyen·bkur·cing·de·dag·tu·tshangs·pa'i·spyod·pa·spyad·[16]de|_dga'·ldan·gyi·lha·dang·bskal·pa·mnyam·bar·skye·ste|__de·dag·der·tshe'i·tshul·bzhin·du·gnas·nas·dbang·po·ma·nyams·pa·dang|_dran·zhing	[7]
	shes·bzhin·du·lha·bye·ba·khrag·khrig·brgya·stong·du·mas·bskor·te·mdun·du·byas·nas|_'dir·skye·ba·bstan·te[17]|_bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·bar·sangs·rgyas·nas|_sangs·rgyas·kyi·zhing·sna·tshogs·dag·tu·chos·kyi·'khor	[8]

Notes: [9] +chen; [10] YP: skor; [11] po; [12] +yang; [13] YP: gtang; [14] YP: tha'; [15] bsgom; [16] C: spyad pa spyod; [17] D: bstan ste; U: dran ste.

Vol. Ka, f. 116; IOM RAS: Tib. 957, No. 6 (inv. no. 14009)

See Plate 3. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 280^{6}–282^{20}

Recto

ka__brgya__bcu·drug	@#|__(ʖ)__|bcom·[*l*]da[*n·'das·*]bdag·gis·dran·ba·nye·bar·gzhag·pa·rnams·kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag<s>·par·rjes·su·ma·mthong|_yang·dag·par·spong·ba·dang|rdzu·'phrul·gyi·rkang·pa·dang|dbang·po·dang|stobs·dang|byang·chub·kyi·yan·lag	[1]
	dang·'phags·pa'i·lam·yan·lag·brgyad·pa'i·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|_|bcom·ldan·'das·bdag·gis·stong·pa·nyid·dang|mtshan·ma·med·pa·dang|smon·pa·med·pa'i·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·pa_r	[2]
	rjes·su·ma·mthong|_bcom·ldan·'das·bdag·gis·bsam·gtan·bzhi·dang|tshad·med·pa·bzhi·dang|_gzugs·med·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·bzhi'I·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·|_bcom·ldan·'das·bdag·gis_	[3]
	sangs·rgyas·rjes·su·dran·ba·dang|chos·rjes·su·dran·ba·dang|dge·'dun·rjes·su·_dran·ba·dang|tshul·khrims·rjes·su·dran·ba·dang|gtong·ba·rjes·su·dran·ba·dang|lha·rjes·_su·dran·ba·dang|lus·kyi·rnam·pa·rjes·su·dran·ba·dang|skyo·ba·rjes·su·dran·ba'i·'phel	[4]
	ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|dbugs·phyi·nang·◎du·rgyu·ba·rjes·su·dran·ba·dang|'chi·ba·rjes·su·dran·ba'i·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·ya◎ng·dag·par·rjes·su·ma·mthong|bcom·ldan·'das·bdag·gis·mig·lnga·dang|mngon	[5]
	bar·shes·pa·drug·dang|de·bzhin·gshegs·pa'i·stobs·bcu·dang|mI·'jigs·pa·bzhi·dang|so·so·yang·dag·par·rig·pa·bzhi·dang|sangs·rgyas·kyi·chos·ma·'dres·pa·bco·brgyad·kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·ste|bcom·ldan	[6]
	'das·de·ltar·bdag·gis·sangs·rgyas·kyi·chos·ma·'dres·pa·rnams·kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·na|byang·chub·sems·dpa'·zhes·gang·la·ming·du·gdags·par·bgyi|_bcom·ldan·'das·ming·de·yang·gnas·pa·ma·mchis	[7]
	thug·pa·ma·mchis|byin·gyis·brlabs·pa·ma·mchis·te|de·ci'i·slad·du·zhe·na|ming·de·ma·mchis·pas|de·ltar·na·ming·de·gnas·pa·ma·mchis|thug·pa·ma·mchis|byin·gyis·brlabs·pa·ma·mchis·so|_|bcom·ldan·'das·bdag·gis·rmyi·lam·lta·bu'i·nye·bar	[8]

Verso

	len·pa'i·phung·po·lnga'i·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|[1]sgyu·ma·lta·bu·dang|sgra·brnyan·lta·bu·dang|mig·yor·lta·bu·dang|gzugs·brnyan·lta·bu·dang|smyig·[2]lta·bu·dang|chu·zla·lta·bu·dang|sprul·pa·lta·bu'i·nye·bar·len·pa'i·phung·po·lnga'i	[1]
	'phel·ba·dang|'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|bcom·ldan·'das·bdag·gis·dben·ba'i·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|[3]_zhi·ba·dang|skye·ba·ma·mchis·pa·dang|'gag·pa·ma·mchis·pa·dang|'byung·ba	[2]
	ma·mchis·pa·dang|mngon·bar·'du·bgyi·ba·ma·mchis·pa·dang|kun·nas·nyon·mongs·pa·ma·mchis·pa·dang|rnam·par·byang·ba·ma·mchis·pa'i·'phel·ba·dang|'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|bcom·ldan·'das·bdag·gis·chos·kyi·dbyings	[3]
	kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|de·b_zhin·nyid·dang|[4]yang·[5]pa'i·mtha'·dang|chos·kyi·gnas·nyid·dang|chos·skyon·med·pa'i·'phel·ba·dang·[6]_[7]'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|_bcom·ldan·'das_	[4]
	bdag·gis·dge·ba·dang·mi·dge·ba'i·chos·kyi·'phel·ba·dang|'grib·pa·ma·dmig◎s·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|'jig·rten·dang|'jig·rten·las·'das·pa'i·chos·rnam◎s·kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|'dus	[5]
	byas·dang·|'dus·ma·byas·kyi·chos·rnams·kyi·'phel·ba·dang·'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong|zag·pa·dang·bcas·pa·dang|zag·pa·ma·mchis·pa'i·'phel·ba·dang|'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·|'das·pa·dang|ma·'ongs	[6]
	pa·dang|da·ltar·byung·ba'i·chos·rnams·kyi·'phel·ba·dang|'grib·pa·ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·na[8]|_bcom·ldan·'das·bdag·gis·'das·pa·ma·mchis·pa·dang|ma·'ongs·pa·ma·mchis·pa·dang|da·ltar·byung·ba·ma·[9]mchis·pa'i·'phel·ba·dang·'grib·pa	[7]
	ma·dmigs·yang·dag·par·rjes·su·ma·mthong·ste|de·la·ci·zhes·bgyi·zhe·na|de·ni·'dus·ma·bgyis·[10]pa·[11]ni·'das·pa·ma·lags|ma·'ongs·pa·ma·lags|da·ltar·byung·ba·ma·lags·so|_|bcom·ldan·'das·bdag·gis·'dus·ma·bgyis·pa'i·[12]'phel·ba·dang·'grib·pa	[8]

Notes: [1] +bcom ldan 'das bdag gis dben pa'i 'phel ba dang 'grib pa ma dmigs| yang dag par rjes su ma mthong|; [2] +rgyu; [3] — (cf. no. 1); [4] +ma nor ba de bzhin nyid dang|_gzhan ma yin pa de bzhin nyid dang|_chos nyid dang|_chos kyi dbyings dang|_chos gnas pa nyid dang|_chos skyon med pa nyid dang|; [5] +dag; [6] —; [7] +bsam gyis mi khyab pa'i dbyings kyi 'phel ba dang|; [8] —; [9] C: —; [10] +te| 'dus ma bgyis; [11] YLPNCUZh: —; [12] kyi.

See Fig. 7–8. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 558[3]–560[19]

Recto

[ka_?]	[@#|__|*chos·lnga·po·de·dag·ni|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·gsum·pa·la·gnas·par·bya·ba·dag·go||rab·'byor·gzhan·yang·byang·chu*]b·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·bzhi·pa·la·gnas·pas|chos·bcu·po·'di·dag·yongs·su·blangs·shing·gna-s	[1]
	[*par·bya·ste|de·dag·yongs·su·btang·bar·mi·bya'o||bcu·gang·zhe·na|'di·lta·ste|dgon·pa·la·gnas·pa·dang|'dod·pa·chung·ba·dang|chog·shes·pa·dang|sbyangs·pa'i·y*]on·tan·gyi·sdom·pa·mi·gtang·[1]ba·dang|_bslab·pa·yongs·su·mi·gtang·[2]ba·dang|'dod·pa'i·yon·tan·la·smad·pa·dang|mya·ngan_	[2]
	[*las·'da'·ba·dang·ldan·pa'i·sems·bskyed·pa·dang|rdzas·thams·cad·yongs·su·btang·ba·dang|sems·zhum·pa·med·pa·dang|dngos·po·thams·cad·la·ltos·pa·med·pa·*]ste|rab·'byor·chos·bcu·po·'di·[3]dag·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·bzhi·pa·la·gnas·pas·yong-s	[3]
	[*su·gtang·bar·mi·bya·zhing|yang·dag·par·blangs·te·gnas·par·bya·ba·dag·go||rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·lnga·pa·la·gnas·pa*]s·chos·drung·[4]po·'di·dag·yongs·su·spang·bar·bya·ste|drug·gang·zhe·na|'di·ltar·khyim·pa·dang·bsten·pa·yongs·su·spang[5]	[4]
	[*bar·bya·ba·dang|dge·slong·ma·dang·bsten·pa·dang|rigs·la·ser·sna·byed·pa·dang|'du·'dzi'i·gnas·dang|gnod·sems·dang|bdag·bstod·cing·g*]zhan·smod·pa·ste|chos◎drug·po·de·dag·ni›·yongs·su·spang·bar·bya'o|_|yang·chos·brgyad·yongs·su·spang·bar·[*b*]ya	[5]
	[*ste|'di·ltar·mi·dge·ba·bcu'i·las·gyi·lam·rnams·yongs·su·spang·bar·bya'o||lhag·pa'i·nga·rgyal·dang·khengs·pa·dang|phyin·ci·log·rnams·dang|the·tsom·dang·'dod·chags·da*]ng·zhe·sdang·dang|_gti·mug·nyams·rangs·su·bzhag·[6]pa·yongs·su·spang·bar·bya'o||chos·brgyad·po·de·dag[·*ni·byang*]	[6]
	[*chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·lnga·pa·la·gnas·pas·yongs·su·spang·bar·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·drug·pa·la·*]gnas·pas·chos·drug·yongs·su·rdzogs·par·bya·ste|'di·ltar·pha·rol·tu·phy‹in·pa·drug·go||gzhan·yang·chos[_]	[7]
	[*drug·yongs·su·spang·bar·bya·ste|drug·gang·zhe·na|nyan·thos·kyi·sems·yongs·su·spang·bar·bya'o||rang·sangs·rgyas·kyi·sems·yongs·su·spang·bar·bya'o||sred·pa'i·sems·yongs·su·spang·*]bar·bya'o||slongs·[7]mo·pa·mthong·na·zhum·[8]pa·med·par·bya·ste|zhum·[9]pa'i·sems·yongs su·spang·bar·bya'o|_|	[8]

Notes: [1] DLNCU: btang, Zh: gtong; [2] btang, Zh: gtong; [3] de; [4] drug; [5] U: slang; [6] YU: rangs su gzhag, LNC: rang su gzhug, PZh: rangs su gzhug; [7] DLNCUZh: slong; [8&9] LN: zhums.

Verso

	[*dngos·po·thams·cad·yongs·su·btang·bas·yid·mi·bde·bar·mi·bya·ste|yid·mi·bde·ba·yongs·su·spang·bar·bya'o||slongs·mo·pa·mthong·na·slongs·mo·pas·'khrug·par·mi·bya·ste|'khrug·pa'i·se*]ms·yongs·su·spang·bar·bya'o||rab·'byor·chos·drug·po·de·dag·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen	[1]
	[*po·sa·drug·pa·la·gnas·pas·yongs·su·spang·bar·bya'o||rab·'byor|gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·bdun·pa·la·gnas·pas·chos·nyi·shu·mi·bya·ste|nyi·sh*]u[·]gang·zhe·na|'di·lta·ste|bdag·tu·'dzin·par·mi·bya'o||sems·can·du·'dzin·pa·dang|srog·tu·'dzin·pa·dang;ga[*ng*]	[2]
	[*zag·tu·'dzin·pa·dang|chad·par·'dzin·pa·dang|rtag·par·'dzin·pa·dang|mtshan·ma'i·'du·shes·dang|rgyur·lta·ba·dang|ming·dang·gzugs·la·mngon·par·chags·*]pa·dang|phung·po·la·mngon·par·chags·pa·dang|khams·la·mngon·par·chags·pa·dang|skye·mched·la·mngon·[*pa*]r	[3]
	[*chags·pa·dang|khams·gsum·la·mngon·par·chags·pa·dang|khams·gsum·la·mngon·par·zhen·pa·dang|khams·gsum·la·rten·pa·dang|khams·gsum·la·gnas·pa*]·dang|_sangs·rgyas·__la·brten·[10]pa'i·lta·ba·la·mngon·par·chags·pa·dang|chos·la·rten·[11]pa'i·lta·ba·la·m[*ngon·par*]	[4]
	[*chags·pa·dang|dge·'dun·la·rten·pa'i·lta·ba·la·mngon·par·chags·pa·dang|tshul·khrims·la·rten·pa'i·lta·ba·la·mngon·par·chags·pa·dang|chos·rnams·stong·ngo·zhes·zhum·par·*]'gyur·ba·dang|stong·pa·nyi› ◎d·dang·'gal·ba·ste|rab·'byor·chos·nyi·shu·po·de·dag·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems	[5]
	[*dpa'·chen·po·sa·bdun·pa·la·gnas·pas·mi·bya'o||des·chos·nyi·shu·po·'di·dag·yongs·su·rdzogs·par·bya·ste|nyi·shu·gang·zhe·na|'di·lta·ste·stong·pa·nyid·rdzogs·par·bya·ba·da*]ng|mtshan·ma·med·pa·mngon·tu·[12]bya·ba·dang|smon·pa·med·pa·shes·par·bya·ba·dang|'khor·gsum·yongs·su·dag·pa·da-ng	[6]
	[*sems·can·thams·cad·la·snying·rje·zhing·snying·brtse·ba·dang|sems·can·de·dag·la·brnyas·par·mi·bya·ba·dang|chos·thams·cad·mnyam·pa·nyid·du·lta·ba·yang·dag·pa'i·tshul·ra*]b·tu·rtogs·shing|des·rlom·sems·su·mi·bya·ba·dang|mi·skye·ba·la·bzod·pa·dang|mi·skye·ba·shes·pa·dang|chos·thams	[7]
	[*cad·tshul·gcig·tu·bstan·pa·dang|rtog·pa·yang·dag·par·bsal·ba·dang|lta·ba·rnam·par·zlog·pa·dang|nyon·mongs·pa·rnam·par·zlog·pa·dang|zhi·gnas·dang·lhag·mtho*]ng·gi·sa·dang|dul·ba'i·sems·dang|zhi·ba'i·sems·dang|thogs·pa·med·pa·dang|byams·pa'i·skabs·shes·pa·dang|_	[8]

Notes: [10] rten but NUZh: brten; [11] NZh: brten; [12] YP: par 'du.

Fig. 7–8: Tib. 957, No. 7: recto & verso

See Fig. 9—10. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 560[20]–563[12]

Recto

[*ka_ ?*]	[@#|__|*gang·du·'dod·pa'i·zhing·du·'gro·ba·ste|rab·'byor·chos·nyi·shu·po·de·dag·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·bdun·pa·la·gnas·pas·yongs·su*]·rdzogs·par·bya'o|_|rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·[1]chen·po·sa·brgyad·pa·la·gnas	[1]
	[*pas|chos·bzhi·po·'di·dag·yongs·su·rdzogs·par·bya·ste|bzhi·gang·zhe·na|'di·ltar·sems·can·thams·cad·kyi·sems·khong·du·chud·par·bya·ba·dang|mngon·par·shes·pas*·]rnam·par·rtse·ba·dang|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·[2]lta·[3]zhing|sangs·rgyas·kyi·zhing·ji·ltar·mthong·ba·de·dag·yongs·su	[2]
	[*bsgrub·pa·dang|sangs·rgyas·bsnyen·bkur·zhing|sangs·rgyas·kyi·sku·yang·dag·pa·ji·lta·ba·bzhin·du·rtag·pa·ste|rab·'byor·chos·bzhi·po·de·dag·ni·byang·chub·sem*]s·dpa'·sems·dpa'[·*chen*]·po·sa·brgyad·pa·la·gnas·pas·yongs·su·rdzogs·par·bya'o|_|rab·'byor·gzhan	[3]
	[*yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·brgyad·pa·la·gnas·pas·chos·bzhi·yongs·su·rdzogs·par·bya·ste|bzhi·gang·zhe·na|'di·lta·ste|dbang·po·rab·da*]ng·tha·ma·shes·pa·dang|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·sbyang·ba·dang|rgyu·4ma·lta·bu'i·ti›ng·nge·'dzin·la·yang·dang	[4]
	[*yang·mnyam·par·gzhag·pa·dang|sems·can·rnams·kyi·dge·ba'i·rtsa·ba·ji·lta·ji·ltar·'grub·par·'gyur·ba·de·lta·de·ltar·lus·yongs·su·bsgrub·pa'i·phyir|che*]d·du·bsams·shing[5]◎srid·pa·nye[·*bar·l*]en·pa·ste|_rab·'byor·chos·bzh‹i·po·de·dag·ni·byang·chub·sems_	[5]
	[*dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·brgyad·pa·la·gnas·pas·yongs·su·rdzogs·par·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·sa·dgu*]·pa·la·gnas·pas|chos·bc[*u*]·[*gnyis·y*]ongs·su·rdzogs·par·bya·ste|bcu·gnyis·gang·zhe·na;'di·ltar	[6]
	[*smon·lam·mtha'·yas·pa·yongs·su·bzung·ste|ji·lta·ji·ltar·smon·pa·de·lta·de·ltar·phun·sum·tshogs·par·'gyur·ba·dang|lha·dang|klu·dang|gnod·sbyin·dang|dri·za·dang|lha·ma*·]yin·dang|nam·mkha'·lding·dang|m[*i*]·'am·c[*i*]·dang|lto·'phye·chen·po'i›·skad·shes·pa·dang|yongs·su·rdzog-s	[7]
	[*pa'i·spobs·pas·nges·par·bstan·pa·shes·pa·dang|ma'i·mngal·du·'gro·ba·phun·sum·tshogs·pa·dang|rigs·phun·sum·tshogs·pa·dang|rgyud·phun·sum·tshogs·pa·dang|ru*]s·phun·sum·tshogs·pa·dang|_'khor·phun·sum·tshogs·pa·dang|tshe·phun·sum·tshogs·pa·dang|mngon·_	[8]

Notes: [1] D: —; [2] —; [3] blta but L: lta; [4] sgyu; [5] LNC: bsam shing, Zh: bsams zhing.

Verso

	[*par·’byung·ba·phun·sum·tshogs·pa·dang|byang·chub·kyi·shing·gi·rgyan·phun·sum·tshogs·pa·dang|yon·tan·thams·cad·yongs·su·rdzogs·pa·phun·sum·tshogs·pa·ste|rab·’byor·chos·bcu·g*]nyis·po·de·dag·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·sa·dgu·pa·la·gnas·pas·yongs·su·rdzog-s	[1]
	[*par·bya’o||rab·’byor·sa·bcu·pa·la·gnas·pa’i·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·ni·de·bzhin·gshegs·pa·nyid·du·brjod·do||de·skad·ces·bka’·stsal·pa·dang|tshe·da*]ng·ldan·pa·rab·’byor·gyis|bcom·ldan·’das·la·’di·skad·ces·gsol·to|_|bcom·ldan·’das·byang	[2]
	[*chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·sa·dang·po·la·gnas·pa’i·lhag·pa’i·bsam·pa·la·stsogs·pa·yongs·su·sbyang·ba·gang·lags|bcom·ldan·’das·kyis·bka*]’·stsal·pa|rab·’byor·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·	[3]
	[*dang·ldan·pa’i·sems·bskyed·pas|dge·ba’i·rtsa·ba·mang·po·yongs·su·dag·par·sdud·pa·’di·ni|byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·lhag·pa’i·bsa*]m·pa·yongs·su·__sbyang·ba’o;de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i›·sems·can·tham-s	[4]
	[*cad·la·sems·mnyam·pa·nyid·yongs·su·sbyang·ba·gang·zhe·na|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·dang·ldan·pa’i·sems·bskyed·pas|tshad·med·pa·bzhi·po·byams·pa·*]dang|snying·rje·dang·dga◎’·ba·dang; btang·snyoms·mngon·par·sgrub·[6]pa·’di·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems_	[5]
	[*dpa’·chen·po’i·sems·can·thams·cad·la·sems·mnyam·pa·nyid·yongs·su·sbyang·ba’o||de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·gtong·pa·yongs·su·sbyang·*]ba·gang·zhe·na|_sems·can·thams·cad·la·rnam·par·rtog·pa·med·par·sbyin·pa·yongs·su·gtong·pa·ste|’di·ni_	[6]
	[*byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·gtong·ba·yongs·su·sbyang·ba’o||de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·dge·ba’i·bshes·gnyen·bsten·pa·yongs·su·*]sbyang·ba·gang·zhe·na|_’di·lta·ste|gang·de·la·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·ny‹id·du·yang·dag·par·skul·[7]pa·dang|gzhan[8]	[7]
	[*pa·dang|rab·tu·gzhog·par·byed·pa·de·dag·ni|byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·dge·ba’i·bshes·gnyen·te|dge·ba’i·bshes·gnyen·de·dag·la·bsten·*]pa·dang|rim·’gror·bya·ba·dang|bkur·bstir·bya·ba·dang|sti·[9]stang·du·bya·ba·ste|’di·ni›·byang·chub·sems·dpa’·sems	[8]

Notes: [6] bsgrub; [7] bskul; [8] gzhog; [9] bsti.

Fig. 9–10: Tib. 957, No. 8: recto & verso

Vol. [Ka], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 9 (inv. no. 14012)

See Fig. 11–12. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 563[12]–566[6]

Recto

[*ka_?*]	[@#|__|*dpa'·chen·po'i·dge·ba'i·bshes·gnyen·bsten·pa·yongs·su·sbyang·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·chos·btsal·ba·yongs*]·su·sbyang·ba·gang·zhe·na|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·dang·ldan·pa'i·sems·bskyed·pas|chos·tshol·[1] zhing·nyan·thos·kyi	[1]
	[*sa·dang|rang·sangs·rgyas·kyi·sar·mi·ltung·ba·'di·ni|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·chos·btsal·ba·yongs·su·sbyang·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·*]sems·dpa'·chen·po'i·yang·dang·yang·'byung·ba·[2]gang·zhe·na|tshe·rabs·[3]thams·cad·du·'du·'dzi·med·par·'byung·zhing·|de·bzhin	[2]
	[*gshegs·pa'i·bstan·pa·la·rab·tu·'byung·yang·|de·la·bar·chad·byed·pa·gang·yang·med·pa·'di·ni|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·yang·dang·yang·'byung·ba·yongs*]·su·sbyang·ba'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·sangs·rgyas·kyi·sku·la·mos·pa·yongs·su·sbyang	[3]
	[*ba·gang·zhe·na|sangs·rgyas·kyi·sku·mthong·nas|nam·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·thob·par·ma·gyur·gyi·bar·du|sangs·rgyas·yid·la·bya·ba·dang·nam·yang·'bral·bar·mi·'*]gyur·ba·ste|_'di·ni·byang·_chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·sangs·rgyas·kyi·sku·la·mos·pa·yongs·su	[4]
	[*sbyang·ba'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·chos·rnam·par·dbye·ba·yongs·su·sbyang·ba·gang·zhe·na|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·de·de·b*]zhi›n·gshegs·pa·m◎ngon·du·gyur·pa·yongs·su·mya·ngan·las·'das·pa'i·tshe|sems·can·rnams·[4]chos·ston	[5]
	[*cing|thog·mar·yang·dge·bar·du·yang·dge·tha·mar·yang·dge·yi·ge·bzang·po|don·bzang·po|ma·'dres·pa|yongs·su·rdzogs·pa|yongs·su·dag·pa|yongs·su·byang·ba|tshang*]s·pa'i·spyod·pa·'di·lta·ste|mdo·dang·dbyangs·kyis·bsnyad·pa·dang|lung·bstan·pa·dang|tshigs·su·gcad·[5]pa·dang[_]	[6]
	[*ched·du·brjod·pa·dang|gleng·gzhi·dang|'di·ltar·'das·pa·dang·|skyes·pa'i·rabs·dang|shin·tu·rgyas·pa·dang|rmad·du·byung·ba·dang|rtogs·pa·brjod·pa·dang|gtan·la·phab·par·bstan*]·pa·dag·yang·dag·par·ston·pa·ste|_'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·chos·rnam	[7]
	[*par·dbye·ba·yongs·su·sbyang·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·nga·rgyal·dang·|khengs·pa·bsal·ba·yongs·su·sbyang·ba·gang·zhe·na|nga·rgyal·dang·kheng*]s·pa·ji·ltar·bsal·ba·des·nam·yang·rigs·dma'·bar·mi·skye·ba·'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sem-s	[8]

Notes: [1] NZh: 'tshol; [2] +yongs su sbyang ba; [3] C: rab; [4] +la; [5] bcad.

Verso

	[*dpa’·chen·po’i·nga·rgyal·dang·khengs·pa·bsal·ba·yongs·su·sbyang·ba’o||_||shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·stong·phrag·nyi·shu·lnga·pa|bam·po·bcwo·brgyad·*]pa|_____|de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·[6]bden·pa’i·tshig·yongs·	[1]
	[*su·sbyang·ba·gang·zhe·na|’di·lta·ste|ji·skad·du·smras·pa·de·ltar·byed·pa·ste|’di·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·bden·pa’i·tshig·yongs·su·sbyang·ba’o||rab·’byor·de·*]dag·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·sa·dang·po·la·gnas·pa’i·yongs·su·sbyang·ba	[2]
	[*bcu’o||rab·’byor·de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i|tshul·khrims·yongs·su·dag·pa·gang·zhe·na|’di·lta·ste|nyan·thos·dang|rang·*]sangs·rgyas·kyi·sems·yid·la·mi·byed·cing|_de·ma·yin·pa·[7]tshul·khrims·ngan·par·byed·pa·dang|byang·chub	[3]
	[*kyi·gegs·su·’gyur·ba’i·chos·gzhan·dag·kyang·yid·la·mi·byed·pa·ste|’di·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·tshul·khrims·yongs·su·dag·pa’o||de·la*]·byang·chub·sems·_dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·byas·pa·shes·shing·drin·du·gzo·ba+gang+zhe·na|byang·chub_	[4]
	[*sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·byang·chub·sems·dpa’i·spyad·pa·spyod·pa’i·tshe|phan·pa·chung·ngu·zhig·byas·kyang·’khor·ba·zad·kyi·bar·du·chud·mi·gzon·na·mang·po·lta·ci·*]smos·te|_’di·ni·byang·chu◎b·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·byas·pa·shes·shing·drin·du·gzo·[8]ba’o;_	[5]
	[*de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·bzod·pa’i·mthu·la·gnas·pa·gang·zhe·na|sems·can·thams·cad·la·gnod·sems·med·cing|’tshe·ba·med·pa’i·sems*]·te|_’di·ni·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i·bzod·pa’i·mthu·la·gnas·pa’o||de·la·byang·chub·sems·dpa-’	[6]
	[*sems·dpa’·chen·po’i·rab·tu·dga’·zhing·spro·ba·myong·bar·bya·ba·gang·zhe·na|’di·lta·ste|sems·can·thams·cad·theg·pa·gsum·la·yongs·su·smin·par·byed·pa·ste|’di·ni·byang·ch*]ub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po’i›·rab·tu·dga’·zhing·spro·ba·myong·bar·bya’o[9]||de·la·byang·chub·sems dpa’·	[7]
	[*sems·dpa’·chen·po’i·sems·can·thams·cad·yongs·su·mi·gtong·ba·gang·zhe·na|’di·ltar·sems·can·thams·cad·yongs·su·skyob·pa·ste|’di·ni·byang·chub·sems·d*]pa’·sems·dpa’·chen·po’i·sems·can·thams·cad·yongs·su·mi·gtang·[10]pa’o||de·la·byang·chub·sems·dpa’·[11]sem-s	[8]

Notes: [6] YP: po; [7] DU: pa’i; [8] U: zo; [9] YPUZh: bya ba’o; [10] DU: gtong; [11] Zh: +dpa’.

Fig. 11–12: Tib. 957, No. 9: recto & verso

Fig. 13–14. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: 566[6]–568[21]

Recto

[*ka_'i*]	[@#|__|*dpa'·chen·po'i·snying·rje·chen·po·mngon·du·bya·ba·gang·zhe·na|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·byang·chub·sems·dpa'i·spyad·pa·spyod·pa'i·tshe|'di·*]snyam·du·sems·shing·bdag·gis·sems·can·re·re'i·don·du·yang·bskal·pa·gang·ga'i·klung·[1]du·sems·can·dmyal·bar·g[*nas*]	[1]
	[*par·bya·ste|sems·can·thams·cad·sangs·rgyas·kyi·ye·shes·la·ma·bkod·kyi·bar·du·de·dag·du·gtub·cing·gshegs·pa·dang·|brdung·zhing·btso·ba·dang|bsreg·pa·la·sog*]s·pa·nyams·su·myong·bar·bya'o·snyam·nas|de·bzhin·du·sems·can·thams·cad·kyi·don·du·spro·zhi›ng·skyo·ba·med·pa·ste|_|	[2]
	[*'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·snying·rje·chen·po·mngon·du·bya·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·bla·ma·bsnyen·bkur·zhing·da*]d·pas·gus·par·bya·ba·gang·zhe·na|'di·ltar·bla·ma·rnams·la·ston·pa'i·'du·shes·su·byed·pa·ste|'di·ni·byang·ch[*u*]b_	[3]
	[*sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·bla·ma·la·bsnyen·bkur·zhing·dad·pas·gus·par·bya·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·pha·rol·du·phyin·pa·rnams·*]la·brtson·zhing·tshol·[2]ba·gang·zhe·na|_[3] las·gzhan·med·par·sems·can·thams·cad·yongs·su·smin·par·[*b*]ya[·*ba'i*]	[4]
	[*phyir|las·gzhan·med·par·pha·rol·du·phyin·pa·rnams·yongs·su·tshol·ba·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·pha·rol·du·phyin·pa·rnams·la*]·brtson·zhing·'tshol·[4]ba'o|_|de·la·◎byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i›·[5]mang·du·thos·pas·mi[·*ngoms*]	[5]
	[*pa·gang·zhe·na|'di·lta·ste|sangs·rgyas·bcom·ldan·'das·rnams·kyis·'jig·rten·gyi·khams·'di'am|phyogs·bcu·kun·gyi·'jig·rten·gyi·khams·su·gang·ci·bstan·pa·de·dag·*]thams·cad·yongs·su·gzung·[6]bar·bya'o·zhes·mi·ngoms·pa·ste|_'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'	[6]
	[*chen·po'i·mang·du·thos·pas·mi·ngoms·pa'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·zang·zing·med·par·chos·kyi·sbyin·pa·rnam·par·'byed·pa·gang·zhe·na|byang·chub·se*]ms·dpa'·sems·dpa'·chen·po·chos·ston·pa'i·tshe|chos·kyi·sbyin·pa·des·chung·ngu·na·byang·chub·du·re·ba·yang·[7]med	[7]
	[*pa·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·zang·zing·med·par·chos·kyi·sbyin·pa·rnam·par·'byed·pa'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·*]po'i·sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·bya·ba'‹i·dge·ba'i·rtsa·ba·skyed·[8]cing·yongs·su·bsngo·ba·gang·zhe·na|d[*g*]e	[8]

Notes: [1] +gi dbye ma snyed; [2] NZh: 'tshol; [3] +'di lta ste|; [4] NZh: 'tshol; [5] YP: po; [6] N: bzung; [7] yang re ba; [8] bskyed but LPCU: skyed.

Verso

	[*ba'i·rtsa·ba·gang·dang·gang·gis|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·byed·cing|bdag·dang·gzhan·gyi·sems·kyi·zhing·yongs·su·spyod·pa'i·tshe|dge·ba'i·rtsa·ba·de·dag·yongs·su·bsngo·ba·ste|*]_'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·bya·ba'i	[1]
	[*dge·ba'i·rtsa·ba·bskyed·cing·yongs·su·bsngo·ba'o||de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dpag·tu·med·pa'i·'khor·bas·yongs·su·skyo·ba·med·pa·gang·zhe·na|dge·ba'i·rtsa·ba·gang·gis·nye·*]bar·brten·[9]na|sems·can·yongs·su·smin·par·'gyur·ba·dang|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par_	[2]
	[*'gyur·ba·de·lta·bu'i·dge·ba'i·rtsa·ba·nye·bar·rton·cing|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·yongs·su·ma·rdzogs·kyi·bar·du|nam·yang·skyo·bar·mi·'gyur·ba·'di·ni|byang·chub·sems·dpa'·*]s[*e*]ms·dpa'·chen·po'i·dpag·tu·med·pa'i›·'khor·bas·yongs·su·skyo·ba·med·pa'o||de·la·byang·chub·se[*ms*]	[3]
	[*dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·ngo·tsha·shes·shing·khrel·yod·pa·la·gnas·pa·gang·zhe·na|'di·lta·ste|nyan·thos·dang|rang·sangs·rgyas·kyi·sems·la·smod·pa·ste|'di·ni·*]byang·chub·sems·dpa'·sem__s·dpa'·chen·po'i·ngo·tsha··shes·shing·[10]khrel·yod·pa·la·gnas·so||de·la[_]	[4]
	[*byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dgon·pa·la·gnas·pa·yongs·su·mi·gtong·ba·gang·zhe·na|nyan·thos·dang|rang·sangs·rgyas·kyi·sa·las·'da'·ba·ste|'di·ni·byang·*]chub·sems·dpa'·sems·dpa◎'·chen·po'i·dgon·pa·la·gnas·pa·yongs·su·mi·gtang·ba'o|_|de·la·[*byang*]	[5]
	[*chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'dod·pa·chung·ba·gang·zhe·na|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·byang·chub·la·yang·'dod·pa·mi·skyed·pa·ste|'di·ni·byang·ch*]ub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'dod·pa·chung·ba'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'[·*chen*]	[6]
	[*po'i·chog·shes·pa·gang·zhe·na|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·thob·kyang·rlom·sems·su·mi·byed·pa·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·cho*]g·shes·pa'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i›·sbyangs·pa'i·yon·tan·gyi·sdom·pa·mi·gtang[·*ba*]	[7]
	[*gang·zhe·na|'di·ltar·chos·zab·mo·rnams·la·rtogs·par·gzhog·pa'i·bzod·pa·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·sbyangs·pa'i·yon·tan·gyi·sdom*]·pa·mi·gtang·ba'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·bslab·pa·yongs·su·mi·gtang·[12]ba·[*gang*]	[8]

Notes: [9] YPNZh: bstan; [10] U: bzhin; [11] pa'o; [12] DU: gtong.

Fig. 13–14: Tib. 957, No. 10: recto & verso

Vol. [Ka], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 11 (inv. no. 14014)

See Fig. 15–16. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 26: [568[21]]–571[15]

Recto

[*ka_?*]	[@#|__|*zhe·na*|*bslab·pa·thams·cad·rgyu·ba·med·pa·ste*|*'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·bslab·pa·yongs·su·mi·gtang·ba'o*||*de·la·byang*]·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'dod·pa'i·yon·tan·la·smad·pa·gang·zhe·na|'dod·pa'i·sems[·*mi*]	[1]
	[*skyed·pa·ste*|*'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'dod·pa'i·yon·tan·la·smad·pa'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·mya·ngan·las·'da'*]·ba·dang·ldan·pa'i·sems·bskyed·pa·gang·zhe·na|'di·ltar·chos·thams·cad·mngon·par·'du·byed·pa·med·pa·ste|[*'di*]	[2]
	[*ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·mya·ngan·las·'da'·ba·dang·ldan·pa'i·sems·bskyed·pa'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·rdzas*]·thams·cad·yongs·su·gtang·ba·gang·zhe·na|phyi·nang·gi·chos·thams·cad·la·'dzin·pa·med·pa·ste|'di·ni·byang·chu[*b*]	[3]
	[*sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·rdzas·thams·cad·yongs·su·gtang·ba'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·sems·zhum·pa·med·pa·gang·zhe·na*|]_rnam·par·shes·pa·la·[1]gnas·pa·la·de'i·sems·mi·gnas·pa·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·[*dpa'*]	[4]
	[*chen·po'i·sems·zhum·pa·med·pa'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dngos·po·thams·cad·la·ltos·pa·med·pa·gang·zhe·na*|*dngos·po·thams*]·cad·yid·la·mi·byed·pa·ste|◎'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dngos·po·tham[*s·cad*]	[5]
	[*la·ltos·pa·med·pa'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·khyim·pa·dang·bsten·pa·yongs·su·spang·bar·bya·ba·gang·zhe·na*|*'di·lta·ste*|*sangs·rgyas·kyi·zhing·na*]s·sangs·rgyas·kyi·zhing·[2]'gro·zhing·rdzus·[3]te·skye·ba·dang|'go·bregs·shing·ngur·mig·gi·gos·bgo·ba·ste|'di[·*ni*]	[6]
	[*byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·khyim·pa·dang·bsten·pa·yongs·su·spang·bar·bya·ba'o*||*de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dge·slong·ma·dang·bste*]n·pa·yongs·su·spang·ba·gang·zhe·na|_dge·slong·ma·dang·se·gol·gtogs·pa·tsam·du·yang·lhan·[4]mi·gnas·shi[*ng*|_]	[7]
	[*de'i·rgyus·yongs·su·skom·pa'i·sems·mi·skyed·de*|*de'i·rgyus·gos·'thob·par·mi·byed·pa·'di·ni*|*byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·dge·slong·ma·dang·bsten·pa·yongs·su*]·spang·bar·bya'o|__|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·rigs·la·ser·sna·byed·pa·[*yongs*]	[8]

Notes: [1] —; [2] +du; [3] NZh: brdzus; [4] +cig.

Verso

	[*su·spang·ba·gang·zhe·na|rab·'byor·'di·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'di·ltar·sems·bskyed·par·bya·ste|gang·bdag·gis·sems·can·thams·cad·la·b*]*d*[*e*]·ba'i·rnam·pa·sgrub·[5]par·bya·ba·de·dag·sems·can·'di·dag·rang·rang·[6]gi·bsod·nams·kyi·[7]bde·bar·gyu[*r·na|*]	[1]
	[*de·la·bdag·gis·ser·sna'i·sems·bskyed·par·mi·bya'o·zhes·bya·ba·'di·ni|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·rigs·la·ser·sna·byed·pa·yongs·su·spang·bar·bya'o||de·*]la·ji·ltar·na·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·[8]'du·'dzi'i·gnas·yongs·su·spang·bar[*·bya*]	[2]
	[*ba·yin·zhe·na|byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'du·'dzi'i·gnas·gang·du·gnas·pas|nyan·thos·sam|rang·sangs·rgyas·yod·pa'am|de·dang·ldan·pa'i·gta*]m·'byung·bar·'gyur·ba·'am|de·dang·ldan·pa'i·sems·bskyed·par·[9]skye·bar·'gyur·ba·'di·[10]lta·bu'i·[11]byang·chu[*b*]	[3]
	[*sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·gnas·par·mi·bya·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·'du·'dzi'i·gnas·yongs·su·spang·ba'o||de·la*]·ji·ltar·na·byang·chub·sems·_dpa'·sems·dpa'·chen·pos·[12]gnod·sems·yongs·su·spang·par·bya·ba·gang[13]+yin·[*zh*]*e*[*·na|*]	[4]
	[*gnod·sems·dang|'tshe·ba'i·sems·kyi·skabs·mi·'byed·cing|thab·mo'i·sems·sam|rtsod·pa'i·sems·kyi·go·mi·'byed·pa·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sem*]s·dpa'·chen·po'i·gnod·◎sems·yongs·su·spang·par·bya'o[14]|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa[*'·chen*]	[5]
	[*po'i·bdag·bstod·pa·yongs·su·spang·ba·gang·zhe·na|nang·gi·chos·rnams·yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ba·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·bdag*]·stod·[15]pa·yongs·su·spang·pa'o|_|de·la·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·gzhan·smod·pa·yongs·su·[*spong*]	[6]
	[*ba·gang·zhe·na|'di·lta·ste|phyi·rol·gyi·chos·rnams·yang·dag·par·rjes·su·mi·mthong·ba·ste|'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·gzhan·smod·pa·yongs·su·*]spang·pa'o|_|de·la·ji·ltar·na·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po'i·[16]mi·dge·ba'i·[17]bcu'i·las·kyi·la[*m·yongs*]	[7]
	[*su·spang·bar·bya·ba·yin·zhe·na|de·dag·ni·'di·ltar·bde·'gro·la·yang·bar·du·gcod·na|'phags·pa'i·lam·la·lta·ci·smos·te|bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·ch*]ub·lta·la·[18]smos·kyang·mi·[19]dgos·kyis·[20]spang·par·bya'o·zhes·spong·[21]pa+ste|_'di·ni·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa[*'·chen·po'i*]	[8]

Notes: [5] bsgrub but Zh: sgrub; [6] U: dang; [7] kyis; [8] U: po'i; [9] pa; [10] de; [11] bur; [12] U: po'i; [13] —; [14] ba'o; [15] bstod; [16] pos but U: po'i; [17] ba; [18] la lta; [19] ci; [20] Zh: kyi; [21] NZh: sbyong.

Fig. 15–16: Tib. 957, No. 11: recto & verso

Vol. Kha, f. 273; IOM RAS: Tib. 957, No. 12 (inv. no. 14015)

See Plate 4. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 457[10]–459[17]

Recto

kha_nyis·brgya·don·gsum	@#|___;___|sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·[1]shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa’i·tshe|__gal·te·gzugs·la·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|_|gal·te·tshor·ba·dang|__’du·shes·dang|_’du·byed·dang|_rnam__	[1]
	par·shes·pa·la·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·skye·mched·dang|__khams·dang|__rten·cing·’brel·bar·’byung·ba·la·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·pha·rol·tu·phyin·pa·tham-s__	[2]
	cad·dang|_stong·pa·nyid·thams·cad·dang|__byang·chub·kyi·phyogs·kyi·chos·sum·bcu·rtsa·bdun·dang|__’phags·pa’i·bden·pa·dang|___bsam·gtan·dang|___tshad·med·pa·dang|__gzugs·med·pa’i·snyoms·par·’jug·pa·la·mi·spyod·na|_____	[3]
	shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·◎rnam·par·thar·pa·brgyad·dang|_mthar·kyis·gnas·pa’i·snyoms·par·’jug·pa·dgu·dang|__◎stong·pa·nyid·dang|__mtshan·ma·med·pa·dang|__smon·pa·med·pa·dang|__mngon·___	[4]
	bar·shes·pa·rnams·la·mi·spyod·na·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·ting·nge·’dzin·dang|__gzungs·kyi·sgo·rnams·la·mi·spyod·na|_shes·ra__b·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·de·bzhin·gshegs·pa’i·____	[5]
	stobs·[2]dang|__mi·’jig·pa·dang|__so·so·yang·dag·par·rig·pa·dang|__sangs·rgyas·kyi·chos·ma·’dres·pa·bco·brgyad·la·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·ro[*l*·]tu·phyin·pa·la·spyod·do||_____	[6]
	gal·te·thams·cad·shes·pa·nyid·dang|__lam·gyi·rnam·pa·shes·pa·nyid·dang|__rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·la·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|_|gal·te·gzugs·rtag·ces·bya·ba·’am|___mi·rtag·ces__	[7]
	bya·bar·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·tshor·ba·dang|_’du·shes·dang|__’du·byed·dang|__rnam·par·shes·pa·rtag·ces·bya·ba·’am|__mi·rtag·ces·bya·bar·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol___	[8]

Notes: [1] Y: —; [2] +bcu.

Verso

	_tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·kyi·bar·du·rtag·ces·bya·ba·’am|___mi·rtag·ces·bya·bar·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·mi·[3]spyod·do|__|gal·te·gzugs·bde·zhes·bya·ba·’aṃ_	[1]
	_sdug·bsngal·zhes·bya·bar·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·tshor·ba·dang|__’du·shes·dang|__’du·byed·dang|__rnam·par·shes·pa·bde·zhes·bya·ba’am|__sdug·bsngal·zhes·bya·bar_	[2]
	_mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·kyi·bar·du·bde·zhes·bya·ba·’am|__sdug·bsngal·zhes·bya·bar·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do||	[3]
	_gal·te·gzugs·bdag·ces·bya·ba·’am|__bdag·med·ces·bya·bar·mi·spyod·na|___shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·tshor·ba·dang|__’du·shes·dang|_’du·byed·dang|_rnam·par·shes·pa·bdag·ces_	[4]
	_bya·ba·’am[4]|__bdag·med·ces·bya·bar·mi·spyod·na|_◎_shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·◎nyid·kyi·bar·du·bdag·ces·bya·ba·’am|__bdag·med·ces·bya·bar·_	[5]
	_mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·gzugs·sdug·ces·bya·ba·’am|_mi·sdug·ces·bya·bar·mi·spyod·na|_shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|_|gal·te·tshor·ba·dang|_’du·shes·__	[6]
	_dang;’du·byed·dang|_rnam·par·shes·pa·sdug·ces·bya·ba·’am|__mi·sdug·ces·bya·bar·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|gal·te·rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·kyi·bar·du·sdug·ces·bya·ba·’am;_	[7]
	__mi·sdug·ces·bya·bar·mi·spyod·na|__shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·do|__|de·ci’I·phyir·zhe·na|__gang·rtag·pa·’am|_mi·rtag·pa·’am|___bde·ba·’am|__sdug·bsngal·ba·’am|__bdag·gam|__bdag·_	[8]

Notes: [3] —; [4] YP: dang.

See Fig. 17–18. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 550[11]–553[1]

Recto

ga[_?]	@#|__|med·pa·dang;smon·pa·med·pa·dang|mngon·par·shes·pa·rnams·bsam·gyis·mi·khyab·bo|_|ting·nge·'dzin·rnams·dang|_gzungs·[1]kyi·sgo·rnams·bsam·gyis·mi·khyab·bo|_|de·bzhin·gshegs·pa'i·[*stobs·bcu·dang·|mi·'jigs·pa·bzhi·dang·|so·so*]	[1]
	yang·dag·par·rig·ba·bzhi·dang|sangs·rgyas·kyi·chos·ma·'dres·pa·bcwo·brgyad·bsam·gyis·mi·khyab·bo|_|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyi›d·kyi·bar·du·bsam·gyis·mi·khyab·bo|_|rab·'byor·de·[2]ltar·na·[3]byang·chub[·*sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·pha·rol·du·phyin*]	[2]
	pa·drug·la·spyad·pa·dang|dge·ba'i·rtsa·ba·bskyed·pa·dang|sangs·rgyas·mang·po·bsnyen·bkur·ba·dang|dge·ba'i·bshes·gnyen·gyis·yongs·su·bzung·ba·yin·no|_|rab·'byor·gyis·gsol·pa|bcom·ldan·'das·shes·ra[*b·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·ni·zab·bo||bcom·ldan·'das*]	[3]
	[*kyis·bk*]a'·stsal·pa|rab·'byor·gzugs·zab·pa'i·phyir·shes·rab·kyi·pha·__rol·tu·phyin·pa·zab·po|_|tshor·ba·dang|'du·shes·dang·|'du·byed·dang|rnam·par·shes·pa·[*_zab·pa'*]i·[*phy*]i[*r*]·shes·rab·kyi·pha·rol·[*du·phy*]i[*n·pa·zab·bo||skye·mched·dang·|khams·dang·rten·cing*]	[4]
	[*'brel·par·'byung·ba·zab·pa'*]i[·*phy*]ir·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·bo|_|pha·◎rol·tu·phyin·pa·thams·cad·dang|__stong·pa·nyi›d·thams·cad·dang|_byang·chub·kyi·[*phyogs·kyi·chos·sum·cu·rtsa·bdun·zab·pa'i·phyir|shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·zab·bo||*]	[5]
	[*'phags·pa'i·bden·pa·dang·|b*]sam·gtan·dang·|tshad·med·pa·dang·|_gzugs·med·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dang|rnam·par·thar·pa·brgyad·[*dang·|mthar·gyis·gnas·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dgu·dang·|stong·pa·nyid·dang·|mtshan·ma·med·pa·dang·|smon·pa·med*]	[6]
	[*pa·dang·|mngon·par·shes*]·pa·rnams·zab·pa'i·phyir·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·bo|_|ting·nge·'dzin·dang|_gzungs·kyi·sgo·rnam[*s·zab·pa'i·phyir|shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·zab·bo||de·bzhin·gshegs·pa'i·stobs·dang·mi·'jigs·pa·dang·|so·so*]	[7]
	[*yang·dag·par·rig·pa·dang·|sang*]s·rgyas·kyi›·chos·ma·'dres·pa·rnams·zab·pa'i·phyir·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·[*bo||rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·kyi·bar·du·zab·pa'i·phyir|shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·zab·bo||gsol·pa|bcom·ldan·'das*]	[8]

Notes: [1] L: gzugs; [2] YP: 'di; [3] YP: —.

Verso

	[*shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·ni·rin·*]p[*o*]·ch[*e*]'i·phung·po·ste|_ chos·rin·po·che'i·phung·po·rnams·sgrub·pa'o|_|de·ni·'di·lta·ste· dag·[4]ba·[*bcu'i·las·kyi·lam·dang·bsam·gtan·bzhi·dang·|tshad·med·pa· bzhi·dang·|gzugs·med·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·bzhi·dang·|*]	[1]
	[*mngon·par·shes·pa·lnga·b*]sgrub·[5]pa'o|_|dran·ba·nye·bar·gzhag· pa·bzhi·dang|yang·dag·par·spong·ba·bzhi·dang|_rdzu·'phrul·gyi· rkang·pa[*·bzhi·dang·|dbang·po·lnga·dang·|stobs·lnga·dang·|byang· chub·kyi·yan·lag·bdun·dang·|'phags·pa'i·lam·yan·lag·brgyad·pa*]	[2]
	[*sgrub·pa'o||'phags·pa'i·b*]den·pa·bzhi·dang|rnam·par·thar·pa· brgyad·dang|_mthar·gyis·gnas·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dgu·dang| [*stong·pa·nyid·dang·|mtshan·ma·med·pa·dang·|smon·pa·med·pa· dang·|mngon·par·shes·pa·rnams·dang·|ting·nge·'dzin·rnams·dang·| gzungs·kyi·sgo·rnams·sgrub·pa'o||*]	[3]
	[*de·bzhin·gshegs·pa*]'i·stobs·bcu·dang·|mi·'jigs·pa·bzhi·dang|_so· so·yang·dag·par·rig·pa·bzhi·dang|sangs·rgyas·kyi·chos·ma·'dres· pa[·]b[*cwo·brgyad·sgrub·pa'o||rgyun·du·zhugs·pa'i·'bras·bu· dang·|lan·cig·phyir·'ong·ba'i·'bras·bu·dang·phyir·mi*]	[4]
	[*'ong·ba'i·'bras·*]bu·dang·|dgra·bcom·ba·nyid·dang|rang·byang· chub·sgrub·pa'o[6]◎|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·___pa·nyid·kyi· bar·du·sgrub·pa'o|_|gsol·pa|__[*bcom·ldan·'das·shes·rab·kyi·pha·rol· du·phyin·pa·ni·chos·kyi·'khor·lo·skor·ba'o||bcom*]	[5]
	[*ldan·'*]das·gzugs·dag·pa·dang·|_tshor·ba·dang·|'du·shes·dang·| 'du·byed·dang·|rnam·par·shes·pa·dag·pa·dang|skye·mched·dang·| khams·dang|_rten·cing·'brel·par·'byung·ba·[7]dag·pa·dang|_pha· rol·tu·phyin·pa[*·thams·cad·dang·|stong·pa·nyid·thams·cad·dang·| byang·chub*]	[6]
	kyi·phyogs·kyi·chos·sum·bcu·rtsa·bdun·dag·pa·dang|_'phags· pa'i+bden·ba·dang|bsam·gtan·dang|tshad·med·pa·dang|gzugs· med·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dang|rnam·par·thar·pa·brgyad [*·dang·|mthar·gyis·gnas·pa'i·snyoms·par·'jug·pa*]	[7]
	dgu·dang·|stong·pa·nyid·dang·|mtshan·ma·med·pa·dang·|smon· pa·med·pa·dang|mngon·par·shes·pa·dag·pa·dang|_ting·nge· 'dzin·dang|gzungs·kyi·sgo·dag·pa·dang·|de·bzhin·gshegs·pa'i· stobs·bcu·dang·|mi[*·'jigs·pa·bzhi·dang…*]	[8]

Notes: [4] dge; [5] YPZh: sgrub (it is not clear if the SP manuscript has bsgrub or sgrub); [6] DLNU: po; [7] L: —.

Fig. 17–18: Tib. 957, No. 13: recto & verso

Vol. Ga, f. 55; IOM RAS: Tib. 957, No. 14 (inv. no. 14017)

See Plate 5. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 591[16]–593[13]

Recto

ga_nga·lnga	@#|__꞉__|de·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·chos·smra·ba·ni·bdog·pa·thams·cad·yongs·su·gtong·zhIng|sems·la·chags·pa·med·la|chos·nyan·pa·ni·ser·sna·can_	[1]
	chags·pa'i·sems·dang·ldan·zhing·'jungs·par·gyur·na|rab·'byor·de·yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·'dri·ba·dang|lung·'bog·[1]pa·dang|kha·ton·byed·pa'i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba·ste|rab·'byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen_	[2]
	pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·chos·nyan·pa·ni·bdog·pa·thams·cad·yongs·su·gtong·zhing|sems·la·chags·pa·med·la|chos·smra·ba·ni·ser·sna·can|chags·[2]sems·dang·ldan·zhing·'jungs·par·gyur·na|rab·'byor·de	[3]
	yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·'di·bri·[3]ba·dang|lung·'bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa'i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba·ste|rab·'byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·[4]chos	[4]
	smra·ba·la·gos·dang|zas·dang|mal·ca·[5]dang|nad·kyi·rkyen·rtsi·dang|yo·◎byad·yongs·su·gtong·bar·'dod·la|chos·smra·ba·ni·len·par·mi·'dod·na|rab·'byor·di·yang·◎shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·'di·'dri·ba·dang|lung·'bog·pa·dang|	[5]
	kha·ton·byed·pa'i·rgyu·rkyen·mi·ldan·pa·ste|rab·'byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya'o||rab·'byor·gzhan·yang·chos·smra·ba·ni·gleng-s·pa·tsam·gyis·shes·la|chos·nyan·pa·ni›·dkrI·[6]dgos·shing|tshig	[6]
	lhur·len·par·gyur·na;rab·'byor·de·yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·'di·'dri·ba·dang|lung·'bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa'i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba·ste|rab·'byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·pos·[7]bdud·kyi·las·su·rig_	[7]
	par·bya'o;rab·'byor·gzhan·yang·chos·nyan·pa·ni·glengs·pa·tsam·gyis·shes·la|chos·smra·ba·ni·dkri·[8]dgos·shing|tshig·lhur·len·par·gyur·na|rab·'byor·de·yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·'di·'dri·ba·dang|lung·'bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa'‹i	[8]

Notes: [1] U: bog; [2] +pa'i; [3] 'dri; [4] +chos nyan pa ni|; [5] cha; [6] DUZh: bkri; [7] U: po; [8] DCUZh: bkri.

Verso

	rgyu·rkyen·mi·ldan·pa·ste|rab·’byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·pos·[9]bdud·kyi·las·su·rig·par·bya’o||rab·’byor·gzhan·yang·chos·smra·ba·ni·mdo·dang|dbyangs·kyis·bsnyad·pa·dang|lung·bstan·pa·dang|tshigs·su·bcad·pa·dang;	[1]
	ched·du·brjod·pa·dang|gleng·gzhi·dang|’di·ltar·’das·pa·dang|skyes·pa’i·rabs·dang|shin·tu·rgyas·pa·dang|chos·smad·[10]du·byung·ba·dang|rtogs·[11]pa·brjod·pa·dang|gtan·la·bab·pa·[12]bstan·pa’i·chos·kyis·khyad·par·shes·la|chos·nyan·pa·ni·mdo·dang|_	[2]
	dbyangs·kyis·bsnyad·pa·dang|lung·bstan·pa·dang|tshigs·su·bcad·pa·dang|ched·du·brjod·pa·dang|gleng·[13]bzhi·[14]dang|’di·ltar·’das·pa·dang|skyes·pa’i·rabs·dang·shin·tu·rgyas·pa·dang|chos·rmad·du·byung·pa·dang|rtogs·pa·brjod·pa·dang|gtan·la·bab[15]	[3]
	pa·bstan·pa’i·chos·kyi·khyad·par·mi·shes·na|rab·’byor·de·yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·’di·’dri·ba·dang|lung·’bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa’i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba·ste|rab·’byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen	[4]
	pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya’o||rab·’byor·gzhan·yang·chos·◎nyan·pa·ni·mdo·dang·dbyangs·kyis·bsnyad·pa·dang|lung·bstan·pa·dang|gtan·la·bab·[16]pa·[17]bsta◎n·pa’i·chos·kyi·[18]khyad·par·shes·la|chos·smra·ba·ni·mdo·dang|dbyangs·_	[5]
	kyis·bsnyad·pa·dang|lung·bstan·pa·dang|gtan·la·bab·[19]par·bstan·pa’i·chos·kyi·bar·gyi·khyad·par·mi·shes·na|rab·’byor·de·yang·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·’di·’dri·ba·dang|lung·[20]’bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa’i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba	[6]
	ste;rab·’byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya’o||rab·’byor·gzhan·yang·chos·smra·ba·ni·pha·rol·tu·phyin·pa·drug·dang·ldan·la|chos·nyan·pa·ni·pha·rol·tu·phyin·pa·drug·dang·mI·ldan·na|rab·’byor·de·yang	[7]
	shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·’di·’dri·ba·dang|lung·’bog·pa·dang|kha·ton·byed·pa’i·rgyu·rkyen·mi·ldan·ba·ste|rab·’byor·de·yang·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·pos·bdud·kyi·las·su·rig·par·bya’o||rab·’byor·gzhan·yang·chos·nyan·	[8]

Notes: [9] U: po; [10] rmad; [11] U: rtog; [12] N: dbab pa, Zh: phab par; [13] L: gling, U: glengs; [14] gzhi; [15] NZh: dbab; [16] NZh: dbab; [17] par; [18] +bar·gyi; [19] NZh: dbab; [20] C: yung.

Vol. [Ga], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 15 (inv. no. 14018)

See Fig. 19–20. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 825[19]–828[9]

Recto

[*ga_?*]	[@#|__|...*yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·kyi·bar·gyi·'du·shes·las·phyir·ldog*]·go|_nyan·thos·dang|rang·sangs·rgyas·kyi·'du·shes·las·phyir·ldog·go|_|byang[·*chub·sems·dpa'·dang·sangs·rgyas·kyi·'du·shes·las·phyir·ldog·go*||*de·ci'i·phyir·zhe·na*|]	[1]
	[*de·ni·'di·ltar·phyir·mi·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni*·]chos·thams·cad·dang·[1]rang·gi·mtshan·nyid·kyis·stong·pas|_byang·chub·sems·dpa'i·skyo[*n·med·par·'jug·ste*|*des·chos·rdul·tsam·yang·dmigs·pa·med·do*||*dmigs·pa·med·pas*]	[2]
	[*mngon·par·'du·mi·byed·do*||*mngon·par·'du·mi·byed·pas·skyed·pa·med·de*|*de·ni·phyir*·]mi·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·mi·skye·ba·la·bzod·pa·zhes·[*bya·ste*|*rab·'byor·de·ltar·na·rnam·pa·de·dag·dang·tshul·de·dag·dang·mtshan·ma*]	[3]
	[*de·dag·dang·ldan·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni·phyir·mi·ldog·par·rig·par·bya*]'o|_|shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·stong·phrag·nyi·shu·lnga·pa·las|_____le[*'u·sum·cu·dgu·pa'o*||_||*rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'*]	[4]
	[*chen·po'i·drung·du·bdud·sdig·to·can·nye·bar·'ongs·te·mos·pa·zlog·cing*|]_rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·'di·ni·nam·mkha'·dang·mtshungs·pa·◎[*dngos·po·med·pa'i·ngo·bo·nyid·rang·gi·mtshan·nyid·kyis·stong·pa'o*||*chos·'di·dag·kyang·nam·mkha'·dang·mtshungs·pa*|]	[5]
	[*dngos·po·med·pa'i·ngo·bo·nyid·de*|*rang·gi·mtshan·nyid·kyis·stong·pa'o*||*de·ltar·chos·thams·cad·nam·mkha'*]·dang·mtshungs·pa|_dngos·po·med·pa'i·ngo·bo·nyid·de|_rang·gi·mtshan·nyid·kyis·sto[*ng·pa·la*|*gang·mngon·par·rdzogs·par·'tshang·rgya·ba·dang·gang·gis·mngon·par*]	[6]
	[*rdzogs·par·'tshang·rgya·ba·dang·*|*gang·la·mngon·par·rdzogs·par·'tshang·rgya·bar·bya·ba'i·chos·de·dag·gang·yang·mi*]·dmigs·te|_chos·'di·dag·thams·cad·nam·mkha'·dang·mtshungs·pa|_[*dngos·po·med·pa'i·ngo·bo·nyid·de·rang·gi·mtshan·nyid·kyis·stong·pas*·]	[7]
	[*'di·lta·ste*|*bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·rdzogs·par·'tshang·rgya·bar·bya'o*||*snyam·pa·'*]di·ni·khyod·nyon·mong-s·pa·[2]la·don·med·par·'gyur·ba·ste|_'di·ni·bdud·kyi[*s·bstan·pa'o*||*'di·ni·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·sangs·rgyas·kyis·bshad·pa·ma·yin·no*||]	[8]

Notes: [1] —; [2] —.

Verso

	[*rigs·kyi·bu·yid·la·byed·pa·de·dag·thong·la|khyod·yun·ring·por·gnod·pa·dang·|phan·pa·med·par·ma·sp*]y[*od·*]c[*i*]g|_sdug·bsngal·ba·dang|_log·par·ltung·ngo·zhes·zer·na|_de·la[*·rigs·kyi·bu'am|rigs·kyi·bu·mo·des|tshig·de·dag·thos·nas·'di·ltar·yongs·su·brtag·par·*]	[1]
	[*bya·ste|de·ltar·bdag·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·las·zlog·pa·de·ni·bdu*]d·kyi·las·te|_chos·thams·cad·ni·nam·mkha'·dang·mtshungs·pa|_dngos[*·po·med·pa'i·ngo·bo·nyid·de·rang·gi·mtshan·nyid·kyis·stong·mod·kyi|de·dag·sems·can*]	[2]
	[*rnams·kyis·ma·shes·ma·mthong|...*[3]*b*]stan·to[4]|_|sems·can·rnams·rgyun·tu[·]zhugs·pa'i·'bras·bu·la·rab·tu·dgod·[*par...*][5]	[3]
	[…*sems·can·rnams·rgyun·du·zhu*]gs·pa'i·'bras·bu·la·rab·tu·dgod·par·bya'o|_|lan·cig·[6]phyir·'ong·ba'i·'bras·b[*u·dang·|phyir·mi·'ong·ba'i·'bras·bu·dang·|dgra·bcom·pa·nyid·dang*]	[4]
	[*rang·byang·chub·la·rab·tu·dgod·par·bya'o||bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·la·rab·tu·dgod·*]par·bya'o·snyam·du·sems·bskyed·cing|_de·la·byang·chub·sems·dpa'·se◎[*ms·dpa'·chen·pos·sems·dang·po·bskyed·pa·nas·nye·bar·bzung·ste*|]	[5]
	[*chos·de·dag·thos·nas·sems·brtan·par·bya'o||sems·mi·g.yo·bar·bya'o||sems·mi·'phrogs·par·bya'o||de·*]sems·brtan·pa·dang|sems·mi·g.yo·ba·dang|[7]mi·'phrogs·pa·dang·ldan·pas·pha[*·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyod·na|byang·chub·sems·dpa'i·skyon·med·par·'jug·par*]	[6]
	[*'gyur·ro||de·nas·tshe·dang·ldan·pa·rab·'byor·gyis·bcom·ldan·'das·la·'di·skad·ces·gsol·*]to|_|bcom·ldan·'das·slar·mi·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·[*chen·po·la·phyir·ldog·pa·zhes·bgyi'am|'on·tam·slar·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'*]	[7]
	[*la·phyir·mi·ldog·pa·zhes·bgyi|bcom·ldan·'das·kyis·bka'·stsal·pa|*]rab·'byor·[8]mi·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·ni·phyir·ldog·pa·zhes·bya'o|_|[*phyir·ldog·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·ni·phyir·mi·ldog·pa·zhes·bya'o…*]	[8]

Notes: [3] +a long passage, it's not clear what part of it is missing; [4] YP: te; [5] the text turns to the repetition of the same phrase, it is not clear at what point; [6] gcig; [7] +sems; [8] +phyir.

Fig. 19–20: Tib. 957, No. 15: recto & verso

Vol. [Ga], f. ?; IOM RAS: Tib. 957, No. 16 (inv. no. 14019)

See Plate 6. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 861[10]–863[19]

Recto

[*ga_?*]	@#|___|na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·yongs·su·bsngos·na|_rigs·kyi·bu·'am·rigs·kyi·bu·mo·de'i·bsod·nams·de'i·rgyus·mang·du·'phel·lam|_gsol·pa|bcom·lda[*n·'das·mang·ngo·bde·bar·gshegs·pa·mang·ngo·||bcom*]	[1]
	ldan·'das·kyis·bka'·stsal·pa|_rab·'byor·de·bas·kyang·rigs·kyi·bu·'am·rigs·kyi·bu·mo·gang·gis·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·zab·mo·ji·skad·du·bstan·pa·'di·la·gnas·te|_nyi·ma·'ga'i·[*dge·ba'i·rtsa·ba·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub*]	[2]
	tu·yongs·su·bsngos·na|_rigs[·]kyi·bu·'am·rigs·kyi·bu·mo·de'i·bsod·nams·ches·mang·du·'phel·lo|_|de·ci'i·phyir·zhe·na|_rab·'byor·bsngo·ba·thams·cad·kyi·bsngon·[1]du·'gro·ba·'di·[2]ni·shes·rab·kyi·pha·[*rol·du·phyin·pa'o||rab·'byor·de·lta·bas·na·byang·chub·sems*]	[3]
	dpa'·sems·dpa'·chen·po·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·_mngon·par·rdzogs·par·'tshang·rgya·bar·'dod·pas|_shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa'‹i·yongs·__su·bsngo·ba·la·mkha[*s·par·bya'o||gsol·pa|bcom·ldan·'das·mngon·par·'du*]	[4]
	bgyi·ba·ma·mchis·pa·ni·yongs·su·brtag·pa'o·zhes|bcom·ldan·'das·kyis·b◎ka'·stsal·na|_de·la·ji·ltar·rigs·kyi·bu·'am·rigs·kyi·bu·mo·de'i·bsod·nams·ches·mang·du·◎'phel·bar·'gyur[*·pa·lags|bcom·ldan·'das·mngon·par·'du·bgyi·ba·ma·mchis*]	[5]
	pas·ni·yang·dag·par·lta·ba·bskyed·pa·'am|_skyon[·]ma[·]mch[*i*]s·par·yang·dag·par·[3]'jug·pa·mi·nus·so|_|rgyun·tu·zhugs·pa'i·'bras·bu·'thob·pa·'am|_lan·gcig·phyir·'ong·ba'i·'bras·bu·'am|_phyir·mi[*·'ong·ba'i·'bras·bu'am·dgra·bcom·pa·nyid·'thob·pa'am|bla·na*]	[6]
	med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·rdzogs·par·'tshang·[4]ba'i·bar·du·yang·[5]mi·nus·so|_|bcom·ldan·'das·kyis·bka'·stsal·pa|_rab·'byor·de·de·bzhin·no|_|de·de·bzhin·te|_mngon·[*par·...*][6]	[7]
	ma·mchis·par·yang·dag·par·'jug·par·mi·nus·so|_|rgyun·tu·zhugs·pa'i·'bras·bu·'thob·pa·'am|_lan·cig·phyir·'ong·ba'i·'bras·bu·'am|_phyir·mi·'ong·ba'i·'bras·bu·'am|_dgra·bcom·pa·nyid·'tho[*b·pa'am|bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub*]	[8]

Notes: [1] sngon; [2] —; [3] —; [4] +rgya; [5] YLP: 'di, C: —; [6] the text turns to the repetition of the same phrase (see line 6), it is not clear at what point.

Verso

	[*tu·*]mngon·par·rdzogs·par·’tshang·rgya·bar·[7]mi·nus·so[8]|_|rab·’byor·de·la·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyod·pa’i·sbyin·pa·de·yang·mngon·par·’du·bya·ba·med·pa·s[*te|stong·pa·nyid·du·snang·ngo·gsog·nyid*]	[1]
	[*du·*]snang·ngo;snying·po·med·pa·nyid·du·snang·ngo|_|de·ci’i·phyir·zhe·na|rab·’byor·’di·ltar·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·ni·nang·stong·pa·nyid·la·shin·tu·bslabs·pa’o|_|dngos·po·med·pa’i·ngo·bo·nyid·[*stong·pa·nyid·kyi·bar·la·shin·du·bslabs·pa’o||rab·’byor·byang*]	[2]
	[*chu*]b·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·de·ni·stong·pa·nyid·de·dag·la·gnas·shing|_ji·lta·ji·ltar·mngon·par·’du·bya·ba·med·pa·de·dag·la·rab·tu·rtog·pa·de·lta·de·ltar·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·che[*n·po·shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·dang·ma·bral·bar·’gyur·te|*]	[3]
	[*ji·*]lta·ji·ltar·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·shes·rab·kyi·pha·rol·tu·__phyin·pa·dang·ma·bral·ba·de·lta·de·ltar·grangs·med·dpag·tu·med|_tshad·med·pa’i·bsod·nams·’__phel·bar·’gyur·ro[||*gsol·pa|bcom·ldan·’das·grangs·ma·mchis·pa·dang·*]	[4]
	[*dpa*]g·tu·ma·mchis·pa·dang|_tshad·ma·mchis·pa·la·bye·brag·ni·ci·mchis|_khyad·ni·ci·m◎chis|bcom·ldan·’das·kyis·bka’·stsal·pa|_rab·’byor·grangs·med·pa·zhes·bya·ba·ni·gang◎·’dus·byas·kyi·kha[*ms·sam|’dus·ma·byas·kyi·khams·su·bgrang·bar·nye·bar·mi·’gro·ba’o||*]	[5]
	[*rab*]·’byor·dpag·tu·med·pa·zhes·bya·ba·ni|_’das·pa·dang|ma·’ongs·pa·dang|da·ltar·byung·ba’i·chos·rnams·la·tshad·mi·dmigs·so[9]|_|rab·’byor·tshad·med·pa·zhes·bya·ba·ni|gang·bzhal·[10]bar·mi·nus·so[11]|_|gso[*l·pa·bcom·ldan·’das·rnam·grangs·gang·gis·gzugs*]	[6]
	[*kyang*]·grangs·ma·mchis|_dpag·tu·ma·mchis|tshad·ma·mchis·par·’gyur·zhing·tshor·ba·dang|_’du·[12]shes·dang|’du·byed·dang|rnam·par·shes·pa·yang·grangs·ma·mchis|_dpag·tu·ma·mchis|_tshad·ma·mchis·pa[*r·’gyur·ba’i·rnam·grangs·de·lta·bu·mchis·sam|bcom·ldan*]	[7]
	[*’da*]s·kyis·bka’·stsal·pa|_rab·’byor·rnam·grang-s·gang·gis·gzugs·kyang·grangs·[13]dpag·tu·med|_tshad·med·par·’gyur·ba·dang|tshor·ba·dang|’du·shes·dang|’du·byed·dang|rnam·par·shes·pa·ya[*ng·grangs·med·dpag·tu·med…*]	[8]

Notes: [7] +yang; [8] te; [9] pa’o; [10] gzhal; [11] pa’o; [12] YP: ’dus; [13] +med.

See Fig. 21–22. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 27: 892[14] – vol. 28: 3[11]

Recto

[8a_?]	[@#|___|*gzugs·med·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dang·|rnam·par·thar·pa·dang·|mthar·gyis·gnas·pa'i·snyoms·par·'jug·pa·dang·|stong·pa·nyid·dang·mtshan·ma·*]med·pa·dang|_s[*m*]on·pa·med·pa·dang|mngon·par·she[*s*]·pa·dang|_ti[*ng·nge·'dzin·da*]ng|_gzungs[*·kyi·sgo·dang·|de·bzhin·gshe*]gs·pa-'a-i	[1]
	[*stobs·bcu·dang·|mi·'jigs·pa·dang·|so·so·yang·dag·par·rig·pa·dang·|byams·pa·chen·po·dang·|snying·rje·chen·po·dang·|sangs·rgyas·kyi·chos*]·ma·'dres·pa·bco·brgyad[·]dang·ma[·]bral·ba·de·lta·de·ltar·pha·rol·tu·phyin·pa·drug·la·s[*pyad·par·*]bya'o|_|sangs·rgyas·kyi·[*zhing·yo*]ngs·su·dag	[2]
	[*par·bya'o||sems·can·yongs·su·smin·par·bya'o·zhes·de·ltar·yongs·su·brtag·par·bya·ste|rab·'byor·de·ltar·spyod·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·s*]e[*ms·d*]pa'·chen·po·ni·pha·rol·tu·phyin·pa·drug·[*k*]ya[*ng·*]yo[*ngs*]·su·rdzogs·par·bye[*d|rnam·pa·tham*]s·cad·mkhyen[·]pa·nyid·dang[·]yang·[*ny*]e·ba-r	[3]
	[*gyur·pa·yin·no||rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyod·pa'i·tshe|sems·can·gnas·*]bzhir·skyes·pa·sgo·nga·[*las·sky*]es·pa·dang|_[*mngal*]·nas·skyes·pa·dang[|*drod·gsher·*]las·skyes·pa·dang|_rdzus·pa·[1&2]rnams·mthong	[4]
	[*na·'di·ltar·yongs·su·brtag·par·bya·ste|ci·nas·kyang·bdag·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·rdzogs·par·*] sangs·rgyas·pa'i·sangs·rgya[*s·*]ky[*i·*]◎zhing[*·de·*]na|_[*sgo·nga*]·las·skyes·pa·[3]dang|_[*mnga*]*l·*nas·skyes·pa·[4]dang|_drod·she[*r·*[5]*la*]s·skyes·	[5]
	[*pa'i·*[6]*gnas·gsum·po·rnams·mi·'byung·zhing·mi·srid·pa·dang·|gzhan·du·na·sems·can·thams·cad·rdzub·par·'gyur·ba·de·lta·de·ltar·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·s*]pyad·par[·*b*]ya'o|_|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·da[*g·par·bya*]'o|_|[*sems·*]can·[*yong*]s·su·smin·par·bya'o[*·zhes·de·ltar*]	[6]
	[*yongs·su·brtag·par·bya·ste|rab·'byor·de·ltar·spyod·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni·pha·rol·du·phyin·pa·drug·kyang·yongs·su·r*]dzog[*s·par·byed|rna*]m·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·dang·yang·nye·bar·gyur·pa·y[*in·n*]o|_|rab[·*'byo*]r·gzhan·yang·byang·[*chub·sem*]s_	[7]
	[*dpa'·sems·dpa'·chen·po·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyod·pa'i·tshe|sems·can·mngon·par·shes·pa·lnga·dang·mi·ldan·pa·dag·mthong·na|'di·ltar·yongs*]·su[·*brtag·par·bya·ste|*]_ci·nas·kyang·bdag·bla·na·med·pa·[*ya*]ng·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub[·*tu·*]mngon[·]par·rdzogs·[*par·sa*]ngs·rgyas	[8]

Notes: [1] te; [2] +skyes pa; [3] YLPCZh: las skye ba, N: nas skye ba; [4] YLPNCZh: skye ba; [5] gsher; [6] YLPNCZh: skye ba'i.

Verso

	[*pa'i·sangs·rgyas·kyi·zhing·de·na|sems·can·thams·cad·mngon·par·shes·pa·lnga·dang·ldan·par·'gyur·ba·de·lta·de·ltar·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyad·par·bya'o||sangs·rgyas·kyi*]·zhing·yongs·[*su·*]dag·par·bya'o[||*sems·can·yongs·su·smin·*]par·bya'o·zhes·de·ltar·yongs·su·b[*rtag·pa*]r_	[1]
	[*bya·ste|rab·'byor·de·ltar·spyod·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni·pha·rol·du·phyin·pa·drug·kyang·yongs·su·rdzogs·par·byed|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·dang·yang·nye·bar·'gyur·pa·yin·no||rab·'byor·gzhan·yang·byang·ch*]u[*b*]·sems·[*dpa'·sems·dpa'·che*]n	[2]
	[*po·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyod·pa'i·tshe|sems·can·rnams·kyi·gshang·gci·mthong·na|'di·ltar·yongs·su·brtag·par·bya·ste|ci·nas·kyang·bdag·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·rdzogs·par·sangs·rgya*]s·pa'i·s[*angs·rgyas·kyi·zhing·de·na|sems·can*]	[3]
	[*thams·cad·chos·dang·dga'·ba·dang·bsam·gtan·gyi·zas·za·bar·'gyur·ba·de·lta·de·ltar·pha·rol·du·phyin·pa·drug·la·spyad·par·bya'o||sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·bya'o||sems·can·yongs·su·smin·par·bya'o·zhes*]·de·l[*ta*]r[·*yong*]s·su·br[*ta*]g·pa[*r·*]bya·st[*e*]| _	[4]
	[*rab·'byor·de·ltar·spyod·pa'i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·ni·pha·rol·du·phyin·pa·drug·kyang·|yongs·su·rdzogs·par·byed|rnam·pa·thams·cad*]·m[*kh*]y[*en·*]pa·nyid·[*dang·yang·nye·*]bar[·*gyur·pa·yin·*]n[*o*]|| _____||	[5]
	[7][*…rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sem*]s[·*dpa'*]·sems·dpa'·chen·p[*o*]·pha·rol·[*du·phyin·pa·drug·la·spyod·pa'i·tshe|...sems·can*]·dag·mthong·na|_'di·ltar·yong[-*s*]	[6]
	[*su·brtag·par·bya·ste|ci·nas·kyang·bdag·bla·na·med·pa·yang·dag·par·rdzogs·pa'i·byang·chub·tu·mngon·par·rdzogs·par·sangs·rgyas·pa'i·sangs·rgyas·kyi·zh*]ing·d[*e·na|sem*]s·can·[*tha*]ms·[*cad…*]·pha·rol·tu·phyi[*n·pa·dr*]ug·la_	[7]
	[*spyad·par·bya'o||sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·bya'o||sems·can·yongs·su·smin·par·bya'o·zhes·de·ltar·yongs·su·brtag·par·bya·ste|*]ra[*b·*]'[*byor·*]de·ltar[·*spyod·pa'*]i·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·[*chen·po·ni·pha·rol·du·phyin·pa·drug·kya*]ng·yong[*s·*]su·rdzogs	[8]

Notes: [7] at the beginning of the 13th section (*bam po*) the folio seems to miss some fragments, its illegibility making it impossible to say more precisely about it

Fig. 21–22: Tib. 957, No. 17: recto & verso

Vol. A, f. 45; IOM RAS: Tib. 957, No. 18 (inv. no. 14021)

See Fig. 23–24. Cf. Dpe bsdur ma, vol. 28: 340[11]–342[17]

Recto

a__zhe·nga	@#|____|nyi›d·dang·ldan·pa'i·yid·la·bya·bas|__sangs·rgyas·bcom·ldan·'das·rnams·dang|_rang·sangs·rgyas·da[*ng·|nyan·thos·dang·|mi·dang·mi·ma·yin·par·gyur·pa·rnams·la·sbyin·pa·yongs·su·gtong·ste|de·rnam·pa·thams·cad*]	[1]
	mkhyen·pa·nyi›d·dang·ldan·pa'i·yid·la·bya·ba·de·dang·ldan·pas|__sbyin·ba·la·yang·sbyin·ba'i·'du·shes·su·mi·'gyur·|__len·pa·[*la·yang·len·pa'i·'du·shes·su·mi·'gyur|gtong·ba·la·yang·gtong·ba'i·'du·shes·su·mi·'gyur·ro||de·ni·'di·ltar·chos·thams*]	[2]
	cad·rang·gi·mtshan·nyid·kyi›s·stong·par·shes·shi›ng·chos·thams·cad·med·pa·dang|_ma·byung·ba·dang|_yongs·su·ma·rdzogs·pa·[*dang·|mngon·par·ma·grub·par·mthong·zhing·|chos·rnams·kyis·mtshan·nyid·la·'jug·na·yang·|chos·thams·cad·ni·nus·pa·gang·yang*]	[3]
	med·pa'o·zhes·bya·bar·'du·[1]shes·[2]med·pa'[*i*]·mtshan·nyid·kyis·'jug·ste|_de·thabs·mkhas·pa·de·lta·bu·dang·ldan·bas·na|_dge·ba[*'i·rtsa·bas·rnam·par·'phel·bar·sbyin·pa'i·pha·rol·du·phyin·pa·la·spyod·de|de·sbyin·pa'i·pha·rol·du·phyin·pa·la·spyod·cing·sems*]	[4]
	can·_rnams·yongs·su·smin·par·byed|_sang_s·rgyas·[3]zhing·yongs·su·dag·◎par·byed·kyang·__gzhan·du:na·[4]sems[·*can·thams·cad·yongs·su·bskyab·pa·dang·sems·can·yongs·su·smin·par·bya·ba'i·phyir|sbyin·pa'i·pha·rol·du*]	[5]
	phyi›n·pa·la·spyod·pa·ma·gtogs·par·|__sbyin·pa'i·'bras·bu·gang·'khor·bar·yongs·su·spyod·[5]pa[*r·*]bya·ba·de·lta·bu'i·'[*bras·bu·la·smon·pa·med·do||shes·rab·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·stong·phrag·nyi·shu·lnga·pa·las*]	[6]
	||le'u·lnga·bcu·rtsa·[6]bdrug·[7]pa'o|_____|rab·'byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa'·sems·dpa'·chen·po·tshu[*l·khrims·kyi·pha·rol·du·phyin·pa·la·spyod·pa'i·tshe|sems·dang·po·bskyed·pa·nas·nye·bar·bzung·ste|rnam·pa·thams·cad·mkhyen*]	[7]
	pa·nyi›d·dang·ldan·ba'i·yi›d·la·bya·bas·tshul·khrims·srung·[8]ste·|__de·[9]la·'dod·chags·kyi·sems·sgri›b·par·mi·'gyur·|__zhe·s[*dang·sgrib·par·mi·'gyur|gti·mug·sgrib·par·mi·'gyur|bag·la·nyal·ba·sgrib·par·mi·'gyur|kun·nas·ldang·ba·sgrib·par·mi*]	[8]

Notes: [1] U: 'dus; [2] byed; [3] +kyi; [4] YPC: du, L: nu; [5] spyad; [6] —; [7] drug; [8] NZh: bsrung; [9] C: nga.

Verso

	’gyur·te;mi·dge·ba’i·chos·gzhan·yang·[9]byang·chub·kyi·bgegs·su·’gyur·pa·’di·lta·ste|__ser·sna’am|_tshul·khrims·ngan·[*pa’am|’khrug·pa’i·sems·sam|le·lo’i·sems·sam|brtson·’grus·chung·ba’i·sems·sam|g.yeng·ba’i·sems*]	[1]
	sam··shes·rab·’chal·pa’i·sems·sam|__nga·rgyal·lam|_bsnyas·[10]pa·’am|_che·ba’i·nga·rgyal·lam|_nga’i·nga·rgyal[*·lam|nyan·thos·kyi·sems·sam|rang·sangs·rgyas·kyi·sems·dag·kyang·sgrib·par·mi·’gyur·ro||de·ci’i·phyir·zhe·na|*]	[2]
	rab·’byor·de·ni·’di·ltar·chos·thams·cad·rang·gi·mtshan·nyi›d·kyi›s·stong·par·shes·shing·|__chos·thams·cad·med·pa·dang[*·ma·byung·ba·dang·|yongs·su·ma·rdzogs·pa·dang|mngon·par·ma·grub·par·mthong·ste|chos·rnams·kyi·chos·kyi·mtshan*]	[3]
	nyi›d·la·’jug·pa+(?)na·[11]yang·chos·thams·cad·ni·nus·pa·gang·yang·med·pa’o·zhes·bya·bar·’du·byed·med·pa’i·mtshan·nyid·kyis·[*’jug·ste|de·thabs·la·mkhas·pa·de·lta·bu·dang·ldan·pas·na|dge·ba’i·rtsa·bas·rnam·par·’phel·bar·tshul·khrims·kyi*]	[4]
	pha·rol·tu·phyi›n·pa·la·spyod·de|__|[12]tshul·khrims·kyi·pha·rol·tu·phyin·pa·la·spyo◎d·ci›ng|__sems·can·rnams·[*yongs·su·smin·par·byed|sangs·rgyas·kyi·zhing·yongs·su·dag·par·byed·kyang·|gzhan·du·na·sems·can·thams·cad*]	[5]
	yongs·su·bskyab·pa·dang|_de·[13]sems·can·yongs·su·smin·par·bya·ba’i·phyi›r·|_tshul·khrims·kyi·pha·rol·tu·phyi›n·pa·la·spyod[*·pa·ma·gtogs·par|tshul·khrims·kyi·’bras·bu·gang·’khor·bar·yongs·su·spyad·par·bya·ba·de·lta·bu’i·’bras·bu·la·smon·pa*]	[6]
	med·do;rab·’byor·gzhan·yang·byang·chub·sems·dpa’·sems·dpa’·chen·po·bzod·pa’i·pha·rol·tu·phyi›n·pa·la·spyod·pa’i·tsh[*e|sems·dang·po·bskyed·pa·nas·nye·bar·bzung·ste|rnam·pa·thams·cad·mkhyen·pa·nyid·dang·ldan·pa’i·yid·la·bya·bas*]	[7]
	bzod·pa·sgom·ste|_de·la·’dod·chags·kyi·sems·sgri›b·par·mi·’gyur·|__zhe·sdang·sgrib·par·mi·’gyur·|__gt‹i·mug·sgri[*b·par·mi·’gyur|bag·la·nyal·ba·sgrib·par·mi·’gyur…*]	[8]

Notes: [9] —; [10] brnyas; [11] na; [12] +de; [13] —.

Fig. 23–24: Tib. 957, No. 18: recto & verso

В. П. Зайцев

ПЕРЕВОД С ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА БРАТЬЕВ ФУРМОН (1723) *

DOI 10.25882/f4rn-c544

Становление тибетологии как науки, с одной стороны, и российско-французских научных контактов — с другой неразрывно связано с попыткой братьев Этьена и Мишеля Фурмон выполнить перевод одного из первых текстов на тибетском языке, ставшего доступным западной науке в 1722 г. Эта попытка (перевод был готов в 1723 г.), будучи неудачной и достаточно курьезной, а объективно — изначально неосуществимой для «прототибетологии» того времени, дала тем не менее определенный импульс развитию всей тибетологической науки, привлекла к проблеме внимание многих ученых своего времени и навсегда осталась в истории науки. Несмотря на почти 300 лет, прошедших с момента первой публикации перевода братьев Фурмон, и связанной с ним многочисленной последующей литературы, в этой истории еще достаточно белых пятен и нерешенных вопросов. Статья посвящена пересмотру раннего периода истории перевода братьев Фурмон, а также сопутствующих ему обстоятельств и событий.

Ключевые слова: братья Фурмон, Этьен Фурмон, Мишель Фурмон, Жан-Поль Биньон, латинско-тибетский словарь, Доменико да Фано, история тибетологии, Петр I, Шумахер, Аблайхит.

Введение

Начало изучению тибетского языка и письменности в западной науке положили несколько произошедших в первые десятилетия XVIII в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ в рамках научно-исследовательского проекта «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе», проект № 21-512-15001.

событий, среди которых можно отметить два [1]. Во-первых, это провозглашение католической миссии в Тибете в 1703 г. и последующее составление итальянскими миссионерами ордена капуцинов первых словарей тибетского языка, краткая копия с одного из которых, известная как латинско-тибетский словарь (тибетский вокабулярий) Доменико да Фано, попадает в декабре 1714 г. или январе 1715 г. во Францию. Во-вторых, это открытие тибетских и монгольских текстов в заброшенных ойратских монастырях на берегах Иртыша — Аблай-хите и Семи Палатах, благодаря чему они стали различными путями попадать в Россию и Европу, оседать в многочисленных коллекциях и рано или поздно оказываться в поле зрения ученых. С другой стороны, визит Петра I во Францию в 1717 г., положивший начало становлению российско-французских научных контактов, напрямую связывает эти события. Найденный в Аблай-хите (между концом 1720-го и летом 1721 г.) лист тибетской рукописи, содержащий, как мы теперь знаем, тантрический текст из тибетского буддийского канона (Кагьюра), попадает в Санкт-Петербург, а затем пересылается с целью толкования аббату Ж.-П. Биньону в Париж. От него лист попадает в Академию надписей и изящной словесности, где переводится для русского царя с использованием небольшого по объему словаря Да Фано двумя французскими учеными — братьями Этьеном и Мишелем Фурмон. И лист рукописи, и готовый перевод братьев Фурмон, отосланный в Россию в 1723 г., публикуются и надолго становятся предметом исследований и дискуссий различного толка, что, в свою очередь, дает определенный импульс и развитию тибетологии, позволяя ей выйти из состояния «прототибетологии», как метко окрестил зачатки тибетологической науки того времени Х. Вальравенс [2]. Таким образом, все эти события так или иначе неразрывно связаны между собой, поэтому их сюжеты в той или иной степени будут затронуты в настоящей статье. Основной же ее целью является пересмотр раннего периода в истории перевода

[1] Безусловно, мы говорим о событиях, имеющих отношение к теме нашей статьи, а не к истории тибетологии во всей ее полноте. Так, например, мы не упоминаем тибетский паспорт, выписанный в 1688 г. армянскому купцу «Chogja Ouanni (i. e. Domino Joanni)», который опубликовал английский востоковед Томас Хайд (1636–1703; Thomas Hyde) в своей «Истории религии в Древней Персии», вышедшей на латинском языке в 1700 г. [Hyde, 1700: между 520–521, Tab. XVII; 522]. Следует отметить, что, хотя этот и другие образчики тибетских и других восточных текстов привлекали внимание ученых XVIII в., разбиравших письмена на тибетском листе из Аблай-хита, анализ их источников, рассуждений и доказательств должен стать предметом специальных исследований.

[2] См.: [Walravens, 2008: 150].

братьев Фурмон, сопутствующих ему обстоятельств и событий на основе архивных и опубликованных материалов, в том числе вновь выявленных или не привлекавшихся к этой проблематике ранее.

§ 1. Поездка Петра I в Париж в 1717 г.

Во время своей второй поездки в Европу, продолжавшейся с 27 января (7 февраля) 1716 г. [3] по 9 (20) октября 1717 г., Петр I посещает Францию и Париж [4]. Как известно, в Париже он пробыл 43 дня, с 26 апреля (7 мая) по 9 (20) июня 1717 г., «в которые больше осмотрел и заметил, нежели другие могли б сделать в год» [5].

Хорошо известно, что эта поездка положила начало русско-французским научным связям и контактам, поэтому ученые встречи и визиты Петра I в Париже неоднократно становились темой специальных исследований, обросшей значительной литературой [6]. Упомянем, например, что 17 (28) мая царь посещает Королевскую библиотеку (ныне Национальная библиотека Франции; Bibliothèque nationale de France) [7], а за день до своего отъезда из Парижа, 8 (19) июня, присутствует на заседании Королевской Академии наук (Académie royale des sciences), где лично знакомится с аббатом Жан-Полем Биньоном (Jean-Paul Bignon; 1662–1743) — ее президентом в тот год [8]. Как убедительно по-

---

[3] Учитывая, что в нашем исследовании привлекаются отечественные и европейские источники, датированные как по юлианскому (старый стиль), так и по григорианскому (новый стиль) календарю, в настоящей статье мы приводим даты в обоих стилях для периода 1717–1724 гг., делая перевод там, где это необходимо. Первой всегда указывается дата по старому стилю, за ней, в скобках, — по новому. В случае необходимости и для удобства в подстрочном комментарии иногда дополнительно приводится дата источника без перевода.

[4] О визите Петра I во Францию см. работы С. А. Мезина [2003; 2017], в частности хронику пребывания [2017: 61–78]. См. также: «Обстоятелной журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось» [Майкова, 2004: 610–625].

[5] Цит. по: [Мезин, 2003: 43].

[6] См., например: [Андреев, 1947: 289–290; Княжецкая, 1974: 260–261; Мезин, 2017: 192–216] и др.

[7] В то время Королевская библиотека, или Библиотека короля (Bibliothèque du Roi), располагалась на улице Вивьен (Rue Vivienne), недалеко от сада и королевского дворца Пале-Рояль (Palais Royal). В 1721 г. библиотека переехала в просторное здание на улице Ришелье (Rue de Richelieu) неподалеку, где располагается поныне. О визите см.: [Порше, 1938: 43–47; Мезин, 2017: 70–71, 202–204].

[8] Ж.-П. Биньон избран членом Французской Академии в 1693 г., почетным членом Королевской Академии наук в 1699 г., членом Королевской Ака-

казал С. А. Мезин, известная версия Е. А. Княжецкой [9] о том, что на этом заседании Петр I за представленную научному сообществу карту Каспийского моря был сразу избран членом Королевской Академии наук, несостоятельна [Мезин, 2003: 30–31; 2017: 212–214]. На этом заседании не было ни карты, ни избрания. Добавим, что в тот же день царь посещает еще три академии: Академию надписей и изящной словесности (Académie royale des inscriptions et belles-lettres), Французскую Академию (Académie française) и Академию живописи и скульптуры (Académie royale de peinture et de sculpture) [10].

Уже по возвращении в Россию в результате различного рода действий заинтересованных лиц Петр I «путем аккламации и без голосования» («par acclamation et sans scrutin») 11 (22) декабря 1717 г. избирается членом Королевской Академии наук — «академиком вне всяких рангов» («académicien hors de tout rang»). Предыстория этого избрания и события, что последовали за ним, хорошо прослеживаются по опубликованной корреспонденции и неоднократно описывались [11]. Для нашего исследования здесь важно лишь то, что спустя почти три года молчания царь наконец отвечает Академии «в пристойных терминах» [Андреев, 1947: 295–296].

§ 2. Поездка И. Д. Шумахера в Европу в 1721–1722 гг.

В феврале 1721 г. по указу Петра I в заграничное путешествие был отправлен библиотекарь царя Иоганн-Даниил (Иван Данилович) Шумахер (1690–1761). Снабженный различными «комиссиями и инструкциями» [12], касавшимися ученых дел и пополнения собрания книг, ред-

---

демии надписей и изящной словесности в 1701 г. В разные годы назначался президентом Королевской Академии наук, как то: в 1691 (назначен графом де Поншартреном, в последующие годы назначался королем), 1692–1700, 1702, 1704, 1707, 1709, 1710, 1712, 1716, 1717, 1719, 1721, 1726, 1732 и 1734 гг. В 1718 г. стал библиотекарем в Королевской библиотеке.

[9] Эта версия повторяется во многих работах исследовательницы. См., например: [Княжецкая, 1974: 261].

[10] О визите в Королевскую Академию наук и этом дне в частности см.: [Голицын, 1859: 4–5; Galitzin, 1859: 612; Андреев, 1947: 290; Порше, 1938: 48; Мезин, 2017: 76–77, 208–210]. См. также протокол заседания Королевской Академии наук [Procès-verbaux, 1717: f. 139a–139b; Голицын, 1859: 5; Galitzin, 1859: 612] и запись Французской Академии [Registres, 1895: 29] за этот день.

[11] Об избрании Петра I членом Королевской Академии наук и последующих событиях, включая переписку, см.: [Голицын, 1859; Galitzin, 1859; Андреев, 1947: 290–296; Княжецкая, 1960; 1974; Мезин, 2017: 209–214] и др. См. также протокол заседания Королевской Академии наук за этот день: [Procès-verbaux, 1717: f. 317a–318b; Голицын, 1859: 7; Galitzin, 1859: 614].

[12] Как свидетельствует автобиографическое «Житие советника Шумахера», после смерти президента Аптекарского приказа лейб-медика Р. К. Арес-

костей и т. п., он посещает Францию, Германию, Голландию и Англию. Прибыв в Париж, он передает Королевской Академии наук благодарственное письмо от царя [13] и письмо от лейб-медика Л. Л. Блю-

кина (1674–1718), личным секретарем которого был Шумахер, последний, посчитав, видимо, свою карьеру в России завершенной, просил абшита (отставки) у Л. Л. Блюментроста (1692–1755), определенного на место почившего. «Увидевши он [Блюментрост], что я своего намерения применить не хотел, предложил [он мне], чтоб вместо абшиту [взял] на шесть месяцов позволение. [Я на то согласился и] подал к Его Импер. Величеству свое прошение, на которое Его Вел. не токмо всемилостивейше соизволил, но еще [сверх того] три комиссии мне поручил, а именно: 1) чтоб в Парижскую академию наук отвесть благодарительное Его Вел. письмо и новосочиненную карту [Каспийского моря]; 2) чтоб сыскать ученых людей, которые бы желали определит[ь]ся в службу Его Величества для корреспонденции, которую Его Величество намерен был содержать с помянутою академиею яко член оныя и 3) чтоб осмотреть как публичныя, так и приватных людей библиотеки и кунсткамеры для лучаго ~~расположения~~ и умножения собственной Его Величества библиотеки и кунсткамеры, для которой Его Величество приказал особливые и изрядные палаты на Васильевском острову построить» [Савельева, 1999: 84]. Подробнее о поездке и ее задачах см. документы: записку Петра I «Пункты о том, что библиотекарю Шумахеру чрез путешествование ево в Германии, Франции, Англии, Галандии учинить» (февраль 1721 г.) [Невская, 2000: 19–24, 34–35 (примеч. 14–30)] и «Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии в 1721–22 годах» (Johan Daniel Schumacher, S. Petersburg 10… 1722 an) [Пекарский, 1862: 533–558], написанный не ранее сентября 1722 [Там же: 539]. Заметим, что поручение Шумахеру о вручении Королевской Академии письма и карты Каспийского моря в «Пунктах» Петра I не значится.

[13] Благодарственное письмо (по официальной терминологии — грамота) Петра I в адрес Королевской Академии наук в Париже от 11 (22) февраля 1721 г. хранится в настоящее время в личном деле Петра I в Архиве Французской Академии наук в Париже (Archives de l'Académie des sciences). Личные дела хранятся без шифров. Письмо написано на русском языке, адрес на латыни: «Regiæ Gallicæ illustri Academiæ Scientiarium» (приводится по: [Français 22232: f. 58b]; ср.: [Голицын, 1859: 9]). Текст составлен Коллегией иностранных дел и исправлен Петром I [Андреев, 1947: 295–296]. Публикация текста: [Голицын, 1859: 7–9; Пекарский, 1862: 532–533; Княжецкая, 1974: 267, 268–269 (факсимиле)] и др., библиографию см.: [Княжецкая, 1974: 267, примеч. 21]. Переводы письма на французский язык см.: [Procès-verbaux, 1721: f. 241a–241b; Français 22232: f. 58a–58b] и др., отметим также недоступный нам документ «Lettre de l'Académie au czar Pierre Ier et réponse de celui-ci, après avoir été nommé membre honoraire (11 février 1721)» из рукописи под шифром Ms 66 (1019) в коллекции Библиотеки Парижской медицинской академии (Bibliothèque de l'Académie nationale de médecine) [Catalogue général, 1909: 374; ср.: Bléchet, 2004: 168, note infrapaginale 22]. Публикация французского текста: [Galitzin, 1859: 614–615; Bléchet, 2004: 168–169] и др.

ментроста, а также преподносит составленные по царскому распоряжению новую карту Каспийского моря [14] и орнитологические описания Д. Г. Мессершмидта. Детали этого визита противоречивы. Согласно отчету И. Д. Шумахера, он прибыл в Париж 4 (15) августа 1721 г. и уже на следующий день представил собравшимся на специально созванной «публичной ассамблее» Академии письма, карту и орнитологические описания [Пекарский, 1862: 534–535; 48, 49–51]. Однако рукописные протоколы Академии за эту дату не содержат упоминания такого важного события — запись о нем мы находим позже и происходило оно не совсем так, как то описывает в своем отчете Шумахер [15]. В протоколе заседания от 19 (30) августа приведен текст письма Петра I на французском языке и указано, что оно было зачитано собравшимся (по-видимому, автором протокола секретарем Бернаром ле Бовье де Фонтенелем) [Procès-verbaux, 1721: f. 241a–241b] [16]. Присутствие на заседании Шумахера в протоколе не обозначено. Из протокола следующего заседания, от 23 августа (3 сентября), следует, что Шумахер именно в этот день посетил собрание, где представил карту, письмо Л. Л. Блюментроста и орнитологические описания (un Catalo-

[14] Рукописная карта Каспийского моря с надписью на картуше: «Картина плоская моря Каспискаго от устья Ярковскаго до залива Астрабатскаго по меридиану возвышаетца в градусах и минутах глубина в саженях и футах рисована в Санктпитербурхе 1721 г. Carl Von Werden Fecit», подаренная Петром I Королевской Академии наук, хранится в отделе карт и планов Национальной библиотеки Франции: Bibliothèque nationale de France, Département Cartes et plans, шифр Rés. Ge AA-581. Цифровая копия доступна в Галлике (Gallica) — электронной библиотеке Национальной библиотеки Франции, идентификатор: ark:/12148/btv1b7200099h. О карте см.: [Княжецкая, 1970].

[15] Пересказ витиеватого и трудночитаемого описания заседания из отчета Шумахера см.: [Андреев, 1947: 299–302].

[16] Дата 30 августа 1721 г. (30 août 1721) написана карандашом по-французски (по-видимому, архивистом) и на первой странице русского оригинала письма Петра I (см. факсимиле: [Княжецкая, 1974: 268]). Близкая дата, отличающаяся на два дня, обнаруживается и на французском подстрочном переводе письма, сохранившемся среди бумаг Ж.-П. Биньона. Здесь стоят две его, судя по почерку, пометки. Первая — озаглавливающая документ: «Traduction littérale de la lettre du Czar a Messieurs de l'Académie Royale des sciences», вторая, относящаяся к слову «porteur» во фразе «et le porteur de la presente, nôtre Bibliothécaire» («и объявитель сего наш библиотекариус» в оригинале), указывает на присутствие (à présent) Шумахера в Париже и датирована 1 сентября 1721 г.: «M. Schumacher 1er garde de la Bibliothèque Czarienne à Petersbourg, à présent à Paris par ordre du Czar. ce 1er Septemb[re] 1721» [Français 22232: f. 58a, 58b]. Из этого, по-видимому, следует, что подстрочник (по понятной причине отличающийся от перевода в протоколе) был выполнен для Биньона или попал к нему практически сразу после заседания.

gue latin des oiseaux de Sibérie) [Procès-verbaux, 1721: f. 243a] [17]. Таким образом, заседаний было два, прошли они позже даты, приводимой исследователями вслед за свидетельством Шумахера по публикации Пекарского [18]; присутствовал ли Шумахер при чтении письма царя на заседании, как то следует из отчета, неизвестно. Если так, то остается неясным, куда вкралась ошибка. Прибыл ли Шумахер в Париж в указанную им дату или позже? А если прибыл, то случайно ли «ускорил» проведение заседания, датировав его следующим по приезде днем (придал важности визиту для читателя-царя?), или это ошибка памяти?

§ 3. Рукописные книги, «найденные у Каспийского моря»

Дальнейшие события этой истории связаны с обнаружением неких «древностей» и рукописных книг у Каспийского моря. Сведения об этом дошли до Европы и появились во французской прессе во время пребывания Шумахера в Париже. К этим свидетельствам мы обратимся далее, а сначала кратко поясним, о каких рукописных книгах идет речь.

Известно, что первые тибетские и монгольские рукописи, поступившие в Санкт-Петербург, происходят из двух заброшенных прииртышских ойратских монастырей в Южной Сибири: Аблай-хита [19] — на левом и Семи Палат [20] — на правом берегу Иртыша [21], обнаружен-

[17] Не обошла вниманием это событие и сентябрьская пресса, прямо подтверждая дату проведения заседания «le 3. de ce mois», но считая почему-то, что письмо Петра I было на латинском языке, см.: [Mercure 1721a: 99–102; Mercure historique… 1721a: 353–355; Lettres 1721a: 282–283, 311–313].

[18] См., например: [Княжецкая, 1974: 270; Дриссен-ван хет Реве, 2015: 203].

[19] Развалины буддийского храма и монастыря Аблай-хит (49°27′24.0″ с. ш. 82°34′15.3″ в. д.) находятся примерно в 54 км к югу от г. Усть-Каменогорска в Казахстане.

[20] Точное местоположение автору настоящей статьи неизвестно. Первая Семипалатинская крепость была построена невдалеке от пришедшего в упадок ойратского города или поселения Доржинкит, от которого к моменту постройки сохранилось семь строений (каменных палат), занятых некогда буддийским монастырем («каменными мечетями» — по грамоте царя Михаила Федоровича от 25 октября 7125 (1616) г. [Müller, 1747a: 433]). На месте старой Семипалатинской крепости (50°29′39.7″ с. ш. 80°05′21.8″ в. д.) располагается сейчас село Старая Крепость в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области в Казахстане.

[21] Если двигаться от озера Зайсан вверх по Иртышу, то Усть-Каменогорская крепость (сейчас г. Усть-Каменогорск) будет на правом берегу, Аблай-хит — на левом (примерно в 54 км вглубь от берега реки и г. Усть-Каменогорска при измерении по прямой без учета «проходимости»), Семь Палат и

ных русскими военными [22]. Точное время обнаружения рукописей неизвестно, но можно обозначить некоторые временные рамки.

Осенью 1717 г. был обследован монастырь Семь Палат (известный изначально как Дархан-цорджи-хит; старомонг. *Darqan čorǰi-yin keyid*; монг. *Дархан цоржийн хийд*), а в следующем году неподалеку была основана Семипалатинская крепость. Если так, то, как предполагает А. В. Зорин, первые рукописи могли быть найдены уже осенью 1717 г., в любом случае не позднее 1718 г., когда первые находки поступают в Санкт-Петербург и о них становится известно (см. ниже свидетельство Вебера).

В августе 1720 г. майор лейб-гвардии И. М. Лихарев закладывает Усть-Каменогорскую крепость и оставляет ее (крепость строилась без него). Между концом 1720 г. и летом 1721 г. военные обнаруживают второй монастырь — Аблай-хит (Аблай-кит, Аблайн-хит; старомонг. *Ablai-yin keyid*; монг. *Аблайн хийд*). 25 августа (5 сентября) 1721 г. губернатор Сибири А. М. Черкасский (1680–1742) высылает шесть найденных в нем листов в Санкт-Петербург [23] [Зорин, 2020: 203–204]. Очевидно, что различные поступления продолжались и далее.

первая Семипалатинская крепость (сейчас с. Старая Крепость) — на правом. Ср.: [Зорин, 2020: 202], где берега указаны наоборот — при движении вниз по Иртышу к озеру Зайсан, но это никак не обозначено.

[22] Подробнее об открытии монастырей, поступлении рукописей в Санкт-Петербург и «рассеивании» их по Европе см.: [Княжецкая, 1989; Зорин, 2015; Zorin, 2015; Ямпольская, 2019а; 2019б; Зорин, 2020] и др. Необходимо сразу отметить, что, как показал наш коллега А. В. Зорин, основываясь прежде всего на работах В. Б. Бородаева, многие положения статьи Е. А. Княжецкой [1989] в настоящее время устарели и нуждаются в осторожном и критическом отношении [Зорин, 2015; Zorin, 2015; Зорин, 2020]. Кроме того, недавно развернувшаяся полемика между учеными, начавшаяся с выхода в свет новой научной комплексной монографии, посвященной Аблай-хиту [Байпаков и др., 2019], говорит о том, что нерешенных вопросов остается пока еще много. См. статьи Ямпольской [Ямпольская, 2019а; 2019б] и рецензию Зорина [Зорин, 2020].

[23] См. донесение князя А. М. Черкасского государю от 25 августа 1721 г.: «В нынешних днях от приезжих офицеров уведомился я, что за Усть-Каменскою крепостью в степи нашли старые полаты, и в тех полатах найдены письма, которых 6 листов посылаю к Вашему Величеству. А к маеору Вельяминову, которой ныне в Семипалатной крепости, писал, велел послать капитана инженера и оные полаты описать и учинить чертеж, и какие найдутся куриозные вещи или украшения из крепких камней или муравленые, оные велел прислать в Тобольск. И ежели какие погребы засыпаны землею, велел раскопать, и что найдетца, прислать. О том в предь доносить буду. 25 августа 1721 году» [Спицын, 1906: 241]. Оригинал документа, как указал В. Б. Бородаев и сообщил А. В. Зорин [2020: 204, примеч. 19], хранится в Российском государственном архиве древних актов, см.: РГАДА. Ф. 9 [Разряд IX. Кабинет Петра I

Формирование и пополнение книжных коллекций всегда являлось одной из главных задач соответствующих учреждений, будь то библиотека или музей. Библиотеки из двух заброшенных буддийских монастырей, обнаруженных русскими военными в Южной Сибири на Прииртышье в начале XVIII в., стали мощным источником таких поступлений — как прямым, так и через частные руки. Рукописи на тибетском и монгольском языках из Аблай-хита и Семи Палат обнаруживаются сейчас не только в Санкт-Петербурге (в основном в Институте восточных рукописей РАН), но и во многих библиотеках Европы [24]. Не исключено, что какие-то из них до сих пор находятся в частных коллекциях.

В 1721 г. находку рукописей на пергамене среди древностей, которые были найдены «у Каспийского моря в разных развалинах языческих капищ и молелен, в 1716 и 1718 гг.» упоминает немецкий дипломат Фридрих Христиан Вебер (Friedrich Christian Weber; 169?–1739) в первой части своих записок «Преображенная Россия» [Weber, 1721: 225] [25]. А. В. Зорин полагает, что Вебер видел рукописи, найденные в

и его продолжение — (объединение фондов) Государственного архива Российской империи]. Оп. 4 [Отделение II — входящие письма]. Д. 57. Л. 413–413 об.

[24] Выявлением этих рукописей, «рассеявшихся» по городам и весям, занимаются в Санкт-Петербурге наши коллеги А. В. Зорин и Н. В. Ямпольская, хотя к этой работе обращаются и другие исследователи. О рукописях из Аблай-хита в библиотеках Европы см. подробный обзор: [Ямпольская, 2019а: 212–229]. О рукописях в Санкт-Петербурге см. работы: [Зорин, 2015; 2020; Zorin, 2015; Ямпольская, 2019а: 230–235]. Обзор содержания рукописей из Аблай-хита на тибетском и монгольских языках см.: [Ямпольская, 2019б]. Составленный А. В. Зориным список тибетских листов из Санкт-Петербурга, принадлежащих неизвестной редакции Кагьюра, см.: [Helman-Ważny et al., 2015: 73–76]. См. также упоминавшуюся выше небезынтересную полемику, обнажающую в том числе многие нерешенные на сегодняшний день вопросы: [Зорин, 2020].

[25] Вебер проживал в России (в Петербурге и Москве) с февраля 1714 до конца 1719 г., ведя дневник (или «журнал», как он сам его называет). Вернувшись в Германию, Вебер издал свои записки с очень пространным заголовком, но без указания своего имени. Записки выдержали несколько изданий и были продолжены — вышли их вторая (1738) и третья части (1740), а также переводы на другие языки. В русском переводе свидетельство о рукописях звучит так: «Превосходные картины, которыми обладает царь, нельзя купить ни за какие деньги. Вещи, перешедшие к нему от предков его и полученные им изо всех Азиатских областей, тщательно хранимые в Петербурге, составляют превосходнейший кабинет редкостей. Древности, которые найдены были у Каспийского моря в разных развалинах языческих капищ и молелен, в 1716 и 1718 годах, и которые состоят из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых еще рукописей на пергаменте (они были у меня в руках), могут образовать прелюбопытное собрание идолов, и ученый, сведущий

Семи Палатах [Зорин, 2020: 203, примеч. 18], с чем на текущем уровне наших знаний сложно не согласиться. Дата выхода книги Вебера в свет точно не установлена, но имеющиеся данные позволяют полагать, что она была отпечатана во втором-третьем квартале (мае-сентябре) 1721 г. [26]

Вернемся во Францию. 23 сентября (4 октября) и 7 (18) октября 1721 г. во французской еженедельной газете «Gazette» [27], издававшейся в Париже, появляются два новостных сообщения (корреспонденции) из Санкт-Петербурга, датированные 1 сентября [28] и 15 сентября [29] соответственно. В первой заметке сообщается, что некоторые из отвечавших за работу по составлению новой карты Каспийского моря для царя (напомним, что результат этой работы в копии был представлен Шумахером Королевской Академии), вернувшись в Санкт-Петербург, сообщили об обнаружении в землях в 150 льё к северу-востоку от этого моря [30] большого каменного здания, более чем наполовину покры-

---

в древних восточных языках, в древностях и в мифической теологии, будучи допущен к изучению этих сокровищ, может многое разъяснить для всего ученого мира» (пер. П. П. Барсова с немецкого издания 1744 г.) [Вебер, 1872: 1419–1420]. Запись, очевидно, редактировавшаяся в 1720 г., датирована летне-осенними месяцами 1716 г. («Sommer- und Herbst Monathe 1716») [Weber, 1721: 225].

[26] Издание появляется в каталоге лейпцигского книгоиздателя Иоганна Фридриха Гледича для Лейпцигской ярмарки 1721 г. («Leipziger Michael-Messe 1721») [Gleditsch, 1721b], начинавшейся, как правило, в сентябре, что позволяет датировать месяц, когда книга уже была выпущена из печати, августом или сентябрем 1721 г. При этом в аналогичный каталог к Пасхальной ярмарке («Leipziger Oster-Messe 1721») [Gleditsch, 1721a], проходившей в тот год в апреле, она еще не вошла, что позволяет уточнить эту датировку. Мы благодарны нашему коллеге Свену Остеркампу (Sven Osterkamp) из Рурского университета в Бохуме за указание на этот факт.

[27] В 1721 г. выходила под заголовком «Gazette», в последующем известна как «Gazette de France». На титульном листе годовой подшивки за 1721 г., печатавшемся уже в следующем, 1722 г., значится пространный заголовок: «Recueil des nouvelles ordinaires et extraordinaires, relations et récits des choses avenues, tant en ce royaume qu'ailleurs, pendant l'année mil sept cent vingt-un».

[28] См.: De Petersbourg, le 1r Septembre 1721 [Gazette, 1721. No. 42: 485–486]. Русский перевод фрагмента из сообщения: [Ямпольская, 2019a: 203], резюме: [Порше, 1938: 49]. Стиль даты корреспонденции неясен. Может соответствовать 1 (12) сентября или 21 августа (1 сентября) 1721 г.

[29] См.: De Petersbourg, le 15 Septembre 1721 [Gazette, 1721. No. 44: 509–511]. Русский перевод фрагмента из сообщения: [Ямпольская, 2019a: 205–206]. Стиль даты корреспонденции неясен. Может соответствовать 15 (26) или 4 (15) сентября 1721 г.

[30] Л ь ё — старинная французская единица измерения расстояния, имевшая несколько разновидностей. Известны: 1) льё старинное (сухопутное) =

того песком. В нем «нашли шкафы из прочной черной древесины, заключавшие в себе более трех тысяч томов, переплетенных в форме больших томов *in quarto*, на плотных листах их по две-три строки, написанные на синем фоне белыми буквами: когда же хотели увезти эту библиотеку, суеверные обитатели тех мест воспротивились этому, поскольку почитают здание как святыню и верят, что позволить что-то вывезти означало бы осквернить ее. Русские путешественники все же нашли способ похитить три тома, которые они привезли в этот город (Санкт-Петербург. — *Примеч. пер.*), однако не встретили никого, кто мог бы прочесть эти буквы, что и склонило Царя приказать изготовить копии первых страниц этих книг, дабы послать их ученым Франции и Англии» (пер. Н. В. Ямпольской) [Ямпольская, 2019а: 203].

Во второй заметке, вышедшей через две недели, приводятся более подробные сведения о рукописях и упоминаются другие находки. Из этих описаний, в частности, можно сделать вывод, что, как совершенно справедливо указывает Н. В. Ямпольская, речь идет именно о тибетских рукописях, а не монгольских [Ямпольская, 2019а: 205–206]. Кроме того, в описаниях предметов материальной культуры угадываются вещи, высланные Петру I, вероятно, первым Сибирским губернатором М. П. Гагариным (ок. 1659–1721) и образовавшие знаменитую сибирскую коллекцию Кунсткамеры [Там же] [31]. Корреспондент газеты, со-

---

4444,44 м; 2) льё морское, или географическое, = 5555,55 м; 3) льё, представляющее длину дуги в $^{1}/_{18}$ градуса земного меридиана, = 6172,78 м; 4) льё почтовое = 3898,08 м; 5) льё общинное, величина которого колебалась в разных провинциях Франции, = 4449,65 м; 6) льё инженерное = 4000 м [Завьялова, Приймак, 2003: 29, примеч. 30; Липин, 1853. Отд. II: 284, 304]. В этих мерах 150 льё соответствуют: 1) 666,7 км; 2) 833,3 км; 3) 925,9 км; 4) 584,7 км; 5) 667,4 км; 6) 600 км (ср. с данными Н. В. Ямпольской, которые мы затрудняемся интерпретировать: «[п]римерно соответствует 724 км» [Ямпольская, 2019а: 203, примеч. 19]). От северо-восточного берега Каспийского моря до Аблай-хита — около 2200 км (495 сухопутных льё), а до Семи Палат — около 2030 км (457 сухопутных льё) (при измерении по прямой без учета «проходимости», то есть наличия дорог). Эти расстояния являются исключительно оценочными (по минимальному пути), точное измерение здесь вряд ли возможно. Все измерения — наши. Очевидно, что указание «150 льё» по отношению к двум монастырям — ошибочно, как ни считай. Скрывается ли за этим что-то важное, или это простая неточность?

[31] См. также мемуар Шумахера: [Montfaucon, 1724]. Попутно отметим, что этот мемуар был перепечатан в 1725 г. без указания источника в новом издании книги голландского путешественника Корнелиса де Брюйна [Le Bruyn, 1725] (вышла одновременно в Париже и Руане). Транскрибировав фамилию Шумахера (Chumaeker вместо Schumacker у Монфокона), датировав мемуар «октябрем 1721 г.» (месяц и год обнаружения ойратских древностей у Монфокона, явно «установленные» по датам выхода сообщений в «Gazette») и

общивший новости из Санкт-Петербурга, в обоих случаях остался неизвестен, а идентифицировать его пока не удалось [32].

На настоящий момент до конца непонятно, какой из двух монастырей описывает «Gazette». А. В. Зорин полагает, что это были Семь Палат, но не все исследователи с ним согласны (см.: [Зорин, 2015: 105; Ямпольская, 2019a: 203–206; Зорин, 2020: 205–206]).

Аналогичные сообщения с некоторой задержкой появляются и в различных ревю: парижском «Меркурии» («Le Mercure») и гаагском «Историческом и политическом Меркурии» («Mercure historique et politique»), а также в «Исторических письмах» («Lettres historiques»), издававшихся на тот момент вдовой Жака Деборда в Амстердаме [33]. Эти сообщения, как оказалось, дают новый материал. Заметка в парижском «Меркурии» после текста, в основном повторяющего таковой в «Ga-

---

добавив два заключительных абзаца в слова Шумахера от себя, путешественник ввел в заблуждение уже нашего современника, коллегу А. В. Зорина, которому пришлось объяснять, как в октябре 1721 г. братья Фурмон и Н. Фрере (см. § 5 ниже) могли опознать язык тибетского листа как тибетский (добавлено в текст Брюйном), см.: [Зорин, 2020: 210–211, примеч. 46]. Заметка в «Le Journal des Sçavans» об успехе братьев Фурмон и Фрере, которую имел в виду Брюйн и которую безуспешно пытался найти наш коллега в номерах за 1721–1722 гг., вышла в парижской версии в июле [Journal des Sçavans, 1724a: 479–481; 1724b: 463–464], в амстердамской — в августе 1724 г. [Journal des Sçavans, 1724c: 105–108 (i. e. 205–208)], о чем мы, безусловно, немедленно сообщили в личной переписке (письмо от 07.04.2020).

[32] Как пишет С. А. Мезин, начиная с 30-х номеров 1721 г., «Gazette» начинает регулярно помещать корреспонденции «Из Петербурга»: «[н]есомненно, это было связано с победой России в Северной войне и отразило повышение статуса северной державы в европейской политической системе. Появление регулярных сообщений из Петербурга было обусловлено и установлением более тесных дипломатических отношений: осенью 1721 году маркиз Ж. Ж. Кампредон поселился в Петербурге в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра Франции при русском дворе. Письма „Из Петербурга“ открывали почти каждый номер официального двенадцатистраничного еженедельника, который завершался сообщениями из Лондона, Гааги и Парижа» [Мезин, 2017: 284–285]. По этому указанию исследователя мы без труда нашли первое сообщение «De Petersbourg» от 20 июня (стиль неясен) в подшивке «Gazette» за 1721 г., в № 32 от 15 (26) июля. Возможно, дальнейшие исследования в этом направлении помогут раскрыть петербургский источник «Gazette».

[33] Сообщения в октябрьских «меркуриях», повторяющих первую заметку в «Gazette», см.: [Mercure 1721b: 114–116; Mercure historique… 1721b: 416–418]; сообщения в ноябрьских «меркуриях», повторяющих вторую заметку в «Gazette», см.: [Mercure 1721c: 74–76; Mercure historique… 1721c: 530–533]. Скомпилированная информация обеих заметок в ноябрьских «Исторических письмах», см.: [Lettres 1721b: 529–532].

zette», исправляет его, ссылаясь на утверждение находившегося на тот момент в Париже «библиотекаря царя» (Шумахера), а именно: в Петербург были доставлены три рукописных листа, а не три тома; неверно, что число найденных в шкафах томов приближалось к 3000 [34].

Итак, согласно «Gazette», были найдены три книги, или три листа (если учесть поправку в «Меркурии», приписываемую Шумахеру). Согласно Менке [Mencke, 1722b: 375] (о его роли речь пойдет ниже, в § 4), листов было пять (quinque folia). А. М. Черкасский высылает царю шесть листов. Если А. В. Зорин прав и в заметке «Gazette» описаны события, связанные с обнаружением Семи Палат, тогда эти данные можно попытаться интерпретировать так: три листа могут происходить из Семи Палат, а пять-шесть листов — из Аблай-хита. Подчеркнем, что рукописей за все время найдено было намного больше, здесь мы говорим об отдельных находках или событиях, отраженных в рассматриваемых источниках.

Согласно многочисленным вторичным источникам (пересказам) [35], дальнейшее можно представить в следующем виде. Найденные рукописи, написанные доселе неизвестным тибетским письмом, были доставлены в Санкт-Петербург и представлены царю. Петр I, удовлетворяя свое любопытство, распорядился показать их ученым Москвы и Петербурга, а затем поделиться и с некими университетами на Севере («différentes Universitez du Nord» [Histoire, 1729a: 5; Порше 1938: 51] и «différentes Universités du Nord» [Histoire, 1729b: 5]) [36]. Не получив

---

[34] «Le Bibliothequaire du Czar, qui est actuellement à Paris, prétend qu'on n'a apporté à Petersbourg que trois feüilles manuscrites, au lieu de trois Volumes, & qu'il n'est pas vrai que le nombre des Volumes qu'on a trouvez dans les Armoires approchât de trois mille» [Mercure 1721b: 116]. Нам не удалось найти источника «Меркурия», однако, учитывая отсутствие этого дополнения в гаагской версии, полагаем, что оно могло быть и уникальным.

[35] См., например, документ «Mémoire sur des fragments de livres thibétains envoyés à l'abbé Bignon par le czar Pierre le Grand» [Français 22225: ff. 48–53; Порше, 1938: 50–54], которому мы в основном и следуем. Похожая версия излагается в пятом томе «Истории Королевской Академии надписей и изящной словесности» [Histoire, 1729a: 4–7; 1729b: 4–7].

[36] Это неясное сообщение приводится во многих французских источниках, начиная, по-видимому, с «Истории Королевской Академии надписей и изящной словесности» [Histoire, 1729a: 5; 1729b: 5]. К таким же неясным данным можно отнести относительно поздние немецкие сообщения начала XIX в., первоисточник которых мы пока не установили. Например, Иоганн Кристоф Аделунг (Johann Christoph Adelung; 1732–1806) в своем «Митридате, или Всеобщем языкознании» (1806), сообщает, что в 1721 г. (так!) Петр I отправил несколько из найденных листов в Рим и Париж для расшифровки [Adelung, 1806: 69–70]. Иоганн Готфрид Эйхгорн (Johann Gottfried Eichhorn; 1752–1827) в «Истории современного языкознания» (1807) дополняет (но без указания

разгадки таинственных письмен, он решил обратиться к ученым Франции и отправил один лист для истолкования лично аббату Биньону, с которым, как было показано, был знаком даже лично. Добавим, что, согласно первому сообщению в «Gazette» (см. выше), Петр I распорядился изготовить «копии» первых страниц найденных рукописных книг, чтобы послать их ученым Франции и Англии [Gazette, 1721. No. 42: 486]. По датам корреспонденции из Санкт-Петербурга и выхода номера газеты в свет можно заключить, что это распоряжение было дано около 1 сентября 1721 г. (стиль неясен), но не позднее 23 сентября (4 октября) того же года. Чуть позже в Санкт-Петербург должны были прибыть и шесть листов из Аблай-хита от А. М. Черкасского, что, вероятно, внесло свои коррективы. Возможно, именно поэтому вместо копий или самих семипалатинских листов, о которых, по гипотезе А. В. Зорина, идет речь в «Gazette», заграничным ученым во Францию отправили один лист из Аблай-хита — наиболее сохранившийся из всех (вопрос о количестве отправленных листов и об английском «следе» мы отдельно рассмотрим в следующем параграфе). Исполнителем же воли царя стал Шумахер, находившийся тогда в Европе.

§ 4. И. Д. Шумахер в Германии в 1722 г.

Судя по отчету Шумахера, поездка, начавшаяся в феврале 1721 г. и окончившаяся в сентябре 1722 г., включала в себя много переездов и была истинно рабочей, поэтому некоторые города (например, Амстердам) он посещал несколько раз, возвращаясь, когда то было необходимо. Так, в конце мая 1721 г. он был в Амстердаме, в июле — в Лейдене, в августе-сентябре — в Париже (см. § 2), в октябре — в Берлине, в марте-апреле 1722 г. — в Лондоне [37], в мае — в Амстердаме, в конце

года): то, что не получилось в первом городе (посредством Ассемани), удалось во втором: «Peter der Große schickte einige von den gefundenen Blättern mit den unbekannten Schriftzügen nach Rom und Paris zur Entzieferung. Was in der ersten Stadt (durch Assemani) nicht gelang, das gelang in der letztern» [Eichhorn, 1807: 118]. Здесь имеется в виду Иосиф (Джузеппе) Симон Ассемани (Giuseppe Simone Assemani; 1687–1768) — «Великий Ассемани» — итальянский востоковед ливанского происхождения. Возможная (возможная ли?) отправка каких-либо тибетских листов в Рим и выявление более раннего источника кратких сообщений Аделунга и Эйхгорна нуждается в дополнительном исследовании.

[37] Известно, что 3 апреля 1722 г. Шумахер проживал в гостинице «Crown Western» в Лондоне, а на 17 апреля, как пишет Й. Дриссен-ван хет Реве, находился в Лондоне «уже две недели» [Дриссен-ван хет Реве, 2015: 204–205]. Полагаем, что заключение о двух неделях сделано на основе предположения, что Шумахер прибыл в Лондон около 3 апреля (видимо, нового стиля, поскольку события датируются по письмам Ван ден Бурга). Однако найденные

июня — в Гамбурге [Дриссен-ван хет Реве, 2015: 197, 198, 201, 204, 205, 206, 210].

Дальнейшие события, связанные с тибетским листом, можно проследить по одному из писем Шумахера к Биньону, сохранившемуся среди бумаг последнего в собрании Национальной библиотеки Франции и впервые опубликованному Жаном Порше (Jean Porcher; 1892–1966) в 1938 г. [38] В апреле-мае 1722 г., возвратившись из Англии в Голландию, Шумахер обнаруживает (по-видимому, в ожидающей его почтовой корреспонденции) один тибетский лист (как минимум, один; см. нашу ремарку ниже) — привезенный из калмыцких земель оригинал с письменами, о котором упоминала французская «Gazette», — наиболее полный из имеющихся в наличии, с распоряжением передать его Биньону и испросить мнение последнего о нем [39]. Здесь стоит сделать важную оговорку. Хотя письмо, которому мы следуем, реконструируя эти события, говорит об одном листе, речь идет все-таки об одном листе, посланном во Францию. *Действительно ли* Шумахер получил *только* один лист или не стал раскрывать французскому адресату подробности, его не касающиеся, мы не знаем. В последнем случае, однако, эти подробности не были раскрыты и Менке, которому Шумахер «привез» (лат. attulit) только этот один «французский» лист (см. ниже). Возможно, мы излишне осторожны в интерпретации источника (письма), но на то у нас есть определенные основания [40].

нами источники говорят, что Шумахер был (бывал?) в Лондоне раньше апреля. В начале марта 1722 г. английские газеты перепечатывают небольшую новость из Лондона: «'Tis [It is. — *V. Z.*] said, that a Librarian of the Czar of Muscovy is now in this City, purchasing Books, at his Master's Command, having been before on the same Errand in France and Holland». Находим мы ее, например, в номере от 15 марта газеты «The Stamford Mercury», издававшейся в Стамфорде в Линкольншире (новость из Лондона датирована 10 марта), и в номере от 17 марта газеты «The Newcastle Weekly Courant», издававшейся в Ньюкасл-апон-Тайне в Нортамберленде (со ссылкой на номер газеты «Whitehall Evening-Post» от 8 марта) [Stamford Mercury, 1722: 128; Newcastle Weekly Courant, 1722: 3]. Нам пока не удалось ознакомиться с подшивкой лондонской «Whitehall Evening-Post» за тот год и определить, какая газета первой дала это сообщение. В апреле эта мартовская новость из Европы доходит до Америки, где ее печатает, например, бостонская «The New-England Courant» [1722].

[38] См.: [Français 22233: f. 169; Порше, 1938: 50]. Текст по публикации Порше приводится также полностью в работе А. В. Зорина [2020: 211, примеч. 48].

[39] В тексте письма: «Après mon retour d'Angleterre en Hollande, j'ay trouvé cet original cy joint des charactères qu'on a rapporté du pays des Calmucks et dont la Gazette a fait mention avec ordre de vous le faire rendre, en vous priant d'en vouloir bien dire vos sentiments».

[40] Наша источниковедческая оговорка неслучайна и связана с дискуссией наших коллег об истории аблай-хитских листов в британской тибетской кол-

лекции. Суть ее такова. Тибетолог Антон Антонович Шифнер (Franz Anton Schiefner; 1817–1879), посетивший летом 1863 г. Англию, отмечает в своем сообщении, представленном на заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук 25 сентября 1863 г., что видел в тибетской коллекции Британского музея аблай-хитские листы (сейчас они хранятся в Британской библиотеке), которые раньше принадлежали коллекционеру сэру Гансу Слоуну (Sir Hans Sloane; 1660–1753). Шифнер также высказывает предположение, что они были привезены в Лондон Шумахером в 1721 г. (так!): «Im British Museum wurde mir was dort Tibetisches vorhanden war von Herrn Charles Rieu vorgelegt. Als Curiosum gelten die wohl im Jahre 1721 durch den Bibliothekar Schumacher nach London gelangten tibetischen Blätter aus dem Funde von Ablainkit, welche einstmals im Besitz Sloane's gewesen sind. Sie sind theils mit Gold-, theils mit Silberschrift auf dunklem Grunde, wie deren das Asiatische Museum eine Menge aufzuweisen hat» [Schiefner, 1863: 483; 1864: 44–45]). А. В. Зорин полагает, что эта информация исходит от Шарля Рьё (Charles Pierre Henri Rieu; 1820–1902), хранителя восточных рукописей музея, показывавшего коллекции Шифнеру, и если она и неверна в деталях (год и участие Шумахера), то все же содержит зерно истины. Зорин делает интересное наблюдение: если сейчас в коллекции Британской библиотеки хранится именно *пять* аблай-хитских листов на коричневой бумаге, принадлежавших Слоуну, то не относятся ли они к партии из шести листов (один в Париже), посланной А. М. Черкасским царю в 1721 г.? См. об этом: [Зорин, 2015: 108; Zorin, 2015: 165], а также материалы дискуссии: [Ямпольская, 2019а: 223; примеч. 44 на с. 223; Зорин, 2020: 211–212]. Хотя А. В. Зорин справедливо не идет дальше и не связывает Шумахера с обретением этих листов Слоуном, все же заметим, что об изготовлении копий первых страниц найденных книг для пересылки «ученым Франции и Англии» писала еще «Gazette» [1721. No. 42: 486]. Кроме того, пребывание Шумахера в Англии исследовано пока явно недостаточно (ср., например: [Радовский, 1961: 58–60]), а какой-либо документ о количестве листов, высланных ему из Санкт-Петербурга, так еще и не найден. Материал по возможным контактам между Шумахером и Слоуном в Лондоне, нуждающийся в проработке, здесь тоже явно имеется. Например, известно, что в Лондоне Шумахер посетил заседания Королевского научного общества [Пекарский, 1862: 545] и, как считается, получил разрешение осмотреть коллекции Слоуна, которые высоко оценил в своем отчете Петру I [Thomas, 1988: 21–23]. В этом отчете мы действительно находим сообщение об осмотре кабинета натуралиев и собрания антиквететов некоего «господина Стоанесса». Это имя упомянуто также в заключительном параграфе, среди других ученых людей и «охотников художеств и наук», с которыми Шумахер часто «обходился» и корреспонденция с которыми есть лучший способ «библиотеку и кунст-камеру [царя. — *В. З.*] в совершенство привести» [Пекарский, 1862: 552, 557–558]. Хотя более поздняя переписка между Шумахером и Слоуном сохранилась [Thomas, 1988: 35], нам пока не так очевидно, что Слоун/Слоан (Sloane) и Стоанесс (Стоанес) в отчете (по изданию текста Пекарским) — это одно и то же лицо. Такое прочтение, вместо ожидаемого Stones или Stone, хотя и понятно, но нуждается, на наш взгляд, в обосновании. Оригинал отчета Шумахера хранится в РГАДА: Ф. 9 [Разряд IX]. Оп. 4 [Отделение II]. Д. 61. Л. 816–862

Итак, если Шумахер точен в деталях и формулировках, то, получив лист, он не сразу выполнил это поручение, а сначала отправился по различным делам в Германию.

За несколько дней до 14 (25) июня 1722 г. он заезжает в Лейпциг, где встречается с немецким ученым Иоганном Буркхардтом Менке (Johann Burckhardt Mencke; 1674–1732) [41] и показывает ему один тибетский лист [Mencke, 1722a: 498; 1722b: 374–375] [42]. Заинтересовавшийся Менке обращается к лейпцигскому граверу Эразмусу Андерсону [43] и поручает вырезать точную копию двух сторон листа на меди, после чего публикует гравюру вместе с небольшой заметкой на латинском языке, озаглавленной «Литературные новости о рукописных книгах, найденных в Тартарии» («Nova literaria de M[anu]s[cri]ptis codicibus in Tartaria repertis»), в июльском номере издаваемых им «Трудов ученых» («Acta eruditorum») [Mencke, 1722b] [44]. Так текст листа был введен в научный оборот, а опубликованная гравюра (см. ил. 8) на долгое время стала его основным источником. Кроме того, по описанию листа, данному Менке, не остается сомнений, что он происходит из Аблай-хита: «поля имеют бурый цвет, а центральная часть, где находятся письмена, — черный; буквы ярко-белого цвета, переходящего

(документ не обследован *de visu*, шифр приводится по описи дела, номера листов — по данным публикатора [Пекарский, 1862: 533]; по описи — л. 811–856). Сюда же можно добавить, что в 1730 г. во время своей заграничной поездки Г. Ф. Миллер тоже встречался со Слоуном и даже преподнес ему от имени Академии книги и гравюры, которые привез с собой [Копелевич, 1973: 49–50; 49, примеч. 17–18; Радовский, 1961: 116–121; Thomas, 1988: 23–26].

[41] См. о нем: [Brauer, 1962].

[42] Шумахера заинтересовала библиотека Менке, которую он желал купить для царя: «Славный Менке, чрез которого действия ученых людей лейпцигския (Acta eruditorum) издаются, имеет полную историческую библиотеку. Аз мню, что его уговорить можно, дабы оную вашему императорскому величеству продал» [Пекарский, 1862: 557].

[43] На гравюре сбоку имеется подпись гравера (см.: [Mencke, 1722b: Tab. V]), которую мы читаем так: E:Andre=Sohn sc. Lips., то есть: E. Andre-Sohn sc[ulpsit] Lips[iæ]. Таким образом, не названным самим Менке гравером был именно Эразмус Андерсон (Erasmus Andersohn, Andre-Sohn, Andrea-Sohn, Andresohn; 1651–1731).

[44] Как пишет Менке: «После того, как недавно Иоганн Даниэль Шумахер <…> возвращался через Англию и Нидерланды (Belgica), он заехал к нам и привез с собой почти не поврежденный временем подлинный лист бумаги, извлеченный из тех томов, которые в прошлом году русские нашли в Татарии, каковой мы велели вырезать на меди искусному мастеру, тщательно изучившему и скопировавшему все буквы, чтобы мы могли предоставить его любопытному читателю целиком для обозрения с обеих сторон» (пер. М. В. Шелковича) [Mencke, 1722b: 374–375].

в серебряный, как это видно по их форме, протравлены очень тщательно» (пер. М. В. Шелковича) [Mencke, 1722b: 374].

Предваряя публикацию в «Acta eruditorum», Менке [45] публикует небольшое сообщение о рукописи с неизвестными письменами и анонсом будущей публикации в лейпцигской газете «Neuer Zeitungen von Gelehrten Sachen» за 14 (25) июня 1722 г. [Mencke, 1722a]. Сообщение сопровождается рисунком, воспроизводящим начало первой строки тибетского текста: «@@|,__|par thugs su chud pa des | sngon sems» (см. ил. 9) [46]. Именно эта публикация может считаться первой попыткой издания тибетского текста с листа — его небольшого отрывка [47].

На сообщение газеты и опубликованный образчик неизвестного письма откликается [48] другой ученый — француз Матурен Вейсьер де Лакроз (Maturin Veyssière de La Croze; 1661–1739), обосновавшийся в Берлине. В своем письме к Менке, опубликованном в августовском

---

[45] Сообщение, или, точнее, известие (нем. Zeitung, соответствующее в старом значении более современному Nachricht), из Лейпцига не подписано, но его содержание и отклик на него Лакроза («Epistola… ad J. B. M.») [La Croze, 1722a: 414] показывают, что его автором был Менке. Публикация в «Acta eruditorum», также не имеющая имени автора, несомненно, тоже принадлежит Менке.

[46] Рисунок в газете не является фрагментом опубликованной гравюры, в чем легко убедиться при визуальном сравнении текстов.

[47] Публикация дважды упоминается в письме М. В. де Лакроза к Менке [La Croze, 1722a: 414, 416], откликнувшемуся на сообщение «ex Nuntiis Litterariis Lipsiae editis lingua Germanica, ad diem 25 mensis Junii» об обнаружении рукописных книг недалеко от Каспийского моря («haud procul mari Caspio»), и один раз у Миллера уже под другим названием («et specimen eius in *nouis literariis*») [Müller, 1747a: 421] (ср. также с «les Nouvelles Littéraires de Leipsick» от 29 июня (sic!) у Де Отрея: [Deshauterayes, 1766: 586; 1767: 586]). Идентифицировать названное Лакрозом по-латински (ср. с «Nuntia Litteraria Germanica» в постскриптуме) Лейпцигское издание, в котором 25 июня могла выйти такая заметка, достаточно трудно, на что есть вполне уважительная причина — латинское название, данное Лакрозом, позволяет понять, о чем идет речь, только его современникам. Публикацию смог выявить А. И. Востриков, который привел ссылку на нее в своем подробном обзоре истории изучения тибетского языка в России [Востриков, 1935: 63, примеч. 4]. Эта забытая заметка дала новый материал. В частности, мы узнаем, что «несколько дней назад» Шумахер проезжал через Лейпциг и показал Менке один лист, найденный на Каспийском море, что позволяет точнее, чем было возможно ранее, датировать их встречу.

[48] Мнение ученых по поводу неизвестной письменности запрашивалось в сообщении: «Weil die Schrifft noch unbekannt, erwartet man die Meynungen der Gelehrten davon, die wir nicht ermangeln werden einzurücken» [Mencke, 1722a: 499]. Место для публикации на страницах «Acta eroditorum» было также обещано раскрывшему тайну письмен и позднее [Mencke, 1722b: 376].

номере «Acta eruditorum», он обосновывает гипотезу, что лист написан уйгурской письменностью, хотя привлекает тангутский (тибетский) материал от монгола Гавриила (Гаврилы), полученный от Байера [La Croze, 1722a] [49]. Письмо написано «накануне июльских нон» [50], то есть 25 июня (6 июля) 1722 г. В постскриптуме к письму [51] Лакроз сообщает интересную деталь: как только он написал «эти буквы» («[c]ommodum has litteras scripseram») [52], ему нанес визит граф А. Г. Головкин (1689–1760), принесший с собой тот самый лист, фрагмент которого был опубликован в газете. Лист, вероятно, был получен от Шумахера, с которым Лакроз в тот день завтракал у графа [Там же: 416] [53].

Здесь стоит упомянуть, что немногим позже еще два ученых письма на тему неизвестных книг, обнаруженных у Каспийского моря, были опубликованы под одним заголовком в лейпцигской газете «Historie der Gelehrsamkeit unserer Zeiten». Первое из них и наиболее обстоятельное написано Готлибом (Теофилом) Зигфридом Байером (Gottlieb Siegfried Bayer; 1694–1738), который в то время был проректором в Кёнигсбергской кафедральной школе, а впоследствии стал академиком Петербургской Академии наук [54]. Это письмо адресовано профессору риторики и истории Кёнигсбергского университета Иоганну Са-

---

[49] Письмо с добавлением незначительных комментариев перепечатано в посмертном собрании писем Лакроза [La Croze, 1746: 286]. Редакторские комментарии, данные письму Менке, подписаны здесь инициалами «I. B. M.».

[50] Pridie Nonas Julias A.C.MDCCXXII = 6 июля 1722 г. [La Croze, 1722a: 416].

[51] Приведем его здесь полностью: «P. S. Commodum has litteras scripseram, cum ad me accessit Illustrissimus Comes de Galoffkin, qui ultro ipse detulit in domum meam folium illud[,] cuius fragmentum exhibent Nuntia Litteraria Germanica. Ipsi satisfeci statim lectione superioris Epistolæ ad te scriptæ, & comparatione litterarum cum Alphabeto meo. Itaque manus dedit, idemque fassus est Clariss[imus] Schumacher[us], qui hodie mecum apud Illustrissimum Comitem pransus est. Id apud eos egi[,] quod quivis alius tentare potest & experiri. Nimirum legi quascunque voces volui ex illa charta, in qua observandum est, litteras ‖ esse meras sermonis distinctiones, & ◯ quemadmodum, & ⸙ [,] quæ postrema etiam figura in libello meo haud semel occurrit» [La Croze, 1722a: 416].

[52] Полагаем, что речь идет о буквах составленного им по материалам Байера алфавита «Elementa linguæ Tanguticæ», который, как то и было обещано в подстрочном комментарии Менке, был напечатан только в следующем, сентябрьском номере «Acta eruditorum», см.: [La Croze, 1722b].

[53] Смысл латинской фразы нам не до конца ясен. Выражение «manūs dare» (букв.: ‘дать (свои) руки’) означает в переносном значении ‘сдаться, изъявить покорность, признать себя побежденным’ (реже — ‘оказать помощь’), то есть «manūs dedit» (букв.: ‘[он] дал (свои) руки’) — ‘[он] сдался, уступил’. Возможно, под «manus» здесь имеется в виду «manūscrīptum» (acc. sg. m.), то есть «manūscrīptum dedit»?

[54] См. о нем: [Lundbæk, 1986] и статьи в сборнике: [Готлиб Зигфрид Байер… 1996].

муэлю Штримезиусу (Johann Samuel Strimesius; 1684–1744). Второе письмо, от Иоганна Готлиба Крауса (Johann Gottlieb Kraus, также Krause; 1684–1736), адресовано самому Байеру [Bayer, Kraus, 1722]. Письмо Байера Штримезиусу отправлено из Кёнигсберга (лат. Regiomonte) и датировано «восьмыми календами августа 1722 г.» [55], что соответствует 14 (25) июля 1722 г. [56] Письмо Крауса без даты.

Рассмотрим дальнейшие события на материале уже упоминавшегося выше письма Шумахера Биньону. 18 (29) июня 1722 г. [57], находясь в Карлсхафене (Сибурге) [58] в Германии, Шумахер пишет, а затем отправляет письмо и тибетский лист Биньону в Париж через коммерц-советника и агента Петра I в Амстердаме Йоханнеса ван ден Бурга (Johannes van den Burgh; ок. 1670–1731) [59]. Биньону предлагается оставить лист в Королевской или личной библиотеке, если таковое будет сочтено им целесообразным. Заметим, что имя Биньона в письме не указано, но судя по его содержанию и текущему месту хранения, оно действительно адресовано ему.

К сожалению, письмо Шумахера отвечает не на все вопросы. Строго говоря, у нас есть только дата его написания. Было ли оно отправлено сразу или чуть позже — неизвестно. Лакроз, если следовать дате написания письма, видел тибетский лист около 25 июня (6 июля), то есть через 7 дней после даты написания письма Шумахера и через 11 дней после публикации заметки в газете. Получается, что либо письмо и лист были отправлены из Карлсхафена в Амстердам Ван ден

---

[55] VIII. Cal. Sextilis cIↃ IↃ CCXXII = 25 июля 1725 г. [Bayer, Kraus, 1722: 394].

[56] С письмом напечатан тибетский алфавит, именуемый Байером «delbergin» или «delbergjin» (арабск. دلبرجين; именование взято из сочинения Ибн Арабшаха о Тимуре; см. также: [Hyde, 1700: 522]). Таблица озаглавлена «Elementa Lingvæ Tangutanæ seu Litterarum Delbergin dictarum a Gabriele quodam Mogulensi tumultuarie Scripta, et a T. S. Bayero in hunc ordinem redacta» [Bayer, Kraus, 1722: между 390–391]. Как указал Шмидт [Schmidt, 1824: 128–129], термин в арабской записи у Ибн Арабшаха — это искаженное монгольское *dörbeljin* ‘квадратный’ (письмо Пагба-ламы), см. также критику Клапрота: [Klaproth, 1826: 353–355].

[57] 18 Juin 1722. Стиль даты не указан, может соответствовать 7 (18) или 18 (29) июня 1722 г. Определяется по последовательности событий.

[58] Сейчас Бад-Карлсхафен (*нем*. Bad Karlshafen; *гол*. Korlshoawen). Пребывание Шумахера в «Карлс-Гавен прежде сего Сибурх именем, пять мил от Касселя» (в письме «Sibourg ou Carls-Haven») было связано с поручением Петра I «[с] Орфиреом о перпертуе мобиле говорить, ежели возможно будет и господин Вольф за полезное рассудит, о том с ним договариваться». О деталях этого дела см.: [Пекарский, 1862: 539–540].

[59] В транскрипции Порше письма Шумахера имя приведено неточно — Ван дер Бург (Van der Bourg).

Бургу [60] для пересылки Биньону не сразу (что вполне возможно), либо встреча Лакроза, Головкина и Шумахера в Берлине произошла не около 25 июня (6 июля), а между 14 (25) и 18 (29) июня, и тогда дата на письме Лакроза поставлена уже задним числом при отправке чистовика Менке для публикации. Полагаем, что здесь необходимы дополнительные исследования маршрута Шумахера и точной датировки его пребывания в Берлине.

§ 5. Перевод тибетского листа в Париже (1722–1723)

Нам пока неизвестно, когда Ван ден Бург получил письмо и тибетский лист от Шумахера и переслал их в Париж, однако 21 июля (1 августа) 1722 г. царские «депеши» («depesches» [sic!]) были получены Биньоном [Порше, 1938: 51].

23 июля (3 августа) Биньон показывает лист регенту Филиппу II Орлеанскому (1674–1723), а на следующий день археолог и нумизмат, непременный секретарь Академии надписей и изящной словесности Клод Гро де Боз (Claude Gros de Boze; 1680–1753), случайно оказавшийся в Версале и взявший на себя это поручение, приносит лист с письмом от Биньона в Академию для передачи востоковеду Этьену Фурмону (Étienne Fourmont; 1683–1745) [61]. В письме аббат просит Фурмона дешифровать текст листа, если письмена тому известны [Порше, 1938: 52].

Осмотрев на заседании лист, историк и востоковед Николя Фрере (Nicolas Fréret; 1688–1749) и Фурмон распознают тибетское письмо, с которым первый был уже знаком — в руках Фрере находился небольшой латинско-тибетский словарь (тибетский вокабулярий), составленный Доменико да Фано (Domenico da Fano; 1674–1728) (см. ил. 10) [62]. Таким образом, идентификация письменности произошла уже тогда.

---

[60] Здесь мы вынуждены указать, что интерпретация места отправки и адреса в письме Шумахера («à Sibourg ou Carls-Haven, 18 Juin 1722. Chez Mr Van der [sic!] Bourg à Amsterdam») вызвала, как мы полагаем, некоторые затруднения у нашего коллеги А. В. Зорина, что привело его к сомнениям и попыткам объяснять происходившие события в ином ключе. См.: [Зорин, 2020: 211].

[61] См. о нем: [Fréret, 1753a].

[62] Миссионер католической миссии капуцинов в Тибете Доменико да Фано (Франческо Маньянини) работал в Лхасе в 1709–1711 гг. Известно, что именно он завершает составление латинско-тибетского словаря, начатое предыдущими миссионерами. В 1711 г. он отправляется в Рим для доклада о делах миссии, куда прибывает осенью 1713 г., привезя рукопись словаря с собой. Здесь по просьбе Н. Фрере он составляет его сокращенную версию. Возвращаясь в Тибет и проезжая через Париж (в декабре 1714 г. или январе 1715 г.), Да Фано передает эту рукопись адресату. Словарем рукопись Да Фа-

Фрере передает словарь Да Фано Фурмону, который, благодаря первой его части, «Alfabetto Thibettano», где объясняются правила чтения знаков тибетского алфавита, сумел разобраться с тибетской письменностью. Фурмону также пришлось переделать этот словарь и сделать его обратным — тибетско-латинским. К своей работе он привлекает [63] родного брата, ученого-классициста Мишеля Фурмона (Michel Fourmont; 1690–1746) [64]. О методах перевода братьев Фурмон с использованием этого словаря рассказывает статья А. А. Сизовой в настоящем издании.

Братья верно определили, что лист отделен от книги и текст не является полным. Они также «идентифицировали» текст и «поняли» его содержание. Согласно их толкованию (вероятно, все-таки Этьена), это отрывок из надгробной речи («un morceau d'oraison funèbre»), выполненный полностью в тартарском («Tartare») или восточном стиле, в нем есть повторы, похожие на мусульманские проповеди, много разговоров о будущей жизни. Автор тибетского текста *якобы* убежден в «бессмертии души» и дает своим слушателям несколько «метафизических доказательств» этого. Сравнения, к которым он прибегает, сделаны в основном с лошадью — животным, которое тартары ценят и используют больше всего [Порше, 1938: 52; Histoire, 1729a: 5–6; 1729b: 5–6].

но можно назвать весьма условно, она состоит из двух частей: в первой, названной «Alfabetto Thibettano», объяснен тибетский алфавит, во второй, названной «Vocabulario Thibettiano», располагается латинско-тибетский вокабулярий (мы приводим краткие версии пространных названий). Сейчас этот словарь хранится в коллекции Национальной библиотеки Франции [Tibétain 542], в этой же коллекции имеется копия, переписанная Фурмоном [Tibétain 486]. Словарь попал в коллекцию, вероятно, после смерти Этьена Фурмона, однако точных свидетельств этому пока найти не удалось (см., например, посмертную опись имущества Фурмона и другие документы подобного характера [Leung-Hang-King, 1993. Vol. 2: 372–403]). Латинско-тибетскому словарю Доменико да Фано будет посвящено наше специальное исследование.

[63] Ф. Блеше сообщает [Bléchet, 2004: 172], что к этой работе привлекался также аббат Франсуа Севен (François Sevin; 1682–1741), однако это не подтверждается никакими источниками и, как мы полагаем, просто неверно. Возможно, источником этой ошибки является следующее сообщение из «Истории Королевской Академии надписей и изящной словесности», которое можно понять двояко: «M. Fourmont se chargea du déchiffrement, & associa à ce travail M. l'abbé Fourmont son frere, envoyé depuis peu par le Roi à Constantinople, avec M. l'abbé Sevin autre Académicien, pour la recherche des Manuscrits Grecs & Orientaux» [Histoire, 1729b: 5; 1729a: 5 (с незначительными орфографическими отличиями)]. О миссии М. Фурмона и Ф. Севена, и не менее увлекательных событиях в Константинополе, см.: [Gengler, 2020].

[64] См. о нем: [Fréret, 1753b]. Заметим, что во французских источниках Этьен Фурмон часто упоминается как Фурмон-старший (Fourmont l'aisné = совр. l'aîné), а Мишель — как аббат Фурмон (l'abbé Fourmont).

Чтобы добиться точности результата, Э. Фурмон выполнил следующее: 1) расписал тибетский текст листа и дал ему латинскую транслитерацию; 2) каждому слову дал буквальный латинский перевод; 3) интерпретировал текст и дал более свободную версию перевода, поняв то, что «тартарский гений (дух) [языка] и оборот [речений]» («le tour et le génie tartare») могли немного затемнить; 4) к этой версии он добавил комментарии о времени написания этой надгробной речи, о тибетском языке и буквах, а также о фразах, общих для китайского и тибетского языков [Порше, 1938: 52; Histoire, 1729a: 6; 1729b: 6 (по версии этого источника, указанную работу выполнили оба брата)].

Этот вариант был исполнен на французском языке, поскольку должен был быть представлен и зачитан королю [Порше, 1938: 53].

В ноябре 1722 г. аббат Биньон, Гро де Боз и Э. Фурмон посещают Версаль [Порше, 1938: 53; Histoire, 1729a и 1729b: 6 (по версии этого источника, Версаль посетили оба брата)]. Сначала аббат приводит Фурмона к Филиппу II Орлеанскому, но тот не желает слышать перевод до Людовика XV. На последовавшей за этим аудиенции у короля Фурмон, представленный Биньоном, в присутствии герцога Армана де Бетюн-Шаро (Armand II de Béthune-Charost; duc de Charost; 1663–1747) и другой не менее уважаемой придворной знати зачитал перевод. Король выслушал с интересом и даже задал несколько остроумных вопросов («plusieurs questions très spirituelles») относительно географии Тибета и остальной части Тартарии в соседстве с Китаем, после чего между собравшимися завязалась беседа. После аудиенции между Биньоном, Фурмоном и Филиппом II Орлеанским в апартаментах последнего состоялся ученый разговор. Для демонстрации регенту в Версаль был доставлен и тибетский словарь [Порше, 1938: 53].

На этом работа была завершена. Переводчик Королевской библиотеки Жан Сойе (Jean Sohier) переписал текст на тибетском, латинском и французском языках, а другой переводчик, Госсен (Goussin, Gousin, Gouzin, Goussein), перевел его на русский («en Moscovite») [Там же: 54]. О том, что переписчиком латинского текста был Жан Сойе, свидетельствует и сам текст, опубликованный Байером (см. § 6 ниже). Биньон сопроводил эти переводы своим ответным письмом царю — изначально написанное на французском языке, оно было переведено на русский (см. приложение). Ж. Порше полагает, что русский перевод письма, «судя по почерку», сделан аббатом Габриелем Жираром (Gabriel Girard), королевским переводчиком «с языков российского, славянского и польского» [Там же: 55; 49] [65].

[65] О переводчиках в Королевской библиотеке см.: [Bléchet, 2004: 174–179]. Заметим, что Порше приводит другое написание имени — Габриель Жерар (Gabriel Gérard) [Порше, 1938: 49].

Письмо Биньона Петру I (во всяком случае, его копия, которая есть в нашем распоряжении, см. § 8 ниже) датировано 21 января (1 февраля) 1723 г., но отправлено оно было, как указывает Порше без ссылки на свой источник, только 26 ноября (7 декабря) 1723 г. [Порше, 1938: 58, примеч. 1].

За день до этой даты, 20 (31) января 1723 г., Э. Фурмон в своей записке, сохранившейся в архиве Национальной библиотеки Франции, выражает сомнение в качестве русского перевода Госсена и предлагает заменить его латинским. Кроме того, он желает, чтобы его имя фигурировало в отправляемых документах, а также просит аббата Биньона напомнить регенту Филиппу II Орлеанскому, что за эту работу в свое время была обещана награда [Там же: 55] [66].

В письме от 19 марта 1723 г. (видимо, нового стиля) Биньон сообщал Шумахеру, что «хотя и с трудом, удалось разобраться в присланной тибетской рукописи. Перевод уже послан его величеству. Если работа переводчиков будет одобрена, просьба прислать в ответ русские книги для библиотеки короля, с оплатой их стоимости или же в обмен на французские книги» [Княжецкая, 1989: 22] [67]. Заметим, что эта информация противоречит приведенным выше данным Порше об отправке письма царю 26 ноября (7 декабря) 1723 г., которые, в свою очередь, хорошо согласуются по времени с письмом Блюментроста от февраля 1724 г. (см. § 6 ниже). Пока мы не имели возможности ознакомиться с письмом Биньона в архиве и не смогли выявить источник Порше, поэтому приводим эти данные как есть, но перепроверка здесь, на наш взгляд, необходима.

Итак, годом завершения перевода (как минимум его окончательной редакции, посланной царю), по-видимому, нужно считать 1723 г., поскольку о французском переводе ноября 1722 г. нам известно мало. Заметим, что *некий* французский перевод действительно сохранился (см. § 8), хотя некоторые исследователи высказывали сомнения в его существовании (см., например: [Княжецкая, 1989: 33, примеч. 13]).

---

[66] Ж. Порше не приводит шифра этого документа. Полагаем, что это B. N. Mss. Archives 69, f. 26–27 «Lettre de Fourmont à Bignon 31 janvier 1723» «(Fourmont asks for a gratification for the “pancarte Thibetienne”)» [Leung-Hang-King, 1993. Vol. 2: 476–477].

[67] Упоминаемая корреспонденция между Шумахером, Биньоном и Блументростом отложилась в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: Ф. 1 [Конференция Академии наук СССР]. Оп. 3 [Ученая корреспонденция]. Дело 2 [Исходящие письма 1713–1727 гг.] (л. 184–185) и Дело 8 [Входящие письма 1723–1724 гг.] (л. 82–83, 162–163). Письма найдены и содержательно раскрыты Е. А. Княжецкой, ссылка принадлежит ей [Княжецкая, 1989: 33, примеч. 12].

§ 6. Публикация перевода и идентификация текста

Когда именно перевод братьев Фурмон и письмо Биньона дошли до Санкт-Петербурга и были получены Петром I — не совсем ясно, но в феврале 1724 г. Блюментрост написал Биньону, что «Петр I очень доволен точностью перевода и знаниями французских ученых, проявленными ими при толковании рукописи. Он приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей и часть рукописей была повреждена временем и изъедена червями» [Княжецкая, 1989: 22–23]. В письме от 24 сентября 1724 г. (видимо, нового стиля) Биньон ответил, что «безмерно счастлив одобрением его величеством работы переводчиков. Очень огорчен плохим состоянием остальных рукописей. Все же надеется получить хоть несколько листов из драгоценных остатков и сделать новые переводы» [Княжецкая, 1989: 23].

О неофициальной реакции царя мы можем косвенно судить по свидетельству Г. Ф. Миллера: «…в Петербурге сочли парижский тангутский лист не просто литературным произведением, но даже выдумкой и парафразом» (пер. М. В. Шелковича) [Müller, 1747a: 424], а также, учитывая поправку на характер источника, по одной из баек («Желание Петра Великого узнать неизвестное»), включенной со слов Шумахера в знаменитые «Анекдоты о Петре Великом» Якоба Штелина (Jacob von Stäehlin; 1709–1785) и описывающей историю с переводом братьев Фурмон. Согласно ей, Петр I наградил переводчика, но не доверял переводу, говоря: «если оный не справедлив, то по крайней мере остроумен» («wenn sie nicht wahr sey, so sey sie doch sinnreich») [Stählin, 1785: 160–162, No. 57; Штелин, 1786: 142–144, № XLIX]. Попутно заметим, что благодаря «Анекдотам» Штелина, изначально вышедшим в 1785 г. на немецком языке, а затем переведенным на русский (несколько раз), голландский, французский, английский, польский и датский языки, история перевода братьев Фурмон вышла из ученых кабинетов в народ и стала фольклорной.

Дальнейшая судьба перевода братьев Фурмон такова. В 1730 г. Байер, который на тот момент пребывал уже в стенах Академии в Санкт-Петербурге и которому, очевидно, был доступен оригинал, публикует его в своей книге «Китайский музей» («Museum Sinicum») [Bayer, 1730: 108–124]. По этому изданию мы можем понять, как мог выглядеть оригинал. Сначала идет пословный «глоссированный» перевод тибетского текста: каждому тибетскому слову, записанному в транслитерации латинскими буквами, дан буквальный перевод на ла-

тинский язык. Отметим, что Байер, к сожалению, не напечатал сам тибетский текст, хотя в оригинале братьев он, безусловно, был [68]. После пословного перевода идет раздел «Sensus» (или «Разум», как он назван в письме к царю по-русски), где представлена попытка братьев интерпретировать этот бессмысленный текст (ср. с описанием работы в § 5). Интересно, что в конце Байер приводит подпись, очевидно, переписанную им с оригинала: «Interpretati ex lingua Thibetica Stephanus Fourmont et Michael Fourmont fratres, alter Arabicae alter Syriacae linguae in collegio regio Professor. Scripsit Sohier [69] interpres regius Russicae linguae» [Bayer, 1730: 123–124], из которой можно узнать, что братья перевели текст, а Сойе, королевский переводчик с русского языка, записал его (ср. с § 5). Сравнив транслитерацию тибетского текста, опубликованную Байером, и тибетский текст с гравюры листа, опубликованной Менке, можно установить еще один факт: братья Фурмон перевели только одну сторону листа: перевод доведен до слов «par sgiou ne ? se tak-s mre pa», что соответствует «par zhugs nas gsang sngags smras pa» оригинала (конец восьмой строки стороны recto).

Байер не смог разобраться в тибетском языке, о чем он сам не без сожаления пишет: «о языке я ничего толком до сих пор не смог узнать, и не выпадало мне такой удачи, как братьям Фурмон» (пер. И. Д. Поповой) [Bayer, 1730: 108] [70].

Следующим, кто обратился к тексту, был выдающийся исследователь Сибири, историограф и путешественник Герхард Фридрих Миллер (Мюллер) (Gerhard Friedrich Müller; 1705–1783), опубликовавший специальное исследование относительно тибетских текстов, найденных в Сибири, в десятом томе «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» (работа вышла также отдельным изданием) в

---

[68] По одной транслитерации братьев Фурмон восстановить тибетский оригинал, не имея, например, гравюры Менке (в которой есть свои ошибки), объективно невозможно.

[69] Х. Вальравенс ошибочно читает это имя как «Schier» [Walravens, 1997: 94; 2008: 151].

[70] По теме тибетской письменности у Байера см. его письма к Лакрозу [Bayer, 1716–1736: passim], а также письмо к Менке от 23 декабря 1724 г. (3 января 1725 г.) (написано в Кёнигсберге и датировано «третьими нонами января 1725 г.», т. е. третьим января: «Dab. Regiomonte die III Nonarum Januarii MDCCXXV»), опубликованное только в 1729 г. [Bayer, 1725]. Кроме этого, см. поздние работы, основанные на трехъязычном силлабарии *āli-kāli*, привезенном Д. Г. Мессершмидтом [Bayer, 1732; 1735a] и переизданные [Bayer, 1735b] (есть также переиздание «Commentarii Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae» (Editio nova) в Болонье). О последних двух работах см.: [Walravens, Zorin, 2017]. Там же воспроизводится латинский текст [Bayer, 1732], дан его английский перевод и исчерпывающий научный комментарий.

1747 г. [Müller, 1747a; 1747b] [71]. Из него мы, в частности, узнаем, что Миллера занимал тибетский текст и его перевод, выполненный братьями Фурмон. В 1731–1732 гг. он передал нескольким калмыцким посланникам и их переводчикам «тангутские рукописи», узнал от них настоящее произношение тибетских букв, сделал огласовку слогов и сформулировал правила чтения. Сравнив это произношение с результатом Фурмонов, он пришел к выводу, что хотя оно гармоничное, но в целом очень искаженное, особенно при стечении согласных. 22 мая 1733 г. на заседании Конференции Академии наук Миллер представил тангутский (тибетский) алфавит с транскрипцией и переводами тангутских текстов [Андреев, 1937: 76; 1965: 100]. Позволим себе процитировать пересказ дальнейших событий [Müller, 1747a: 426–427; 463–468], выполненный Е. А. Княжецкой: «Уезжая в 1733 г. в путешествие по Сибири, Миллер взял с собой копию тибетского листа и перевод его, сделанный во Франции. Сомневаясь в его точности (сам он не знал тибетского языка), он хотел показать переведенный текст людям, знающим язык. В 1735 г., находясь на р. Селенге, Миллер посетил ставку монгольского князя Лобзана [т. е. Лобсана. — *В. З.*] из племени зонгол [т. е. цонгол. — *В. З.*], здесь его познакомили с ламой, известным ученым Агван-пхунцхог Дордже [т. е. цорджи-ламой Агван-пунцог [72]. — *В. З.*]. Лама перевел начало текста тибетского листа на монгольский язык, которого Миллер также не знал. Тот же лама определил, что перевод братьев Фурмон совершенно неправилен. Когда Миллер вернулся в Петербург, академик Гольдбах рекомендовал ему одного из переводчиков Коллегии иностранных дел — Петра Смирнова, хорошо знавшего монгольский язык. Смирнов пригласил в помощь переводчика-монгола и вдвоем они перевели на русский язык монгольский перевод ламы Дордже. Затем Миллер перевел русский текст на латинский язык и опубликовал его. Переведены всего полторы строки тибетского листа. Что было неправильным в переводе французских переводчиков, Миллер не показал и перевода их не опублико-

[71] Работа была представлена в конце 1744 г., заслушана на заседании Конференции Академии наук и одобрена к печатанию в начале 1745 г. Рукопись числилась по описям Архива Академии наук за Азиатским Музеем, но там не обнаруживается [Андреев, 1937: 76; 1965: 100].

[72] Как указывает А. И. Востриков, лама, живший при тайше Лобсане (тиб. *Blo bzang*; старомонг. *Blobsang*, *Blôbzang*) и называвшийся Миллером «Zordschi», был не кто иной, как знаменитый цорджи-лама (тиб. *chos rje bla ma*; старомонг. *čorǰi blam-a*) из монастыря Чонэ (тиб. *Co ne dgon chen*), по имени Агван-пунцог (тиб. *Ngag dbang phun tshogs*; старомонг. ≈ *Ng*[*a*]*g-dwang bunčôγs*), первый глава буддийского духовенства бурят-монголов и основатель Цонгольского дацана [Востриков, 1935: 65]. См. о нем: [Болсохоева, 2013].

вал» [Княжецкая, 1989: 23–24]. Перевод П. Смирнова, сделанный для Миллера, насколько нам известно, пока не найден [73].

Не обошел вниманием этот текст и Антонио Агостино Джорджи (Antonio Agostino Giorgi; 1711–1797), автор «Alphabetum Tibetanum» (1759; 1762) — первой научной монографии о тибетской культуре и религии в европейской науке [74], — посвятив ему в ней специальный раздел [75]. Джорджи воспроизводит тибетский текст в латинской транслитерации и перевод братьев Фурмон по изданию Байера, снабдив его при этом тибетскими написаниями (с гравюры Менке), своей интерпретацией и очень подробным псевдолингвистическим комментарием (наблюдениями) [76].

---

[73] Этот перевод безуспешно пыталась найти Е. А. Княжецкая [1989: 24]. Полагаем, что он все-таки не утрачен. Известна неопубликованная рукопись Миллера под названием «Vera interpretatio folii Tangutici Fourmontiani» («Folii. Tangut. Fourmontiani vera interp.»), представляющая собой отрывок из «обсерваций исторических» 1736 г. («перевод тангутского листа, который в Париже несправедливо переведен»). Работа была представлена на заседании Конференции Академии 12 сентября 1746 г. [Андреев, 1937: 76; 1965: 100]. В 1935 г. с рукописью работал А. И. Востриков, который оставил следующее описание ее содержания: «…состоит из небольшого предисловия Миллера, монгольского текста Агван-пунцога, русского перевода и русской транскрипции Петра Смирнова, а также латинского перевода и транскрипции, сделанной на основе работы Смирнова Миллером» [Востриков, 1933: 5]. В начале 1930-х рукопись хранилась в Азиатском архиве при Институте востоковедения Академии наук СССР под шифром Ind. Sect. III, 83 [Востриков, 1933: 5; Козин, 1934: 64]; ср.: [Dorn, 1846: 123, № 83].

[74] См. о нем: [Pomplun, 2020].

[75] Книга Джорджи вышла в 1759 г. (с кратким титульным листом без указания автора) и в 1762 г. Во втором издании разбор «аблай-хитского» текста помещен в приложении 3 (Appendix III. С. 663–759) второй части (Alphabeti Tibetani. Pars Secunda. С. 553–820), см.: [Giorgi, 1762: 663–756]. Кроме однотомного нам известны два двухтомных варианта исполнения этого издания (без титульного листа во втором томе). В первом из них второй том открывается «Pars Secunda» (с. 553), во втором варианте текст «переразбит»: первый том заканчивается на с. 417, второй том открывается также на с. 417 с заголовком «Alphabetum Tibetanum Vol. II» после начальной виньетки и разделом «Regna omnia et provinciæ ditionis Tibetanæ». Текст издания 1759 г. практически полностью совпадает со второй частью второго издания [Giorgi, 1762]; разбор «аблай-хитского» текста в нем см.: [Giorgi, 1759: 111–204]. Как показал Лучано Петек (Luciano Petech; 1914–2010), оба издания должны были выйти после 12 апреля 1763 г., поскольку в них (в неозаглавленном послесловии к книге, располагающемся в конце приложения 3) упоминается смерть кардинала Джузеппе Спинелли (Giuseppe Spinelli; 1694–1763) [Giorgi, 1759: 205; 1762: 757]. Вторая часть была переведена на современный немецкий язык; разбор «аблай-хитского» текста см.: [Giorgi, 1999: 116–211].

[76] Джорджи привлек для анализа тибетской лексики листа материал всех известных ему восточных языков: арабского, коптского, эфиопского, иврита,

В 1763 г. племянник братьев Фурмон востоковед Мишель-Анж-Андре Леру де Отрей (де-От-Рей) (Michel-Ange-André Le Roux Deshauterayes; Leroux des Hautesrayes; 1724–1795) публикует тибетский алфавит («Alphabet de la Langue Sçavante des Lamas du Thibet ou Boutan»), выполненный на основе почерка (написаний букв) с тибетского листа, с привлечением материала словаря Да Фано (заимствован порядок расположения букв и др.) и найденного им в своих бумагах некоего листка, возможно, принадлежавшего ранее миссионеру в Китае Доменику Парренину (Dominique Parrenin; 1665–1741) [77]. Гравюра с алфавитом входит в состав раздела «Знаки и алфавиты живых и мертвых языков» («Caractères et alphabets de langues mortes et vivantes») первой части второй книги альбома гравюр к знаменитой французской «Энциклопедии, или толковому словарю наук, искусств и ремёсел» («Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers»). К гравюре также даны некоторые необходимые, но краткие пояснения [Recueil de planches, 1753: 11; Pl. XXII]. Через несколько лет Де Отрей публикует большую статью о Тибете (в основном о тибетской письменности) в «Библиотеке художников и любителей» («Bibliothèque des artistes et des amateurs») и в вышедшей следом «Элементарной энциклопедии» («Encyclopédie élémentaire») [Deshauterayes, 1766; 1767]. В ней излагается история с переводом тибетского листа братьями Фурмон [78], даются комментарии о тибетском письме, а также снова издается тибетский алфавит «Alphabet du Thibet ou Boutan» (на

сирийского, «индийского» и т. д. Закономерно, что такие упражнения не привели к какому-либо правильному пониманию текста. Ср.: «Bey der Anwendung so verschiedener Sprachen als Hülfsmittel bleibt die Richtigkeit auch seiner Erklärung immer noch ungewiß» [Eichhorn, 1807: 119].

[77] Приводится согласно пояснению к гравюре: «Le rouleau thibetan envoyé en 1722 à feu M. l'abbé Bignon par le czar Pierre le Grand, & dont M. Fourmont l'aîné a fait la traduction, m'a servi de modele pour tracer les élémens de l'alphabet thibetan. Je ne pouvois en choisir de plus beau, il est écrit avec une élégance & une netteté admirables. L'arrangement de cet alphabet, ses dénominations, les nombres cardinaux & le reste des remarques qui occupent le bas de la planche sont tirées d'un manuscrit apporté du Thibet par un missionnaire, contenant une espece de dictionnaire italien-thibetan, à la tête duquel se trouve une instruction sur la lecture de cette langue. J'ai encore fait usage d'une feuille volante que j'ai trouvée dans mes papiers, & qui vient à ce que je pense du P. Parrenin, jesuite, missionnaire de la Chine. Les Thibetans écrivent comme nous de gauche à droite» [Recueil de planches, 1753: 11]. В издании 1766–1767 гг.: «L'Alphabèt Thibetan que nous présentons ici, est celui dont se servent les Sçavans & les Lamas de ce Pays; il a été gravé d'après une excellente copie d'un Manuscrit envoyé ici à Paris, par le Czar, Pierre Premier» [Deshauterayes, 1766: 585; 1767: 585].

[78] История изложена на основе [Mencke, 1722a], [Mencke, 1722b] и [Histoire, 1729a: 4–7, 1729b: 4–7]. См.: [Deshauterayes, 1766: 585–586; 1767: 585–586].

гравюре к статье, вклейка после с. 584), выгравированный заново для этих изданий [79].

Кроме этих специальных трудов, проблема перевода и интерпретации текста, различные комментарии, пересказы или отсылки, как на перевод, так и на историю, публиковались на протяжении всех последующих лет. В списке ученых-востоковедов, высказавшихся на этот счет, можно упомянуть, например, Юлия (Юлиуса) Генриха Клапрота (Julius Heinrich Klaproth; 1783–1835), одного из самых суровых и безжалостных критиков своего времени [80]. Задетый за живое анекдотом в книге Штелина [1785], он выступил в защиту репутации Этьена Фурмона и его брата, которая была скомпрометирована «широко распространенными литературными сплетнями» [Klaproth, 1813] [81]. В своей статье Клапрот показывает, что перевод и транслитерация выполнены честно, а не являются подлогом. Качество же перевода обусловлено дефектными инструментами (словарь Да Фано), а не умыслом, как то хотят изобразить недоброжелатели. Он также опровергает пассаж из книги Штелина о существовании русского перевода, выполненного

---

[79] Гравюра 1763 г. подписана «Niodot Sculp[sit]», гравюра 1766 г. — «Laurent Sculp[sit]». Первое издание статьи Де Отрея исследователи обычно не называют, начиная сразу с «Элементарной энциклопедии» 1767 г., но все же алфавит был опубликован в 1763 г., а статья — в 1766 г. (ср.: [Walravens, 2008: 152]).

[80] По характеристике современника, Жюля Берже де Ксивре (Jules Berger de Xivrey; 1801–1863), данной, правда, уже по смерти Ю. Клапрота, последний — «самый, немилосерд[н]ый человек, который соединяя решительность духа с искусством в филологической борьбе, никогда не был так счастлив, как в то время, когда терзал статьи едкостию своей критики. Такие ученые походят на драконов, которые стоят у дверей науки и никого не впускают туда. Хоть у кого — так отобьет охоту — пускаться в науку…» (пер. П. Коншина) [Ксивре, 1840: 134]. Ср. с характеристикой Х. Вальравенса: «the most severe critic of the time» [Walravens, 2008: 152].

[81] Любопытно, что в качестве подзаголовка к своей статье Клапрот поместил без перевода арабскую поговорку *ḳад йанбаḥу ал-калбу ал-ḳамра* قد ينبح الكلب القمر «иногда собака лает на Луну». В полном виде ее приводит средневековый филолог ʻАбд ал-Малик аṣ-Ṣаʻāлибӣ ан-Найсāбӯрӣ Абӯ Манṣӯр (عبد الملك الثعالبي النيسابوري أبو منصور) в третьем разделе своего знаменитого сочинения «Жемчужина века» (Йатӣмат ад-дахр фӣ-маḥāсин ахл ал-ʻаṣр يتيمة الدهر في محاسن أهل العصر; букв.: «Уникум (уникальная вещь) эпохи в достоинствах (прекрасных качествах) современников»): *ḳад йанбаḥу ал-калбу ал-ḳамра фал-йалḳам ан-нāбиḥу ал-ḥаджара* قد ينبح الكلب القمر ، فليلقم النابح الحجر «иногда собака лает на Луну, так пусть лающая проглотит камень». Хотя нам удалось найти источник подзаголовка статьи Клапрота, мы не смогли определить, из какого именно издания он мог извлечь эту поговорку. Мы искренне признательны С. М. Прозорову за ценные консультации по тексту сочинения аṣ-Ṣаʻāлибӣ. Транскрипции и переводы с арабского принадлежат, безусловно, ему.

двумя переводчиками, знающими маньчжурский язык, который якобы показал полную несостоятельность перевода братьев Фурмон [82].

Другой востоковед, француз Жан-Пьер Абель-Ремюза (Jean-Pierre Abel-Rémusat; 1788–1832), осудил выполнение перевода без знания языка и дал некоторые комментарии, хотя своего перевода не предложил [Abel-Rémusat, 1820: 332–336].

Этот список имен можно было бы без труда продолжить, но сейчас у нас такой возможности нет, тем более что мы уже подошли к моменту окончательной идентификации тибетского текста и его верному переводу, которые были выполнены только через сто лет после публикации текста Байером.

С мая 1830 г. и в течение восемнадцати месяцев барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт (1786–1837) по заданию правительства находился в Кяхте. Во время одного из посещений бурятского Чикойского (Цонгольского) дацана («temple de Tchikoï»), находившегося примерно в 50 км от Кяхты [Минерт, 1983: 80] [83], с целью ознакомления со списком хранящегося в нем тибетского канона ему удалось войти в доверие к служителям и получить на руки один из томов. В выданном ему произвольном (!) томе Кагьюра оказался тот самый знаменитый лист из Аблай-хита, который братья Фурмон пытались расшифровать («la fameuse feuille d'Ablaïkit que Fourmont avait essayé de déchiffrer») [84] и который Шиллинг сразу опознал. Барон воспользовался этим обстоятельством, чтобы уточнить у лам информацию о санскритских терминах этого текста, оказавшихся именами собствен-

---

[82] Приведем его в русском переводе: «Чрез долгое время после кончины Петра Великого, и если я не ошибаюсь, и по смерти Фурмонта, а именно во время Царствования Императрицы Анны Иоановны нашлись при Санктпетербургской Академии двое из россиян, кои шестнадцать лет учились в Пекине китайскому, и сродному с оным манжурскому языку. Сии при первом взгляде на письмена начертанные на помянутых свитках признали оные манжурскими, читали безостановочно, и перевели оныя, в числе коих был и посланный в Париж к Аббату Биньону. Перевод сей ни в одном слове не согласовался с фурмонтовым, и содержание, которое по российскому переводу весьма далеко было от французского, ясно доказывало, что Фурмонт ни одного слова в свитках сих написанного не разумел, и вымысел свой объявил за перевод, по чему и сумнение Петра Великого было основательно» [Штелин, 1786: 143–144]. Клапрот не нашел такого перевода в Библиотеке Императорской Академии наук [Klaproth, 1813: 43–44]. Идентификация кем-либо тибетского текста как маньчжурского (если предположить, что в основе анекдота лежит реальный факт) не прослеживается по другим источникам.

[83] У П. Л. Шиллинга расстояние от дацана до Кяхты указано как «12 льё» («12 lieues») [Schilling, 1848: col. 326], у А. В. Яроцкого — «30 км» [Яроцкий, 1963б: 51].

[84] Здесь имеется в виду текстуальное совпадение, конечно.

ными. Он также попросил перевести этот лист для него, и один из помощников (молодых лам) тут же предложил выполнить эту задачу и доставить перевод Шиллингу в Кяхту. После этого Яков Иванович Шмидт (Isaak Jakob Schmidt; 1779–1847) перевел этот монгольский перевод на немецкий (очевидно, по просьбе Шиллинга), обратил внимание Шиллинга на недостоверность переводов Фурмона, Байера и Джорджи [85] и даже намеревался сделать лист предметом специального мемуара, но более важные занятия отвлекли его. За это время успела выйти работа Чома де Кёрёша (см. ниже) [Schilling, 1848: col. 325–326, 333–334; Яроцкий, 1963а: 232–233; 1963б: 53–54] [86]. Не исключено, что эти переводы могут храниться в фонде Шиллинга в Архиве востоковедов ИВР РАН (фонд 56) [87]. Возможно также, что Шиллинг показывал или высылал тибетский лист (свою копию с немецким переводом Шмидта?) другим востоковедам. Мы нашли пока одно такое свидетельство: профессор восточных языков в Гёттингенском университете Генрих Эвальд (Georg Heinrich August Ewald; 1803–1875) в переписке с Шиллингом признал перевод Шмидта верным [88]. Если все

[85] «Cette feuille ne contient rien de ce qu'y avaient vu Fourmont, Bayer et Georgi» [Schilling, 1848: col. 333].

[86] Мы признательны А. В. Зорину за указание на этот факт в работе Шиллинга в письме к нам от 10.07.2018. Ср.: [Зорин, 2020: 210, примеч. 44]. Полное изложение событий и переводы из этой работы Шиллинга (представляющей собой предисловие к индексу Кагьюра [Index, 1845]) приведены в статье [Яроцкий, 1963а], смотри также: [Яроцкий, 1963б: 50–60].

[87] Здесь можно указать также на алфавитный индекс сочинений Нартангского Кагьюра из коллекции Института восточных рукописей РАН (Tib. 21/5), принадлежавший, по-видимому, Шиллингу, см.: [Каталог, 2017: 500, № 933].

[88] Эвальд писал Шиллингу 24 октября 1835 г.: «Имею честь возвратить при сем Вашему Превосходительству с величайшей благодарностью листок Фурмона, который Вы были столь добры мне передать. Я за эти недели изучал тибетский язык по книгам Кореси [Чома де Кёрёша. — *В. З.*] и чувствую себя более или менее в состоянии понимать тибетские книги. <…> Что касается листика Фурмона, то совершенно верно, что Я. И. Шмидт, которого я очень почитаю, был первым, кто сумел вполне правильно его перевести. Я усматриваю из истории языков Эйхгорна, что подлинность перевода Фурмона уже раньше подвергалась сильному сомнению и частично была доказана (см.: [Eichhorn, 1807: 118–120. — *В. З.*])». Цит. по: [Яроцкий, 1963а: 233, примеч. 32]. Хотя о предоставлении Эвальду перевода Шмидта вместе с тибетским текстом здесь прямо не говорится, мы не знаем, как иначе можно было бы сделать столь лестный вывод о его верности. Также заметим, что, согласно упомянутой работе Эйхгорна, Миллер сомневался в верности перевода, а Джорджи попытался найти лучшее объяснение текста, для чего ему пришлось прибегнуть к помощи всех восточных языков, какие он знал, «um nur einen erträglichen Sinn herauszubringen», см.: [Eichhorn, 1807: 118–120]. Никаких доказательств чего-либо мы в тексте не находим, поэтому не понимаем, что хо-

так, как описывается, то Шиллинг, в случае публикации своих данных о точном местонахождении текста внутри Кагьюра и его названии, мог стать первым исследователем, идентифицировавшим текст.

Окончательная идентификация тибетского сочинения (см. о нем § 7), которому принадлежит фрагмент текста с листа, и верный перевод этого фрагмента были выполнены известным венгерским тибетологом Александром (Шандором) Чома де Кёрёшем (Kőrösi Csoma Sándor; 1784–1842), чья тибетская грамматика и словарь заложили основы тибетской филологии в Европе. 4 июля 1832 г. в Азиатском обществе Бенгала в Калькутте он зачитал доклад, где представил результаты своих исследований. Этот доклад вместе с замечаниями Хораса Хаймана Уилсона (Horace Hayman Wilson; 1786–1860) и тибетским текстом, выписанным из Кагьюра, был опубликован в том же году [Kőrösi, 1832].

На этом вопрос был закрыт, но не закончилась история. Последний из опубликованных современных научных переводов принадлежит санкт-петербургскому востоковеду, индологу и тибетологу Маргарите Иосифовне Воробьевой-Десятовской (1933–2021) [Воробьева-Десятовская, 1989]. В работе исследовательницы даны латинская транслитерация и перевод текста со стороны recto листа (по гравюре Менке), а также необходимый комментарий. Отметим, что в качестве источника указан другой тибетский текст из Кагьюра — «Сутра о следовании великой мантре» (тиб. *gsang sngags chen po rjes su ’dzin pa’i mdo*; санскр. *Mahāmantrānudhārisūtra*) (Tōhoku 563) [89], что мы затрудняемся однозначно трактовать. Известно, что перевод и исследование тибетского текста были выполнены по просьбе историка науки и библиографа Екатерины Андреевны Княжецкой (1900–1986) [Княжецкая, 1989: 24], готовившей к публикации свою работу на связанную тематику (обе статьи опубликованы в одном сборнике, но Е. А., к сожалению, его уже не увидела). Поскольку обе исследовательницы не упоминают в библиографии работу Чомы де Кёрёша, не исключено, что здесь, возможно, была предпринята попытка идентификации тибетского текста. В любом случае мы должны отметить, что Чома де Кёрёш не дает названия текста, а приводит только ссылку на него в неназванной редак-

---

тел сказать Эвальд (или его переводчик): была ли «раньше» частично доказана подлинность (верность) перевода или, наоборот, доказано, что эти сильные сомнения частично справедливы? Но сути сказанного это не меняет. Оригинал письма, выявленного В. А. Яроцким, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: Ф. 85 [Гамель Иосиф Христианович]. Оп. 3 [Материалы по изобретению телеграфа бароном П. Л. Шиллингом-фон-Канштадтом]. Д. 52.

[89] См. критическое издание: [Bka’ ’gyur, 2008. Vol. 90: 457–471, 472–476 (комментарии)] (текст № 0591).

ции Кагьюра: «the T. or 9th volume r,Gyut class of the Káh-gyur, the 337–339 leaves» [Kőrösi, 1832: 269, 272]. В современных условиях, когда просмотр редакций канона и поиск текста в них не несет таких трудозатрат, как раньше [90], мы можем установить, что Чома де Кёрёш использовал Нартангскую (тиб. *snar thang*) редакцию Кагьюра (ок. 1730–1732) — в ней отрывок текста с листа располагается в разделе тантры (тиб. *rgyud 'bum*), томе *ta* (девятом), на листах 337b^3–339a^2.

Заканчивая этот параграф, отметим, что в статье нашей коллеги А. А. Сизовой в настоящем издании впервые приводится филологический и лингвистический анализ всего тибетского текста листа с привлечением большинства изданий тибетского канона, а также его новый русский перевод. Воспроизводит коллега и знаменитый лист из коллекции Национальной библиотеки Франции (см. ил. 7). Кроме того, А. А. Сизовой совместно со специалистами-латинистами были впервые подготовлены переводы следующих важных для историографии вопроса четырех источников: статьи Менке [Mencke, 1722b], Байера [Bayer, 1730: 108–124], Миллера [Müller, 1747a; = 1747b] и Джорджи [Giorgi, 1762: 663–679; Giorgi, 1999: 116–127] [91]. Впервые также разобраны и прокомментированы монгольская транскрипция тибетского текста и его монгольский перевод, которые монгольский цорджи-лама сделал для Миллера [Müller, 1747a: Tab. VIII, IX]. Все это публикуется в приложениях, к которым мы здесь также не без удовольствия отсылаем.

§ 7. Судьба листа тибетской рукописи

Лист тибетской рукописи, найденный в Аблай-хите и переводившийся братьями Фурмон, принадлежит сочинению, известному как «Махавайрочана-сутра» (санскр. *Mahāvairocana-sūtra*) (Tōhoku 494), или в полном именовании «Перечисление дхарм под названием „Царь-

[90] Кроме того, можно обратиться к таблице источников в критическом издании тибетского канона, указывающей расположение сочинения (но не фрагмента!) в основных (восьми) редакциях: [Bka' 'gyur, 2008. Vol. 86: 756]. В томе *ta* сочинение располагается только в Нартангской редакции.

[91] Русский перевод статьи Менке [1722b], выполненный митрополитом Киевским Евгением для графа Н. П. Румянцева в 1823 г., издавался ранее, но не привлекал внимания исследователей, см.: [Менке, 1870], а также письмо митрополита Румянцеву от 2 декабря 1823 г. (в том же издании на с. 87–88), поясняющее обстоятельства и причину выполнения этого перевода. Были опубликованы также русские переводы небольших отрывков из латинских переводов братьев Фурмон и Миллера, выполненные А. И. Доватуром [Княжецкая, 1989: 25].

владыка пространных сутр, [излагающий] совершенное Пробуждение (*абхисамбодхи*), манифестацию [и] посвящение Махавайрочаны“» [92] (тиб. *rnam par snang mdzad chen po mngon par rdzogs par byang chub pa rnam par sprul pa byin gyis rlob pa shin tu rgyas pa mdo sde'i dbang po'i rgyal po zhes bya ba'i chos kyi rnam grangs*) [93]. Лист пагинирован (подписан номер листа — 188 и тома — *nya*), поэтому мы знаем, что он принадлежит неизвестной «аблай-хитской» рукописной редакции Кагьюра (тибетского буддийского канона) и располагается в нем в разделе тантры (тиб. *rgyud 'bum*), томе *nya* (восьмом) [94].

Долгое время местонахождение оригинала тибетского листа было неизвестно, хотя о том, что он вместе с другими семью листами, принадлежащими «тому же сочинению», хранится в Королевской библиотеке в Париже, свидетельствовал еще французский востоковед Ж.-П. Абель-Ремюза в 1820 г. [95] Подтвердить этот факт и найти лист удалось лишь недавно. 19 мая 2018 г. А. В. Зорин, целенаправленно просматривая тибетские документы в коллекции Национальной библиотеки Франции в Париже, выявил его среди фрагментов тибетских и монгольских рукописей в составе единицы хранения Tibétain 464 (лист номер 5) [Tibétain 464: f. 5] (см. ил. 7 к статье А. А. Сизовой в настоящем издании).

По свидетельству А. В. Зорина [96], маргиналия с пагинацией на листе несколько истерлась, видимо, поэтому в рукописном каталоге Тибетского фонда библиотеки, составленном Ж. Фийоза, лист описан не совсем точно: «5. Feuillet argent sur noir paginé: ཉ བཀྲ ཉ་བཅུད [*nya brgya*

---

[92] Русский перевод заглавия предложен А. А. Сизовой в июне 2015 г. Ср. с альтернативным «рабочим» переводом: «Перечисление дхарм „Царственный владыка обширных сутр, благословенное проявление всесовершенного пробуждения великого Вайрочаны“» [Каталог, 2019: 36–37].

[93] Санскр. *Mahāvairocanābhisambodhi-vikurvitādhiṣṭhāna-vaipulyasūtrendrarājanāma-dharmaparyāya*. Известна также как *Mahāvairocanābhisaṃbodhi-sūtra*, *Vairocanābhisaṃbodhi-sūtra* (или *tantra*) и др. Китайский текст: Taishō № 848.

[94] Тибетский критический текст этого сочинения см. в монументальном пекинском издании: [Bka' 'gyur, 2008. Vol. 86: 436–693, 694–756 (комментарии)] (текст № 0519). Фрагмент текста аблай-хитского листа в нем см.: [Ibid.: 496–498, 704–705 (комментарии)]. См. также статью А. А. Сизовой в настоящем издании, где представлен критический текст «аблай-хитской» редакции фрагмента этого сочинения, то есть текста с аблай-хитского листа.

[95] «L'original est conservé à la bibliothèque du Roi, avec sept autres feuillets détachés du même ouvrage, pareillement écrits en caractères blancs sur un fond noir» [Abel-Rémusat, 1820: 333, note infrapaginale 1].

[96] Письма А. В. Зорина В. П. Зайцеву от 21.05.2018 и 16.06.2018. Ср.: [Зорин, 2020: 211, примеч. 49].

lnga brgyad] tome ña (8) page 158» (над тибетским *lnga* и цифрой 5 стоит знак вопроса) [Filliozat, 1936: 52]. Согласно гравюре листа, опубликованной Менке (см. ил. 8), на маргиналии значится: ཉ་བཀྱ་ ཉ་བརྒྱད་ *nya brgya gya brgyad* «[том] *nya* (= 8), [лист] 188». Очевидно, что такое несоответствие, как, впрочем, и отсутствие в научном обороте опубликованного каталога тибетской коллекции, не позволяли выявить лист в коллекции без работы с фондом *in situ*.

Находка А. В. Зорина ставит перед исследователями и новые вопросы [97]. В составе единицы хранения Tibétain 464 действительно, как о том писал Абель-Ремюза, обнаруживаются подобные тибетские листы, принадлежащие одному списку буддийского канона, и их мы насчитываем даже больше семи — десять, см.: [Tibétain 464: f. 2 и далее]. Насколько нам известно, источник их поступления в коллекцию пока выяснить не удалось. Высказывались, например, даже подозрения, что некоторые листы были увезены из Санкт-Петербурга Ю. Клапротом [Zorin, 2015: 154–153, note 87].

§ 8. Судьба перевода и письма царю, отправленных в Россию

Оригиналы перевода братьев Фурмон и письма аббата Ж.-П. Биньона русскому царю до сих пор не найдены.

Текст письма Ж.-П. Биньона царю на французском языке от 21 января (1 февраля) 1723 г. впервые опубликовал Миллер (по оригиналу в России) [Müller, 1747a: 425, not. 1; 1747b: 6–7, not. 1]. Письмо неоднократно перепечатывалось.

Среди бумаг и корреспонденции Ж.-П. Биньона в коллекции Национальной библиотеки Франции сохранилась копия письма царю от 21 января (1 февраля) 1723 г., написанная на русском языке каллиграфическим полууставом петровского времени [Français 22232: f. 56–57] (см. приложение, где мы публикуем текст этого документа), а также отпуск или черновое письмо царю, написанное на французском языке рукой Биньона [Français 22232: f. 59]. Оба письма были впервые опубликованы Ж. Порше в 1938 г. [Порше, 1938: 56–58, 55–56]. Сравнение русского оригинала (по изданию Миллера) и французской копии (черновика или отпуска), насколько нам известно, пока не проводилось.

[97] 6 ноября 2018 г. на Двенадцатых Всероссийских востоковедных чтениях памяти О. О. Розенберга наша коллега А. А. Сизова представила на этот счет доклад «Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723): взгляд из Парижа».

В отделе рукописей Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (Handschriftenabteilung der Herzog-August-Bibliothek) хранится рукописная копия письма Биньона на французском языке царю (шифр: Cod. Guelf. 9 Extrav.). Текст и факсимиле опубликованы, см.: [Heissig, 1979: 192–193; 196–198, Abb. 2–4; Knüppel, 2014: 77–78; 108–110, Taf. 14–16]. Литература: [Heissig, 1979; Walravens, 1997; Knüppel, 2014: 20–24; Zorin, 2015: 162–161; 162, note 57; Ямпольская, 2019a: 213–215].

Среди листов единицы хранения [Tibétain 470] в коллекции Национальной библиотеки Франции, на первых двух листах которой под заголовком «Essai de Fourmont» изложена очень краткая история перевода братьев Фурмон, сохранился перевод их работы на французский язык, озаглавленный «Traduction en Français, faite par les Mrs Etienne et Michel de Fourmont de frères, professeurs au college Royal, de la feuille Thibetienne envoyée par le Czar à Mr l'abbé Bignon» [Ibid.: ff. 4a–6b]. Здесь же находится пословный «глоссированный» перевод тибетского текста [Ibid.: f. 10a–b], черновик перевода [Ibid: f. 3] и фрагмент перевода нескольких слов [Ibid: f. 9]. Лист 8 нам обследовать не удалось. Нам пока неизвестно, принадлежало ли что-то из этих документов братьям Фурмон или это поздние копии, хотя почерковедческий анализ, безусловно, позволил бы ответить на этот вопрос.

Считается, что оригинал перевода, посланный в Россию, должен был храниться в Азиатском Музее (сейчас — Институт восточных рукописей РАН) в Санкт-Петербурге. Об этом *вроде бы* свидетельствуют старые каталоги петербургских коллекций И. Г. Буссе и Я. И. Шмидта [98]. Говорилось об этом и в упомянутом выше анекдоте в книге Штелина, записанном, кстати, со слов Шумахера [Stählin, 1785: 162; Штелин, 1786: 144]. Ю. Клапрот во время своего пребывания в Санкт-Петербурге, и особенно в последний год [99], видел находки «из Семи Палат» и латинский перевод братьев Фурмон в Библиотеке Императорской Академии наук [Klaproth, 1813: 43–44]. Достаточно уверенно писал об этом А. И. Востриков в 1935 г. [Востриков, 1935: 63, примеч. 3]. Несколько лет назад этот вопрос удалось несколько прояснить.

В начале сентября 2015 г. Е. В. Танонова обнаружила в Индийском фонде отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) неинвентаризованный лист, который, при ближайшем рассмотрении, оказался рукописью с текстом перевода, вы-

[98] См.: [Zorin, 2015: 154, note 87; Walravens, Zorin, 2016: 669; 674, № 26; 676, № 180].

[99] Ю. Клапрот покинул Россию в последних числах декабря 1810 г. [Куликова 2001: 26].

полненного братьями Фурмон [100]. В настоящее время этот лист хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Разр. I. Оп. 9. Ед. хр. 59), куда он был помещен 26 ноября 2015 г. [101] Лист был загрязнен и порван с одной стороны, реставрацию и консервацию выполнила реставратор ИВР РАН Л. И. Крякина в июне 2018 г.

Некоторое время среди коллег в стенах ИВР РАН считалось, что этот лист является оригиналом перевода, посланным в Россию из Франции, хотя автору настоящей статьи неизвестно, кто первый произвел такую идентификацию. Полагаем, что она не была основана на добытой исследовательской информации, поскольку наши собственные наблюдения над этой единицей сразу же заставили нас усомниться в истинности этой несколько поспешной атрибуции. В 2018 г. нам удалось установить, что данный лист является копией, выполненной с перевода братьев Фурмон Т. З. Байером для неосуществленной публикации сибирских и прочих древностей «Antiqua Monumenta Siberiae Tattariae Asiae &c.» (Tomus II). При этом выяснилось, что не хватает второго листа, который, по-видимому, был у Байера. В этом свете получили свое логичное объяснение и данные старых каталогов — они действительно говорят о переводе братьев Фурмон, но только о его копии [102]. Востриков же просто мог не знать, что это не оригинал. Таким образом, крайняя информация по датам, что у нас есть относительно оригинала перевода, — с ним тем или иным образом работали Байер, изготовивший с него копию, и Клапрот (если в его руках был оригинал, а не копия Байера) [103]. Возможно, новые данные принесет изучение обширной коллекции рукописей и книг Байера, хранящейся в Университете Глазго [Weston, 2018].

---

[100] Впервые о находке упомянуто в статье Х. Вальравенса и А. В. Зорина [Walravens, Zorin, 2016: 669].

[101] Письмо А. В. Зорина В. П. Зайцеву от 26.11.2015.

[102] Результаты наших исследований были представлены в докладе «Перевод с тибетского языка братьев Фурмон (1723): новые данные и находки» на Двенадцатых Всероссийских востоковедных чтениях памяти О. О. Розенберга 6 ноября 2018 г. Материалы доклада и лист нами пока не опубликованы.

[103] Репутация Ю. Клапрота в России была безвозвратно испорчена после его отъезда из России в командировку (с ассигнованием средств) и отказа вернуться, растраты выделенных средств и невыполнения работы. Кроме того, не предполагая вернуться, Клапрот увез ценные книги и рукописи, принадлежавшие Библиотеке Императорской Академии наук. По его делу было принято беспрецедентное решение: 12 августа 1812 г. он был исключен «с бесславием из Академии наук». Подробнее об этом см.: [Куликова, 2001: 24–31]. Учитывая сказанное, здесь мы снова сошлемся на А. В. Зорина, предположившего, что некоторые аблай-хитские рукописи или перевод братьев Фурмон (тогда копия Байера еще не была найдена) могли быть увезены из России именно им [Zorin, 2015: 154–153, note 87].

Заключение

В настоящей статье мы попытались заново пересмотреть события, связанные с одной из самых, пожалуй, известных историй в тибетологии — попыткой ранней западной (российской и европейской) науки разобраться с новым и неведомым ранее материалом — тибетской письменностью и языком. Привлекая архивный и вновь выявленный опубликованный материал, нам, кажется, удалось уточнить несколько деталей и переосмыслить уже имеющиеся данные, приводимые из работы в работу без всякой проверки, объяснив их в новом свете. Конечно, за почти 300 лет, прошедших с того времени, этот перевод и вся история неоднократно попадали на рабочий стол ученых и не только их, поэтому наше исследование и пересмотр этих событий далеко не закончены. Другие, связанные с этой историей детали и имена, будут раскрыты, надеемся, в наших последующих публикациях.

Список литературы

Документы

Filliozat, 1936: *Filliozat J.* Catalogue sommaire du fonds tibétain. [N° 1 à 780]. Рукопись. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: 4°-Bureau orient-J-2 (1). Identifier (Gallica): ark:/12148/cc96327h

Français 22225–22236: Papiers de l'abbé Jean-Paul Bignon, bibliothécaire du Roi, membre des Académies des Inscriptions et Belles-Lettres et des Sciences (1718–1741). Mémoires et correspondance sur des matières scientifiques et littéraires. Vol. I–IX. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: Français 22225–22236. Identifier (Gallica): ark:/12148/cc521098

Inventaire: Inventaire sommaire des fonds divers orientaux. Рукопись. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: 8°-Bureau-O-1. Identifier (Gallica): ark:/12148/btv1b103297661

Procès-verbaux, 1717: Académie royale des sciences. Procès-verbaux. Tome 36: Année 1717. Рукопись. Место хранения: Archives de l'Académie des sciences. Identifier (Gallica): ark:/12148/bpt6k557124

Procès-verbaux, 1721: Académie royale des sciences. Procès-verbaux. Tome 40: Année 1721. Рукопись. Место хранения: Archives de l'Académie des sciences. Identifier (Gallica): ark:/12148/bpt6k55716h

Tibétain 464: Fragmens Tibétains et Tartares. Альбом с фрагментами рукописей на тибетском и монгольском языках. 22 л. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: Tibétain 464. Старый шифр: Tibétain-mongol 12. Каталоги: [Inventaire: f. 41a, № 464; Filliozat, 1936: 51–53, № 464]. Identifier (Gallica): ark:/12148/btv1b525106898

Tibétain 470: Essai de Fourmont. Рукопись. 10 л. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: Tibétain 470. Ста-

рый шифр: Tibétain-mongol 143. Каталоги: [Inventaire: f. 42a, № 470; Filliozat, 1936: 56, № 470].

Tibétain 486: Vocabulario Thibettiano. Латинско-тибетский словарь Доменико да Фано, копия Этьена Фурмона. 57 л. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: Tibétain 486. Старый шифр: Tibétain-mongol 9. Каталоги: [Inventaire: f. 44a, № 486; Filliozat, 1936: 64, № 486]. Identifier (Gallica): ark:/12148/btv1b541005319

Tibétain 542: Alfabetto Thibettano; Vocabulario Thibettiano. Латинско-тибетский словарь Доменико да Фано. 41 л. Место хранения: Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits. Шифр: Tibétain 542. Старый шифр: Chinois 996. Каталоги: [Filliozat, 1936: 99–100, № 542]. Identifier (Gallica): ark:/12148/btv1b541005425, ark:/12148/btv1b10093336j

Литература

Андреев, 1937: *Андреев А. И.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 57–144.

Андреев, 1947: *Андреев А. И.* Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сборник статей. I / под ред. А. И. Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 284–333.

Андреев, 1965: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй: XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965.

Байпаков и др., 2019: Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019.

Болсохоева, 2013: *Болсохоева Н. Д.* Чоки Агван Пунцок — буддийский учитель и миссионер // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»: Материалы конференции. Санкт-Петербург, 13–15 июня 2012 г. СПб.: Гиперион, 2013. С. 62–70.

Вебер, 1872: Записки Вебера = Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера = Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях / В переводе с предисловием и примечаниями П. П. Барсова // Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. Десятый год издания. 1872. № 6. Стб. 1057–1168; № 7–8. Стб. 1334–1457; № 9. Стб. 1613–1704.

Воробьева-Десятовская, 1989: *Воробьева-Десятовская М. И.* Лист тибетской рукописи из Аблай-кита // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Книга 3. Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 36–42.

Востриков, 1935: *Востриков А. И.* С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Записки Ин-та востоковедения АН СССР. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 59–81.

Голицын, 1859: *Голицын А.* Петр I. Член Парижской Академии наук (Pierre I. Membre de l'Académie des sciences de Paris). Berlin: A. Asher & Co.; Paris:

A. Franck; London: Trübner & Co., 1859. (Русский заграничный сборник; Часть III, Тетрадь III).

Готлиб Зигфрид Байер… 1996: Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук: Из истории Петербургской Академии наук / СПб. научный центр РАН, СПб. фонд им. М. В. Ломоносова. СПб.: Европейский Дом, 1996.

Дриссен-ван хет Реве, 2015: *Дриссен-ван хет Реве Й.* Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752) / пер. с нидерл. И. М. Михайловой и Н. В. Возненко; науч. ред. Н. П. Копанева. СПб.: МАЭ РАН, 2015.

Завьялова, Приймак, 2003: *Завьялова Л. В.*, *Приймак Н. И.* Петербург конца 1850-х гг. глазами иностранцев: сравнительный анализ мемуаров А. Дюма и Т. Готье // Историография и источниковедение отечественной истории: сборник научных статей. Вып. 3. СПб.: ОАО «ВНИИГ имени Б. Е. Веденеева», 2003. С. 3–32.

Зорин, 2015: *Зорин А. В.* О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России : 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 102–118.

Зорин, 2020: *Зорин А. В.* О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» // Кунсткамера. № 1 (7). СПб.: МАЭ РАН, 2020. С. 199–215.

Каталог, 2017—2020: Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН / под общей редакцией А. В. Зорина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017–. (Orientalia). Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр. СПб., 2017. Вып. 2: Индексы. СПб., 2019. Вып. 3: Отдельные сочинения и сборники (I). СПб., 2020.

Княжецкая, 1960: *Княжецкая Е. А.* О причинах избрания Петра I членом Парижской Академии наук // Известия Всесоюзного географического общества. 1960, март–апрель. Том 92, вып. 2. С. 154–158.

Княжецкая, 1970: *Княжецкая Е. А.* Новое о карте Каспийского моря К. П. Вердена и Ф. И. Соймонова // Известия Всесоюзного географического общества. 1970, май–июнь. Том 102, вып. 3. С. 271–277, [1] л.

Княжецкая, 1974: *Княжецкая Е. А.* Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1972. М.: Наука, 1974. С. 260–273.

Княжецкая, 1989: *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Книга 3. Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 10–35.

Козин, 1934: *Козин С. А.* Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР // Библиография Востока. Выпуск 5–6 (1934). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. С. 56–66.

Копелевич, 1973: *Копелевич Ю. Х.* Первая заграничная командировка петербургского академика (из записок Г. Ф. Миллера о его путешествии 1730–1731 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 2 (43). М.: Наука, 1973. С. 47–52.

Ксивре, 1840: Archéologie égyptienne, ou Recherches sur l'expression des signes hiéroglyphiques et sur les élémens de la langue sacrée des Égyptiens; par M. de Goulianof, membre de l'Académie Russe, (Ouvrage publié sous les auspices de S. M. l'empereur de Russie.) — 1839. Grand in — 8 — A Leipsic, — volumes I, II et III. (Статья B. de Xivrey.) / [пер.] П. Коншин // Маяк современного просвещения и образованности: Труды ученых и литераторов, русских и иностранных. Вып. XI. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии наук, 1840. С. 132–140.

Куликова, 2001: *Куликова А. М.* Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. (Архив российского востоковедения).

Липин, 1853: Таблицы, формулы и численные данные, для сокращения вычислений и руководства при соображениях, относящихся для строительного искусства. Часть I / составлены Н. И. Липиным. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии наук, 1853.

Майкова, 2004: Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Выпуск 1 / составитель Т. С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. (Памятники исторической мысли).

Мезин, 2003: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003.

Мезин, 2017: *Мезин С. А.* Петр I во Франции. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 2017.

Менке, 1870: [*Менке И. Б.*] Литературные новости о рукописях, найденных в Сибири / [пер. с лат. митрополита Киевского Евгения] // Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и некоторыми другими современниками. Выпуск второй (с 1821 по 1824 г. включительно) / Издание Воронежского губернского статистического комитета. [Воронеж]: [В типографии Воронежского губернского правления], [1870]. С. 88.

Минерт, 1983: *Минерт Л. К.* Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1983.

Невская, 2000: Источники по истории астрономии России XVIII в. Том 1 / составитель и переводчик Н. И. Невская. СПб.: Наука, 2000.

Пекарский, 1862: Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского. Том I: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Санктпетербург: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1862.

Порше, 1938: *Порше Ж.* Петр Великий и Парижская Королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. [Том] IV. Париж: Société des amis du livre russe, 1938 (Imprimerie de Navarre). С. 43–60.

Радовский, 1961: *Радовский М. И.* Из истории англо-русских научных связей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Савельева, 1999: *Савельева Е. А.* Иоганн Даниель Шумахер и Библиотека Академии наук / Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук: Материалы Международной конференции [28 июня — 4 июля 1999 г.]. Том I / СПб. научный центр РАН. СПб.: [б. и.], 1999. С. 82–89.

Спицын, 1906: *Спицын А.* Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Том VIII. Выпуск первый. С.-Петербург: Типография И. Н. Скорохода, 1906. С. 227–248.

Штелин, 1786: Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого Государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. В Санктпетербурге: печатано с дозволения указного в типографии Б. Л. Гека, 1786.

Ямпольская, 2019а: *Ямпольская Н. В.* Рукописное наследие Аблай-хита в России и Европе // К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 181–235.

Ямпольская, 2019б: *Ямпольская Н. В.* Монастырская библиотека // К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 237–281.

Яроцкий, 1963а: *Яроцкий А. В.* О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 218–253.

Яроцкий, 1963б: *Яроцкий А. В.* Павел Львович Шиллинг: 1786–1837. М.: Изд-во АН СССР, 1963. (Научно-биографическая серия)

Abel-Rémusat, 1820: Recherches sur les langues Tartares, ou Mémoires sur différens points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains. Tome Ier / Par M. Abel-Rémusat. A Paris: De l'Imprimerie Royale, 1820.

Adelung, 1806: *Adelung J. Ch.* Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Erster Theil. Berlin: In der Vossischen Buchhandlung, 1806.

Bayer, 1716–1736: Theophilvs Sigefr. Bayervs // Thesavri epistolici Lacroziani. Tomvs I / Ex Bibliotheca Iordaniana edidit Io. Lvdovicvs Vhlivs. Lipsiae: Impens. Io. Frid. Gleditschii, cIↃ IↃ ccxxxxii [1742]. P. 3–62.

Bayer, 1725: Theophili Sigefridi Bayeri Epistola ad J. B. M. // Actorum eruditorum, quæ Lipsiæ publicantur, Supplementa. Tomus IX. Cum S. Cæsareæ Majestatis & Regis. Pol. atque. Electoris Saxoniæ Privilegiis. Lipsiæ: Prostant apud Johan. Grossii Hæredes, Joh. Frid. Gleditschii b. fil. et Jo. Christianum Martini: Typis Bernhardi Christoph. Breitkopfii, A. MDCCXXIX [1729]. Sect. I. P. 20–34, Tab. I–II.

Bayer, 1730: *Bayeri Th. S.* Mvsevm Sinicvm. In quo Sinicae Linguae et Litteraturae ratio explicatur. Tomvs Primvs: Praefationem hiftoricam de progressu litteraturae Sinicae in Europa, Grammaticae Sinicae duos libros, Grammaticam linguae Chincheo, Missionariorum e Tranquebare epistolam, Andreae Mulleri propositionem clauis Sinicae et epistolam ad Io. Heuelium comprehendit. Petropoli: Ex typographia Academiae Imperatoriae, 1730.

Bayer, 1732: *Bayer T. S.* Elementa Litteratvrae Brahmanicae Tangvtanae Mvngalicae // Commentarii Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae. Tomvs III :

Ad Annvm cIↄ Iↄcc xxviii [1728]. Petropoli: Typis Academiae, cIↄ Iↄcc xxxii [1732]. P. 389–396, 415–422, Tabs.

Bayer, 1735a: *T. S. B.* Elementa Brahmanica, Tangvtana, Mvngalica // Commentarii Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae. Tomvs IV : Ad Annvm cIↄ Iↄcc xxix [1729]. Petropoli: Typis Academiae, cIↄ Iↄcc xxxv [1735]. P. 289–296, 241–245, Tabs.

Bayer, 1735b: Theophili Sigefridi Bayeri Regiomontani de Horis Sinicis et Cyclo Horario commentationes accedit eivsdem avctoris Parergon Sinicvm de Calendariis Sinicis vbi etiam qvaedam in doctrina temporvm Sinica emendantvr. Petropoli: Typis Academiae Scientiarvm, cIↄIↄccXXXV [1735].

Bayer, Kraus, 1722: Epistolæ II. de libris ignotis nuper ad mare Caspium repertis : Ioanni Samveli Strimesio, Eloquentiæ & historiarum Prof. & Rectori magnifico S.P.D. T. S. Bayer; Theophilo Sigfrido Bayero Viro Clarissimo S. D. Io. Gottlib Krause // Historie Der Gelehrsamkeit Unserer Zeiten, Darinn Nachrichten von neuen Büchern, Leben Gelehrter Leute, und andere dergleichen Merckwürdigkeiten ertheilet werden. Fünfftes Stück. Leipzig: Bey Jacob Schustern, 1722. P. 385–394, 394–398, [2].

Bka' 'gyur, 2008. Vol. 86: Bka' 'gyur (dpe bsdur ma). Deb gya drug pa: rgyud 'bum (tha) = Zhōnghuá Dàzàngjīng. Gānzhūěr (duìkān běn). Dì 86 juàn 中华大藏经. 甘珠尔(对勘本). 第 86 卷. Pe cin = Běijīng 北京: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang = Zhōngguó Zàngxué chūbǎnshè 中国藏学出版社, 2008.

Bka' 'gyur, 2008. Vol. 90: Bka' 'gyur (dpe bsdur ma). Deb dgu bcu pa: rgyud 'bum (pha) = Zhōnghuá Dàzàngjīng. Gānzhūěr (duìkān běn). Dì 90 juàn 中华大藏经. 甘珠尔(对勘本). 第 90 卷. Pe cin = Běijīng 北京: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang = Zhōngguó Zàngxué chūbǎnshè 中国藏学出版社, 2008.

Bléchet, 2004: *Bléchet F.* Les prémices d'une République des Lettres franco-russe de 1717 à 1740 // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle / Publié sous la direction de J.-P. Poussou, A. Mézin & Y. Perret-Gentil. Paris: Institut d'études slaves ; Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2004. P. 161–183. (Collection historique de l'Institut d'études slaves; XL) (Collection du Centre Roland Mousnier; 13).

Brauer, 1962: *Brauer A. J.* Professor Johann Burchard Mencke, F.R.S. (1674–1732) // Notes and Records of the Royal Society of London. December 1962. Vol. 17, No. 2. P. 192–197, plate 11.

Catalogue général, 1909: Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France : Paris. Tome Ier. Paris: Librairie Plon ; Plon-Nourrit et Cie, Imprimeurs-éditeurs, 1909.

Deshauterayes, 1766: Thibetan ou Boutan // Bibliotheque des artistes et des amateurs: ou Tablettes analytiques, et méthodiques, sur les sçiences et les beaux arts; Dédiée au roi: Ouvrage utile à l'Instruction de la Jeunesse, à l'usage des Personnes de tout âge, & de tout état, orné de Cartes & d'Estampes en Taille douce : avec une Table raisonnée des Auteurs, sur l'usage & le choix des Livres. Tome II. Part. II / Par l'Abbé de Petity, Prédicateur de la Reine. A Paris: Chez P. G. Simon, M. DCC. LXVI. [1766]. P. 584–600, [1] pl.

Deshauterayes, 1767: Thibetan ou Boutan // Encyclopédie élémentaire, ou Introduction a l'études des lettres, des sçiences et des arts: Ouvrage utile à la Jeunesse & aux Personnes de tout âge, enrichi d'amples Notices des meilleurs Auteurs dans

chaque Faculté, & orné d'Estampes en taille-douce. Dédiée au roi. Tome II. Part. II / Par M. l'Abbé de Petity, Prédicateur de la Reine. A Paris: Chez Herissant Fils, M. DCC. LXVII. [1767]. P. 584–600, [1] pl.

Dorn, 1846: Das asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg / Von dem Director desselben Dr. Bernh. Dorn. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1846.

Eichhorn, 1807: *Eichhorn J. G.* Geschichte der Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neuesten Zeiten. Fünfter Band, Erste Abtheilung: Geschichte der neuern Sprachenkunde. Erste Abtheilung. Göttingen: Bey Vandenhoek und Ruprecht, 1807.

Fréret, 1753a: [*Fréret N.*] Éloge de M. Fourmont l'aisné // Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres. Tome XVIII. A Paris: De l'Imprimerie royale, M. DCCLIII [1753]. Histoire. P. 413–431.

Fréret, 1753b: [*Fréret N.*] Éloge de M. l'abbé Fourmont // Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres. Tome XVIII. A Paris: De l'Imprimerie royale, M. DCCLIII [1753]. Histoire. P. 432–446.

Galitzin, 1859: *Galitzin A.* Pierre Ier, membre de l'Académie des sciences // Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire. Quatorzième série. Septembre 1859. A Paris: J. Techener, Libraire, 1859. P. 611–617.

Gazette, 1721. No. 42: Gazette, Du 4 Octobre 1721. N° 42. A Paris: du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre, devant la rüe S. Thomas, le 4 Octobre 1721. P. 485–496.

Gazette, 1721. No. 44: Gazette, Du 18 Octobre 1721. N° 44. A Paris: du Bureau d'Adresse, aux Galleries du Louvre, devant la rüe S. Thomas, le 18 Octobre 1721. P. 509–520.

Gengler, 2020: *Gengler O.* Michel Fourmont and His Forgeries // Fakes and Forgeries of Written Artefacts from Ancient Mesopotamia to Modern China / Ed. by C. Michel, M. Friedrich. Berlin; Boston: de Gruyter, 2020. P. 123–148. (Studies in Manuscript Cultures; Vol. 20).

Giorgi, 1759: Alphabetum Tibetanum missionum apostolicarum commodo editum. Romæ: Typis Sacræ Congregationis de Propaganda Fide, 1759.

Giorgi, 1762: Alphabetum Tibetanum missionum apostolicarum commodo editum. Præmissa est disquisitio qua de vario litterarum ac regionis nomine, gentis origine moribus, superstitione, ac manichaeismo fuse disseritur. Beausobrii calumniæ in Sanctum Augustinum. Aliosque ecclesiæ patres refutantur / Studio et labore Fr. Augustini Antonii Georgii, eremitæ augustiniani. Romæ: Typis Sacræ Congregationis de Propaganda Fide, MDCCLXII [1762].

Giorgi, 1999: *Giorgi A.* Alphabetum Tibetanum. Teil II. Schreibgerät, Beschreibmaterial, Druck- und Buchwesen, eine Darstellung der Schrift & der Orthographie der Tibeter in Texten samt den frühen Übersetzungsversuchen aus dem 18. Jahrhundert: Zum Nutzen der Apostolischen Missionen Im Druck erschienen bei der 'Heiligen Kongregation zur Verbreitung des Glaubens' in Rom 1759 / Aus dem Lateinischen übersetzt & mit Anmerkungen versehen von Peter Lindegger. Zürich: Tibet-Institut Rikon, 1999. (OpTib; 28).

Gleditsch, 1721a: Leipziger Oster-Messe, 1721. Catalogus Librorum Joh. Friderici Gleditschii b. filii, bibliopolæ Lipsiensis // Die Europäische Fama, Welche

den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. Der 245. Theil. 1721. S. 438 et seq.

Gleditsch, 1721b: Leipziger Michael-Messe 1721. Catalogus Librorum Joh. Friderici Gleditschii b. filii, bibliopolæ Lipsiensis // Die Europäische Fama, Welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. Der 250. Theil. 1721. S. 882 et seq.

Heissig, 1979: *Heissig W.* Die erste mongolische Handschrift in Deutschland // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. 13 (1979). Wiesbaden: Kommissionsverlag Otto Harrassowitz, 1979. S. 191–214.

Helman-Ważny et al., 2015: *Helman-Ważny A.*, *Kriakina L.*, *Zorin A.* The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis // Written Monuments of the Orient. 2015 (2). P. 61–76.

Histoire, 1729a Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres. Avec Les Mémoires de Littérature tirez des Registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCXVIII [1718]. jusques & compris l'année M. DCCXXV [1725]. Tome cinquième. A Paris: De L'Imprimerie Royale, M. DCCXXIX [1729].

Histoire, 1729b: Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles Lettres, avec Les Mémoires de Littérature tirés des Registres de cette Académie, depuis l'année M. DCCXVIII [1718], jusques & compris l'année M. DCCXXV [1725]. Tome cinquième. A Paris: De L'Imprimerie Royale, M. DCCXXIX [1729].

Hyde, 1700: Historia religionis veterum Persarum, eorumque Magorum / Author est *Thomas Hyde*. Oxonii: E Theatro Sheldoniano, MDCC [1700].

Index, 1845: བཀའ་འགྱུར་གྱི་དཀར་ཆག་ [Bka' 'gyur gyi dkar chag] oder Der Index des Kandjur / Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften und bevorwortet von I. J. Schmidt. St.-Petersburg: [s. n.] ; In Leipzig: bei Leopold Voss, 1845.

Journal des Sçavans, 1724a: [Nouvelles litteraires:] De Paris // Le Journal des Sçavans. Pour l'année M. DCCXXIV [1724]. Juillet. A Paris: Chéz Noel Pissot, M. DCC. XXa неслучайнаIV. [1724]. P. 478–483.

Journal des Sçavans, 1724b: [Nouvelles litteraires:] De Paris // Le Journal des Sçavans, Pour l'année M. DCCXXIV [1724]. Janvier[–Decembre]. A Paris: Chez Noel Pissot, M. DCCXXIV [1724]. P. 461–466.

Journal des Sçavans, 1724c: [Nouvelles litteraires:] De Paris // Journal des Sçavans, Août 1724. Augmenté de divers Articles qui ne se trouvent point dans l'Edition de Paris. [Tome LXXV]. A Amsterdam: Chez les Jansons à Waesberge, M DCC XXIV [1724]. P. 201–202, 103–108, 209–216 [i. e. 201–216].

Klaproth, 1813: *Klaproth J., von*. Ehrenrettung Stephan Fourmonts : قد ينبح الكلب القمر // Fundgruben des Orients bearbeitet durch eine Gesellschaft von Liebhabern. Dritter Band. Wien: Gedruckt bey Anton Schmid, K. K. Privil. Buchdrucker, 1813. S. 41–46.

Klaproth, 1826: Mémoires relatifs a l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Tome second, Orné de trois cartes et de deux autres planches / Par M. J. Klaproth. Paris: A la Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, Imp.-Lib. de la Société Asiatique

de Paris ; Et Libraires de la Société Royale Asiatique de la Grande-Bretagne et d'Irlande sur le Continent, M DCCC XXVI [1826].

Knüppel, 2014: *Knüppel M.* Vom Irtysch nach Kassel: Zum Problem der ersten mongolischen und tibetischen Handschriften in Deutschland. Kassel: Kassel University Press, 2014. (Schriftenreihe der Universitätsbibliothek Kassel – Landesbibliothek und Murhardsche Bibliothek der Stadt Kassel; Band 12).

Kőrösi, 1832: Translation of a Tibetan Fragment, by Mr. Csoma de Körös, with remarks by H. H. Wilson, Secy. (Read, July 4th) // The Journal of the Asiatic Society of Bengal. July, 1832. No. 7. Calcutta: Printed at the Baptist Mission Press, 1832. P. 269–276, [4] pl.

La Croze, 1722a: Epistola viri celeberrimi Maturini Veyssiere la Croze ad J. B. M. de libris manu scriptis haud procul mari Caspio repertis // Acta eruditorum. Calendis Augusti Anno MDCCXXII. No. VIII. Lipsiæ: Prostant apud Johan. Grossii Hæredes, Joh. Frid. Gleditschii b. fil. & Thomam Fritschium : Typis Bernhardi Christoph. Breitkopfii, A. M DCC XXII [1722]. P. 414–416.

La Croze, 1722b: Elementa linguæ Tanguticæ, quibus etiam utuntur Tartari Tibetani, Boutanenses, Barantolani, imo & ipsi incolæ Regni Bengalæ ad Gangem, ex Museo Maturini Veyssiere La Croze // Acta eruditorum. Calendis Septembris Anno MDCCXXII. No. IX. Lipsiæ: Prostant apud Johan. Grossii Hæredes, Joh. Frid. Gleditschii b. fil. & Thomam Fritschium : Typis Bernhardi Christoph. Breitkopfii, A. M DCC XXII [1722]. P. 417–420.

La Croze, 1746: Io. Bvrcardo Menckenio // Thesavri epistolici Lacroziani. Tomvs III. Lipsiae: Impens. Io. Frid. Gleditschii, cIↃ IↃ ccxxxxvi [1746]. P. 286–288.

Le Bruyn, 1725: Memoire de M. Chumaeker, Bibliothécaire de Sa Majesté Czarienne. Du mois d'Octobre 1721 // Voyages de Corneille Le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Tome troisième. Nouvelle édition, augmentée considérablement. A Paris: Chez Jean-Baptiste-Claude Bauche le fils ; Et A Rouen: Chez Charles Ferrand, & Robert Machuel, M. DCC. XXV. [1725]. P. 472–475. *Руанское издание того же года*: A Rouen: Chez Charles Ferrand, M. DCC. XXV. [1725]. P. 472–475.

Lettres 1721a: Lettres historiques, Contenant ce qui se passe de plus important en Europe; Et les Réflexions convenables à ce sujet. Tome LX. Mois de Septembre, 1721. A Amsterdam: Chez la Veuve de Jaq. Desbordes, M. DCC. XXI. [1721].

Lettres 1721b: Lettres historiques, Contenant ce qui se passe de plus important en Europe; Et les Réflexions convenables à ce sujet. Tome LX. Mois de Novembre, 1721. A Amsterdam: Chez la Veuve de Jaq. Desbordes, M. DCC. XXI. [1721].

Leung-Hang-King, 1993: *Leung-Hang-King C.* The Language of the "Other": Etienne Fourmont (1683–1745), Chinese, Hebrew and Arabic in Pre-Enlightenment France : A Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Humanities and the Committee on Comparative Studies in Literature in Candidacy for the Degree of Doctor in Philosophy. Vol. 1–2. Chicago, Illinois: The University of Chicago, 1993.

Lundbæk, 1986: *Lundbæk K.* T. S. Bayer (1694–1738): Pioneer Sinologist. London; Malmö: Curzon Press, 1986. (Scandinavian Institute of Asian Studies Monograph Series; No. 54).

Mencke, 1722a: [*Mencke J. B.*] [Nachricht aus] Leipzig // Neuer Zeitungen von Gelehrten Sachen. Auf das Jahr 1722. Leipzig, den 25 Juny. N°. LI [51]. Leipzig: in der Post-Zeitungs-Expedition, 1722. S. 498–499.

Mencke, 1722b: [*Mencke J. B.*] Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis // Acta eruditorum. Calendis Julii Anno MDCCXXII. No. VII. Lipsiæ: Prostant apud Johan. Grossii Hæredes, Joh. Frid. Gleditschii b. fil. & Thomam Fritschium : Typis Bernhardi Christoph. Breitkopfii, A. M DCC XXII [1722]. P. 374–376, Tab. V.

Mercure 1721a: Le Mercure. D'Septembre 1721. A Paris: Chez Guillaume Cavelier, au Palais ; La Veuve de Pierre Ribou, Quay des Augustins, à l'Image S. Louis; Guillaume Cavelier, Fils, ruë S. Jacques, à la Fleur-de-Lys d'Or; André Cailleau à l'Image Saint André, Place de Sorbonne, M DCC. XXI [1721].

Mercure 1721b: Le Mercure. D'Octobre 1721. A Paris: Chez Guillaume Cavelier, au Palais; La Veuve de Pierre Ribou, Quay des Augustins, à l'Image S. Louis; Guillaume Cavelier, Fils, ruë S. Jacques, à la Fleur-de-Lys d'Or; André Cailleau à l'Image Saint André, Place de Sorbonne, M DCC. XXI [1721].

Mercure 1721c: Le Mercure. D'Novembre 1721. A Paris: Chez Guillaume Cavelier, au Palais ; La Veuve de Pierre Ribou, Quay des Augustins, à l'Image S. Louis; Guillaume Cavelier, Fils, ruë S. Jacques, à la Fleur-de-Lys d'Or; André Cailleau à l'Image Saint André, Place de Sorbonne, M DCC. XXI [1721].

Mercure historique… 1721a: Mercure historique et politique : Contenant l'Etat present de l'Europe, ce qui se passe dans toutes les Cours, l'intérêt des Princes, leurs Brigues, & généralement tout ce qu'il y a de curieux pour le : Mois de Septembre 1721 : Le tout accompagné de Reflexions Politiques sur chaque Etat. Tome LXXXI. A La Haye: Chez Henri van Dole, Libraire, M. DCC. XXI [1721].

Mercure historique… 1721b: Mercure historique et politique : Contenant l'Etat present de l'Europe, ce qui se passe dans toutes les Cours, l'intérêt des Princes, leurs Brigues, & généralement tout ce qu'il y a de curieux pour le : Mois de Octobre 1721 : Le tout accompagné de Reflexions Politiques sur chaque Etat. Tome LXXXI. A La Haye: Chez Henri van Dole, Libraire, M. DCC. XXI [1721].

Mercure historique… 1721c: Mercure historique et politique : Contenant l'Etat present de l'Europe, ce qui se passe dans toutes les Cours, l'intérêt des Princes, leurs Brigues, & généralement tout ce qu'il y a de curieux pour le : Mois de Novembre 1721 : Le tout accompagné de Reflexions Politiques sur chaque Etat. Tome LXXXI. A La Haye: Chez Henri van Dole, Libraire, M. DCC. XXI [1721].

Montfaucon, 1724: Memoire de M. Schumacker Bibliothecaire de Sa Majesté Czarienne = Narratio D. de Schumacker Czarianæ Majestatis Bibliothecarius // Supplement au Livre de l'antiquité expliquée et representée en figures. Tome cinquieme: Les funerailles / Par Dom Bernard de Montfaucon. A Paris: Chez La Veuve Delaune, La Veuve Foucault, La Veuve Cloisier, Jean-Geoffroy Nyon, Etienne Gannau, Nicolas Gosselin, Et Pierre-François Giffart, M. DCC. XXIV. [1724]. P. 152–154.

Müller, 1747a: *Mülleri G. F.* De Scriptis Tangvticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiae Scientiarvm Imperialis Petropolitanae. Tomus X: Ad Annvm MDCCXXXVIII [1738]. Petropoli: Typis Academiae, cIↃ IↃccxlvii [1747]. P. 420–468, Tab. I–IX.

Müller, 1747b: *Mvlleri G. F.* Commentatio de Scriptis Tangvticis in Sibiria repertis qva et loca vbi illa scripta reperta svnt adcvrativs describvntvr et ipsorvm scriptorvm ratio redditvr et vnivs folii tangvtici interpretatio ad Petrvm Magnvm immortalis gloriae imperatorem Parisiis missa fide carere probatvr : Cvm figvris aere expressis. Petropoli: Typis Academiae Scientiarvm, cIↃ IↃ cc xlvii [1747]. [2], 8, 50 p., Tab. I–IX.

New-England Courant, 1722: Foreign Affairs. [On Friday last came in Capt. Woodbridge and Capt. Clark, in Six Weeks from London, by whom we have the following Advice] : London, March 10 // The New-England Courant. Nº 39. From Monday April 23. to Monday April 30. 1722. Boston: Printed and Sold by J. Franklin, 1722. P. [2].

Newcastle Weekly Courant, 1722: From the Whitehall Evening Post, London, March 8 // The Newcastle Weekly Courant. Saturday, March 17. 1721–22 [1722]. Numb. 91. Newcastle: Printed and Sold by John White, [1722]. P. 3.

Pomplun, 2020: *Pomplun T.* Agostino Antonio Giorgi, OESA (1711–1797): Between Augustinianism and the History of Religions // History of Religions. February 2020. Vol. 59. No. 3. P. 193–221.

Recueil de planches, 1763: [*Des Hautesrayes, Goussier L. J.*] Caracteres et alphabets de langues mortes et vivantes, contenant vingt-cinq planches // Recueil de planches, sur les sciences, les arts libéraux, et les arts méchaniques, avec leur explication. Seconde livraison, en deux parties. Premiere partie: 233 planches. A Paris: Chez Briasson : David : Le Breton : Durand, M. DCC. LXIII. [1763]. P. 1–17, Pl. I–XXV.

Registres, 1895: Les registres de l'Académie françoise: 1672–1793. Tome deuxième: 1716–1750 / Institut de France. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1895.

Schiefner, 1863: *Schiefner A.* Bericht über eine Reise nach England im Sommer 1863. (Lu le 25 septembre 1863.) // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de Sᵗ-Pétersbourg. Tome sixième. St.-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1863. Sp. 481–485.

Schiefner, 1864: *Schiefner A.* Bericht über eine Reise nach England im Sommer 1863 // Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. (Avec 2 Planches). Tome V. Livraison 1. St.-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1864. S. 41–48.

Schilling, 1848: Bibliothèque bouddhique ou Index du Gandjour de Narthang, composé sous la direction du Baron Schilling de Canstadt. Avant-propos. (Lu le 26 novembre 1847.) (Avec une planche.) // Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Tome IV. № 21 (92). St.-Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1848. Col. 321–336, [1] pl.

Schmidt, 1824: Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter: Mit zwei Tafeln in Steindruck / von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg: Gedruckt bei Karl Kray ; Leipzig: in Commission bei Carl Cnobloch, 1824.

Stählin, 1785: Originalanekdoten von Peter dem Großen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit

entrissen von Jacob von Stählin. Leipzig: Bey Johann Gottlob Immanuel Breitkopf, 1785.

Stamford Mercury, 1722: London, March 10 // Stamford Mercury: Being historical and political observations of the transactions of Europe together with remarks on trade. Thursday, March 15, 172½ [1722]. Vol. XIX, No. 11. At Stamford in Lincolnshire: Printed by Tho. Baily, and Will. Thompson, 1721 [i. e. 1722]. P. 127–128.

Thomas, 1988: *Thomas Ch. G.* Sir Hans Sloane and the Russian Academy of Sciences // The British Library Journal. Spring 1988. Vol. 14, No. 1 P. 21–37.

Walravens, 1997: *Walravens H.* Die erste mongolische Handschrift in Deutschland. Eine Nachbemerkung // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. 27 (1997). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. S. 93–98.

Walravens, 2008: *Walravens H.* Some Notes on Early Tibetan Studies in Europe // Images of Tibet in the 19th and 20th Centuries. Volume I / Ed. by M. Esposito. Paris: École française d'Extrême-Orient, 2008. P. 149–176. (Études thématiques; 22).

Walravens, Zorin, 2016: *Walravens H.*, *Zorin A.* Two archival documents on the Tibetan and Mongolian texts preserved at the St. Petersburg Academy of Sciences by the end of the 18th century and not included in J. Jährig's catalogue // Zentralasiatische Studien 45 (2016). Andiast (Schweiz): IITBS GmbH : International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2016. P. 659–676.

Walravens, Zorin, 2017: *Walravens H.*, *Zorin A.* The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D. G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in 1728 // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies = Kokusai Bukkyōgaku daigakuin daigaku kenkyū kiyō 国際仏教学大学院大学研究紀要. March, 2017. Vol. XXI. P. 194–136 (183–241).

Weber, 1721: Das Veränderte Rußland, In welchem die ietzige Verfassung Des Geist- und Weltlichen Regiments; Der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser; Wahre Zustand der Rußischen Finantzen; die geöffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völckern, Die Begebenheiten des Czarewitzen, und was sich sonst merckwürdiges in Rußland zugetragen, Nebst verschiedenen andern bißher unbekandten Nachrichten In einem Biß 1720. gehenden Journal vorgestellet werden, Mit einer accuraten Land-Carte und Kupfferstichen versehen. Frankfurth: Verlegts Nicolaus Förster, 1721.

Weston, 2018: *Weston D.* The Bayer Collection: A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. [Glasgow]: University of Glasgow, 2018. URL: https://eprints.gla.ac.uk/163266/

Zorin, 2015: *Zorin A.* The History of the First Tibetan Texts Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies = Kokusai Bukkyōgaku daigakuin daigaku kenkyū kiyō 国際仏教学大学院大学研究紀要. March, 2015. Vol. XIX. P. 184–142 (1–43).

Viacheslav P. Zaytsev

Translation from the Tibetan language by the Fourmont brothers (1723)

The formation of Tibetology as an academic discipline is inextricably linked to Russo-French academic contacts, on the one hand, and the attempt by the brothers Étienne and Michel Fourmont to translate a Tibetan text which had become available to Western science in 1722, on the other hand. Although the curious translation by the Fourmont brothers, completed in 1723, was not a success, being objectively impracticable for "Proto-Tibetology" of that time, it nevertheless gave a certain impetus to the development of Tibetan studies, and the problem of translation attracted the interest of many scholars since that time and up to the present day. Despite almost 300 years having passed since the first publication of the translation by the Fourmont brothers, and the subsequent publication of numerous academic works associated with it, there are still a number of blank spots and unresolved issues in this story. This paper deals with the revision of events preceding and relating to the early history of the Fourmont brothers' translation.

Key words: Fourmont brothers, Étienne Fourmont, Michel Fourmont, Jean-Paul Bignon, Latin-Tibetan dictionary, Domenico da Fano, history of Tibetology, Peter the Great, Johann Daniel Schumacher, Ablai-kit.

Приложение. Письмо аббата Ж.-П. Биньона русскому царю Петру I от 1 февраля 1723 г.

Копия (отпуск) письма, сохранившаяся среди бумаг и корреспонденции аббата Ж.-П. Биньона.

Рукопись. Два листа с текстом на каждой стороне.

Из коллекции Национальной библиотеки Франции [Français 22232: ff. 56–57].

Дата: 1 февраля 1723 г. (новый стиль) = 21 января 1723 г. (старый стиль).

Публикация текста: [Порше, 1938: 56–58]. Факсимиле: рис. 1–4.

Подготовка к публикации, набор и сверка текста по оригиналу В. П. Зайцева.

В верхнем левом углу на первой странице приписка: Traduction en langue [Russe] de la Lettre de M. l'Abbé Bignon a Sa Majesté Czarienne, en datte du 1er février 1723.

Транскрипция

(*56a*) Всемилостивѣйшій Гр҃ь	Всемилостивейший Государь
Со всепокорнѣйшимъ почтеніемъ признаваю высокꙋю вш҃его Величества милость, которою вш҃е Величество меня в҃ прошломъ годꙋ удостоить изволили, повелѣвъ вш҃емꙋ Библїотекарю Шꙋмахерꙋ, мнѣ дать листъ найденыхъ в҃ Калмыцкой Землѣ книгъ.	Со всепокорнейшим почтением признаваю высокую вашего Величества милость, которою ваше Величество меня в прошлом году удостоить изволили, повелев вашему Библиотекарю Шумахеру мне дать лист найденых в Калмыцкой Земле книг.
И за онꙋю вш҃е величество всеуниженно бл҃годарить того ради укоснꙋлъ, что желалъ вш҃емꙋ Величествꙋ при моемъ покорномъ благодареніи приобщить о томъ подлинное увѣдомленіе.	И за оную ваше величество всеуниженно благодарить того ради укоснул, что желал вашему Величеству при моем покорном благодарении приобщить о том подлинное уведомление.

Понеже, Гдрь не безъ трудности было тѣ литеры разпознать, которыхъ нши (*56b*) ученые до сего времяни невидали.	Понеже, Государь не без трудности было те литеры разпознать, которых наши ученые до сего времяни невидали.
И когда бы мы переводчиковъ всякихъ языковъ здѣсь неимѣли, которые его Величество, мой всемилостивѣйшій Гдрь, по моемъ прошенїю въ свою Библїотекъ принялъ, тъ невозможно было шное ко шкончанїю привесть.	И когда бы мы переводчиков всяких языков здесь неимели, которые его Величество, мой всемилостивейший Государь, по моему прошению в свою Библиотеку принял, тоб невозможно было оное ко окончанию привесть.
По многомъ перебиранїю книгъ, едва мы могли найти Лексиконъ на языкѣ Латинскомъ и Тибетскомъ, въ которомъ Литеры сходны съ характерами присланного сюды листа.	По многому перебиранию книг, едва мы могли найти Лексикон на языке Латинском и Тибетском, в котором Литеры сходны с характерами присланного сюды листа.
И такимъ способомъ мы сию тайность розобрали, или шгадали, ежели можно сие слово употребить.	И таким способом мы сию тайность розобрали, или отгадали, ежели можно сие слово употребить.
мы нелстимся, что мы учинили всемѣрное шкровенїе или изъясненїе.	Мы нелстимся, что мы учинили всемерное откровение или изъяснение.
Ибо, Гдрь, вышедонесенной Лексиконъ здѣланъ въ кратцѣ чрезъ одново проѣжжего.	Ибо, Государь, вышедонесенной Лексикон зделан в кратце чрез одново проежжего.
многия слова и речи въ немъ ненаходятся, безъ которыхъ нелзя совершенной разговоръ выразумѣть.	Многия слова и речи в нем ненаходятся, без которых нелзя совершенной разговор выразуметь.

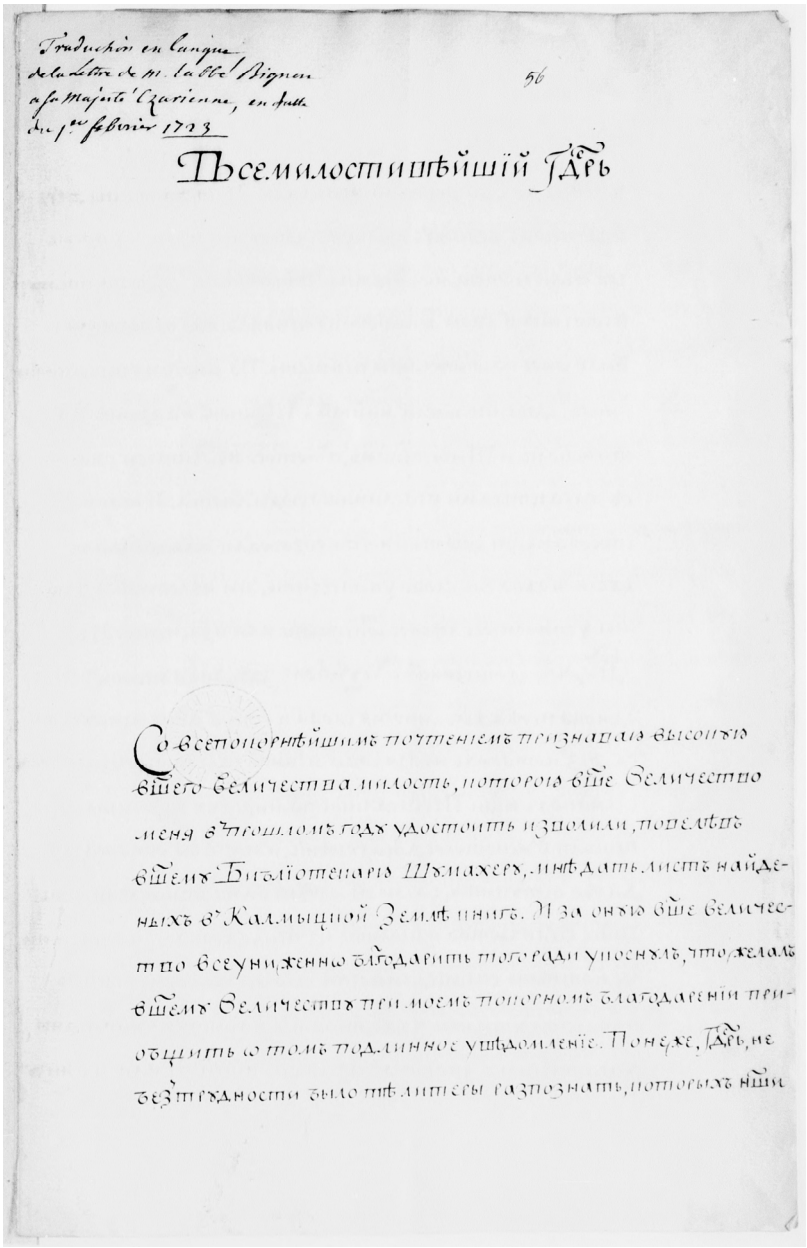
Однакожь нши Переводчики по многомъ размышленїю пришли въ некоторое доразмѣнїе, и могли бы они гораздо далѣе вступить, ежели бы имѣли болѣе такихъ писемъ.	Однакожь наши Переводчики по многому размышлению пришли в некоторое доразумение, и могли бы они гораздо далее вступить, ежели бы имели более таких писем.
Ваше величество изволите изъ приложенного Списка сами усмотрѣть справедливость сего перевода, въ которомъ изволите увидить чужестранные характеры написаны характерами знаемыхъ языковъ нашей Земли, и въ низу (*57a*) словесное толкованїе на Латинскомъ языкѣ, а на сторонѣ что мы назвали разумъ, которой можно болѣе воизображенїе нежели въ вѣрной переводъ вмѣнить.	Ваше величество изволите из приложенного Списка сами усмотреть справедливость сего переводу, в котором изволите увидить чужестранные характеры написаны характерами знаемых языков нашей Земли, и в низу словесное толкование на Латинском языке, а на стороне что мы назвали разум, которой можно более во изображение нежели в верной перевод вменить.
мы разсудили, что весма надобно такимъ подобїемъ поступать для великой темноты сего писанїя.	Мы разсудили, что весма надобно таким подобием поступать для великой темноты сего писания.
И когда сей образецъ будетъ счастливъ вашему Величеству угодить, то ваше величество можете насъ въ предь болѣе удобными здѣлать, также и чрезъ учиненные поспѣхи въ симъ знанїи вашему величеству достойнѣйшия показать услуги годными употребить.	И когда сей образец будет счастлив вашему Величеству угодить, то ваше величество можете нас в предь более удобными зделать, также и чрезь учиненные поспехи в сим знании вашему величеству достойнейшия показать услуги годными употребить.
Конечно, Гдрь, весь Свѣтъ будетъ подъ вашимъ высокимъ предводительствомъ тѣмъ пользоваться.	Конечно, Государь, весь Свет будет под вашим высоким предводительством тем ползоваться.

Понеже всемѣрно уповаю, что в᷑ такомъ множествѣ р8кописныхъ книгъ, которые, по вѣдомостямъ в᷑ Єврωпѣ разсѣянымъ, нашлись в᷑ Азїатскихъ вш̃его Гос8дарства странахъ, имѣютъ быть книги надлежащия к᷑ Гїсторїи сѣхъ странъ до сего числа незнаемыхъ.	Понеже всемерно уповаю, что в таком множестве рукописных книг, которые, по ведомостям в Европе разсеяным, нашлись в Азиатских вашего Государства странах, имеют быть книги надлежащия к Гистории сех стран до сего числа незнаемых.
И ежели такия книги най-д8т̃ся, то мы надѣем̃ся, что вш̃е Величество насъ оными участными учинить изволите.	И ежели такия книги найдутся, то мы надеемся, что ваше Величество нас оными участными учинить изволите.
Правда, вш̃е Величество слѣд8ете пост8пкамъ Їѳлїя Цѣсаря поспѣшнымъ и многимъ своимъ завоеванїемъ, в᷑ такомъ равенствѣ, что вы без᷑ сомнѣнїя покажете такоежь ревнос- (*57b*) тное старанїе, какъ сей первый Римскїй Їмператоръ имѣлъ, учение и н8ки в᷑ л8тчей цвѣтъ привести.	Правда, ваше Величество следуете поступкам Иулия Цесаря поспешным и многим своим завоеванием, в таком равенстве, что Вы без сомнения покажете такоежь ревностное старание, как сей первый Римский Император имел, учение и науки в лутчей цвет привести.
Ѡ чемъ Ѳранцїя в8детъ всегда радоваться, и никогда не wск8дѣет[ъ] сиянїе и вящее прираценїе ѡ ныхъ, вш̃ем8 величеств8 приписовать.	О чем Франция будет всегда радоваться, и никогда не оскудеет сияние и вящее приращение оных, вашему Величеству приписовать.
Я особливѡ наполненъ высокимъ удивленїем[ъ] и всеуниженнымъ покоренїемъ, всепокорнѣйше прош8 вш̃[е] Величество, мнѣ позволить нарещися	Я особливо наполнен высоким удивлением и всеуниженным покорением, всепокорнейше прошу ваш[е] Величество, мне позволить нарещися

Всемилостивѣйшїй Гдⷭ҇рь **Вш҃его Величества**	Всемилостивейший Государь Вашего Величества
всепокорнѣйшимъ и всепослꙋшнѣ[й]шимъ слꙋгою ***подписаль. Абатъ Биніонъ.***	всепокорнейшим и всепослушне[й]шим слугою *подписаль. Абат Бинион* [1].
и҆ Парижа в҆ 1 День Ѳевраля мц҃а ~~**в҆ Парижѣ 1723 годꙋ**~~ ~~**в҆ 1и Ѳевраля мц҃а.**~~ **1723 годꙋ.**	из Парижа в 1 День Февраля месяца ~~в Париже 1723 году~~ ~~в 1и Февраля месяца.~~ [2] 1723 году.

[1] Слова «подписаль. Абат Бинион.» вписаны другой рукой, очевидно, Биньона. Интересно, что допущена ошибка: на конце слова «подписал» поставлен мягкий знак вместо требовавшегося твердого. Последние две строки в транскрипции располагаются в две колонки в оригинале: слева — дата и место отправки, справа — подпись.

[2] Исправление было вызвано, по-видимому, ошибкой в предлоге и пропуском слова «день»: вместо ошибочного «в Париже 1723 году // в 1и Февраля месяца» заново написано «из Парижа в 1 День Февраля месяца // 1723 году». Первый публикатор письма, Ж. Порше, приводит ошибочное прочтение зачеркнутых строк: «в Париже 1723 году в 1 Апреля месяца» [Порше, 1938: 58, примеч. 1].



Traduction en langue
de la Lettre de M. l'abbé Bignon
a sa Majesté Czarienne, en datte
du 1er febvrier 1723

56

Всемилостивѣйшій Гдрь

Со всепокорнѣйшимъ почтеніемъ признаваю высокую
вшего величества милость, которою вше величество
меня въ прошломъ году удостоить изволили, повелѣвъ
вшему Библіотекарю Шумахеру, мнѣ дать листъ найде-
ныхъ въ Калмыцкой Землѣ книгъ. И за оную вше величес-
тво всеуниженно благодарить того ради уносилъ, что желалъ
вшему величеству при моемъ покорномъ благодареніи при-
общить о томъ подлинное увѣдомленіе. Понеже, Гдрь, не
безъ трудности было тѣ литеры разпознать, которыхъ нши

Рис. 1. Страница 1 письма аббата Ж.-П. Биньона Петру I от 1 февраля 1723 г. [Français 22232: f. 56a]. Источник: gallica.bnf.fr

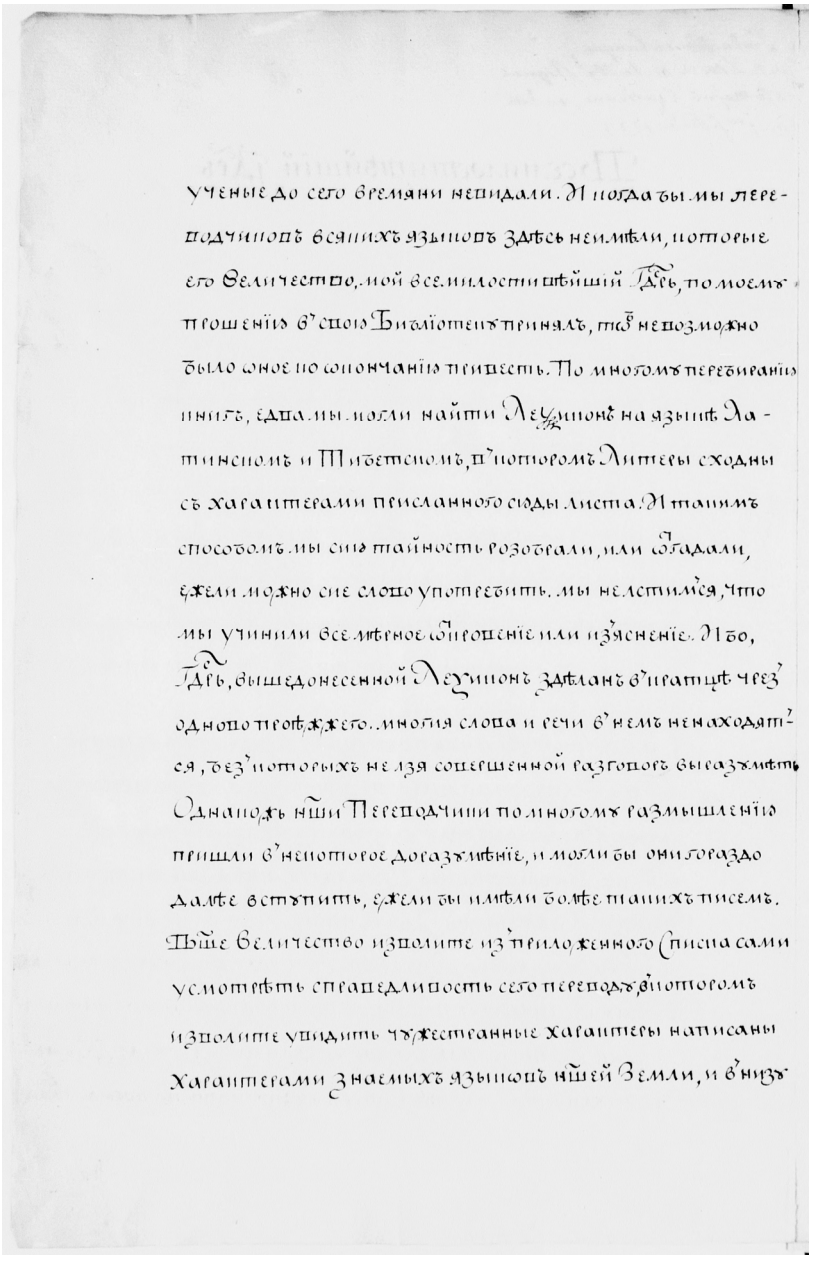


Рис. 2. Страница 2 письма аббата Ж.-П. Биньона Петру I от 1 февраля 1723 г. [Français 22232: f. 56b]. Источник: gallica.bnf.fr

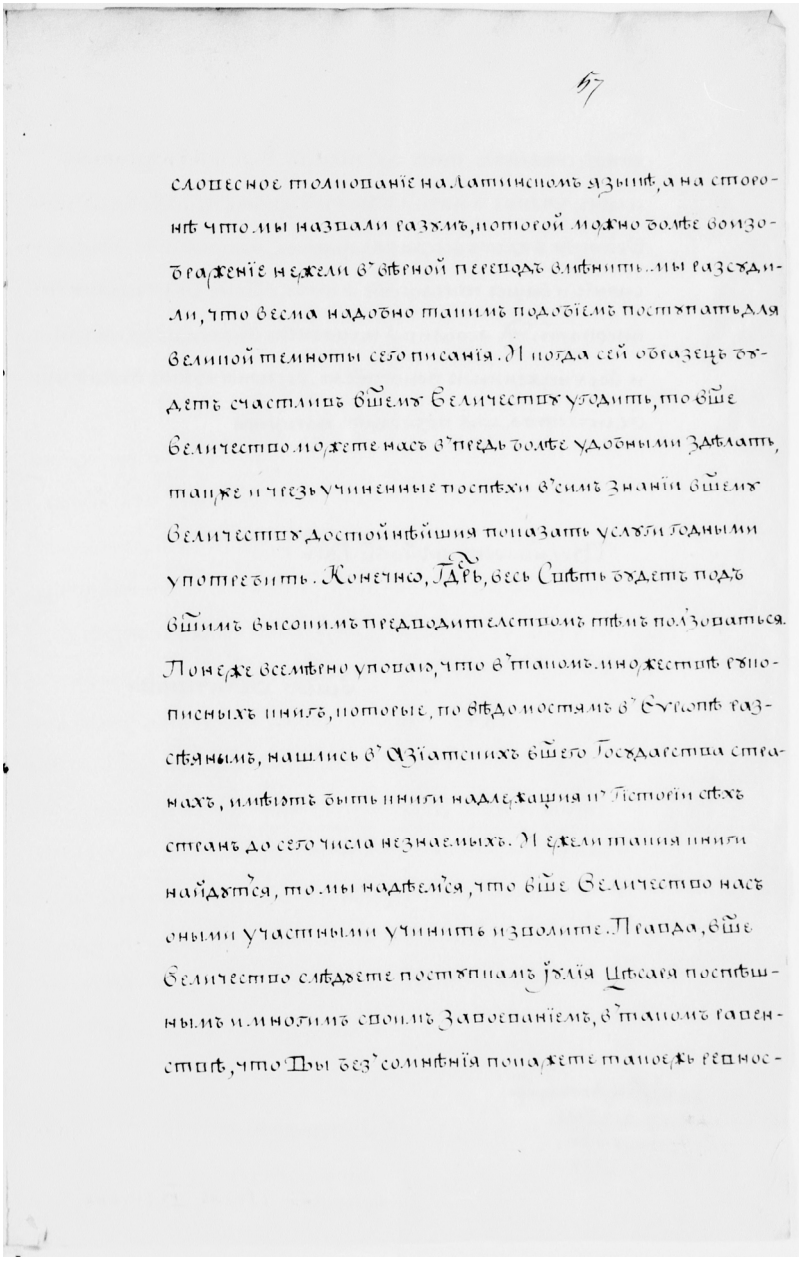
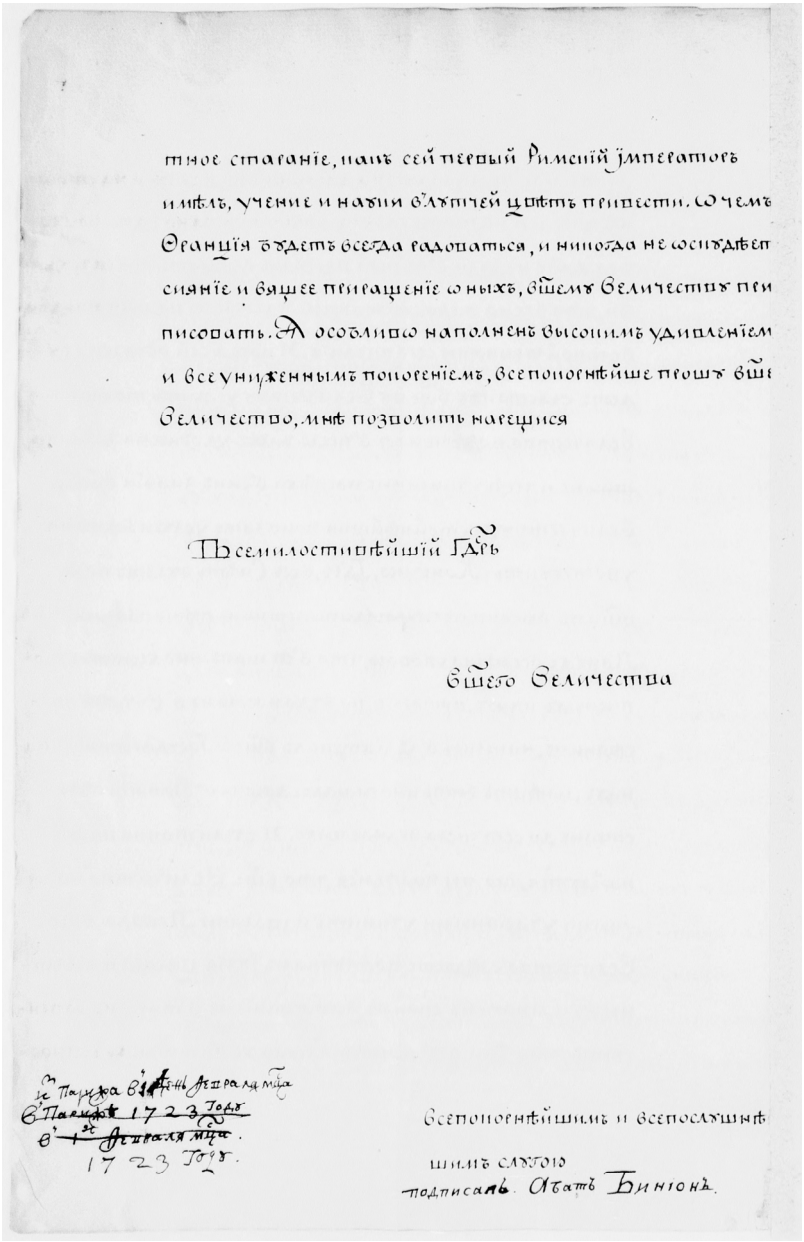


Рис. 3. Страница 3 письма аббата Ж.-П. Биньона Петру I от 1 февраля 1723 г. [Français 22232: f. 57a]. Источник: gallica.bnf.fr



тное стараніе, какъ сей первый Римскій Імператоръ
имѣлъ, учение и науки в лутчей цвѣтъ привести. О чемъ
Франція будетъ всегда радоваться, и никогда не оскудѣет
сиянїе и вящее приращенїе оныхъ, вшему Величеству при
писовать. А особливо наполненъ высокимъ удивленїем
и всеуниженнымъ покоренїемъ, всепокорнѣйше прошу вше
Величество, мнѣ позволить нарещися

Всемилостивѣйшій Гдрь

Вшего Величества

Всепокорнѣйшимъ и всепослушнѣ
шимъ слугою
подписалъ Абатъ Биніонъ.

Рис. 4. Страница 4 письма аббата Ж.-П. Биньона Петру I от 1 февраля 1723 г. [Français 22232: f. 57b]. Источник: gallica.bnf.fr

А. А. Сизова

О ПЕРВОЙ ПОПЫТКЕ ПЕРЕВОДА В ИСТОРИИ ТИБЕТОЛОГИИ: МЕТОД БРАТЬЕВ ФУРМОН *

DOI 10.25882/wk7m-bb47

Статья посвящена знаменитому листу тибетской рукописи, отправленному в XVIII в. во Францию Петром I с целью перевода. Задача была выполнена, однако толкование французских ученых вызвало у современников недоумение. Имея своей целью осветить этот значимый для востоковедения эпизод более полно, автор включил в статью транслитерацию тибетского текста листа, перевод его на русский язык и анализ работы братьев Фурмон с привлечением латинско-тибетского словаря Доменико да Фано.

Ключевые слова: история тибетологии, братья Фурмон, переводы, Национальная библиотека Франции.

Одному из рукописных тибетских листов, обнаруженных в покинутых ойратами буддийских монастырях на Иртыше и удостоившихся внимания Петра I, было суждено сыграть важную роль в истории тибетологии. Поскольку никого, кто мог бы читать тибетские тексты и даже идентифицировать язык этих рукописей, в Санкт-Петербурге не оказалось, листы, по распоряжению Петра, были отправлены в Европу. Один из них в конце концов оказался во Франции. Перевод этого листа на латинский язык выполнили братья Этьен и Мишель Фурмон [1], и их труд весьма обескуражил всех заинтересованных в деле

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ в рамках научно-исследовательского проекта «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе», проект № 21-512-15001.

[1] Этьен Фурмон (Étienne Fourmont, 1683–1745) был востоковедом, специализировавшимся в области китаеведения. Соприкосновение с тибетским языком, по всей видимости, было мимолетным эпизодом в его научной жизни. В монографии о востоковедных штудиях Э. Фурмона, написанной Се-

лиц. Долгие годы тибетский лист и его загадочная интерпретация волновали умы ученых, пока выдающийся венгерский тибетолог Александр Чома де Кёрёш не осуществил верную идентификацию текста и не издал его верный перевод [Kőrösi, 1832] [2]. Как было установлено, лист был частью пространного канонического сочинения — «Махавайрочана-сутры».

Подробно история злоключений тибетского листа и труда Фурмонов в научных учреждениях и литературе с XVIII в. до наших дней изложена в статье В. П. Зайцева в настоящем сборнике. Я же поставила перед собой задачу в очередной раз обратиться непосредственно к тибетскому тексту и его знаменитому переводу. Статья содержит транслитерацию лицевой и оборотной сторон листа, который не так давно был выявлен А. В. Зориным в собрании Национальной библиотеки Франции при помощи рукописного каталога Ж. Фийозы [Filliozat, 1936]. Наличие оригинала (все предшествующие публикации, кроме труда самих Фурмонов, опирались на копии, прежде всего на гравюру И. Менке [Acta eruditorum, 1722]) дает достаточные основания для нового издания транслитерации тибетского текста. Воспользовавшись этим, я сравнила фрагмент «Махавайрочана-сутры» с его вариантами в доступных изданиях канона, выявив все разночтения. Последние приведены в статье в виде таблицы, которая может быть полезна для сравнительных исследований канонических текстов, обнаруженных в ойратских монастырях. Во второй части статьи дается близкий к тибетскому тексту перевод на русский язык [3]. Несмотря на то что наш

силь Лян, упоминается лишь об аудиенции у Людовика XV, которой ученый удостоился в связи с подготовкой интересующего нас перевода [Leung, 2002: 27]. Его брат, Мишель Фурмон (Michel Fourmont, 1690–1746), был лингвистом и исследователем греческих надписей с сомнительной репутацией.

[2] Также необходимо упомянуть об анонимной рукописи “Essai de Fourmont” [Tibétain 470], хранящейся в Национальной библиотеке Франции. Она содержит краткую историю листа до того, как его идентифицировал де Кёрёш (л. 1–2), черновик перевода (л. 3), вводное слово (л. 4), дословный перевод латинского текста (л. 5–6), тибетский текст и транскрипцию лицевой стороны листа (л. 7–8) и небольшой лист с черновым переводом одной из фраз (л. 9).

Об интересе французской стороны к работе де Кёрёша свидетельствует рукописный перевод статьи [Kőrösi, 1832], записанный в 1845 г. тибетологом Ф.-Э. Фуко (Philippe-Édouard Foucaux, 1811—1894) [Tibétain 476]. Возможно, анонимная рукопись, о которой упоминалось выше, также принадлежала ему (по крайней мере, написанные аккуратным почерком л. 1–2).

[3] Аналогичную работу сделала в свое время М. И. Воробьева-Десятовская [Воробьева-Десятовская, 1989]. К сожалению, ее перевод содержит ряд неточностей и текст неправильно идентифицирован как «Сутра о следовании

лист является лишь фрагментом большого сочинения и перевод его в этом смысле будет иметь лишь ограниченную ценность, он необходим для заключительной части моей работы. Известно, что братья Фурмон использовали единственный лексикографический источник, который мог им помочь: небольшой латинско-тибетский словарь Доменико да Фано [Tibétain 542]. Привлекая материалы этого словаря, я постараюсь показать, почему латинский перевод Фурмонов получился столь бессвязным и почему получиться иным он просто не мог: здесь для сравнительных целей нам как раз и понадобится правильная версия перевода, близкая к тибетскому тексту.

В качестве приложений к статье публикуются переводы на русский язык важных работ XVIII в., в которых затрагивалась тема тибетского листа и его перевода Фурмонами. К ним относятся статья И. Менке [Acta eruditorum, 1722], благодаря которой наш лист был введен в научный оборот, выдержка из труда Г. З. Байера [Bayer, 1730], содержащая латинский текст перевода Фурмонов, фрагменты статьи Г. Ф. Миллера [Müller, 1747] и книги «Alphabetum tibetanum» Антонио Джорджи [Giorgi, 1762].

Тибетский текст листа и его особенности [4]

«Махавайрочана-сутра» — один из ключевых текстов тантрического буддизма, составленный, предположительно, в первой половине VII в. [Hodge, 2003: 11]. Изложение строится в форме диалога Махавайрочаны и Ваджрапани, большинство разделов текста посвящены описанию различных тантрических практик. Санскритский оригинал памятника не сохранился [5], большинство известных мне переводов на европейские языки были выполнены с опорой только на китайские тексты [Yamamoto, 1990; Фесюн, 2018] либо сочетают использование китайской и тибетской версий [Hodge, 2003; Матвеев, 2014].

великой мантре» (имелась в виду «Сутра о Великой Мантранусарини», тиб. gsang sngags chen po rjes su ’dzin pa’i mdo). Эта досадная ошибка, за неимением других русскоязычных работ на эту тему, «перекочевывает» в другие публикации (например: [Резван, 2016: 94; Цыремпилов, 2018: 45]).

[4] Описание кодикологических особенностей листа не входит в задачи данной статьи. Об аналогичных листах в собрании Института восточных рукописей РАН см.: [Helman-Ważny, Kriakina, Zorin, 2015; Ямпольская, 2019: 255–260].

[5] Тем более интригующим выглядит заявление С. А. Матвеева о том, что его перевод выполнен «по корпусу санскритских списков» с привлечением тибетской, китайской и японской версий [Матвеев, 2014: 6], к сожалению, его заявление не сопровождено ссылками на санскритские источники.

Перевод на тибетский язык был осуществлен Шилендрабодхи и Пэлцэком в первой половине IX в. и впоследствии вошел в состав буддийского канона [6]. Интересующий нас фрагмент текста находится на границе двух разделов сочинения: первый из них называется «Устранение препятствий» (bgegs zhi bar bya ba), второй — «Сокровищница общих тайных мантр» (spyi'i gsang sngags kyi mdzod). Первый заканчивается осуждением сомневающихся в истинности буддийской доктрины (точнее, ее тантрических аспектов), второй начинается с того, что ваджрадхары и бодхисаттвы из свиты Вайрочаны просят разрешить им произнести мантры и, получив согласие, по очереди изрекают их.

Во всех известных нам изданиях канона (Дэргэском, императора Юнлэ, Литанском, Пекинском, Чонэском, Ургинском) сочинение находится в томе tha, за исключением Нартангского (том ta) и Лхасского изданий (том nya). Наш лист, так же как и в последнем случае, принадлежал тому nya.

Номер листа (188) в имеющейся у нас копии оригинала почти не просматривается и был восстановлен по гравюре И. Менке [Acta eruditorum, 1722]. Рассматриваемый нами фрагмент расположен в упомянутых изданиях следующим образом: в Дэргэском — л. 177; в издании Юнлэ — отсутствует (сверка с опорой на: [Dpe bsdur ma, 2008]); в Литанском — л. 145–146; в Пекинском — л. 141–142; в Нартангском — л. 337–338; в Чонэском — л. 173–174; в Ургинском — л. 178; в Лхасском — л. 214–215.

Транслитерация тибетского текста

Знак плюс передает слитное написание слогов (отсутствие «цэк»); восклицательный знак — особый пунктуационный знак .

Надстрочные номера отсылают к расположенной ниже сводной таблице разночтений. В фигурных скобках перед началом текста листа и после него помещены дополняющие синтагмы, добавленные для того, чтобы перевод фрагмента состоял из завершенных фраз (восстановлены по: [Dpe bsdur ma, 2008: 496–497]).

На полях слева: nya b[rgya gya brgyad]

[6] Как указывает А. Г. Фесюн, тибетский перевод либо основан на иной версии текста, нежели та, с которой делались китайские переводы, либо редактуру его осуществили сами тибетцы [Фесюн, 2018: 31]. Тибетская версия включает в себя семь дополнительных разделов и имеет иной порядок глав (таблица соответствия: [Hodge, 2003: 16]).

{’di skad du ’di ni phyi rol pa rnams la yod de| sangs rgyas rnams kyis gsungs pa ni ma yin no zhes smra bar ’gyur gyi| mi blun po de dag gis ’di ltar bcom ldan ’das thams cad mkhyen pa| chos thams cad la mnga’ brnyes pa| sems can gyi don rtogs}

Лицевая сторона (*recto*): ① @#|__,__| par thugs su chud pa des| sngon sems can rnams la phan par bzhed nas| ’di dag thams cad bsha+do[1]||zhes bya bar ni[2] mi shes so|| chos rnams kyi ni chos kyi mtshan|| blun po des ni de mi shes|| chos ② rnams kun gyi mtshan nyid nI! stong pa nyid du yang dag gsungs|| sngags pa rtag tu der gnas nas|| rab tu nges par las bya’o|| bgegs zhi bar bya ba[3] rim par phye ba rgyas pa’o|| ||de nas phyag na rdo rje la+sogs pa rdo rje ’dzin[4] de ③ dag dang! kun tu bzang po la+sogs pa byang chub sems dpa’ de rnams kyis bcom ldan ’das rnam par snang mdzad la phyag ’tshal nas| snying rje chen po ’byung ba’i dkyil ’khor chen po ’dir chos[5] dbyings rnam par dag pa’i sgo ci ltar ④ rtogs par[6] rang rang gi tshig tu brjod pa’i tshig gis gsang sngags rnams smra bar ’do ⊙d nas bcom ldan ’das la gsol ba btab bo|| de nas bcom lda⊙n ’das rnam par snang mdzad kyis byang chub sems dpa’ de dag dang ⑤ rdo rje ’dzin de dag la mi mnyams[7] ba’i[8] chos nyid du byin gyis brlabs nas bka’ stsal pa| rigs kyi bu dag chos kyi dbyings ci ltar rtogs pa bzhin sems can gyi[9] khams rnam par sbyong ba’i[10] gsang sngags kyi tshig rnams smros shig|| ⑥ de nas de’i tshe byang chub sems dpa’ kun tu bzang pos sangs rgyas kyi brgyan[11] gyi yul zhes bya ba’i tIng[12] nge ’dzin la snyoms par zhugs nas stobs thogs pa med pa’i gsang sngags smras pa|| na maḥ sa+ma+nta[13] bu+ddhā[14] nāṇ[15] | sa+ma+ntā [nu] ⑦ ga ti ba ra dza dha+rmme(?)[16] ni rdza ta[17] ma hā ma ha[18] swā+hā|| kun tu bzang po’i ’o|| de nas byang chub sems dpa’ byams pas byams pa chan[19] po kun tu[20] ’byung ba zhes bya ba’i ting nge[21] ’dzin la snyoms par zhu[g-s][22] nas rang gi snying po smras pa| |na maḥ[23] sa+ma+nta ⑧ bu+ddhā[24] nāṇ[25]| a dzi[26] ta+nydza[27] yā[28] sa+rbba sa twa+ā[29] sha yā nu ga ta+swā[30]+hā|| byams pa’i ’o||de nas yang[31] byang chub sems dpa’ rnam mkha’i snying pos[32] rnam par dag pa’i yul zhes bya ba’i ting nge ’dzin la snyoms par zhugs nas gsang sngags smras pa

Оборотная сторона (verso): ⑨ na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[33] nāṇ[34]| ā kā[35] sha sa ma tā nu ga ta bi tsI ttraṁ[36] ba ra dha ra swā+hā| nam mkha’i snying po’I[37] ’o|| de nas byang chub sems dpa’ sgrib pa thams cad rnam par sel bas[38] snying rje chen po’I[39] snying[40] stobs zhes bya ba’i ting nge ’dzin la snyoms ⑩ par zhugs nas gsang sngags smras pa| na maḥ sa+ma+nta[41] bu+ddhā[42] nāṇ[43]| ā sa tā hī ta a+dbhyu+dga[44] ta trāṁ trāṁ rāṁ rāṁ[45] swa[46]+hā| sgrib pa thams cad rnam par sel ba’i ’o| |de nas byang chub sems dpa’ kun tu spyan ras gzigs dbang phyug gis kun tu ⑪ spyan ras gzigs zhes[47] bya ba’i ting nge ’dzin la snyoms par zhugs nas rang gi snyIng po ’khor dang bcas pa smras pa[48]| na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[49] nāṇ[50]| sa+rbba[51] ta thā ga ta a ba lo ki ta kā[52] ru nā ma[53] ya[54] ra ra ra hūṁ[55] dza[56] swā hā| spyan ras gzigs ⑫ dbang phyug gi’o[57]! na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[58] nāṇ[59]| dzaṁ dzaṁ[60] sa swā+hā|| mthu chan(?)[61] thob kyi’o[62]| |na ma⊙ḥ sa+ma+nta bu+ddhā[63] nāṇ[64]| ka[65] ru no+dbha[66] be[67] tā re tā ri nI[68] swā+hā| lha mo sgrol ma’o[69]!⊙na maḥ sa+ma+nta| bu+ddhā[70] nāṇ[71]| sa+rbba[72] bha ya tra[73] sa ni hūṁ[74] spho-’a[75] ṭa ya swā

hā| khro gnyer ⑬ can ma'i 'o! na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[76] nāṇ[77]| ta thā ga ta bi sa[78] ya saṁ[79] bha be| pa+dma mā lī ṇī[80] swa[81]+hā|| gos dkar can ma'i 'o[82]|| na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[83] nāṇ[84]| hūṁ[85] kha da ba+ndha pho ta yā[86] swā+hā| rtaṃ[87] mgrin gyi'o|| de nas byang chub sems dpa' sa'i snying po ⑭ rdo rje mi shigs pa rtog pa'i yul zhes bya ba'i tIng[88] nge[89] 'dzin la snyoṁs[90] par zhugs nas gsang sngags smras pa| na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[91] nāṇ[92]| ha ha ha su ta[93] nu swa[94]+hā|| sa'i snying po'i 'o|| de nas byang chub sems dpa' 'jam dpal ⑮ gzhon nur gyur pa sangs rgyas kyi byin gyis brlabs[95] rnam par 'phrul pa zhes bya ba'i ting nge 'dzin la snyoms par zhugs nas rang gi snying po smras pa| na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā[96] nāṇ[97]| he he he ku mā[98] ra ka bi mu kti[99] sa tha+sthi ti[100] sma ra sma ra pra ⑯ ti ha(?)[101] na swā+hā| 'jam dpal gyi'o|| de nas gsang ba ba'i bdag po phyag na rdo rjes[102] mi pham[103] pa zhes bya ba'i ting nge 'dzin la snyoms par zhugs nas rang gi snying po 'khor dang bcas pa smras pa| na maḥ sa+ma+nta ba+dzra nāṇ| tsa+nda[104] ma {hā ro ṣa ṇa hūṃ| phyag na rdo rje'i 'o|}

Сводная таблица разночтений

Условные обозначения:

совпадения
отличие текста листа от всех других вариантов
малосущественные разночтения (вероятные описки и т. п.)

№	лист	sde dge	gyung lo	li thang	pe cin	snar thang	co ne	khu re	zhol
1	**bsha+do**	bshad do				**bsha+do**	bshad do		
2	**ni**	**ni**		—	**ni**		—	**ni**	
3	**ba**	ba’i	**ba**					ba’i	
4	**’dzin**	**’dzin**				’dzin pa	**’dzin**		’dzin pa
5	chos	chos kyi							
6	par	pa							
7	~~nn~~nyams	nyams							
8	ba’i	pa’i							
9	**gyi**	**gyi**				gyis	**gyi**		
10	**sbyong ba’i**	**sbyong ba’i**			spyod pa’i	**sbyong ba’i**	spyod pa’i	**sbyong ba’i**	
11	brgyan	rgyan							
12	tIng	ting							
13	**ma+nta**	**ma+nta**	ma ta	man ta		**ma+nta**	man ta	**ma+nta**	
14	**bu+ddhā**	bud dhā			bud dha	bud dhā			**bu+ddhā**
15	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
16	dha+rmme(?)	dha+ rmma	dha+ rma	dha+rmma	dha rma	dha+ rma	dha+rmma		dha+ rma

№	лист	sde dge	g.yung lo	li thang	pe cin	snar thang	co ne	khu re	zhol
17	ni rdza ta	nir dzā ta	nir dza ta	nir dzā ta	nir dza ta	nir dza tā	nir dzā ta		nir dza tā
18	ha	hā							
19	chan	chen							
20	**kun tu**	**kun tu**				kun tu mngon par	**kun tu**		kun tu mngon par
21	**nge**	**nge**					—	**nge**	
22	zhu[g-s]	zhugs							
23	**maḥ**	**maḥ**	ma	**maḥ**	ma	**maḥ**			
24	**bu+ddhā**	bud dhā			bud dha	**bu+ddhā**	bud+dhā		
25	**nān**	nāṃ		**nān**			nāṃ		
26	**dzi**	dza	**dzi**	dza	**dzi**		dza		**dzi**
27	ta+nydza	tan dza							
28	**yā**	**yā**				ya	**yā**		ya
29	**sa+rbba sa twa+ā**	**sa+rbba sa twa ā**	sarba sad twa ya	**sa+rbba sa twa ā**	sarba sad twa ā	sa+rbba satwa ya	**sa+rbba sa twa ā**		sa+rbba sa+twa ya
30	**swā**	**swā**	swa	**swā**					
31	**yang**	**yang**				—	**yang**		—
32	pos	po							
33	**bu+ddhā**	bud dhā			bud dha	bud dhā			**bu+ddhā**
34	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
35	**kā**	**kā**							ka
36	tsI ttraṁ	tsi traṁ	tsid tre	tsing traṁ	tsid tre	tsi+ ttraṃ	tsid traṃ	tsi traṃ	tsi+ ttraṃ

№	лист	sde dge	gyung lo	li thang	pe cin	snar thang	co ne	khu re	zhol
37	po’I	po’i							
38	bas	ba							
39	po’I	po’i							
40	**snying**	**snying**				—	**snying**		—
41	**ma+nta**	**ma+nta**	mat ta	man ta	**ma+nta**		man ta	**ma+nta**	
42	**bu+ddhā**	bud dhā			bud dha	bud dhā			**bu+ddhā**
43	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
44	sa tā hī ta a+dbhyu+dga	sa tā ā hri ta a+dbhyud ga	swad tā hā te ad byung	sa tā hri ta a+dbhyud ga	swa tā hrī tā te ad bhyung ga	sād ta hrI ta| a byud ga	sa tā hri ta a+ bbhyud ga	sa tā ā hri ta a+dbhyud ga	sād ta hrI ta| a byud ga
45	**rāṁ rāṁ**	**rāṁ rāṁ**			rāṃ rāṃ		**rāṁ rāṁ**		rāṃ rāṃ
46	swa	swā							
47	**zhes**	**zhes**	shes			**zhes**	shes	**zhes**	
48	**pa**	**pa**	pa’o	**pa**	pa’o	**pa**			
49	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
50	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
51	**sa+rbba**	**sa+rbba**	sa+rba	**sa+rbba**	sa+rba	**sa+rbba**			
52	**kā**	**kā**	ka	**kā**		ka	**kā**		ka
53	**ṇā ma**	ṇā mā	**ṇā ma**			ṇā mā	**ṇā ma**	nā mā	ṇā mā
54	ya	yā							
55	**hūṁ**	**hūṁ**			hūṃ		**hūṁ**		hūṃ
56	**dza**	dzaḥ	**dza**			dzaḥ	**dza**	dzaḥ	
57	**gi’o**	**gi’o**	go			**gi’o**			
58	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
59	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	

№	лист	sde dge	gyung lo	li thang	pe cin	snar thang	co ne	khu re	zhol
60	**dzaṁ dzaṁ**	dzaṃ dzaṃ		**dzaṁ dzaṁ**	dzaṃ dzaṃ	dzang dzang	dzaṃ dzaṃ		
61	chan(?)	chen							
62	**kyi'o**	**kyi'o**				pa'i'o	**kyi'o**		pa'i'o
63	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
64	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
65	**ka**	kā	**ka**	kā		**ka**	kā		*ku*
66	**ṇo+dbha**	**ṇo+dbha**		ṇod bha				**ṇo+dbha**	ṇod bha
67	**be**	**be**	re	**be**					
68	ri ṇI	ri ṇi	ri ni	ri ṇi	ri ni	ra ṇi	ri ṇi		ra ṇi
69	ma'o	ma'i 'o							
70	**bu+ddhā**	bud dhā		**bu+ddhā**	bud dhā		**bu+ddhā**	bud d+hā	**bu+ddhā**
71	**nān**	nāṃ		nān				nāṃ	
72	**sa+rbba**	**sa+rbba**		sa+rba		**sa+rbba**	sa+rba	**sa+rbba**	
73	ya tra	ya trā	yā tra	ya trā				ya tā	ya trā
74	**hūṁ**	**hūṁ**	hūṃ	**hūṁ**	hūṃ				
75	spho-'a	spho	spha	spho					
76	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
77	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
78	ṣa	sha				shwa	sha		
79	saṁ	saṃ		sam		saṃ	sam	saṃ	
80	lī nī	li ni							
81	swa	swā							
82	**ma'i 'o**	**ma'i 'o**				gyi'o	**ma'i 'o**		gyi'o
83	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**

№	лист	sde dge	g.yung lo	li thang	pe cin	snar thang	co ne	khu re	zhol
84	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
85	**hūṁ**	**hūṁ**			hūṃ			**hūṁ**	hūṃ
86	pho ṭa yā	spho ṭa ya	spō ṭa ya	spho ṭa yā		spho ṭa ya	spho ṭa yā	spho ṭa ya	
87	rtam	rta							
88	tIng	ting							
89	**nge**	**nge**				—	**nge**		
90	snyoṁs	snyoms							
91	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
92	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
93	**su ta**	**su ta**	pu ta	**su ta**	pu ta	pu tā	**su ta**		su tā
94	swa	swā							
95	**gyis brlabs**	gyi rlabs	**gyis brlabs**					gyi rlabs	
96	**bu+ddhā**	bud dhā							**bu+ddhā**
97	**nān**	nāṃ		**nān**				nāṃ	
98	**mā**	**mā**	ma	**mā**					
99	**mu kti**	**mu kti**	mug ti			**mu kti**	mug ti	**mu kti**	
100	**tha+sthi ti**	**tha+sthi ti**	tha+sthi tI	**tha+sthi ti**	tha+sthi tI	thi+rtha ti	**tha+sthi ti**		thi+rtha ti
101	**ha (?)**	ta							**ha**
102	rdo rjes	rdo rje							
103	**pham**	**pham**				’pham	**pham**		
104	**ba+dzra ṇān| tsa+ṇḍa**	ba+dzrā ṇāṃ| tsa+ṇḍa	ba+dzra nān| tsaṇ ḍa	ba+dzrā ṇān| tsaṇ ṭa	ba+dzrā nān| tsaṇ ḍa	ba+dzra ṇān| tsa+ṇḍa	ba+dzrā ṇān| tsaṇ ṭa	ba+dzrā ṇāṃ| tsa+ṇḍa	**ba+dzra ṇān| tsa+ṇḍa**

Как можно понять из таблицы, текст фрагмента в точности не совпадает ни с одним из вариантов сочинения, имеющихся в других изданиях.

Хотя объем фрагмента невелик, можно подчеркнуть наличие в нем некоторого тяготения к использованию эргатива: 32) *pos — po*; 38) *bas — ba*; 102) *rdo rjes — rdo rje*. Можно также отметить отдельные фрагменты мантр, способ написания которых предполагает родство с некими более архаичными версиями: 36) *tsI ttraṁ*; 68) *ri ṇI*; 75) *spho-'a* и другие.

Уникальным совпадением с Лхасским изданием является написание фрагмента мантры *bu+ddhā* (14, 33 и т. д.), что при учете совпадения номеров томов (nya) обращает на себя внимание. Однако в целом картина разночтений противоречива и не позволяет сделать определенные выводы об особенной близости нашего рукописного текста к какому-либо из использованных для сравнения изданий.

Перевод на русский язык

{Люди невежественные, которые скажут: «Это есть у иноверцев, будды такого не проповедовали!» — [они] не ведают, что Бхагаван, всеведущий (сарваджняна), подчинивший все дхармы,} ① постигнувший, [каково] благо для живых существ, сказал: «В прошлом, пожелав пользы для живых существ, все эти [учения я] проповедовал».

Характеристики дхарм, [той, что есть у всех] дхарм —
Те глупцы ее не ведают.
② [То, что] характеристикой всех дхарм
[Является] пустотность, было ясно проповедовано.
Практикующий мантру, всегда опираясь на это,
Совершает действия полностью уверенно.

Раздел «Устранение препятствий» [завершен].

[Раздел «Сокровищница общих тайных мантр»]. Затем Ваджрапани и другие ваджрадхары, ③ Самантабхадра и другие бодхисаттвы, почтительно поклонившись Бхагавану Вайрочане, пожелали произнести тайные мантры [посредством] слов, которые каждый высказал [бы в соответствии с тем, как] ④ осознают [они] в этой великой мандале, [служащей] источником великого сострадания, совершенно чистые врата дхармадхату, [и] обратили к Бхагавану просьбу.

Затем Бхагаван Вайрочана к тем бодхисаттвам и ⑤ ваджрадхарам обратил речь, благословив [их пребывать] в неискаженной природе (дхармате): «Сыновья [благого] рода! Произнесите слова тайных

мантр, полностью очищающие сферы живых существ, согласно [вашему] осознанию того, что есть дхармадхату!»

⑥ Затем, в то время, бодхисаттва Самантабхадра вошел в самадхи под названием «Сфера украшений будд» и произнес тайную мантру «Беспрепятственная сила»: НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, САМАНТА НУ⑦ГАТИ БАРАДЗА ДХАРМЕ НИРДЗАТА МАХА МАХА СВАХА [1]. [Такова мантра] Самантабхадры.

Затем бодхисаттва Майтрея вошел в самадхи под названием «Явление великой доброты» и произнес свою сердечную [мантру]: ⑧ НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, АДЗИТАНДЗАЯ САРВА САТВА АШАЯНУГАТА СВАХА. [Такова мантра] Майтреи.

Затем также бодхисаттва Акашагарбха вошел в самадхи под названием «Совершенно чистая земля» и произнес тайную мантру: ⑨ НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, АКАША САМАТА НУГАТА БИЦИТРАМ БАРА ДХАРА СВАХА. [Такова мантра] Акашагарбхи.

Затем бодхисаттва Сарваниваранавишкамбхин вошел в самадхи под названием «Сила сердца великого сострадания» ⑩ и произнес тайную мантру: НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, АСАТА ХИТА АДБХЬЮДГАТА ТРАМ ТРАМ РАМ РАМ СВАХА. [Такова мантра] Сарваниваранавишкамбхина.

Затем бодхисаттва Авалокитешвара ⑪ вошел в самадхи под названием «Видящий всюду» и произнес свою сердечную [мантру] и [мантру] своей свиты: НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, САРВА ТАТХАГАТА АВАЛОКИТА КАРУНА МАЯ РА РА РА ХУМ ДЗА СВАХА. [Такова мантра] ⑫ Авалокитешвары.

НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, ДЗАМ ДЗАМ СА СВАХА. [Такова мантра] Махастхамапрапты.

НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, КАРУНОДБХАВЕ ТАРЕ ТАРИНИ СВАХА. [Такова мантра] богини Тары.

НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, САРВА БХАЯ ТРАСАНИ ХУМ СПХОТАЯ СВАХА. [Такова мантра] Бхрикути.

⑬ НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, ТАТХАГАТА ВИШАЯ САМБХАВЕ ПАДМА МАЛИНИ СВАХА. [Такова мантра] Пандаравасини.

НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, ХУМ КХАДА БАНДХА СПХОТАЯ СВАХА. [Такова мантра] Хаягривы.

Затем бодхисаттва Кшитигарбха ⑭ вошел в самадхи под названием «Сфера постижения неразрушимого алмаза» и произнес тайную мантру: НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, ХА ХА ХА СУТАНУ СВАХА. [Такова мантра] Кшитигарбхи.

---

[1] Транскрипция мантр передает тибетское чтение. Реконструкции их санскритского написания можно найти в упомянутых выше изданиях переводов «Махавайрочана-сутры».

Затем бодхисаттва ⑮ Манджушри вошел в самадхи под названием «Проявления (эманации) благословений будд» и произнес свою сердечную [мантру]: НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, ХЕ ХЕ ХЕ КУМАРАКА ВИМУКТИ САТХАСТХИТИ СМАРА СМАРА ПРА⑯ТИХАНА СВАХА. [Такова мантра] Манджушри.

Затем Владыка сокровенных (guhyakādhipati) Ваджрапани вошел в самадхи под названием «Непобедимое» и произнес свою сердечную [мантру] и [мантру] своей свиты: НАМАХ САМАНТА БАДЗРАНАН, ЦАНДА МА{ХАРОШАНА ХУМ. [Такова мантра] Ваджрапани.}

Метод работы братьев Фурмон

Перевод французских ученых ограничивается лицевой стороной листа (до конца последней строки ⑧). Я должна подчеркнуть очевидное: текст «Махавайрочана-сутры» достаточно сложен. Из-за того, что тибетская версия стремилась к скрупулезному отражению санскритского оригинала, предложения имеют запутанную структуру, и переводить их по фрагментам (как это произошло в первой строке нашего листа, являющейся окончанием большой фразы) бессмысленно. Даже опытные переводчики, имеющие дело с полной версией, рискуют запутаться в этих конструкциях. В первом предложении речь идет о «глупых людях», которые не знают, что Будда сказал: «В прошлом, пожелав пользы для живых существ, все эти [учения я] проповедовал». Чома де Кёрёш не выделяет в этом предложении прямую речь, как это следовало бы сделать: “Ignorant men do not know that all these (doctrines) have been thus explained by Chom dan dás (the Supreme)” [Kőrösi, 1832: 272]. Прочие переводы сутры отстоят от предполагаемого смысла еще дальше:

«После этого Бхагаван произнес следующую гатху: „Всезнающий Бхагаван получает свободу во многих дхармах. Он освобождает живые существа тем способом, который указал Будда. Прежние будды учили, что ищущий Дхарму обретет благо“» [Матвеев, 2014: 98].

«Почитаемый Миром, [обладающий] всяческой мудростью, [обрел] самопребывание во всех дхармах. Подобно прохождению через все места, он с помощью *упая* приводит [к нирване] рожденные существа. Все прежние будды учили, что ищущий Дхарму обретет благо…» [Фесюн, 2018: 123].

Наиболее адекватным (тибетскому тексту) выглядит перевод Ходжа: “But those foolish people do not know that the Bhagavat <…>, who has directly understood what benefits beings, has said “I shall explain all of these things”, having previously [vowed to] help beings” [Hodge, 2003: 157].

Эти замечания были сделаны лишь для того, чтобы показать, насколько труден оказался текст, который Фурмонам предстояло перевести: обратимся же теперь непосредственно к их работе.

Рассмотрим фрагмент первого предложения (в моем переводе): … [они] не ведают, что Бхагаван, всеведущий (сарваджняна), подчинивший все дхармы,} ① **постигнувший**, [каково] благо для живых существ (sems can gyi don rtogs **par thugs su chud pa des**), сказал: «**В прошлом**, пожелав **пользы для живых существ** (**sngon sems can rnams la phan** par bzhed nas), все эти [учения я] проповедовал».

Ниже транскрипция тибетских слов братьев Фурмон выделена курсивом, сделанная мной транслитерация — жирным шрифтом (в некоторых случаях, требующих наглядности, добавлены слова, записанные тибетской графикой). Латинский перевод Фурмонов сопровожден русским подстрочником [2]. Цитаты из словаря да Фано подчеркнуты пунктиром. В цитатах дается латинское значение (в скобках мой перевод на русский), моя транслитерация тибетского слова и транскрипция, которую использовал да Фано; в ссылках указан номер листа и словарной записи.

Перевод братьев Фурмон:

Par sciou	*sou-i*	*çrou pa*	*te tonh*
par thugs	**su**	**chud pa**	**des | sngon**
Attrita fortitudine	quisnam	brevis	equus frigoris
Истертой силой	кто же	короткая	лошади глупой

sem	*cian*		*r'nam*	*la pen*
sems	**can**		**rnams**	**la phan**
vita	destruatur	(pro)	spiritu	in (est) putredo.
жизнь	разрушается	(вместо)	духа	(пребывает) в гниении.

Разберем перевод Фурмонов пословно с привлечением латинско-тибетского словаря да Фано [3].

---

[2] С полной версией можно ознакомиться в Приложении № 2.

[3] "The Bibliothèque in Paris has preserved in manuscript the extract of a Latin-Tibetan Dictionary which was commenced in 1708 by the Capuchin Friars Giuseppe da Ascoli and Francesco Maria da Tours and completed by F. Domenico da Fano (1674–1728), who took it to Rome in 1713 and made this extract thereof for two French scholars" [Simon, 1964: 85]. Подробнее см.: примеч. 62 в § 5 статьи В. П. Зайцева в настоящем сборнике.

par (pa в локативе) — каким образом был получен смысл Attrita (изношенный, потертый, f., sing., abl.), осталось для меня загадкой. Позволю себе предположить, что оно связано с: Scoriare (поцарапать) / **spar rel rgyab** / par.rel.ghiaob. [VT: 34b-8]. Правильно на латыни слово бы писалось как excoriare, да Фано передал его на итальянский манер (ср. итал. escoriare). Слово Attrita, использованное Фурмонами, имеет значение ‘поцарапанный’ и производные от него ‘истертый’, ‘изношенный’, которые в качестве определения никак не сочетаются со своим объектом, «силой».

thugs ཐུགས (сердце, разум) — прочитано как **shugs** ཤུགས་ — Robur (сила) / shugs / ciuk.-s. [VT: 33b-5]

su (локатив) — Quis (кто) / **su ’i** / su.i. [VT: 31b-18]. Найдено верно, однако в тексте **su** является не вопросительным местоимением, а локативом (**thugs su**).

chud pa ཆུད་པ་ (проникать) — прочитано как **chung pa** ཆུང་བ་ — Brevis (короткий) / ciunh.pa. [VT: 9b-17]

des (местоимение 3 л. в эргативе) — прочитано как **rta** — Equus (лошадь) / r’ta. [VT: 15b-32]. Между тем огласовка дана у Фурмонов верно: *te*.

sngon སྔོན་(прежде) — прочитано как *tonh*, вероятно, от **stong** སྟོང་ (пустой). Отдельно это слово в [VT] не встречается, однако есть производные от него: Evacuare (опорожнять) / **stong ba byad** / tonh.ua.cie. [VT: 16a-11]; Desertum (пустыня) / **byang| stong** / cianh. vel. tonh. [VT: 14a-26].

sems (сознание; **sems can** — живое существо, букв.: ‘имеющий сознание’) — Anima (душа) / **sems** / sem-s. [VT: 8a-18]. Скорее всего, переводчики нашли слово верно, но существенно изменили его значение.

can — судя по смыслу, на перевод этого компонента как destruatur Фурмонов подтолкнуло слово **bcom** (разрушать): Destruere / **bcom** / ciom. [VT: 14a-28]. Некоторое сходство есть и в транскрипции (*cian* — ciom).

rnams (показатель множественного числа) — прочитано как **rnam [shes]** — Spiritus (дух) / **rnams shes** / nam.scie. [VT: 36a-17]

la (локатив) — Фурмоны верно передают значение локатива латинским предлогом in, однако без понимания синтаксиса применить его с пользой не удается, что особенно заметно в «связном» переводе: «При истертой силе (если теряешь силу,) кто ниже лошади (презреннее?), если жизнь ее ничтожная (глупая) разрушается, а вместо духа ее (который приводил в движение эти ее части тела) оказывается гниение (только)…»

phan (польза) — от Putredo (гниение) / **phan mi thog** / pèn.mi.to. [VT: 31a-31]. Буквальное значение фразы **phan mi thog(s)**: ‘бесполезный’, букв.: ‘не содержащий пользы’.

Как мы видим, из 11 компонентов Фурмоны смогли верно прочитать и перевести только два (**su**, **la**), с прочими, даже если читали их правильно, обходились достаточно вольно (**sems**). Несомненно, транскрипция да Фано также была использована ими, есть точные совпадения (**stong** — *tonḥ*; **phan** — *pen*) и различные модификации (**shugs** — ciuk.-s. → *sciou*; **su** — su.i → *sou-i*). Вместе с транскрипционными особенностями перевод Фурмонов воспринял и неточности словаря да Фано: **su ’i** (кто-GEN, т. е. букв.: ‘чей’) в значении Quis (кто) используется для транскрипции **su** как *sou-i*.

В качестве второго примера приведу достойную сочувствия попытку перевода мантры Самантабхадры: ⑥ **na maḥ sa+ma+nta bu+ddhā nān | sa+ma+ntā [nu]** ⑦ **ga ti ba ra dza dha+rmme**(?) **ni rdza ta ma hā ma ha swā+hā||** (НАМАХ САМАНТА БУДДХАНАН, САМАНТА НУГАТИ БАРАДЗА ДХАРМЕ НИРДЗАТА МАХА МАХА СВАХА)

na	*ma*		*Sam-tan Pou-tra*	*nam*
na	**maḥ**		**sa+ma+nta bu+ddhā**	**nān**
ægrotavit,	restitit	morbo	Sam-tan Pou-tra:	annum
заболел,	оставался	в болезни	Самтан Путра:	год (в течение года)

Sam-tan	*nou*			*ka*	*nhi*
sa+ma+ntā	**[nu]**			**ga**	**ti**
Sam tan	æger	cum	esset,	quomodo	nobiscum
Самтан	болен	когда	был,	как	с нами

	va	*ra*			*tsa (ça)*
	ba	**ra**			**dza**
(est)	conversatus:	ærie	ac	flavi	vasis
	разговаривал:	медного	и	желтого	сосуда

ttrar’ma		*ni*		
dha+rmme(?)		**ni**		
denigratio	(æruginatio)	morbus	(esse	solet,)
почернение	(поржавение)	болезнь	(быть	имеет обыкновение,)

r'tsaa	*nhia*	*ma*		*traa ma*
rdza	**ta**	**ma**		**hā ma**
vasis	nostri	moderatio	(resistentia)	denigratio
сосуда	нашего	умеренность	(сопротивление)	почернение

	tra			*sraa*	*traa*
	ha			**swā**	**hā**
(omnis)	macula	(fortasse	fuisset)	legitima	sanitas
(весь)	пятном	(почти	был)	законное	здоровье

	koun	*nhou*	*ze-po-*
	kun	**tu**	**bzang po'i**
(convalescentia:)	imagine	gemebundni	veniam
(выздоровление:)	образом	воя	милость

to			
'o			
petentis	quam	illustis	fuit?
просящего	которым	известен	был?

Здесь, не комментируя семантику санскритских компонентов мантры, никак не соотносящихся со схожими по звучанию тибетскими словами, я приведу только отсылки к словарю да Фано, которые мне удалось восстановить:

na (заболел), *nou* (болен) — Æger (больной) / nad pa / ne.pa.; Ægritudo (недомогание) / na tsha / na.tsa. [VT: 7a-28, 29].

nam (в течение года) ← **nān** — от Unquam (когда-нибудь) / **nam zhig** / nam.sgi. [VT: 40b-11]

ka (как) ← **ga** — от Quomodo (как) / **ga ru 'dug** / ka.ru.n'du. [VT: 31b-21]

nhi (с нами) ← **ti**; *nhia* (нашего) ← **ta** — от Noster (наш) / **ngas yin** / nhe.in. [VT: 25b-5]. Путаница произошла от сходства букв **nga** ང་ и **ta** ཏ་

ra (медный) — Æsflavum (желтая медь) / **rag** / rak. [VT: 7b-3]

tsa (ça) (сосуд) ← **dza** — Vas terra (глиняный сосуд) / **rdza snod** / tsa.no. [VT: 38b-7]

ttrar'ma (почернение) ← **dha+rmma(e?)** — Denigratio (почернение) / **dre ma** / tre.ma. vel. te.ma. [VT: 14a-15]

tra ཏྲ་ (пятно) ← **ha** ཧ་ — Macula (пятно) / **drags pa** / tak.pa. vel trak.pa. [VT: 23a-20]

Проиллюстрировав перевод братьев Фурмон при помощи отсылок к словарю да Фано, мне остается только повторить выводы, которые делались предшественниками: тибетская графика почти везде интерпретировалась неправильно, что приводило к ошибкам даже в дословном переводе. Отсутствие каких-либо сведений о грамматике и синтаксисе тибетского языка делало вероятность осмысленного перевода и вовсе невозможной.

Тем не менее без публикации знаменитого листа наши знания о востоковедении XVIII в. были бы неполными, и хочется надеяться, что проделанная работа даст читателю на примере этого известного эпизода некоторое представление о тех сложностях, через которые тибетология проходила на этапе своего становления.

Список литературы

Источники

Tibétain 464: Fragmens Tibétains et Tartares. Bibliothèque nationale de France, Fond Tibétain, шифр Tibétain 464 (старый шифр Tibétain-Mongol 12).

Tibétain 470: Essai de Fourmont. Bibliothèque nationale de France, Fond Tibétain, шифр Tibétain 470 (старый шифр Tibétain 143).

Tibétain 476: Traduction d'un fragment du Kah-gyour par Csoma de Kőrös. Bibliothèque nationale de France, Fond Tibétain, шифр Tibétain 476.

VT: Рукопись «Alfabetto Thibettano» и «Vocabulario Thibettiano», латинско-тибетского словаря Доменико да Фано. Bibliothèque nationale de France, Fond Tibétain, шифр Tibétain 542.

Исследования, справочная литература

Ванчикова, Аюшиева, 2019: *Ванчикова Ц. П., Аюшиева И. Г.* К истории формирования буддийских монашеских общин среди монголоязычных народов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 120–124.

Воробьева-Десятовская, 1989: *Воробьева-Десятовская М. И.* Лист тибетской рукописи из Аблай-кита // Страны и народы Востока. Выпуск XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 36–42.

Княжецкая, 1989: *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720). Страны и народы Востока. Выпуск XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М.: Наука; ГРВЛ, 1989.

Матвеев, 2014: Махавайрочана-сутра. Сутра великого Вайрочаны о становлении Буддой / пер. С. А. Матвеева. М.: Амрита, 2014.

Миллер, 1999: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Том I. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит, 1999.

Порше, 1938: *Порше Жан.* Петр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги IV. Париж: Дом Книги (Maison du livre étranger), 1938. С. 43–60.

Радлов, 1894: *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1. вып. 3. СПб.: Типография Имп. АН, 1894.

Резван, 2016: *Резван Е. А.* Туркестан. Мой мир ислама I. СПб.: ООО «КМБХ», 2016.

Фесюн, 2018: Махавайрочана-сутра / пер. с кит., предисл., примеч., прил. А. Г. Фесюна. М.: Наука, 2018 (Памятники письменности Востока, CXLIX).

Цыремпилов, 2018: *Цыремпилов Н. В.* Хозяин Аблай-кита. Кто и зачем построил крепость-монастырь на Иртыше? // Вестник Евразийского национального ун-та имени Л. Н. Гумилева. 2018. № 4 (125). С. 28–53.

Ямпольская, 2019: *Ямпольская Н. В.* Монастырская библиотека // К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 237–281.

Acta eruditorum, 1722: [*Mencke J. B.*]. Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis // Acta eruditorum. Lipsiæ. 1722. P. 374–376.

Bayer, 1730: Bayeri Th. S. Museum sinicum. In quo Sinicæ Linguæ et Litteraturæ ratio explicatur. Tomus Primus. Petropoli: Ex typographia Academiæ Imperatoriæ, 1730.

Dpe bsdur ma, 2008: Bka' 'gyur dpe bsdur ma. Vol. 86. Pe cin: Krung go'i bod rig pa'i dpe skrun khang, 2008.

Filliozat, 1936: *Filliozat, Jean.* Catalogue sommaire du fonds tibétain. Vol. 1 (n°1–780). Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits.

Giorgi, 1762: Alphabetum tibetanum missionum apostolicarum commodo editum. Præmissa est disquisitio qua de vario litterarum ac regionis nomine, gentis origine moribus, superstitione, ac manichæismo fuse disseritur. Beausobrii calumniæ in sanctum Augustinum. Aliosque ecclesiæ patres refutantur / Studio et labore Fr. Augustini Antonii Georgii, eremitæ augustiniani. Rome: Typis Sacræ Congregationis de Propaganda Fide, MDCCLXII [1762].

Giorgi, 1999: Alphabetum tibetanum. Teil II. Schreibgerät, Beschreibmaterial, Druck-und Buchwesen, eine Darstellung der Schrift und der Orthographie der Tibeter in Texten samt den frühen Übersetzungsversuchen aus dem 18. Jahrhundert / aus dem Lateinischen übers. & mit Anm. versehen von Peter Lindegger. Zürich: Tibet-Institut Rikon, 1999.

Giebel, 2005: The Vairocanābhisaṃbodhi Sutra / Translated from the Chinese by Rolf W. Giebel. Berkeley: Numata Center for Buddhist Translation and Research, 2005.

Helman-Ważny, Kriakina, Zorin, 2015: *Helman-Ważny A., Kriakina L, Zorin A.* The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis // Written Monuments of the Orient, 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 2015. P. 61–76.

Hodge, 2003: The Mahā-Vairocana-Abhisaṃbodhi Tantra: with Buddhaguhya's commentary / Transl. by Stephen Hodge. London: RoutledgeCurzon, 2003.

Kőrösi, 1832: Translation of a Tibetan Fragment, by Mr. Csoma de Körös, with remarks by H. H. Wilson, Secy // Journal of the Asiatic Society. No. 7. July, 1832. P. 269–276.

Leung, 2002: *Leung Cécile.* Etienne Fourmont, 1683–1745: Oriental and Chinese Languages in Eighteenth-century France. Leuven: Leuven University Press, 2002 (Leuven Chinese studies, XIII).

Müller, 1747: *Mülleri G. F.* De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiæ Scientiarum Petropolitanæ. Tomus X. Petropoli: Typis Academiæ, 1747. P. 420–468.

Simon, 1964: *Simon W.* Tibetan lexicography and etymological research // Transactions of the Philological Society. 1963. No. 63 (1). P. 85–107.

Yamamoto, 1990: *Yamamoto Ch.* Mahāvairocana-sūtra / translated into English from Ta-p'i-lu-che-na ch'eng-fo shen-pien chia-ch'ih ching, the Chinese version of Śubhākarasiṁha and I-hsing (A. D. 725). New Delhi: Aditya Prakashan, 1990 (Śata-Piṭaka series, 359).

Alla A. Sizova

On the First Attempt at Translating in the History of Tibetan Studies: Fourmont Brothers' Method

The paper deals with the famous Tibetan manuscript folio sent in the 18th century to France by Peter the Great for the purpose of translation. The task was completed, but the interpretation of French scholars caused bewilderment among contemporaries. Pursuing the goal of describing this significant episode more fully, the author provides transliteration of the Tibetan text of the folio, translation into Russian and analysis of the work made by the Fourmont brothers with the use of the Latin-Tibetan dictionary compiled by Domenico da Fano.

Key words: history of Tibetan studies, Fourmont brothers, translations, National library of France.

Приложение № 1. Перевод статьи «Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis» [Acta eruditorum, 1722] [1]

«Nova literaria de msptis codicibus in Tartaria repertis» Литературные новости о рукописных книгах, найденных в Тартарии

(*374*) Cum nuper Vir doctrina ac moribus rerumque usu apprime commendabilis, Joannes Daniel Schumacherus, Russorum (*375*) Imperatoris Bibliothecarius, e Gallia, ubi Regiæ Scient. Academiæ Parisiensi una cum litteris, quibus in eam recipi desideravit Princeps summus, primos operæ ipsius fructus, tabulam Geographicam littoris maris Caspii exactissimam, obtulit, per Angliam ac Belgium redux ad nos delatus esset, attulit is secum folium genuinum & ab omni fere vetustate illæsum, ex iis voluminibus, quæ superiori anno a Russis in Tartaria reperta sunt, depromptum, quod ut curioso Lectori, prout ex utraque parte spectatur, integrum exhibeamus, a perito artifice, qui omnes apices diligentissime rimatus atque imitatus est, æri incidi curavimus.

После того как недавно Иоганн Даниэль Шумахер, библиотекарь императора российского, человек, в высшей степени заслуживающий похвалы за свою ученость, обходительность и компетентность, из Франции, где вместе с документами для Парижской Королевской Академии наук, которые Его Величество желал передать, представил первые плоды его трудов, точнейшую карту побережья Каспийского моря, возвращался через Англию и Нидерланды [2], он заехал к нам и привез с собой почти не поврежденный временем подлинный лист бумаги, извлеченный из тех томов, что в прошлом году русские нашли в Татарии, каковой мы велели вырезать на меди искусному мастеру, тщательно изучившему и скопировавшему все буквы, дабы мы могли представить его с обеих сторон для обозрения любопытному читателю.

---

[1] Перевод с латинского языка М. В. Шелковича под редакцией А. А. Сизовой. Сделанный митрополитом Киевским Евгением русский перевод статьи Менке, выявленный В. П. Зайцевым (см. в настоящем сборнике примеч. 91 в его статье) нами не использовался. Автор статьи выражает благодарность С. И. Дмитриевой (ИЛИ РАН) за консультацию по переводам, представленным в Приложениях № 1–4.

[2] B e l g i c a — латинизированное наименование Нидерландов (территории современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга).

Nimirum in more fuit Siberiæ Præfecto, subinde homines quosdam, rudes quidem & agrestes, Tobolska versus mare Caspium in Tartariam, Russorum imperio obnoxiam, emittere, eo consilio, ut rudera & sepulcra vetera clam atque adeo noctu, ut ne resciscerent incolæ, diligenter scrutarentur.

Hi igitur, postquam passim in sepulcris idola quædam, aurea, argentea, ærea, detexissent, tandem centum & viginti circiter milliaria Germanica progressi versus mare, ædificii splendidissimi rudera offenderunt, quæ cum ingressi essent, sub terra repererunt conclavia, quorum strata imo & latera lapide nitidissimo (*glasiert*) composita erant.

Conspiciebantur hic illic nigræ quædam ex ebeno cistæ, quibus apertis rustici illi pro thesauris carbones, ut rebantur, scriptos nempe codices invenerunt, e quibus quinque folia secum abstulerunt, nec quicquam præter jam dicta indicarunt: sperandum vero omnino est, Gloriosissimum Russorum Imperatorem, qui nunc in iis oris expeditionem instruit, de omnibus deinceps accuratius inquisiturum, & de loco aliisque circumstantiis eruditos propediem rectius edocturum.

По-видимому, у сибирского губернатора было в обычае время от времени посылать людей, грубых и диких, из Тобольска в сторону Каспийского моря, во враждебную Российской империи Татарию, чтобы они под покровом ночи втайне от местного населения осматривали руины и древние захоронения.

Итак, найдя в различных захоронениях золотых, серебряных и медных идолов, они прошли в конечном счете около ста двадцати немецких миль [3] к морю и обнаружили руины великолепных сооружений, проникнув в которые, открыли под землей помещения, где пол и стены были облицованы блестящим (*глазированным*) камнем.

Там увидели они некие черные эбеновые сундуки, открыв которые, эти невежды нашли, как им показалось, вместо сокровищ угли [4], а именно, рукописные книги; они увезли с собой на лошадях пять листов и не сообщили ничего, кроме вышесказанного; несомненно, нужно надеяться на славнейшего императора российского, который ныне отправил в те края экспедицию, дабы обо всем более точно узнать и в самое ближайшее время предоставить ученым сведения об этом месте и других обстоятельствах.

---

[3] Немецкая (или географическая) миля равна четырем минутам дуги экватора (7420,4 м).

[4] Фразеологизм. *Thesaurus carbones erant* — букв.: ‘угли вместо сокровищ’.

Ex his foliis, magnam partem laceris & detritis, omnium optime conservatum fuit hoc ipsum, cujus hic ectypum communicamus.

Hujus, si amplas satis margines computemus, longitudo erat 27 ¼ & latitudo 7 ¾ pollicum: materia constabat satis crassa, ad modum pergameni, sed papyracea, & ubi rumperes, quasi lanea aut bombycina, cinerei colo(*376*)ris, ad morem codicum Orientalium lævigata: inductus erat utrique lateri color subfuscus, in medio, ubi scriptura exstabat, nigricans: literæ vero candido splendiddissimo & ad argenteum accedente colore accurate admodum, ut ex figura patet, exaratæ erant.

Observavimus etiam literas, quæ ab uno latere lineas tenuiores demittebant, eas ab altero erigere, eoque non eodem situ in utroque expressas fuisse; quod adeo nos quoque in figura indicavimus.

Etsi vero hæc nostra charta tota illita fuerit colore subfusco & nigro, ceteras tamen schedas plerasque accepimus cœruleum fere colorem præ se ferre, nisi quod in textu, ad distinguendas albi coloris literas, nigredinem monstrent.

Ceterum etsi non desint, qui volumina illa ad Tamerlanis, qui iis in locis, ubi reperta sunt, sedem habuisse creditur, tempora referant; & Cl. Godofredus Rühlmannus, Consil. & Historiographus Schwarzburgensis, edito nuper schediasmate ver-

Из числа этих листов, большей частью сильно поврежденных и стертых, в лучшем состоянии был тот, изображение которого мы здесь публикуем.

Длина его, если учитывать довольно широкие поля, 27¼ дюйма, ширина — 7¾ дюйма; материал довольно плотный, напоминающий пергамен, но в действительности — бумага; в местах разрыва как будто шерстяной или шелковый, пепельного цвета и гладкий, какими обычно бывают восточные книги; поля имеют бурый цвет, а центральная часть, где находятся письмена, — черный; буквы ярко-белого цвета, переходящего в серебряный, как это видно по их форме, протравлены очень тщательно.

Мы также заметили, что буквы, у которых с одного боку были тонкие нисходящие линии, с другого поднимались вверх; таким образом, они были изображены с разных сторон по-разному; это мы отразили и на гравюре.

Наш лист окрашен бурой и черной краской, но, как выяснилось, бóльшая часть остальных листов имеет синий цвет, за исключением текста, который записан по черному [полю] буквами белого цвета.

Некоторые относят эти книги к временам Тамерлана, который, как полагают, жил в местах, где они были обнаружены; Готтфрид Рюльман (Gottfried Rühlmann), советник и историограф из Шварцбурга, недавно издал трактат на

naculo, hariolatus sit, ea in loco sancto, Magorum quippe Orientalium sede, Cyropoli, reperta atque adeo veteri Persico charactere sancto ac Magis proprio exarata fuisse, (cujus tamen rei nulla omnino vestigia apud Thomam Hyde, qui in Historia religionis veterum Persarum ad p. 517 varia dedit Persepolitanæ, Palmyrenæ aliarumque affinium scripturarum specimina, deprehenduntur), ut nihil dicamus de eo, quod idem ad Theophrastum Paracelsum provocet, qui non uno in loco thesaurum in Russia reconditum testetur, quo invento omne mysterium lapidis philosophici detegi debeat: nos tamen, dum inspecto hoc nostro specimine certiora proferant eruditi, nihil definiendum existimamus.

Quin eorum, quibus ita felicibus esse contigerit, ut arcanum revelent, lucubrationibus, cum primum ad nos delatæ fuerint, locum nos in his Actis promtissime facturos spondemus.

родном языке [5] и предсказал, что они будут найдены в святом месте, обители восточных магов, Кирополе, и даже были написаны на древнеперсидском, будучи священного и характерного для магов свойства (никакие следы которой, однако, не обнаруживаются у Томаса Хайда, который в «Религиозной истории древних персов» на с. 517 дает образцы персепольской, пальмирской и других родственных письменностей) [6], так что мы ничего не можем сказать об этом; Теофраст Парацельс также утверждал, что сокровища спрятаны в России не в одном месте, и когда все будет найдено, должна раскрыться загадка философского камня; мы же, пока наши ученые, исследовав этот образец, не предложат что-то более точное, ничего определенного не думаем.

Тем же, кто эту тайну раскроет благодаря удачным ночным бдениям, мы обещаем скорейшим образом предоставить место [для публикации] в [журнале] «Acta [Eruditorum]», как только они нам об этом доложат.

[5] *Rühlmann Gottfried*. Vorläuffige Auflösung der Frage: Was es doch wohl für Eine Bibliotheca seyn möchte, Welche vorigen Jahres Die Reisende Herren Russen in einem von der Caspischen See Nord-Ostwärts tief ins Land hineingelegenen Großen Steinernen Gebäude gefunden, und aus selbiger Drey Bücher Nur etwa vor einigen Monathen mit nach Petersburg gebracht haben? Schleitz: Joh. Christian Sonntagen, 1721.

[6] *Hyde Thomas*. Historia religionis veterum Persarum, eorumque magorum <…>. Oxonii: e Theatro Sheldoniano, MDCC [1700].

Приложение № 2. Перевод фрагмента книги Г. З. Байера [Bayer, 1730: 108–124], касающегося тибетского листа и перевода его братьями Фурмон [1]

(*108*) De eius linguæ litteris in Actis eruditorum Lipsiensium et in quadam ad Samuelem Strimesium eloquentissimum virum epistola egi.

Tandem nactus sum alphabeta Brahmanica, Tangutana et Mogulensia inter se comparata atque in Sinis elegantissimis excusa typis, quæ aliquando ut exstent, efficiam.

De lingua autem nihil magnopere adhuc cognoscere potui, neque enim mihi tam felici esse contigit, ut fratribus Fourmontiis.

Nam cum Petrus Magnus in Academiam Parisinam esset receptus, non modo Caspii maris mappam ad socios misit, sed etiam folium libri litteris novis et inusitatis.

Nempe cum aliquando excursio esset facta per vastas regiones vicinasque Russiæ, incidere nostri homines in ædium ruinas magnificas, in quibus multos libros eo charactere invenerunt.

Quoniam septem ædes erant, ideo Rutheni Septem palatia(*) locum vocarunt.

О памятниках на этом [тибетском] языке я высказывался в лейпцигском журнале «Acta Eruditorum» и в одном письме к Самуэлю Штримезиусу (Samuel Strimesius), красноречивейшему мужу.

В конце концов мне [посчастливилось] получить брахманский (т. е. индийский), тангутский и монгольский алфавиты в сопоставлении, изящно напечатанные китайским способом; я приложу усилия к их изданию.

Но о языке я ничего толком до сих пор не смог узнать, и не выпадало мне такой удачи, как братьям Фурмон.

Когда Петр Великий был принят в Парижскую академию, он отправил своим коллегам не только карту Каспийского моря, но и лист из книги, написанный письмом новым и необычным.

Однажды, путешествуя по обширным землям России и соседним территориям, наши люди обнаружили великолепные руины зданий, в которых нашли много книг такого рода.

Так как строений семь, по-русски это место называют «Семь Палат».

---

[1] Перевод с латинского языка И. Д. Поповой под редакцией А. А. Сизовой.

[*] седмь палать Sedm palat

Daniel Theophilus Messerschmidius Gedanensis, Medicinæ Doctor, qui multos annos in Siberia vicinisque provinciis et naturæ (*109*) exploravit arcana, et vetera, si qua essent, monumenta perquisivit, quæ deinde, quod iussu atque impensis Imperatoriis is labor susceptus fuit, in Academiam translata sunt, is igitur mihi ostendit, hunc locum situm fuisse ad Irtin fluvium, haud longe ab eius fontibus et ab lacu *Sangin Dalai*.

Plura deinde cognovi ex illustri Barone Rehbindero qui ad Pultavam captus eodem in comitatu apud Septem Palatia fuit, meque gratissimo munere adfecit, ut eius memoria beneficii animo meo excidere non possit.

Iam ut ad Tangutanam linguam revertar, Fourmontii isthuc folium latine explicarunt atque ad Petrum Magnum misere.

Ut autem ex hoc unico specimine, Tangutanæ linguæ rationem cognoscas, non inuidebo tibi interpretationem, quæ hæc est:

Даниэль Готлиб Мессершмидт из Данцига, доктор медицины, который много лет исследовал в Сибири и прилегающих областях тайны природы и изучал старые памятники, каковые потом были переданы в Академию, так как этот труд был предпринят по приказу и за счет императора, рассказал мне, что это место было расположено на реке Иртыш, недалеко от ее истоков и от озера *Сангин Далай*.

Многое наконец я узнал и от славного барона Ребиндера, который был пленен под Полтавой и служил недалеко от Семи Палат, тем оказал он мне величайшую милость, память о которой останется в моем сердце навсегда.

Когда я начал заниматься тангутским языком, Фурмоны уже перевели этот лист на латынь и отправили Петру Великому.

И чтобы из одного этого примера ты постиг устройство тангутского языка, я не премину предоставить тебе перевод, который выглядит следующим образом:

①[2] *Par sciou*	*sou-i*	*çrou pa*	*te tonh*
Attrita fortitudine	quisnam	brevis	equus frigoris
Истертой силой	кто же	короткая	лошади глупой

sem	*cian*		*r'nam*	*la pen*	
vita	destruatur	(pro)	spiritu	in (est) putredo.	
жизнь	разрушается	(вместо)	духа	(пребывает) в гниении.	

par	*sgie ne?*	*di*		*ghetam*
Contritus	oratne?	hoc	(est)	irrisio
Сраженная,	разве не молит?	Это	(есть)	насмешка

[2] Для удобства желающих сравнить перевод братьев Фурмон с тибетским оригиналом отмечены номера соответствующих строк, отсылающие к транслитерации и переводу на русский язык в моей статье.

cie	*scio*	*sgie*	*pcia*	*par*	*ni*
omnes	vident:	orat	avis	contrita?	morbida?
все	видят:	молит	птица	сраженная?	больная?

(*110*)

mi	*scie*				*so*		*cio*
non	scit	(non	potest	amplius)	os	aperire	legis
не	знает	(не	может	больше)	рот	открыть	относительно закона

	r'nam	*chi (ki)*	
(ratiocinationis)	spiritus	æmulatio	(ostensio)
(рассуждения)	духа	соперничество	(показывание / представление)

						cio	
si	quis	in	morbum	incidat	(est)	legis	(ratiocinationis)
если	кто-то	в	болезнь	впадает	(есть)	относительно закона	(рассуждения)

chi	*tsam (çam)*	*loun*
ambulationis	explicatio	disputationum
хождения взад и вперед	развитие	исследований

po	*te*		*ni*		*te*	*mi-scie*
verba	equus	(si)	æger	(sit)	sequi	non scit:
словам	лошади	(если)	больная	(есть)	следовать	не знает:

	cio		② *r'nam*	*koun*
(non potest:)	legis	(ratiocinationis)	spiritus	figuram
(не может:)	относительно закона	(рассуждения)	духа	форму

	ghi		*tsan*	*ti*
(statum)	declarare	(est)	exponere	huius
(состояние)	показать	(есть)	представить	ее

ni		*do-pa*	*ti*	*dou (tou)*	*ye*
ægri	(statum)	habitatorum	huius	fumi	deiectio
больной	(состояние)	обитателей	этого (мира)	наподобие дыма	низвержение

	ghe	*sou*	*sa*	*dak-s-pa*	*r'ta*
(prostratio)	irrisio	læsio	fossa:	afflicti	signum
(упадок)	насмешка	упадок	удел:	сокрушенного	знак

nhou	*ter (der)*	*ne ne ?*	*raob*	*nhou*
gemitus,	bombyx	valetne?	claudit	gemitum
воя,	шелкопряд	разве не имеет значения?	прекращает	вой

te	*par*	*le ?*	*pçia-o ?*		*ke (keks)*
equus	contusæ	actio?	avis	lucetne?	obstaculum
лошадь	изнуренной	действие?	птицы	разве не очевидно?	препятствием

sgi		*par*		*pçia-va*	*rim*
terribile	(est)	contusa	(fuerit)	avis	putrescit:
ужасным	(является)	подбитая	(была бы)	птица	истлевает:

(*111*)

par cic	*va*		*ghie*		*po ?*	
(at si)	sauciatus	(sit)	quo	se	vertit	homo?
(и если)	раненый	(был бы)	куда	себя	обращает	человек?

te-ne	*pçia*	*na*		*r'no-tse*
præterea	scopat	morbum	(dolorem,)	gemendo
потом	озирает	болезнь	(печаль,)	воем

	so-pa	*r'nho-tse*		
deplorat	orcum:	deplorare	(ita)	(quod)
оплакивает	смерть:	оплакивать	(так)	(потому что)

thsin	*te*	③ *ghe*	*te*		*koun*	*nhou*
fossa	sequatur	irrisione	istud	(est?)	statum	gementis
могила	следует	за насмешкой	такое	(есть?)	положение	воющего

ze-po		*so-pa*	*pçie*	*çrou*
veniam	petentis	orcus	producit	brevis
милости	просящего	смерть	представляет	короткой

sem	*paa*			
vitæ	positionem	ob	oculos	(recordationem)
жизни	ситуацию	перед	глазами	(воспоминание)

de (te)		*r'nam*	*ghi*		
sequitur	(vestigat)	spiritus	declaratne	(ea	res)
следует	(идет по следам)	дух	разве не обнаруживает	(эта	вещь)

çom	*ten*	*de*		
destructionem?	Videt	sequentia	(quæ	secutura sunt)
разрушение?	Видит	последовательность	(что	последует)

r'nam	*par*	*ne*		*tse*
spiritus	contritus,	odoratur	(sentit)	pulcritudinem
дух	поверженный,	чует	(чувствует)	красоту

		pçia	
(ipse	suam)	scopabit	(perdetne)
(сам	свою)	созерцает	(не потеряет ли)

tsel				*ne ?*	*sgi*	*r'cie*
robur	(vim	illam	suam)	num?	Pavor	gemitus
крепость	(силу	эту	свою)	теперь?	Страх	воя

cen (tsen) po	*bru*	*pi*		
magnus	vermis	comparando	(si	compares)
великий	червь	сравнением	(если	сравнишь)

(*112*)

ghil		*kor*	*tsen-po*	*dir*	*cio (tso)*
medici	(sunt:)	rotam	magnam	prope	legem
лечебные	(они:)	большому	обороту	подобно	закону

	psi-s			
(ratiocinationem)	disceptat		(melius	discernit)
(размышлению)	рассматривает		(лучше	распознает)

r'nam	*par*	*ghe*			
spiritus	contritus	irrisionem	(res	sæculi	ridendas)
дух	поверженный	насмешку	(делá	века	достойные насмешки)

pi	*ko-cia*		*nhir*
comparat	catenariam	(orcum)	prope
сравнивает	цепь	(смерть)	подобно

④ *r'tok s*	*par*		*re-re*
significant	contritionem	(suam)	alternatim
обозначают	поверженность	(свою)	попеременно

	ki			*tsi*	
(alternis)	tristatur	(tristari)	in	semet	irascitur
(попеременно)	печалится	(печалиться)	относительно	себя	гневается

	nhou			*cio*	
(irasci)	gemit	(gemere)	semet	flagellat	(flagellare)
(гневаться)	воет	(выть)	себя	бичует	(бичевать)

pii			*tsa*
comparando	(si	compares)	ardorem
сравнивая	(если	сравнишь)	пыл

		ki		*se*	
præcedentem,	se	ipsum	humiliat,	mori	se
прошедший,	себя	самого	низостью,	что умер	он

r'taks	*r'nam*	*mgna*	*par*	*do*	*te*
significant,	spiritu	arundinis	confractæ	modo:	iam
обозначает,	[при том что] дух	розге	сломанной	подобен:	уже

ne	*ciom*	*tan*	*te*	*la*		
vero	destuctionem	videre	sequi	in	(in	destructionem
конечно	разрушение	видно[, что]	последует	в	(в	разрушение

		sol-va		*taob*	
videre	sequi,)	refectus	in	tutum	se
видно, что	последует,)	восстановив силы,	в	надежную	

(*113*)

po	*te-nea-*	*ntciom*		*te*
reciperet,	item	destructionem	videat	sequi
захватывает,	точно так же	разрушение	увидит	что последует

r'nam	*par*	*ne*	*tse*	
spiritus	contritus,	sentient	pulchtritudinem	(hanc
дух	поверженный	чувствуют	красоту	(эту

		ghi	*cianh*		*çrou*
illam)	(imo)	declararet	desertum,	(et)	brevis
самую)	конечно	обнаруживает	оставленную,	(и)	короткой

sem	*paa*			
vitæ	positionem	ob	oculos	(recordationem)
жизни	положение	перед	глазами	(воспоминание)

te	*ghe*	*te*		⑤ *nho*		*cie*
investigare	irrisio	istud	(foret)	(quod	si)	ploraret
исследовать	насмешка	это	(была бы)	(так как	если)	оплакивал бы

(tse)	*thsinh*	*de*	*ghe*	*la*	
(gemeret,)	foveam	ista	irrisione	in,	(in
(выл бы,)	яму	этой	насмешкой	в,	(в

		mi	*gniam-s*		
eiusmodi	stultitia)	nulla	dulcedo	(inesset)	(sed)
такой	глупости)	никакого	наслаждения	(нет)	(но)

pi	*cio*	*dii*	*dou*	*pein*
comparat	ratiocinando	hoc	caussæ	donum
сравнивает	размышлением	этот	причины	дар

ghi	*raob-s*		*ne*	
ostendit	descensum	(aliquorum)	ægroti	(ergo)
показывает	нисхождение	(некоторых)	больные	(следовательно)

kaa	*tsel pa*		*rik-s*	*ghi*	*pu*
ordinatio	virtus	(est:)	fallaciam	ostendit	puer
порядок	добродетель	(есть:)	обман	показывает	мальчик

	ghe			*cio*
(adoptatus,)	irrisio,		(imo)	ratiocinationem
(приемный,)	насмешка		(конечно)	размышление

ghi		*pçi*	*tsi*	
ostendit	(imo)	declarant	animi	providentiam:
показывает	(конечно)	проявляют	души	предусмотрительность:

(*114*)

tar (der	*ter)*	*r'tok s-pa*	*sgin*	*sem*	*cian*
bombyx	(hoc loco)	indicatus	alia	vita	lites
шелкопряд	(в том месте)	упомянутый	другая	жизнь	споря

	ghi	*kam*		*r'nam*	*par*
dirimit,	monstrat	rei	caput	spiritus	contritus
прекращает,	показывает	дела	главное (голову)	дух	поверженный

cio	*pi*	*se*	*tak-s*	*ghi*
coniungit	comparat	mortis	signa,	monstrat
соединяет	сравнивает	смерти	знаки,	показывает

tsik	*r'nam*	*mgno*	*sei*	*sei*	⑥ *te-ne*
quid	sit	spiritus	stulti	separatio?	Enimvero
что	является	духа	глупого	разделением?	Действительно

te-i	*tse (ce)*	*pçie*	*çrou*	*sem*
tantam	agitationem	producit	brevis	vitæ
такое	оживление	вызывает	короткой	жизни

paa			*koun*	*nhu*	*ze po*
positio	ob	oculos	imaginem	gemebundi	veniam
расположение	перед	глазами	образ	воя	милость

	ste	*ghie*	*ghi*	*ghien*
petentis	equus	repræsentat,	vadit	reconciliatus
просящего	лошадь	представляет собой,	идет	усмиренный

		ki	*ioul*	
(animo	ornatus),	ostendit	inclinationem,	at
(в душе	украшенный),	показывает	склонность,	и

sgie		*pçia*		*pi*	*nhe*	*te*
deumne	orat	avis?	(Sed)	compara	nostra	illa
разве бога не	молит	птица?	(Но)	сравни	нашей	этой

tsingh	*la*						*sgiom*
fovea	in,	(in	nostra	illa	ipsa	fovea)	dulcedo
яме	в,	(в	нашей	этой	самой	яме)	наслаждение

	par				
(hanc)	contritus	(nonne	hanc	contritus	sperat?)
(это)	поверженный	(разве не	на это	поверженный	надеется?)

sgiou ue?	*nhob s*		*tok-s-pa*		*me*
oratne?	Transeat	a vita	quasi	fulminatus	non
разве не молит?	Переходит	от жизни	словно	пораженный молнией	не

(*115*)

pi	*se*		*tuk-s*	*mgne pa*
comparet	mortem	suam	signat	stultus:
сравнивал бы	жизнь	свою	обозначает	глупый:

na	*ma*		*Sam-tan Pou-tra*	*nam*
ægrotavit,	restitit	morbo	Sam-tan Pou-tra:	annum
заболел,	оставался	в болезни	Самтан Путра:	год (в течение года)

Sam-tan	*nou*			⑦ *ka*	*nhi*
Sam tan	æger	cum	esset,	quomodo	nobiscum
Самтан	болен	когда	был,	как	с нами

	va	*ra*			*tsa (ça)*
(est)	conversatus:	ærie	ac	flavi	vasis
	разговаривал:	медного	и	желтого	сосуда

ttrar'ma		*ni*		
denigratio	(æruginatio)	morbus	(esse	solet,)
почернение	(поржавение)	болезнь	(быть	имеет обыкновение,)

r'tsaa	*nhia*	*ma*		*traa ma*
vasis	nostri	moderatio	(resistentia)	denigratio
сосуда	нашего	умеренность	(сопротивление)	почернение

	tra			*sraa*	*traa*
(omnis)	macula	(fortasse	fuisset)	legitima	sanitas
(весь)	пятном	(почти	был)	законное	здоровье

	koun	*nhou*	*ze-po-*
(convalescentia:)	imagine	gemebundni	veniam
(выздоровление:)	образом	воя	милость

to				*te-ne*	*cie*	*çrou*
petentis	quam	illustis	fuit?	Maiora	fecit	brevis
просящего	которым	известен	был?	Большее	сделал	короткой

sem	*paa*				*ciam-s*
vitæ	positio	ob	oculos	(recordatio)	deserti
жизни	положение	перед	глазами	(воспоминание)	оставленного

pe	*ciam-s-pa*	*cien po*	*koun*	*nhou*
imber	explicatus	magnus	imagine	gemebundi
дождь	объясненный	большой	образом	воя

	bru pa		*sgie*		*cia*
quasi	vermen	haberet,	deumne	orat	avis?
словно	червь	имел,	разве бога не	молит	птица?

(*116*)

pi	*nhi*	*te*	*tsinh*	*la*	*sgiom*		
Compara	nostra	illa	fossa	in,	dulcis	fuit,	(hanc)
Сравни	нашей	этой	яме	в,	сладким	было,	(эту)

par	*sgiou ne*	*re*		*khi*	*sgi*
contritus	oratne?	Ita	(est)	tristatur	timorem
поверженный	разве не просит?	Так	(есть)	печалится	страх

po	*mgne-pa*			*na ma*	
loqui	stultus	(impius	unus:)	ægrotavit	(restitit
сказать	глупец	(нечестивый	один:)	заболел	(оставался

	Sam tan ⑧ *Pou tra*		*nan*	
morbo)	Samtan Poutra	per	annum	(dum)
в болезни)	Самтан Путра	в течение	года	(пока)

ha	*tsi*	*ciaa*	*ya*	*r'pa*
huius	mundi	evanescerent	bona,	raperentur
этого	мира	исчезали	блага,	отнимались

	sa	*nhaa*	*ya*	*sciaa*	*ya*	*nou*
(in)	fossam	nostra	bona	carnis	bona	æger
(в)	яму	наши	блага	тела	блага	больной

		ka	*nha*	*Pou*	*traa*
(cum	esset)	quomodo	nobiscum	Pou	sanus
(когда	был)	как	с нами	Пу	здоровый

	ciam		*pi*	*o*	
ob	oculos	positus	comparatus	maxime	illustis:
перед	глазами	расположенный	готовый	в высшей степени	известный:

te-ne	*ye*		*cie*	*çrou*	*sem*
etenim	unam	rem	produxit	brevis	vitæ
так как	одну	вещь	произвело	короткой	жизни

pa	*na-ma*			*ki*
recordatio:	ægrotavit	(morbo	restitit)	tristaturne
воспоминание:	заболел	(в болезни	оставался)	разве не печалится

sgi	*po*	*r'nam*	*par*
timorem	loqui	spiritus	contritus?
страх	сказать	дух	поверженный?

ghe		*pi*	*youl*	*sgio*		*cia*
Ridicula	illa	comparavit,	inclinata	deum	orat	avis
Любопытное	это	сравнил,	подбитая	бога	молит	птица

(*117*)

pi	*ni*	*te*	*tsinh*	*la*	*sghiom*	*par*
compara	nostra	illa	fossa	in	dulcedo	contritus
сравни	нашей	этой	ямы	в	удовольствие	поверженный

sgiou ne ?	*se*			*tak-s*	*mre pa.*
oratne?	Mortem	(ergo	suam)	signat	stultus.
разве не молит?	Смерть	(следовательно	свою)	обозначает	глупый.

Sensus
Смысл

Attrita fortitudine (si fortitudinem tollas,) quis equo brevior (despectior?) si vita eius frigida (stupida) destruatur, pro spiritu eius, (qui illa eius membra agitabat) apparet putredo (una), quid, oratne sauciatus? hoc ineptum, ut vident omnes: ibidem precaturne avis contrita? cum semel est morbida, os aperire amplius non potest.

Id igitur quod animæ rationali accidit, pendet ab explicatione seu cognitione eiusdem animæ rationalis, et earum, quas agitat ratiocinationum, cum itaque equus tunc ratiocinari nequeat, dubio procul illum animæ tunc ratiocinantis statum, si quis consideret, statim percipiet, quænam sit huius ægri conditio seu quidnam sit inter equum et hominem moriturum differentiæ.

Constat habitatorum (huius mundi, qui fumi instar transit) prostrationem, (*118*) irrisionem, læsionem esse fossam: (id ad omnia animalia pertinet, equos, aves, homines.)

Bombyx (cuius exemplum afferri solet ad consolandos homines et firmandum resurrectionis spem) valetne ad quid simile de homine statuendum?

При истертой силе (если теряешь силу,) кто ниже лошади (презреннее?), если жизнь ее ничтожная (глупая) разрушается, а вместо духа ее, (который приводил в движение эти ее части тела) оказывается гниение (только), что, разве, сраженная, не молит? Это бессмысленно, как все видят: умоляет ли тогда подбитая птица? Ведь так как она больна, больше не может открыть рот.

Это же, что представляется разумной душе, зависит от объяснения или понимания этой же разумной души и тех (душ), которых побуждает размышление; тогда как лошадь не может размышлять; без сомнения, таково положение души — размышление: если кто-то обдумывает, тут же замечает, каково состояние этого больного, а также разницу между умирающими лошадью и человеком [1].

Известно, что удел обитателей (этого мира, который проходит мимо, как дым) — опустошение, насмешка, упадок: (это относится ко всем животным: лошадям, птицам, людям.)

Разве шелкопряд (которого обычно приводят в пример для утешения людей и укрепления надежды на воскрешение) не имеет того же значения, которое должно быть распространено схожим образом на человека?

[1] Перевод этого фрагмента, выполненный А. И. Доватуром, опубликован в: [Княжецкая, 1989: 25].

claudi ab equo gemitum siue equi gemitum cessare, perspicuum est: quid?

contusæ illius, quam dixi, avis actio lucet ne? (apparetne amplius.)

Sed quo minus hoc ipsum de homine dicatur aut sentiatur, impedimentum est maximum: nam si semel contusa fuerit avis, statim putrescit: at si sauciatus homo fuerit, quo iam se convertit illico?

Nimirum procedit longius dolore morbi quasi scopato, ad se redit, gemendoque orcum timet ac deplorat.

Hoc ipsum deplorare, ac propterea quod sepulcrum proximum sit, lugere, est ne irrisio et tu malefactum dices, si penitus introspicias?

Quid? ut gemat æger, ut veniam a deo delictorum petat, facit orcus?

ut breuis ac miseræ huius vitæ texturam ac facinora devolvat animo et destructionem eius, hoc illud quod (*119*) futuri causa operatur, innuet?

Videt quæ sunt post mortem eius secutura, atque hoc ipso facto contritus, ob ea quæ præterita pulchritudinem ipse suam videt agnoscitque et robur hoc suum amittet perdetque statim?

itaque pavor hic et gemitus magnus, et vermis (cuius est re-

Ясно, что стон остановлен лошадью или стон лошади прекратился: как?

разве не очевидно действие той подбитой птицы, которую я упомянул? (разве не является более ясным.)

Но то, что о человеке так говорят и думают в меньшей степени, является большим препятствием: ведь если птица была бы подбита однажды, тут же она истлела бы: но если человек был бы ранен, во что бы он тотчас превратился бы?

Конечно, он дольше остается в страданиях болезни, а когда они будто утихают, приходит в себя и, воя, боится смерти и плачет.

Разве не насмешка этот плач и скорбь, потому что близко могила; и назовешь ли это злодеянием, если обратишь взор глубоко внутрь?

Что? Смерть делает так, что воет больной, что просит у бога милости к грешникам?

Ведь он собирает в душе последовательность (букв.: устройство) и поступки этой короткой и несчастной жизни, а также разрушение ее (души); почему он дает знак относительно того, что совершается ради будущего?

Он видит, что последует после его смерти, и, сломленный этим самым фактом, из-за минувшего принимает и осознает сам свою красоту, а твердость эту свою тут же отпускает и теряет?

Итак, если ты рассмотришь этот страх, и громкий вой, и червя

mordere) si compares, non aliud quam medici esse dicentur.

Prope rotam magnam, id est vitæ finem, ratiocinationem suam melius conspicit spiritus, et contritus vanas sæculi res, attente comparat orcum prope, contritionem ergo significat suam.

Tum alternis tristari, in semet irasci, gemere, semet flagellare, pro ardore eius illo, (quo inter mortales superbiebat antea) semet dimittit, mori se demonstrat, spiritu in arundinis fractæ modum contrito ac contuso.

Iam vero si suam ipsius destructionem ullo modo prævideret spiritus, semet ipsum ad vitam futuram animaret, uti facit: semet in tutum quodam tenus reciperet ?

dum pietati se magis ac magis addiicit.

Itidem suppone prospici ab eadem mente nostra annihilationem, qui suam ipsius pulchritudenem (quod dixi fitque dum præterita (*120*) recordatur) sentiret?

imo deserta ipsi omnia et quemadmodum futura, ita etiam quæ iam præterita essent, ignoraret.

Quia brevis eius vitæ rationem tunc inire, uti facit, quantæ esset dementiæ, quod si dixeris deplorari ab ea nostra mente fossam ac tumulum, illud vero irrisio fuerit, absque ulla consolationis

(которому свойственно терзаться), говорят, что они не иначе как лечебные.

Подобно большому обороту, то есть концу жизни, дух лучше подмечает свое размышление и, изможденный, пустые дела своего века сравнивает внимательно со смертью и таким образом обозначает свою печаль.

Попеременно тогда грустит, сам на себя гневается, сетует, бичует себя, в зависимости от пыла этого своего (которым славился прежде среди смертных), отказывается от себя, притворяется, что умер, а дух его изнурен и избит, будто ломаная розга.

И конечно, если дух предвидел свое собственное разрушение таким образом, настраивал самого себя на будущую жизнь, как он поступает? захватывает себя в надежную петлю?

Пока все больше предается благочестию (является благочестивым).

Точно так же добавь, что тем же нашим разумом подготавливается уничтожение, кто же осознает свою красоту (я говорил, что так бывает, пока он вспоминает прошедшее)?

Конечно, он не знал обо всем оставленном им: как и обо всем будущем, как и об уже прошедшем.

Ведь тогда делает так, что начинается обдумывание этой короткой жизни, сколько было безумия, что, если бы ты сказал, что оплакивается этим нашим разумом яма и холм (могила), было бы это дейст-

specie, nam qui non erit amplius, passurus etiam est nihil.

At comparat utriusque vitæ, quam cogitat, conditionem, hæc caussæ nostræ victoria est; hinc ostenditur animæ humanæ descensus aliquorsum: hinc ægroti, si quid præcipiat ordinatio, etsi futurum, spectet, non damnanda.

Quid? fallunturne mortales, dum pueros in morte adoptant sibi?

infanus, qui dicat, imo ut ratiocinationem ostendit, sic animi providentiam declarat adoptatio, et hoc loco bombycis exemplum alienum non fuerit: nempe lites omnes dirimit alia vita, hanc autem monstrat spiritus, mortis ac morbi tempore, contritio.

Coniungit comparatque varia illa occisionum genera in equo, in aue, in homine; et illinc discit statim, quanam esse et cogitari possit spiritus (*121*) insana, id est, mala separatio.

Enimuero in homine istam illam animi febrem agitationemque producit recordatio vitæ brevis ante actæ unica, videsne quid in equo et aue, simile?

equus dum moriturus gemit, imaginem sibi Deum precantis ac veniam orantis repræsentat?

vadit quasi ad aliam vitam ornatus animo ac reconciliatus?

вительно насмешкой, и от каждого вида утешения: ведь кто не будет сильнее, также ничего не претерпит.

И сравнивает условие каждой жизни, которую обдумывает; в этом победа нашего дела; отсюда показывается нисхождение человеческой души: отсюда больные — если что-то предписывает порядок и если смотрит в будущее, не должны быть порицаемы.

Что? Не обманываются разве смертные, когда детей себе усыновляют в смертный час?

Безумен тот, кто говорит, что, конечно, показывает рассудительность; так, усыновление означает предусмотрительность духа, и в этом месте пример шелкопряда не был чуждым: ведь другая жизнь прекращает все споры, но такое истощение показывает дух в час смерти и болезни.

Соединяет и сравнивает разные эти виды уничтожения в лошади, в птице, в человеке; и оттуда тут же узнаёт, какое же нездоровое, то есть дурное разделение может являть собой и воспринимать дух.

Действительно, в человеке одно воспоминание [о] короткой жизни, прежде свершившейся, вызывает эту лихорадку и возбуждение духа; разве не видишь, что похожим образом происходит у лошади и птицы?

Когда лошадь умирающая воет, представляет ли собой вид молящей бога и просящей милости?

Устремляется ли она словно к другой жизни, прекрасная духом и смирившаяся?

itidem, an inclinatione illa sua moribundi, orari a se deum ostendit avis?

Compara nunc in fossa illa sepulcrali omnium nostrum communi, dulcedo est piis, nonne hanc sperat contritus, nempe quia victurum se novit ac præterea veniam a Deo iri sibi impetratum putat: quod si quis ab hac vita transeat impius et subito et quasi fulmine adactus, neque hæc illa omnia conferat, mors huius plena stultitiæ et insana.

Veniamus nunc ad Samtan Poutra: ægrotavit, morbo restitit annum totum. Samtan cum æger esset, quem se gessit? quomodo nobiscum est conversatus?

Æger vasi æneo flavo non absimilis, morbus, denigrationi atque ærugini: flavedinem vasis ærugo tollit, morum suavitatem morbus [2].

Vasis nostri, hoc est, Samtonis Poutræ denigratio, (*122*) moderatio una fuit; et si qua in hoc vase macula, fortasse bona ipsa valetudo, id est, neque in bona valetudine tantam nobis virtutem, quantam in morbo ostendisset, vel præstabat fortassis in ipso ægritudo aut morbus bonæ valetudini, ita ut sanitas aut convalescentia maculæ loco esse potuisset.

Imagine gemebundi veniam petentis quam illustris fuit?

Равным образом не показывает ли птица, что молит бога, умирая, имеющая такое стремление?

Подготовь теперь к этой могильной яме, общей для всех нас, — это наслаждение для чистых; разве не на это надеется изможденный, ведь он узнал, что будет повержен, и считает, что вымолил прежде, чтобы к нему от бога сошла милость: так как если кто-то перейдет из этой жизни нечистым и внезапно и словно молнией сраженный и не соединяет все это, то его смерть полна глупости и безрассудна.

Обратимся теперь к Самтан Путре: он заболел, оставался в болезни весь год. Когда Самтан был болен, к кому обратился? Как с нами оказался?

Больной был похож на желтый медный сосуд — болезнь почернения и пожелтения: причиной такого цвета, как у медного сосуда, была желтуха, болезнь.

У почернения нашего сосуда, то есть Самтана Путры, было одно ограничение; и если было в этом сосуде какое-то пятно, возможно, само это состояние здоровья; ведь и мы в добром здравии не показывали такого достоинства, какое показал в болезни, или сохранялся, возможно, в нем недуг или болезнь [крепкого здоровья], так что здоровье или выздоровление могли быть в месте пятна.

Был ли он известен видом стонущего, просящего милости?

[2] *morum* — тутовник, Acc. Sing.; *suaviatatem* — Acc. Sing. сладость (?) (Примеч. пер.).

addidit profecto et maiora produxit vitæ ante actæ recordatio et hinc ad transmittendum illud vitæ futuræ desertum (de quo supra) merita nova comparata, imbris instar quo desertum illud rigaretur.

Он добился бóльшего успеха и бóльшее произвел воспоминание о совершенной прежде жизни, и для перехода отсюда к будущей жизни оставлено и подготовлено (о чем выше) вознаграждение новое, которым увлажнял наподобие дождя минувшее это.

Et ita tristis per morbum fuit, quasi vita scelerate transacta abiret: qui tamen summe pius, Deumne veniam orat sic avis?

И так печален он был на протяжении болезни, словно уходил от жизни, проведенной греховно: в высшей же степени благочестивая, разве так не молит Бога о милости птица?

ergo Samtam Poutra in nostra illa communi fossa grate fuit, ac dulcedinem sensit.

Следовательно, Самтам Путра охотно пребывал в этой нашей общей яме и испытывал удовольствие.

Nonne hanc contritus orat speratque? ita est.

Разве, утомленный, не просил и не надеялся на него (удовольствие)? Это так.

Inde qui timorem suum ac contritionem, quomodo ipse profiteri nolunt stulti et insami.

Поэтому глупцы и безумцы не хотят выражать свой страх и печаль так, как он.

Ægrotavit, morbo restitit Samtan Poutra annum totum, ea moderatio fuit, dum huius fæculi evanescerent bona, dum ipsi eriperentur bona nostra, et communes carnis (*123*) voluptates.

Он заболел и оставался в болезни весь год, и такое было смирение, пока силы его века ослабевали, пока у них отнимаются наши силы и обычные удовольствия тела.

Cum esset æger ac langui dus, qualis tunc nobiscum?

Пока он был болен и утомлен, каким он был с нами?

Pou profecto sanus, hoc est, sanus haberi potuisset, habita moderationis ac tolerantiæ ratione, hinc ob oculos omnium positus, cum cæteris qui mortem obiere, comparatus, illustris omnium maxime: scilicet præclaram hanc rem produxit brevis illius fuæ vitæ recordatio: ægrotavit et morbi ægritudinibus ac molestiis restitit, at

Пу(тра) на самом деле был здоров, то есть мог считаться здоровым, так как сохранял смиренный и терпеливый разум, поэтому, когда он находился у всех перед глазами, и в сравнении с другими, избежавшими смерти, в высшей степени всем было ясно: а именно воспоминание этой его короткой жизни явило ясную эту вещь: он заболел и

tristaturne umquam timorem suum ostendere spiritus contritus?

Ridicula illa comparavit, quæ in morte animalium.

Deum orat avis inclinata etc. compara ergo tu, et in fossa illa nostra omnium communi dulcedinem esse fatebere, nonne hanc contritus orat speratque?

mortem igitur suam designat stultus, hoc est: mori igitur se insane insanus confirmat, dum nihil, eiusmodi comparat, nec proinde, quid se inter et equum avemque intersit, potest cognoscere.

Interpretati ex lingua Thibetica Stephanus Fourmont et Michæl Fourmont (124) fratres, alter Arabicæ alter Syriacæ linguæ in collegio regio Professor. Scripsit Sohier interpres regius Russicæ linguæ.

Hanc igitur interpretationem Bignonius ad Petrum M. transmisit, oravitque, ut si qua alia illius linguæ monumenta exstarent, ad societatem Parisinam transmitterentur.

Ea vero sine hoc loco ista recensui, ut per se quisque videat, quam multa sint in Tangutanis Sinica.

оставался в болезни, тоске и тяготах, и разве когда-нибудь заботился усталый дух о том, чтобы показать свой страх?

Он любопытно сравнил это с тем, что происходит в смертный час животных.

Умирающая птица молит бога и т. д. Поэтому сравни ты: и в этой нашей общей яме обнаруживает птица, что это удовольствие; разве, поверженный, не молит об этом и не надеется?

Так что глупец обозначает свою жизнь так: безумный подтверждает, что он умирает бездумно, ведь ничего так не сравнивает, и поэтому не может осознать, что он стоит в одном ряду с лошадью и птицей.

Переводчики с тибетского языка — братья Стефан (Этьен) Фурмон и Мишель Фурмон, первый — профессор арабского, второй — сирийского языка в Императорской академии. Записал императорский переводчик с русского языка Сойе (Sohier).

Итак, этот перевод Биньон отправил Петру Великому и попросил, чтобы, если имеются еще какие-то памятники на этом языке, тот отправил бы [их] в Парижское общество.

Я перечислил их, конечно, за исключением этого места, чтобы каждый сам мог увидеть, насколько много было китайских [элементов] в тангутском.

Приложение № 3. Перевод фрагмента книги А. Джорджи [Giorgi, 1762: 663–679] [1]

Объемный труд «Alphabetum Tibetanum» был написан монахом-августинцем и любителем филологии А. Джорджи (1711–1797) с использованием материалов, собранных миссионерами в Лхасе в первой половине XVIII в. Привлекая для своей работы немногочисленные опубликованные материалы, связанные с Тибетом, автор, разумеется, не обошел вниманием и знаменитый лист, отправленный Петром I во Францию. А. Джорджи переводит лист целиком и дает пространные комментарии к тексту, используя в качестве материала для сравнения иврит, греческий, сирийский, санскрит и другие известные ему языки. Критически оценивая работу братьев Фурмон, он исправляет их ошибки (например, чтение слова **sngon** в первой строке, которое Фурмонами транскрибировано как *tonh*) и добавляет к ним новые (предлагает читать **bsha+do** как **bshod**). Эти исследования давно стали достоянием истории, и даже при всем желании мы не смогли бы поместить их здесь ввиду объема. Поэтому для иллюстративных целей мы даем здесь только фрагмент, содержащий вводное слово и интерпретацию лицевой стороны листа.

Tabula Tibetana e Voluminibus non longe a fontibus Irtis *repertis excerpta*, Tibetice in Actis Erudit. Lipsiæ, Latine apud Bayerum edita, *producitur novisque observationibus illustratur*.

Тибетский лист, извлеченный из томов, найденных неподалеку от истоков Иртыша, и изданный на тибетском языке в журнале «Acta eruditorum» в Лейпциге, вместе с латинским [переводом], опубликованным Байером, приводится здесь, снабженный новыми пояснениями.

(*663*) Committendum non erat, ut ea Tabula, quæ tam saepe in superioribus commemorata fuerat, nullum denique locum in hoc nostro Alphabeto haberet.

Невозможно, чтобы для листа, который так часто упоминался выше, не нашлось места в нашем «Алфавите».

Itaque exemplari Lipsiensi, quod est *in Actis Erud. Mens. Junii A. MDCCXXII*. solis Tibetanis characteribus editum, subjicimus *lectionem* una cum Latina versione a *Fourmontiis FF*. Viris doctissimis adornata, quemadmodum exstat in

Итак, к лейпцигскому образцу, который был издан в «Acta eruditorum» в июне 1722 г. только тибетскими буквами, мы присоединяем чтение с латинской версией, подготовленной учеными мужами братьями Фурмон, в том же виде,

[1] Перевод с латинского языка А. А. Сизовой с использованием немецкого перевода [Giorgi, 1999: 116–127].

Museo Sinico Theophili Sigefridi Bayeri T. I.

Et quoniam certissimis *τεκμηρίσις* adducti Tabulam deprehendimus Magica continere arcana, deque ejus indolis argumento pertractare, quod alienum plane a Latina apud Bayerum versione videatur, eam oportunis observationibus illustrare tentavimus:

Ita quidem, ut alia ex his rerum facies, ac nova propemodum interpretatio spectanda tradatur.

Nec propterea velim quis putet nostris hisce conatibus detractum quid esse famæ & existimationi *Fourmontiorum FF.*, quorum doctrina & eruditio toti Litterariæ Reipublicæ probatissima summo semper in pretio & admiratione erit.

Neque enim Eorum interpretationem ideo ab argumento, & orationis sensu deflectere credimus, quia verbum verbo non exacte reddant, sed quia ardua Tibetanorum Scriptorum lectio, & sensus plerumque ambigui vel peritissimum quemque Interpretem facillime fallunt, & in diversa trahunt.

Vox quælibet monosyllaba suam habet significationem.

Hanc si *separatim* accipias, recte ex lexicis interpretaberis.

At in orationis textu non erit separatim, sed cum alia aut (*664*) antecedenti, aut consequenti conjunctim sumenda: tum vero sensum induit omnino diversum.

в каком оно представлено в «Museum sinicum» Теофила Зигфрида Байера.

И поскольку на основании вернейших признаков (*τεκμηρίσις*) мы считаем, что [текст] листа содержит тайную магию и предмет его весьма любопытен — что вполне очевидно из латинской версии у Байера, — мы попытались снабдить его полезными комментариями.

Однако в результате получилась совершенно иная картина и иной перевод.

Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь решил, что своими опытами мы пытаемся принизить славу и доброе имя братьев Фурмон, эрудиция и ученость которых будут неизменно в величайшем почете и уважении во всем ученом сообществе.

Мы также считаем, что их перевод отклонился от содержания и смысла не из-за того, что передает слова неточно, но потому, что чтение тибетских писаний сложно и их многозначность с легкостью может ввести в заблуждение и отправить по ложному следу даже самого опытного переводчика.

Каждое односложное слово имеет свое значение.

Применяя эти значения, можно переводить верно, опираясь на словари.

Однако в данном тексте слова нельзя воспринимать по отдельности, они должны пониматься вместе с предшествующими или последующими: так, зачастую они

Res declaratur exemplo ཅྱ་ *Cja* in hac eadem Tab. recte vertitur a Fourmontiis *Avis*: *Avem* dabunt Lexica Tibetana.

Sicque nos etiam vertimus in dodecaeteride Tibet. Verum in orationis textu non integra, sed pars vocis erit; uti accidit in ཞེས་བྱ་བ་ *Scie-cja-ba*.

Tunc autem ཅྱ་ *Cja vim agendi*, *actionem, energiam* & *efficaciam* denotat.

Ad has autem difficultates in Tibetanis scriptis, in iis maxime, quæ sacra sunt & magica, interpretandis, præter Lexicorum subsidia, naturam argumenti, de quo agitur, & gentis superstitionem sedulo prius investigare, & constituere necesse est.

Fourmontiis sola pars prior Tabulae Lipsiensis innotuit.

In ea non tam perspicui nitent characteres magicæ scripturæ, cujus modi in *posteriori* apparent.

Hos intueri si licuisset Sapientissimis exoticarum linguarum cultoribus, nullus dubito quin eundem, quem nos, sensum in sua illa eleganti, & magna animi contentione elaborata versione tenuissent.

Partem alteram Tabulæ Lipsiensis, quam nemo hactenus explicavit in observationibus nostris interpretari conabimur.

приобретают совершенно иной смысл.

К примеру, *Cja* в [тексте] листа правильно переводится Фурмонами как ‘птица’: [значение] ‘птица’ дают и тибетские словари.

Следовательно, мы так и переводим в [списке животных] двенадцатилетнего [цикла] Тибета. Но в контексте слог не выступает как [отдельное] слово, а является только его частью; так происходит в [конструкции] *Scie-cja-ba*.

Здесь *Cja* означает *силу движения, действие, энергию* и *эффективность*.

Ввиду таких сложностей при переводе тибетских текстов, особенно священных и магических, нужно не только опираться на словари, но и предварительно исследовать предмет повествования, уделяя пристальное внимание людским предрассудкам.

Фурмонами переведена только одна сторона лейпцигского текста.

В ней магические письмена видны не столь явно, как в последующем тексте.

Если бы эти выдающиеся знатоки иностранных языков обратились к сим магическим письменам, не сомневаюсь, что они смогли бы их перевести столь же изящно, как и мы.

Другую часть лейпцигского листа, которую никто до сих пор не изучал, мы попытаемся перевести, снабдив комментариями [2].

[2] Перевод текста на оборотной стороне листа с комментариями: [Giorgi, 1762: 731–756; 1999: 184–211].

Ex his vero intelligent Eruditi non nova esse, neque nudiustertius excogitata, quæ de Diis, deque superstitione Tibetanorum non sine molesta investigatione quæsita tradidimus.

In hoc enim Tibetanæ antiquitatis monumento e ruderum tenebris educto, diuque per Europam omnem famigerato, eadem illa, de quibus egimus, Numina celebrantur iidemque *Cjang ciubii-Sem-bah* commemorantur *Cihana Torcè, Sang khje, Xacha, Cjom-den-de, Ciam-ba, Cjen-resi, Giam-pel*.

Из этого ученые верно заключат, что рассказанное нами о богах и верованиях тибетцев было найдено не без трудоемкого исследования, это не ново и не придумано третьего дня.

Ибо в этом памятнике тибетской древности, извлеченном из руин и длительное время вызывавшем толки по всей Европе, упоминаются те же самые боги, о которых мы говорили [выше в книге], и в качестве *Cjang ciubii-Sem-bah* [бодхисаттв, byang chub sems pa] названы *Cihana Torcè* [phyag na rdo rje], *Sang khje* [sangs rgyas], *Xacha* [swā hā [3]], *Cjom-den-de* [bcom ldan 'das], *Ciam-ba* [byams pa], *Cjen-resi* [spyan ras gzigs], *Giam-pel* ['jam dpal].

Nunc vero *Tabula opistographa* pars prior sic est.

Итак, лицевая сторона листа выглядит следующим образом:

(*665—677*) [Тибетский текст с транскрипцией и переводом братьев Фурмон] [4]

Interpretatio nostra
Наше истолкование

Misericordia recreat, & a cruciatibus absolvit Summus Protector viventes omnes, qui eam adoratoribus suis revelat.

Benefici largitoris virtutem sciunt omnes, sed orationis, invocationisque vim, & efficaciam exponere, & aperire nesciunt.

Nomen ea exprimit (*678*) & arcanum illius legis, quæ lex est spiri-

Великий Защитник состраданием утешает всех живых существ и избавляет [их] от мучений, являя его (сострадание) своим почитателям.

Все из них понимают добродетель благого жертвователя, однако не понимают силу молитвы, призывания и их воздействия.

Имя выражает [их] также и тайну того закона, что является

[3] См.: [Giorgi, 1762: 675, примеч. 86].
[4] См.: Приложение 2.

tuum. Summam proinde altitudinem legis ignorat, (*qui efficaciam orationis, & operationis hujus ignorat.*)

Arcanam significationem legis universorum spirituum explicat, aperitque, *Ostensor* ac *Revelator* Magnus, qui & vim invocationis, atque operationis perfectam patefacit.

Hæc autem est *Magia*, quæ miseros eripit a locis pœnalium transmigrationum.

O quam valida, & potens est ad operandum!

O quam summæ & præstantis virtutis est ad quadruplex illud gratiarum genus, & ad scalam *sublimiorum transmigrationum* percurrendam!

Per hanc enim *Ciha-na Tor'cje* afflictis, & in angore versantibus misericordiam, divinam lucem, virtutemque concedit.

Quicquid optimi & optabilis esse potest spiritibus impertitur *Cjangcihub-sem-bah*, ille nimirum *Ciomden-de*, qui orantibus & invocantibus se pulcram, divinamque lucem infundit.

Vis salutaris & moderatrix magnæ rotæ transmigrationum e corde pio Summi Principis misericordiarum profecta, manifestans legem virtutis mundatricis spirituum, sinem ponit alternantibus cruciatibus, quorum alii aliis in catenæ morem sibi succedunt: *finemque istum facit* dicto & imperio demonstrato [*Sang nga*] occultæ Magiæ, qua *Ciom-*

законом духа. Поэтому не знают высшего уровня учения (*те, кто не знают об эффективности молитвы и ее воздействии*).

Тайное значение закона всех духов объясняет и открывает Великий У*казывающий* и *Открывающий*, который являет в полноте силу призываний и [их] воздействий.

Ибо такова *магия, что* спасает несчастных из узилищ перерождений.

О, как могущественна и действенна она в использовании!

О, какой великой и выдающейся добродетели она преисполнена для четырехкратной формы благодати и для прохождения лестницы *высших перерождений*!

Ибо через нее *Ciha-na Tor'cje* [phyag na rdo rje] обездоленным и находящимся в тоске дарует милосердие, божественный свет и добродетель.

Все, что только можно пожелать лучшего, дает душам *Cjangcihub-sem-bah* [byang chub sems pa], этот чудесный *Ciom-den-de* [bcom ldan 'das], который проливает божественный свет на молящихся и взывающих к нему.

Целительная и сдерживающая сила великого колеса перерождений, проистекающая из добродетельного сердца Верховного владыки сострадания и устанавливающая закон очистительной добродетели духа, прерывает сменяющиеся мучения, сомкнутые, как звенья цепи: и этот конец она кладет, явив слово и власть оккульт-

dem-de in absolvendo certamine spiritus concupiscentiæ procul avertit.

Quamobrem & *tanquam Ciom-den-de* illuminat spiritus, & tanquam *Cjang-cihub-sem-bah* eis virtutem tribuit.

Sicque *Tor'-cje-zin* misericordia vivificatrix, & pulcre splendens, manifestando legem iis, qui in amaritudine ac mœrore tenebrarum detinentur, virtutem inserit per benedictum illud gratiæ suæ donum, quod eft potens apertæ legis solatium, atque fomentum.

Et sicuti legem pandens virtutem intellectus cuique infundit, itaper efficaciam, & imperium [*Sang nga*] occultæ magiæ, quæ defendit atque tuetur Regna viventium, illorum, (*679*) cruciatibus finem cito imponit.

Ita quidem *Cjang cihub-sembbah* optabilia omnia concedit, & *Sang-khie* Regni *Kjen* vi operatricis orationis, & invocationis tribuit divinam lucem, & suavitatem afflictis, liberans eos ab innumerabilibus suppliciis [*Sang nga*] occulta magia dixit: *Na-ma Sam-ta-pou-trah-nahne: Sam-ta-nou: Ka. Ta. Pha. Ra. Tza. Thha. Me. Ni. Tza. Ta. Ma. Hha. Ha. Xahha*, seu *Xahcha*: O quam excellens, & sublimis est dignitas *Cjan-cihubii* universae terræ!

ной магии [*Sang nga*], посредством которой *Ciom-den-de* отвратился прочь, чтобы прекратить борьбу вожделения духа.

Вот почему и словно *Ciomden-de* озаряет дух, и словно *Cjangcihub-sem-bah* дает им добродетель.

Таким же образом *Tor'-cjezin*, оживляющая состраданием в прекрасном блеске, открывая учение тем, кто скован горечью и скорбью мрака, наделяет высшим качеством посредством того благословенного дара милости, — могущественного утешения открытого учения и избавления.

И подобно тому, как он вселяет во всякое существо вместе с распространением учения способность понимать, таким же образом, посредством силы и власти оккультной магии [*Sang nga*], оберегающей и защищающей мир живых, он быстро кладет конец их страданиям.

Таким образом, *Cjang-cihubsemb-bah* предлагает все желаемое, и *Sang-khie царства Kjen* силой действенной молитвы и призывания дает божественное просвещение и блаженство несчастным, освобождая их от бесчисленных страданий, [*Sang nga*] и произнес оккультную магическую [формулу]: *Na-ma Sam-ta-poutrah-nahne: Sam-ta-nou: Ka. Ta. Pha. Ra. Tza. Thha. Me. Ni. Tza. Ta. Ma. Hha. Ha. Xahha*, seu *Xahcha*: О, насколько великолепно и возвышенно достоинство *Cjan-cihub* по всей земле!

Quoniam *Cjang-cihub-sem bah, Cjam-be, Cjam-ba* Maximus præsens universis vi potentis invocationis, quæ ex proprio illius corde, commiserationeque profluxit, divinam vitalemque lucem ac suavitatem largitur afflictis dixit: *Na-ma 8 Sam-ta-pou-trah-nahn. Aa. Cia. Ta. Gncia. Jah. Sa. R'pa. Sa. Dha. Ah. Scia. Jah. Nou. Ka. Tha. Xahha, seu Xahcha.* O quanta est dignitas, & præstantia *Ciamba*!

Enim vero unus iste *Cjang-cihub-sem-bah* cælorum, misericors & amator summius in eorum virtutis Regno invocationis hujus potestate divinam pulcramque lucem & suavitatem impartitur afflictis per [*Sang nga*] occultam magiam dixit.

Hunc plane sensum tradidimus parti priori Tab. Tibetana.

Потому что *Cjang-cihub-sem bah, Cjam-be, Cjam-ba* Великий, милостивый ко всем, благодаря силе призываний, проистекающей из его собственного сердца и сострадания, излучает божественный живительный свет и мягкость, сказал обремененным: *Na-ma, Sam-ta-pou-trah-nahn. Aa. Cia. Ta. Gncia. Jah. Sa. R'pa. Sa. Dha. Ah. Scia. Jah. Nou. Ka. Tha. Xahha, seu Xahcha*. О, каково достоинство и величие *Ciamba*!

Ибо воистину этот *Cjang-cihub-sem-bah* единственный из небесных [существ] сострадательный и в высшей мере любящий добродетель в их царстве, благодаря силе его призываний проливает божественный прекрасный свет и блаженство на обремененных, с помощью [*Sang nga*] произнес оккультную магическую [формулу].

Здесь мы передали смысл [текста на] лицевой стороне тибетского листа.

Приложение № 4. Перевод фрагмента статьи Г. Ф. Миллера «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio» [Müller, 1747: 463–467] [1]

Г. Ф. Миллер. Комментарии к тангутским текстам, найденным в Сибири.

Quæ adhuc dixi, satis superque sufficiunt, fanorum in quibus Tangutica scripta reperta sunt, rationem commonstrandi. Reliquum est, ut dicam, quid in interpretando folio Tangutico Furmontiano in Sibiria præstiterim.

Cum anno clɔlɔccxxxv Selengiæ versarer, operæ pretium mihi visum est, castra *Lobsani*, Principis Mongolici, tribus *Zongol*, visitare, qui tunc quidem octoginta circiter leucas ab urbe ista ad Tschicoium fluvium sub potestate Russica degebat, tum ut mores gentis observarem, tum quoque, quod audivissem, sacrificulum quendam non infimæ conditionis, ex Tangutia oriundum, apud Principem commorari, cuius opera de cultu Tangutico et Mongolico uberiorem mihi notitiam comparare, nec non Tangutici folii fide dignam interpretationem obtinere sperabam.

Non instructuosum sane iter fuit. Sacrificulus, cui cum Principe æqualis a suis honor exhibebatur, ex eo ordine (*464*) erat, qui Mongolensibus et Calmuccis *Gelun* vocantur. *Zordschi* ipsi nomen erat,

Сказанного достаточно, чтобы рассказать о состоянии святилищ, где находили тангутские рукописи. Далее продолжу затронутую ранее тему о [тексте] тангутского листа Фурмонов, переведенном [для меня] в Сибири.

Когда я был на Селенге в 1735 году, то счел необходимым посетить военный лагерь *Лобсана*, монгольского князя из племени *Цонгол*, который тогда находился примерно в 80 лигах [2] от города в направлении реки Чикой, бывшей тогда на территории российских владений, чтобы, во-первых, изучить нравы людей, а во-вторых, потому что я слышал, что при князе живет высокопоставленный священнослужитель, от которого я надеялся получить сведения о тибетских и монгольских религиозных сочинениях и достоверный перевод листа Фурмонов.

Воистину ненапрасным было путешествие. Священнослужитель, которого почитали наравне с князем, был из того сословия, которое монголы и калмыки называют *Gelun*. Его звали *Zordschi* [3], и был он

[1] Перевод с латинского языка М. В. Шелковича под редакцией А. А. Сизовой.

[2] Одна лига равняется 2,22 км.

[3] Первый настоятель первого бурятского монастыря (отсюда и его наименование *Zordschi*, т. е. «настоятель», от тиб. chos rje) Балдан Брайбун (Цон-

homo ad suæ gentis morem non indoctus, affabilis, et si qui alius officiosus.

Talem deprehendens, studui, ut, quod donis fieri solet, arctiorem cum ipso amicitiam contraherem, quam ille tam in istis castris, quam aliquot diebus post, cum Selengiæ me inviseret, et postea etiam per literas ingenue coluit.

Omnino multa ab hoc viro profeci, in iis potissimum, quæ de ratione cultus Tangutici scire cupiebam, nec prorsus in cassum mihi spes fuit, quod interpretationem folii Tangutici spectaret. Prima cura fuit, ut versionem Furmontianam amica explicarem, ne, si forte illa satis congrua ipsi visa fuerit, superfluos labores exposcerem.

Ille autem maximo stupore meo hanc ne hilum quidem cum Tangutico textu convenire asseveravit. Rogavi deinde sacrificulum, ut ipse operam suam interpretationi conferre non gravaretur, quod cum libenter se facturum promisisset, Selengiæ in museo meo laborem voluit perficere.

Vix autem incepit versionem, cum animaduertit, ad integrum folium absoluendum plus temporis requiri, quam quod humanissimus vir mihi destinasset. Ideo post aliquot lineas substitit, reliqua domi se interpretaturum dicens. Ego autem hoc concedere non potui.

Instabat enim tempus, quo iter persequendum erat: nec persuadere volui, ut me præsente pergeret, ne

человеком ученым по меркам его народа, обходительным и во всех отношениях любезным.

Посему я постарался завести с ним крепкую дружбу, как полагается, при помощи даров; эту дружбу он сердечно поддерживал при личном общении в те дни, когда сопровождал меня по Селенге, и после этого — в письмах.

Вообще я много чего добился от этого человека, а более всего в отношении того, что касается тангутской религии, также и желание мое исполнилось — он посмотрел перевод тангутской рукописи. В первую очередь мне было нужно объяснить [моему] другу версию Фурмонов, чтобы не просить его о лишней работе, сочти он, что эта версия удовлетворительна.

Он же, к моему величайшему изумлению, утверждал, что она во многом не соответствует тангутскому тексту. Я попросил священнослужителя составить свой перевод, и он пообещал, что охотно сделает это, пожелав осуществить сей труд в моей библиотеке (лагере) на Селенге.

Едва он начал перевод, как понял, что на обработку целого листа потребуется больше времени, чем было изначально намечено. Поэтому после нескольких строк он остановился, сказав, что остальное истолкует дома. Я, в свою очередь, не мог этого допустить.

Приближалось время продолжать путь: я не хотел требовать от него завершения работы и у себя

гольский, или Мурочинский, дацан), тибетец Агван Пунцог [Ванчикова, Аюшиева, 2019: 121].

alia perquirendi facultate me fraudarem; quin visum fuit, vel ex tali specimine totam causam satis superque cognitam fore.

Rogavi tantum, ut suam quoque textus Tangutici pronunciationem adscriberet, quod fecit. Hæc lingua et literis Mongolicis scribebantur. Defuit eo tempore interpres, (*465*) qui Mongolica in aliam mihi notam linguam transferret.

Nam etiamsi plures essent, qui Mongolicam linguam æque ac Russicam satis commode loquerentur, et in sermonibus miscendis operam suam non inutiliter præstarent, nemo tamen sublimibus, quod dicebant, locutionibus sacrificuli, quibus in scriptione usus esset, transferendis, parem se pronunciavit.

Post aliquot menses, quibus Nertschiam totamque regionem Argunensem et extremos Sinensium limites visitavimus, cum Udinii aliquam moram facere cogeremur, impetravi a Præfecto Selengiensi virum ex Russis, qui ipse literas Mongolicas intelligeret, aliumque ex sacrificulorum familia, gente Mongolensem, qui, quæ difficiliores essent locutiones, orali circumlocutione clarius explanaret.

Sed nec horum opera multum profeci. Obscuritatis versionem Mongolicam arguebant, quæ inde orta sit, quod sacrificulus Tangutanus linguam Mongolicam non satis calleret.

Id tamen intellexi, initium eius his verbis constare: *Qui intellectu*

отнимать возможность дальнейших изысканий тоже не хотел; ведь было понятно, что одного фрагмента мне будет достаточно, чтобы понять суть.

Я попросил только, чтобы он приписал свое произношение тангутского текста, что он и сделал. Он записывал его монгольскими буквами. В то время при мне не было переводчика, который мог бы перевести с монгольского на другой известный мне язык.

Было много тех, кто говорил на монгольском, а равно и на русском языке достаточно свободно, и они с пользой предлагали свои услуги для переговоров на обоих языках, но все же никто не вызвался перевести возвышенный язык священнослужителя, использованный в рукописи.

Через несколько месяцев, в течение которых мы объехали всю Нерчинскую и Аргунскую область, а также крайние пределы Китая и уже собирались сделать небольшую остановку в Удинске, Селенгинский губернатор прислал мне человека из русских, который сам выучил монгольские буквы, и другого, из числа священнослужителей, монгольского происхождения, который объяснял с помощью устного парафраза особенно трудные выражения.

Но не слишком помогли их труды. Они сочли монгольскую версию непонятной по причине того, что тангутский священнослужитель был недостаточно сведущ в монгольском языке.

И все же я смог уяснить начало текста: *Кто в разуме* (*сознании,*

(*conscientia, corde,*) *suo omnia comprehendit* (*intelligit*) etc. Hæc iam nihil certe cum interpretatione Furmontiana commune habent, id quod etiam de subsequentibus, cum versionem Furmontianam illis explicarem, et quærerem, annon aliquod verbum occurrat, quod ei versioni respondeat, interpretes testati sunt.

Si forte aliquis, quod tamen non facile futurum spero, de veritate horum dubitaverit, illi scripta testimonia afferre possum, quæ fidei faciendæ caussa, ne aliquid finxisse videar, ab istis hominibus mihi dari curavi.

Præterea testem invoco Cl. Gmelinum, qui omnibus meis studiis interfuit. Testimonium etiam præbeat ipsa a sacrificulo data versio Mongolica, quam una cum (*466*) textu Tangutico, ut æri incidatur, addo.

In iisdem tabulis textus Tangutici pronunciationem adscripti, unam a sacrificulo Mongolicis literis expressam, alteram secundum Mongolicas latinis literis redditam, ut Germani eas efferre solent.

Et hanc ultimam quidem in gratiam illorum, qui literis Tanguticis pernoscendis operam dare cupiunt, textui Tangutico proxime subieci. Gavisus sum, eam cum regulis olim a me concinnatis admodum convenire, quas, si operæ pretium videbitur, alio loco dabo.

сердце) *своем все понимает* (*постигает*)... и так далее. Это не имело ничего общего с переводом Фурмонов; то же и с дальнейшим текстом: когда я объяснял им версию Фурмонов и спрашивал, не попадается ли то или иное слово, которое соответствует этой версии, переводчики утверждали, что нет.

Если кто-то усомнится в их правоте — надеюсь, этого все же не произойдет, — я могу привести в качестве доказательства тому рукописи, чтобы не показалось, что я выдумываю что-то; я позаботился, чтобы эти люди мне их дали.

Кроме того, в качестве свидетеля ссылаюсь на Гмелина [4], который присутствовал при всех моих занятиях. Доказательством также пусть служит данная священнослужителем монгольская версия, которую я в виде иллюстрации присовокупляю к тангутскому тексту.

Там же надписано произношение тангутского текста: монгольский текст, написанный священнослужителем, и латинская транскрипция монгольских букв, сделанная по немецкому образцу.

И эту последнюю, для тех, кто желает изучить произношение тангутских букв, я поместил под тангутским текстом. Я рад, что она вполне совпадает с некогда упорядоченными мной правилами, которые я опубликую в другом месте, если это окажется полезным.

[4] И. Г. Гмелин (1709–1755) — немецкий естествоиспытатель, состоявший на службе в Петербургской Академии наук и сопровождавший Г. Ф. Миллера в путешествии по Сибири.

Versionem autem Mongolicam studio servavi, spe fretus, fore, ut interpretem aliquando invenirem, literis Mongolicis satis innutritum, qui vel coniectando eius sensum assequi possit. Nec fefellit eventus.

Illustri Goldbachio hanc gratiam debemus, quod, quo est in quævis literarum studia incredibili amore et industria, etiamsi Musis ereptus videatur, ad magis ardua negotia admotus, non defuerit meis precibus, quin per interpretes linguarum Mongolicæ et Calmuccicæ, qui Petropoli in collegio Imperiali res exteras curante aluntur, periculum fieri curaverit, annon versionis Mongolicæ aliquem sensum dare possint.

Ecce hic egregium se præstitit *Petrus* ille *Smirnovius*, linguæ Calmuccicæ peritissimus interpres, quem iam alias laudavi [6]. Hic adhibito in opem Mongolense quodam, homine ab infantia inter sacrificulos suæ gentis educato, et omne dictionis genus, quod non nisi in sacris eorum libris occurrit, egregie callente, concinnavit versionis Mongolicæ versionem Russicam, quod ad indolem sacri stili, (*467*) qui multa lectorum divinationi relinquit, satis luculentam.

Монгольский перевод я старательно сохранил в надежде, что когда-нибудь найду переводчика, достаточно сведущего в монгольской грамоте, который смог бы ее истолковать. Таковой случай представился.

За это мы благодарны выдающемуся Гольдбаху [5], взявшему на себя этот тяжкий труд; будучи человеком невероятной любви и усердия к изучению любых наук, хоть и кажется похищенным у муз, он не пренебрег моими мольбами и смог привнести некий смысл в монгольскую версию, пользуясь услугами переводчиков с монгольского и калмыцкого языков, которые состояли при Императорском министерстве иностранных дел в Петербурге.

Среди оных весьма известен *Петр Смирнов*, опытнейший переводчик с калмыцкого языка, которого я в другом месте уже похвалил. Он, находившийся в монгольском подданстве, воспитанный с детства среди священнослужителей своего народа и весьма сведущий во всяких выражениях, которые встречаются только в их священных книгах, подготовил перевод с монгольского на русский, заслуживающий достаточного доверия в отношении качеств стиля священного текста, озадачивающих многих читателей.

---

[5] Христиан Гольдбах (1690–1764) — немецкий математик, исполнявший обязанности конференц-секретаря Петербургской Академии наук в период 1725–1728, 1734–1742 гг.

[6] In Collectione notitiarum ad historiam Russicam spectantium [Sammlung Russischer Geschichte I], quam olim lingua germ. edidi. P. III. p. 275.

Eam ego hic sub finem latinam faciam, et addam versionis Mongolicæ distinctam pronunciationem, nostris literis expressam, quibus omne negotium expeditum, et liti promovendæ obicem positum esse mihi blandior.

В конце я привожу этот перевод на латыни, добавив к нему транскрипцию монгольской версии, и тешу себя надеждой, что поставленные мной вопросы вызовут продолжение дискуссии.

Pronunciatio textus Tangutici literis Mongolicis expressa (Tab. VIII) Произношение тибетского текста, записанного монгольскими буквами [1]

Лама транскрибировал текст, сообразуясь с тибетской графикой (то есть, не по фонетическому признаку) и выполнил приблизительную «транслитерацию» фрагмента средствами монгольского алфавита и его дополнения — *галик*а (или алфавита *Али гали*).

Поскольку *галик* не имеет стандартных обозначений в транскрипции монгольского текста, мы отдельно даем использованные нами условные обозначения для этих графем:

ཇ	e	ེ		dēēs des དེས	ϕ	-	ph	ཕ		ϕanbar phan bar ཕན་བར་
ཇོ	o	ོ		sdôn sdon སྡོན	ċ	ཚ	tsh	ཚ		mċan mtshan མཚན
་	g	ག		ġyi gyi གྱི	’	་	’	ད		’di ’di འདི
ཉ	ny	ཉ		ñid nyid ཉིད	z	ཟ	z	ཟ		Blôbzang [имя blo bzang བློ་བཟང]

Транскрипция

(1) bartugs [2] su čudba [3] dēēs [4] : sdôn [5] (2) semčan rnams la ϕanbar bsid [6] nas : (3) ’di dag tams cad bsid : sis [7] bya (4) bar ni mi sis so : čôs

[1] Опубликованный Миллером монгольский текст был подготовлен к печати человеком, монгольского языка не знавшим (или знакомым с ним только поверхностно). В большинстве случаев неточности графической передачи, вкравшиеся при «перерисовке», можно отличить от смысловых неточностей, допущенных самим ламой при транскрипции тибетского текста и переводе. Все эти случаи, как очевидные, так и сомнительные, оговариваются нами в примечаниях.

[2] Слоги བར་ཐུགས་ *bar thugs* транскрибированы слитно (здесь и далее отмечено подчеркиванием), хотя в тибетском тексте относятся к разным словоформам.

[3] Слитная транскрипция слогов ཆུད་པ་ chud pa. В данном случае это одна словоформа. Далее случаи слитной транскрипции в примечаниях не оговариваются.

rnams kyi ni (5) čôs kyi [8] mċan : blônbô dēs ni dē (6) mi sēēs [9] : čôs rnams kün ġyi mčan [10] ñid (7) ni : stông ba ñid du yan daγ gsüngs : (8) bsugs ba rtaγ tu der ġnas nas : rabtu (9) dēis [11] bar las bya oo : bgags [12] si bar (10) bya ba rimbar [13] ƥyēēba [14] rgyas ba oo :

Textus Tangutici versio Mongolica (Tab. IX)
Монгольский перевод тибетского текста

1. Транскрипция монгольского текста, опубликованного Миллером
2. Перевод с монгольского на русский язык
3. Латинская транскрипция монгольского текста Миллера
4. Перевод с монгольского на латинский язык Миллера
5. Перевод с латинского на русский язык А. И. Доватура [Княжецкая, 1989: 25]

@ [15] čing [16] sedkil-ün ǰabsar-a büküi-yi baγtaγaγči :

---

[4] Тиб. དེས་ транскрибировано как dēēs с двумя ē. В пятой строке то же самое слово транскрибировано как dēs.

[5] Слово སྔོན་ *sngon* из-за схожести графем ང་ *nga* и ད་ *da* было неверно прочитано ламой как སྡོན་ *sdon*.

[6] བཞེད་ *bzhed* передано как bsid. Затруднительно сказать, насколько тут велико искажение, возникшее при копировании монгольского текста. Можно предположить, что ཞ་ zha и ཤ sha་ передавались монгольской буквой ᠰ s — так же, как и ས་ sa.

[7] ཞེས་ *zhes* как sis. См. предыдущее примечание.

[8] Kyi, по всей видимости, сильно искажено при переписывании. Читается как ryi.

[9] Удвоение ē (см. примеч. 4). Это же слово ཤེས་ shes в строке 4 записано как sis.

[10] Рядом с č стоит точка. Непонятно, является ли она случайной или это следы искаженного галига. В этом слове галиг должен быть как в таблице (ċ).

[11] Еще один случай, похожий на рассмотренный в примечании 4.

[12] Должно быть *bgegs*, но в тибетском тексте у Палласа пропущена огласовка, соответственно, там (неправильно) *bgags*.

[13] Искажение при переписывании: r очень похоже на ġ.

[14] Еще один непонятный случай удвоения ē. Можно прочитать как ƥyeēēba, но в контексте повторяемости этих удвоений, когда ēē заменяют одну тибетскую гласную, основное чтение пока видится более логичным.

[15] Знак начала текста, напоминающий биргу. По причине искаженности сложно понять, какого именного типа, скорее всего — ᢐ (орнаментальная биргa).

[16] Сильно искажено: читается как ken/gen ᠺᠧᠨ. Транскрипция čing восстановлена по Миллеру (Tschin) и данному им переводу: ‘твердый’ (о сознании).

Вмещающий всё [17] в пространство (промежуток) твердого сознания [18].
Tschin sedkilun subsara bjukui bagadchaktschi
Firma conscientia mediante omnia parvi pendendo
Посредством твердого сознания я всему повиновался, взвесив.

urida amitan nuγud-dur tusa egüsgeküi [19]-eče :
Прежде от принесения пользы живым существам,
urida amitan nogud-dur tusa eguiuskekui eze.
in principio viventi cuicunque auxilium oritur inde.
Вначале всякому живущему возникает помощь отсюда.

edeger bükün-i daγudaγad : üiledküi-eče inu ülü
Их всех созвав. От делания
edeger bjukuni dagudagun, uiledkui eze anu uliu
quibus omnibus consummatis, futurum quid, nemini
По завершении всего этого, что будет, никому

medekü bolai : nom-nuγud inu nom-un činar :
— неведение. Дхармы — это качество дхарм.
medeku bolai. Nom nogud anu nomun tschinar.
notum est. Religio tota namque religionis explicatio.
не известно. Ведь вся религия есть объяснение религии.

tüsimed [20] inu tereber tegüni ülü medeküi :
Чиновники те [21] того не знают.
Tuschimed anu tereber teguni uliu medekui.

Вместе с тем появление этого слова в переводе (оно может соответствовать только служебной частице par, с которой начинается тибетский оригинал) пока не нашло объяснения.

[17] Соответствия слову ‘всё’ (büküi) в тибетском оригинале нет.

[18] ‘Пространство твердого сознания’ — попытка перевести сочетание первых двух слогов фрагмента བར་ཐུགས་ *bar thugs*, где bar (на самом деле, par) — окончание словоформы don rtogs par, начинающейся на предыдущем листе, которого у работавших с искомым листом людей не имелось.

[19] Написано: egüdkeküi

[20] Слово «чиновники» (tüsimed) появилось от неверного чтения: བླུན་པོ blun po ‘глупый’ было прочитано как བློན་པོ blon po ‘министр, чиновник’ (это также отмечено в статье [Княжецкая, 1989: 25]).

[21] Постпозиция определения tereber ‘те’ объяснима порядком слов в тибетском тексте, однако перед определением по каким-то причинам помещен маркер субъекта действия inu (перевод тибетского ni). В естественном порядке маркер субъекта стоял бы после подлежащего с его определениями («те чиновники»).

Magnates autem intellectu (*suo*) *ea non comprehendunt.*
Вельможи же своим пониманием этого не охватывают.

nom-nuγud inu [22] qotala nom-un činar anu :
Дхармы — [это] полностью качество всех дхарм.
Nom nogud anu chotola nomun tschinar anu.
Religio tota videlicet omnia (*continet*) *religionis explicatione.*
Вся религия, очевидно, содержит все объяснение религии.

qoγusun činar ber üneker nomlaγsan : nasuda
Пустотность — действительно проповедована. Всегда
Chogosun tschinar ber uneger nomlaksan, nasuda
Incorporeorum explicatio verè praedicata est, semper
Объяснение бестелесных поистине провозглашено всегда,

tarnis-un oron-ača tegün-dür inu : asida büküi-yi
от места дхарани (тарни) в него. Всегда всё
tarnis un oron eze tegun dur anu. Aschida bjukui ii
ab occulatione id dependet. Semper omnes id
от тайны это зависит. Всегда все это

üiledküi bolai ::
совершается.
uiledkui bolai.
invenire possunt.
найти могут.

Testimonivm interpretis, quod versioni suae adscipsit
Свидетельство (подпись) переводчика, чей перевод написан выше

@ — töbed [23] kelen-ni [24] bičig-yi mongγol-un
Записи [на] тибетском языке [на] монгольский
Urida Töböd kelenni bitschik ii Mongolun
Ante ex Tibetica lingua scriptum hoc in Mongolicam

[22] Искаженное написание: зубец i слишком короткий, но всего зубцов два (как в inu), а не три (как в anu).

[23] Перед словом kelen ‘язык’ есть только одно слово, которое по логике должно значить ‘тибетский’. При этом по написанию оно больше похоже на urida, буквально написано что-то вроде gurida/kurida. Это может (и должно быть) искаженное слово töbed ‘тибетский’.

[24] По нормам грамматики старомонгольского языка должно быть kelen-ü. Форма kelenni является разговорной (ср. совр. монг.: хэлний).

keleber orčiγuluγsan anu. Selengge-yin
язык переведенные селенгинского
keleber ortschiguluksan anu Selengein
linguam vertit (*apud*) *Selengiensem*

qariyatu tayiša Blôbzang-u ġelong
подданного тайши Лобсана гелон
chariatu taischa Lobsangi Gelun
subditum principem Lobsanum (*commorans*) *Gelun*

Čorǰi blam-a [25] orčiγulba [26].
Цорджи лама перевел.
Zordschi Lama ortschigulba.
Zordschi Lama vertit.

bičigsen [27] anu Daǰin bandi bičibei ::
Написанное послушник (банди) Дажин написал.
Bitschiksen anu Datschin Bandi bitschidei.
Scripsit Datschin Bandi scripsit.

[25] Графический элемент буквы l пропущен.
[26] Букв.: orrγulba.
[27] Букв.: bečigsen.

В. Б. Бородаев

ЛИСТ МОНГОЛЬСКОГО «ЗОЛОТОГО» ГАНДЖУРА ИЗ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ЛИНЧЁПИНГА С РУССКИМИ НАДПИСЯМИ 1720 ГОДА

DOI 10.25882/aptm-aj16

Сделан комментированный перевод кириллических надписей на монгольском листе «золотого» Ганджура, хранящемся в Городской библиотеке Линчёпинга (Швеция). Доказано, что записи русской скорописью выполнены в июле 1720 г., упомянутое лицо документально отождествлено.

В историческом контексте событий 1714–1721 гг. рассматривается хронология обнаружения буддийских монастырей в Южной Сибири в петровское время и процесс разорения их российскими военными.

Доказывается наиболее вероятное происхождение линчёпингского листа из монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат) на р. Иртыш либо (с очень малой вероятностью) из какого-то монастыря в Монголии, близкого к верховьям Енисея.

Прослеживается последовательность поступления буддийских рукописей из Сибири в Петербург и в страны Европы в 1718 — начале 1740-х гг. Отмечена высокая вероятность связи листа из Линчёпинга с собранием Ф. Страленберга, хотя возможны и иные варианты, связанные с именами других шведских пленников, покинувших Сибирь в 1722–1723 гг.

Указывается на перспективность изучения переписки Эрика Бенцелиуса младшего с Ф. Страленбергом и Т. З. Байером для прояснения вопроса о происхождении листа, ошибочно названного Ю. А. Стриндбергом «Codex Renatus Lincopensis».

Ключевые слова: Буддийские рукописи, кириллические надписи, русская скоропись, Линчёпинг, Семь Палат, Дархан-цоржийн-хийд, ниша Чурумал, Аблай-хит, Эрик Бенцелиус младший, Ю. Г. Ренат, Ф. И. Страленберг, Т. З. Байер

Историографическое введение

В Городской библиотеке шведского города Линчёпинга хранятся три листа рукописей на монгольском и тибетском языках с фрагмен-

тами канонических буддийских текстов. Эти материалы поступили в Швецию из России в XVIII в.

Один из таких листов под шифром OL3 принадлежал изготовленному на синей бумаге парадному манускрипту, текст которого был написан на монгольском языке золотыми буквами по черному фону. В конце 1870-х гг. он привлек внимание начинающего литератора Юхана Августа Стриндберга (1849–1912), позднее ставшего крупнейшим шведским писателем и драматургом. В 1867–1872 гг. Стриндберг учился в Уппсальском университете, который так и не окончил. В молодые годы он испробовал ряд профессий: работал учителем, журналистом, а в 1874 г. стал помощником библиотекаря Королевской публичной библиотеки в Стокгольме. В фондах Городской библиотеки Линчёпинга будущего классика шведской литературы заинтересовал лист монгольской рукописи, написанной золотом на сине-черной бумаге.

Стриндберг знал о своем земляке Юхане Густаве Ренате (1682–1744), шведском артиллеристе, который во время Северной войны в 1709 г. попал в русский плен и был сослан в Сибирь, где в начале 1716 г. вторично был взят в плен, теперь уже западными монголами-ойратами. Ренат прожил среди монголов более 17 лет. В 1733 г. ойратский правитель отпустил пленника, и он смог через Россию вернуться на родину. Свои привезенные из Джунгарского ханства редкости Ренат позднее передал в библиотеку университета Уппсалы, где учился Стриндберг. Писатель предположил, что появление в Городской библиотеке Линчёпинга красивого листа с буддийским текстом, написанным по-монгольски, также связано с возвращением в Швецию Рената. Хотя эта версия не имела никаких убедительных аргументов, она так увлекла молодого исследователя, что в своих записках он поэтично назвал лист с золотыми монгольскими буквами «Codex Renatus Lincopensis» [Rohnström, 1971: 294 (fig. 2), 296–297].

У листа, так заинтересовавшего Стриндберга, имелась еще одна удивительная особенность: на левом поле оборотной стороны располагались три строки рукописного текста на русском языке. Буквы кириллического алфавита были нанесены на бумагу с помощью пера и черных чернил, почерк соответствовал российской скорописи конца XVII – начала XVIII в.

Заслугой Стриндберга следует признать его внимание к этой надписи, верную идентификацию текста как написанного на русском языке и усилия, направленные на прочтение записи. В блокноте писателя сохранился листок с не слишком удачной попыткой скопировать графически три строчки этого текста, а также чей-то совершенно фантастический перевод срисованной надписи на современный ему русский язык [Rohnström, 1971: 302 (fig. 4)]. Первая попытка прочтения, предпринятая в XIX в., явно не удалась.

Записи Стриндберга с опытом расшифровки «Codex Renatus Lincopensis» затерялись в недрах Королевской публичной библиотеки на многие десятилетия. В середине XX в. они были обнаружены внутри тома «Грамматики монгольского языка». Подробному рассказу об этой находке посвящена статья Джона Ронстрёма (1916–1994), изданная в 1971 г. в трудах Королевской библиотеки.

Написанный золотом монгольский лист из Городской библиотеки Линчёпинга Ронстрём верно определил как фрагмент буддийского канонического текста и отнес рукопись к концу XVII — началу XVIII в. Он рассказал о работе Стриндберга с монгольским листом, дал исторический экскурс о Ренате, сообщил сведения о его предполагаемой встрече в 1735 г. с епископом Эриком Бенцелиусом младшим (1675–1743), жившим в Линчёпинге. Подчеркнув, что все записи, оставленные Бенцелиусом в этот период, не имеют никаких указаний относительно монгольской рукописи, автор констатировал, что связь монгольского листа с Ренатом умозрительна и порождена художественным вымыслом будущего классика шведской литературы [Rohnström, 1971: 300–302].

В этой связи Ронстрём предположил, что «ключ к происхождению этого листа, возможно, содержится в особенно трудночитаемой и трудноинтерпретируемой записке чернилами на одной короткой стороне (оборот листа, рис. b, табл. XVIII)» [Rohnström, 1971: 301]. В своей публикации он воспроизвел интересующую нас запись в три строки на цветной и черно-белой фотоиллюстрациях [Rohnström, 1971: pl. XVII; pl. XVIII, fig. b (verso)]. Для прочтения текста, выполненного русской скорописью, автор обратился за помощью к доценту Уппсальского университета Карин Давидссон (1920–2011). В статье был опубликован ее перевод трех строк, написанных кириллицей (s. 301):

> ⁜АѰК году июля въ [ѣ̃] де бѣлоярскои крѣст (= крѣстянин?)
> избошик (= извощик, извозчик?) Григо[рий] / Нечаевъ принялъ
> провъ (= провозъ?) х ка*ну* (?) / стоитъ гр*и*вну *ему* (?).

(Сохранена орфография и построчная разбивка публикации Ронстрёма. В статье вынесенные над строкой буквы были подчеркнуты сплошной линией, а буквы, в прочтении которых оставались сомнения, подчеркивались точечным пунктиром (здесь выделены курсивом); помещенная в квадратных скобках строчная буква «в» под титлом обозначала гипотетическую цифру «2». — *В. Б.*)

Надо отдать должное Карин Давидссон: она смогла прочитать непростой рукописный текст на русском языке и относительно верно перевела три основных смысловых момента записи — сведения о време-

ни, месте и персоне. Однако в целом предложенное прочтение далеко не во всем соответствует русской записи и требует многочисленных уточнений.

Несколько позднее появилась новая интерпретация кириллического текста, которая, несмотря на старания Ронстрёма и Давидссон, вновь уводила в область вымыслов о Ренате. В 1979 г. известный австрийский монголист Вальтер Хайссиг (1913–2005) в своей статье почему-то указал, что на оборотной стороне листа из Линчёпинга русской скорописью написано, будто бы лист поступил во владение Рената в 1720 г. [Heissig, 1979: 200–201; цит. по: Алексеев, 2014: 211].

Необходимость нового прочтения и комментария трех строк русской скорописи на монгольском листе из Линчёпинга была ясна уже в 2014 г., когда благодаря содействию Александра Валерьевича Зорина я получил возможность познакомиться с таким необычным источником по истории Южной Сибири. Издание в 2019 г. в Казахстане монографии по итогам комплексного изучения буддийского монастыря Аблай-хит и собственные архивные находки дали новый материал для осмысления кириллического текста, заставив вернуться к шведскому сюжету.

Выражаю искреннюю признательность А. В. Зорину за деятельную помощь в работе над этой статьей, в частности за содействие в получении цифровых копий линчёпингского листа [1], и Н. В. Ямпольской за сообщение сведений о кириллических надписях из Аблай-хита и любезно предоставленную возможность воспроизвести в моей работе ранее не опубликованную строку.

Уточненное прочтение кириллического текста

Запись из трех строк, написанных одинаковым почерком буквами русского кириллического алфавита, расположена на боковом поле монгольского листа. Текст выполнен черными чернилами, очевидно, с помощью традиционного для российских писцов пера. Небольшая утрата рукописной записи в конце первой строки уверенно восстанавливается, поэтому можно считать, что текст, написанный кириллицей, сохранился полностью (см. ил. 11).

При воспроизведении надписей, выполненных русской скорописью начала XVIII века, выносные буквы обозначаются нижним подчеркиванием; косой чертой отмечается конец строки; в квадратных скобках восполняются буквы, которых в оригинале нет.

[1] Цифровые копии листа и право его публикации были предоставлены Городской библиотекой Линчёпинга в электронном письме, отправленном библиотекарем Стиной Бродин А. В. Зорину 21.01.2020. (*Примеч. ред.*)

Надписи на поле монгольского листа

ѯАѰК году июля въ де бѣлоярской крѣсти збошик гри<*утрачено*> /
ночаевъ принялъ провъ у казу (?) /
стоитъ градъ пустъ /

Прочтение

1720 году июля въ де[нь] Бѣлоярской крѣ[по]сти збо[р]шик Гри[*горей*] /
Ночаевъ принялъ про[ти]въ (?) указу (?) /
Стоитъ градъ пустъ /

Комментарии

Расположенный на поле монгольского листа текст кириллического письма не имеет смыслового единства. Три строки текста, написанного кириллицей, судя по почерку, выполнены одним человеком. Однако образованы эти строки из нескольких не связанных по смыслу записей.

1. Основная, наиболее обширная и содержательная запись занимает верхнюю строку и левую часть средней строчки. Речь идет о жителе Белоярской крепости Григории Нечаеве.

В полном соответствии с канцелярским шаблоном того времени запись начинается с даты. Счет лет велся от Рождества Христова по юлианскому календарю, цифры «1720» традиционно написаны заглавными буквами кириллического алфавита «ѯАѰК». Титло над числовыми значениями славянских букв в надписи не просматривается: либо оно оказалось выше, в обрезанной части листа, либо этого знака не имелось изначально. Однако характерный знак тысячи (так называемый «хвост» [2] — дважды перечеркнутая наклонная линия, идущая вниз от буквы «А») совершенно определенно указывает на то, что буквами обозначен год 1720-й. Месяц июль написан словом. День не назван: в записи использована стандартная формулировка «в _ день», но число не обозначено, для него даже место не оставлено.

Буквосочетание «крѣстизбошик» Карин Давидссон трактовала как «крѣст (= крѣстянин?) избошик (= извощик, извозчик?)». С таким прочтением нельзя согласиться, поскольку слова «крестъ–крещеный–крестьянинъ» в XVIII–XIX вв. писались через «е». С буквой «ять» писались слова другого смыслового ряда: «крѣпкій–крѣпко–крѣпость» [Даль, 1881: 193–195, 209–210]. Поэтому верным представляется чтение «Бѣлоярской крѣ[по]сти збо[р]шик». Выпадение при написании слова целого слога необычно для канцелярских документов петровского времени, однако не будем забывать, что записи на чистом поле

[2] «Писмяна с хвостыма, те знаменуют тысящи» [Карский, 1901: 225].

буддийского листа неизвестный российский писец вел по собственной инициативе и для собственных нужд. Это обстоятельство, очевидно, позволяло употреблять необычные сокращения слов. Верность предлагаемой реконструкции слова «крепости» подтверждается документами, о которых пойдет речь ниже.

В Западной Сибири Белоярские ведомства существовали на Урале и в Верхнем Приобье. В конце XVII в. Белоярская слобода возникла в Зауралье на реке Пышма, правом притоке р. Туры. Судя по архивной описи, в 1719 г. там был «город рубленый», то есть деревянная крепость [Чупин, 1873: 239]. В 1717 г. на правом берегу Оби выше устья реки Чумыш, на Белом Яру, кузнецкими казаками была построена деревянная крепость, также названная Белоярской [Бородаев, Контев, 2015: 214–232].

Спустя два года в Кузнецком уезде проводилась перепись населения. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва) сохранилась подлинная «719-го году книга великого государя переписная города Кузнецка уездов Берского острога, Белоярской крепости и Мунгатцкого станца дворовому числу и в них людей мужеска полу от старости и до самаго младенца со взят[ь]ем сказок и с прикладыван[ь]ем рук» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 170–294 об.]. В этой книге при описании 17 дворов деревни Усть-Чумышской ведомства Белоярской крепости под номером 567 имеется запись:

«Во дворе оброчной человек Григорей Нечаев сказал от рождения себе сорок лет. У него сын Василей тринатцати лет.

И что он, Григорей Нечаев, в сей скаске сказал ложно или утаил хотя едину душу, повинен он смерте.

Вместо ево, Григор[ь]я, по ево прошению Гаврило Мензелинец руку приложил» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 267 об.].

Сами «сказки», то есть записанные рассказы жителей, были обширнее кратких сведений, заносившихся в переписную книгу. В них указывались происхождение, место выхода, время поселения, налоговое обложение, сведения о «верстании» (принятии на службу) в казаки, состав семьи (включая женщин), наличие пахотной земли и оброчных статей. В том же архиве удалось найти копию сказки 1719 г. жителя деревни «на Усть реки Чюмышу» Григория Кирилловича Нечаева:

(л. 70) «Во дворе оброчной Григорей Кирилов сын Нечаев сорока пяти [sic!] лет. Родом де он Сибирской губерни Соли Камской села Кривца тяглой крестьянин. Подати платил в казну великого государя денежные.

А из Усол[ь]я вышел в ѰА-м (701-м) году Тоболского уезду в Ышимские слободы и жил в Обацкой слободе в деревне Ировской лет з десят[ь] во драгунех, отправлял драгунскую всякую службы с ышим-

скими драгуны в ряд. А в Усол[ь]е де денежные подати вместо ево, Григорья, остался платит[ь] дядя его родной // (л. 70 об.) Полуян Нечаев. А в Ышимских слободах драгунскую службу оставил впусте.

А из Ышимских слобод в Кузнецкой уезд в Берской острог пришел в ΨДІ-м (714-м) году. И платил оброку по рублю на год. А под Белоярскую крепость приверстан в нынешнем ΨΘІ-м (719-м) году.

У него жена Анна Андреева дочь сорока лет, сын Василей тринатцати лет, дочь Василиса десяти лет.

Пашет он пашню и владеет сенными покосы в Белоярском чертеже на порожжей земле безоброчно и безотводно. А иных угодей и протчих промыслов у него никаких нет» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 214. Л. 70–70 об.].

Судя по тексту этого документа, записанного со слов Григория Нечаева, после выхода за Уральский хребет он долгое время проживал в слободах на реке Ишим, где состоял в драгунской службе. В 1714 г. самовольно («драгунскую службу оставил впусте») ушел с Ишима на правобережье Оби. Первоначально семья поселилась на границе Томского и Кузнецкого уездов, где вскоре возникло ведомство построенного в 1716 г. Бердского острога [Бородаев, Контев, 2015: 186–189]. Здесь Григорий числился оброчным крестьянином, платил денежный оброк за пользование землей. В 1719 г., незадолго до переписи, он вновь переселился, теперь в ведомство недавно возведенной Белоярской крепости. Причина такого перехода объяснена в сказке Григория Нечаева: он был «под Белоярскую крепость приверстан», теперь «пашет он пашню и владеет сенными покосы в Белоярском чертеже на порожжей земле безоброчно и безотводно». Это означает, что в новом ведомстве Григорий из оброчного крестьянина превратился в беломестного казака.

Государева жалованья такие казаки не получали, они служили за землю, освобожденную от податей. Безоброчные земли назывались белыми местами, поэтому и казаки, пахавшие эти земли, именовались беломестными. Практика принятия на службу за пользование землей была распространена в то время в ведомстве Белоярской крепости, где людей не хватало и местная власть стремилась закрепить переселенцев на новых местах [Булыгин, 1974: 26–27, 32]. Хотя в переписной книге житель Усть-Чумышской деревни Григорий Нечаев назван оброчным человеком, фактически с 1719 г. он являлся беломестным казаком, то есть состоял на государевой службе. В отличие от оброчных крестьян, жизнь казаков была значительно мобильнее; их отправляли с поручениями в различные поездки.

Нет никаких сомнений в том, что упомянутый в надписи на листе из Линчёпинга «Белоярской кре[по]сти збо[р]шик Григорей Ночаев» и

переселившийся в 1719 г. в ведомство Белоярской крепости Григорий Нечаев — это один и тот же человек. Поэтому написанное слово «збошик» можно реконструировать как «збо[р]шик» — лицо, уполномоченное собирать какие-то денежные суммы или иные ценности (подати либо пожертвования, например, на церковь). Заканчивается фраза глаголом «принял». Что принял Григорий Нечаев и где произошло это событие, в записи, к сожалению, не поясняется.

2. После глагола «принял» в правой части средней строчки написано: «провъ у казу (?)». Слово «провъ» читается четко и уверенно, а в следующем слове, наоборот, две последние выносные буквы малопонятны, но всё же более похожи на «зу».

В статье Ронстрёма это место прочитано и предположительно объяснено как «провъ (= провозъ?) х ка*ну* (?)». Такое осмысление текста явно неверно: поскольку хорошо различимое слово «провъ» бесспорно заканчивается твердым знаком, предложение читать его как «провозъ» вызывает решительное возражение; кроме того, среди выносных букв «н» точно нет.

В качестве альтернативы предлагается два гипотетических варианта объяснения этого наименее понятного отрывка русскоязычного текста на поле монгольского листа из Линчёпинга.

Во-первых, можно вслед за Карин Давидссон считать рассматриваемый отрывок продолжением предшествующей записи. В таком случае возникает вариант прочтения «принялъ про[ти]въ указу». Такое словосочетание не противоречит нормам языка XVIII–XIX вв., когда наречие «противъ» применялось в значении «сравнительно, сообразно с» [Даль, 1882: 539; Панин, 1991: 129]. Этот вариант вновь требует допущения, что писец при записи сократил слово на две буквы, чего в обычной канцелярской практике петровского времени будто бы не встречалось. Однако в первой строке, в словосочетании «Белоярской кре[по]сти», уже достоверно зафиксирован такой прецедент, что делает предложенное прочтение вероятным.

Во-вторых, можно допустить, что запись в правой части средней строки «провъ у казу (?)» является самостоятельной, не связанной по смыслу с предшествующим текстом. В этом случае ясно читаемое первое слово может означать только мужское имя Пров [Петровский, 1966: 183], смысл следующей короткой надписи остается неясным. Имя Пров — весьма редкое в России. В многочисленных сибирских документах XVII — первой половины XVIII в. упоминаний о мужчинах по имени Пров я не встречал. В целом первый вариант прочтения кажется предпочтительнее.

3. В третьей строке написана короткая фраза «Стоитъ градъ пустъ». Первые два слова сомнений не вызывают, в последнем необычна буква «п», но в целом иных вариантов прочтения не находится. Эта надпись не имеет отношения к записи о Григории Нечаеве. Весьма вероятно, что она каким-то образом связана с обстоятельствами обнаружения самого листа, которые были известны писцу; ведь использование для записей столь необычного материала не могло не вызвать любопытства. Несомненно, писец знал больше, чем мы, о происхождении этого листа с золотыми буквами, извлеченного из парадной рукописи на «калмыцком» языке. Не об этом ли прозрачно намекает фраза «Стоит град пуст»?

Пустым городом в то время могли называть именно заброшенный буддийский монастырь с сохранившимися постройками и остатками библиотеки. В качестве иллюстрации к этому тезису можно указать на один из пояснительных текстов изданной в Амстердаме в 1725 г. карты Российской империи. На левом берегу Иртыша там помечены знаками и подписаны монгольские монастыри «Ablaykyt», «Bostachankyt», «Otschurtochankyt». Над ними помещена надпись: «3 Villes desertes des Callmuckes» — «Три пустынных (необитаемых) города Калмыков» (рис. 1).

Рис. 1. Три опустевших буддийских монастыря в Прииртышье.
Фрагмент анонимной карты Российской империи,
изданной в Амстердаме в 1725 г.

Наряду с предложенной простой и рациональной версией о связи надписи с обстоятельствами находки листа, краткая, но ёмкая фраза «Стоит град пуст» может иметь и другие варианты объяснения, отсылающие нас в область русского фольклора.

В недавно изданной коллективной монографии об изучении Аблай-хита опубликован лист монгольской рукописи религиозного содержания с позднейшей кириллической надписью в одну строку, выполненной почерком XVIII в. На боковом поле листа рядом с буддийским текстом выведено по-русски: «Стоит град на пути», а выше пара букв «д», написанных той же рукою (см. ил. 12). Наталия Васильевна Ямпольская в своем комментарии справедливо указывала: «Судя по тому, что рядом с этим предложением два раза отдельно начертана буква *д*, перед нами результат упражнения в искусстве владения пером. Фраза, написанная неизвестным каллиграфом, — это цитата из древнерусского апокрифического текста „Беседа трех святителей“, состоящего из вопросов-загадок и ответов на них. Одна из загадок звучит так: „Стоит град на пути, а пути к нему нет; идет посол нем, несет грамоту ненаписану, дает читать безграмотному“. Ответ на нее: „Град есть Ноев ковчег плавал по водам потопным; а посол нем — то есть чистая голубица; а грамота неписана — масличный сучец, и принесе Ною в ковчег; а безграмотный — Ной праведный“» [Ямпольская, 2019с: 274–275, рис. 74].

Действительно, старинная библейская загадка о Ноевом ковчеге и голубе «Стоит град между небом и землей, а идет к граду посол нем, а несет грамоту неписаную» входила уже в ранние русские редакции «Беседы трех святителей» и была любима в средневековой Руси [Лурье, 1988: 91]. Загадка о «граде»-ковчеге и «немом после»-голубе бытовала в древнем Новгороде. Документальным подтверждением этого стала археологическая находка — ободок берестяной чашечки с надписью в две строки:

«Есть град между нобом и землею а к ному еде посол без пути
сам ним везе грамоту непсану»

При публикации эту находку датировали XV в., современные исследователи относят ее к середине XIV в. [Арциховский, Тихомиров 1953: 43; Зализняк, 2004: 617].

Широкое распространение в отечественной письменности «Беседа трех святителей» получила в XVI–XVIII вв. [Мочульский, 1893: 144–150]. С течением времени фольклорная эволюция изменила начальную фразу загадки о Ноевом ковчеге. В рукописи рубежа XVII и XVIII вв. встречаем новый зачин: «Стоял град на пути, а пути к нему нет, прииде к нему посол нем, принесе грамоту неписаную» [Пыпин, 1862: 171]. Такой вариант старинной загадки нашел отражение в упражнениях русского писца на листе из Аблай-хита [3].

[3] На оборотной стороне того же листа между строк монгольского письма имеется еще одна кириллическая надпись в одну строчку, выполненная другим почерком (см. ил. 13). Содержание этой строки я разобрать не смог. На-

В своем комментарии, посвященном этому листу с кириллической надписью, Н. В. Ямпольская напоминала о русском тексте на листе из Линчёпинга и прозорливо указывала: «В варианте прочтения, предложенном шведскими исследователями, надпись заканчивается словами „стоит гривну ему“, однако эти слова, как и вся надпись в целом, читаются с большим трудом. Самые четкие буквы („стоитъ гр“) совпадают с обнаруженной на рукописи Ms. 1 цитатой из „Беседы трех святителей“ — „Стоитъ Градъ“» [Ямпольская, 2019с: 275].

Как сказано выше, в нижней строке кириллического текста на листе из Линчёпинга написано «Стоитъ град пустъ». Дает ли эта фраза основание для ассоциации со старинной загадкой? На первый взгляд, нет. Поэтическое сопоставление Ноева ковчега с городом рисовало «град», наполненный жителями, а вовсе не опустевший корабль без обитателей. Казалось бы, в контексте библейской легенды фразы «Стоит град на пути» и «Стоит град пуст» противоположны по смыслу. Однако многовековая переработка популярного текста в народной среде оставила нам и такой нелогичный вариант: «Стоит град пуст, пути к нему нет, идет посол нем, несет грамоту неписану». Этот текст находится в конце рукописного «Азбуковника» XVII в. [Отчет ИПБ, 1885: 199–201] наряду с двумя записями разными почерками «Сия книга глаголемая алфавит» [РНБ, загадка]. Судя по имеющимся материалам, вариант с таким зачином единичен, в публикации русских загадок он не попал. Однако наличие этого текста не позволяет полностью отрицать связь короткой фразы на листе из Линчёпинга с начальной строкой русской загадки о Ноевом ковчеге.

В развитие этой темы добавим, что во второй половине XIX в. была зафиксирована русская загадка: «Стоит град пуст, а около града растет куст, из града идет старец, несет в руках ставец, в ставце-то взварец, а во взварце-то сладость» [Садовников, 1876: 180, № 1456; Даль, 1880: 195]. В сборнике Д. Н. Садовникова она помещена в рубрику «Подрезка мёда». Здесь пустым городом назван пчелиный улей. Документального подтверждения существования такой загадки в XVIII веке я не нашел.

Каких бы версий ни придерживался современный читатель относительно короткой фразы в нижней строке кириллического текста на листе из Линчёпинга, можно сказать вполне определенно, что с верхней записью о Григории Нечаеве фраза «Стоит град пуст» связана только личностью писца: все три строки начертаны одним почерком. Смыслового единства у этого текста не обнаруживается. Монгольский лист был использован писцом как подручный материал для различных

деюсь, что публикация второй кириллической надписи будет способствовать её прочтению.

записей. Подобный характер использования демонстрирует и лист с кириллическим текстом из Аблай-хита, опубликованный Н. В. Ямпольской. Наряду с фразой, обозначающей начало широко известной в XVIII в. загадки, на нем видны следы упражнений того же писца в каллиграфии.

Некоторые итоги

Записи российским письмом на поле буддийского листа имели частный характер — они были составлены каким-то грамотным человеком для себя на имевшемся в распоряжении писчем материале. На неофициальный статус справочной пометы о жителе ведомства Белоярской крепости Григории Нечаеве указывают элементы стенографии (совершенно нехарактерное для канцелярских записей выпадение слога в слове «крепости» и др.), соседство с фразой «Стоит град пуст» и сам характер выбранной бумаги.

Все три строки кириллического текста написаны одной рукой. Из этого следует, что надписи сделаны в коротком временном интервале, опорная дата которого указана в самой надписи — июль 1720 г. Упомянутый в тексте Григорий Нечаев выявлен и подтвержден документально. Белоярская крепость уверенно отождествляется с таковой на Верхней Оби. Время действия тоже не вызывает сомнений.

Использованный писцом канцелярский фразеологический шаблон определенно указывает на то, что запись синхронна событию. Это не помета «задним числом», выполненная долгое время спустя. Основной вывод проведенного анализа русскоязычного текста на поле буддийского листа из Линчёпинга можно сформулировать так: запись о Григории Нечаеве действительно была сделана в июле 1720 г.

Вопрос о происхождении листа в контексте сибирских событий 1714–1720 гг.

Лист из Линчёпинга входит в группу буддийских рукописей, попавших в распоряжение российских сибиряков еще до начала строительства Усть-Каменогорской крепости. Именно этим он интересен в историко-культурном контексте. После выхода в свет коллективной монографии, посвященной исследованиям Аблай-хита, вопрос о времени и обстоятельствах начала знакомства приграничных сибирских жителей с рукописным наследием заброшенных буддийских молелен неожиданно приобрел полемическую остроту. Попробуем осветить этот период, опираясь на документальные материалы российских архивов и свидетельства очевидцев.

Второе десятилетие XVIII в. стало временем активной военной экспансии Российского государства вверх по Иртышу, Оби и Енисею. Сложившаяся столетием ранее граница с западными монголами-ойратами была отодвинута до Алтайских и Саянских гор. В это время на правобережье Иртыша и Верхней Оби появились линии российских крепостей, на Енисее возник Саянский острог (см. ил. 14). Процесс военного продвижения к Алтаю и Саянам был обусловлен именными указами Петра I (1672–1725) и в связи с этим делится на три хронологических этапа [4].

Май 1714 г. – январь 1716 г. План захвата ойратского города Эркет (Яркенд) предложил Петру I сибирский губернатор Матвей Петрович Гагарин (1658–1721). Ойраты в источниках того времени фигурировали под именем «калмыков», а титул их правителя хунтайджи русские выговаривали и писали как «контайша». Во время своего приезда в столицу в начале 1714 г. Гагарин показал царю золотой песок, купленный в Тобольске, объяснил, что это золото добывают около города Эркет во владениях контайши, и предложил организовать поход с целью захвата столь желанных для России промыслов. Письменно он сообщил царю, что путь к драгоценной россыпи «лежит от Тоболского до половины рекою Иртышем. … И от той реки на калмыцкое кочевье, где ныне кочюет контайша». По мнению Гагарина, для продвижения по калмыцким степям требовалось построить цепочку крепостей. Первое укрепление следовало возвести на берегу Иртыша около Ямышевского озера, откуда намечался поворот в степь.

На доношении сибирского губернатора Петр I 22 мая 1714 г. написал: «Построить город у Ямыш озера, а буде мочно и выше. А построя крепость, искать далее по той реке вверх, пока лотки пройти могут». Руководителем военной экспедиции царь назначил подполковника Ивана Дмитриевича Бухолца (1672–1741). В ноябре 1714 г. он прибыл в Тобольск, 30 июня 1715 г. Бухолц с многочисленным отрядом отправился в плавание вверх по Иртышу и достиг Ямышевского озера лишь в октябре. Здесь отряд построил крепость и остановился на зимовку. В феврале 1716 г. военный лагерь был атакован ойратами. Блокада продолжалась до конца апреля, она привела к большим потерям среди осажденных. Как только Иртыш освободился ото льда, остатки войска покинули крепость и уплыли в российские пределы.

---

[4] Подробное изложение описанных ниже событий и документы, рассказывающие об этом, см.: [Бородаев, Контев, 2015: 105–334]. Все цитаты взяты из указанного текста. Электронный вариант книги с функцией поиска размещен на сайте ИВР РАН:

http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/b_borodaev_kontev_2015.pdf

Январь 1716 г. — январь 1719 г. На втором этапе продвижения к Алтаю и Саянам были изменены цели и задачи уже начатой военной операции. К тому времени в Россию вернулся Федор Трушников, специально посланный в 1713 г. из Тобольска к ойратам «для проведыванья о промыслу в Калмыках золота». Побывав во владеньях хунтайджи, он узнал, что в Яркенде промысел золота прекращен. После этого из Урги Трушников уехал в Китай, где собрал сведения о золотодобыче китайских калмыков близ озера Кукунор и тангутов в Тибете на реке Алтын-гол (истоки р. Хуанхэ). В подтверждение своих слов он привез из Китая золотой песок. В январе 1716 г. Гагарин в столице представил своего разведчика лично Петру I. Сведения Трушникова привели к существенной корректировке первоначального плана по овладению золотоносными промыслами соседнего государства. Теперь целью становились месторождения на территории Китая.

Продвижение к золотоносным районам, о которых сообщил Трушников, требовало выхода на южные склоны Алтае-Саянских гор. Для этого необходимо было подняться к истокам Иртыша, Оби, Енисея и даже Селенги, а затем перевалить через водораздельные хребты.

После одобрения такого плана Петром I Гагарин, ссылаясь на именной указ царя, послал в январе 1716 г. приказ иркутскому коменданту «зделать город и умножить людьми на озере Косогол, из которого выпала река Селенга». В октябре 1717 г. он сообщил Петру I, что «на Косоголе озере, из которого течет река Селенга… город зделан; и ныне в том городе сто человек казаков оставлено».

Другим направлением военного проникновения в сторону Кукунора стало движение к истокам Енисея. По словам Гагарина, он в 1716 г. «доносил его величеству в Питербурхе, что на Енисейских вершинах конечно надобно строить городы; которые вершины подошли в близости к тем местам, где Трушников у калмыков купил золото в тех местах, где копали те калмыки». Получив именной указ Петра I, Гагарин, наряду с распоряжением, посланным в Иркутск, отправил приказ о строительстве новых крепостей коменданту Красноярска. У северных отрогов «Саянского камня» тот должен был выбрать место, где удобно «зделать острог, или рубленую, или земленую крепость». Одновременно требовалось послать разведочный отряд вверх по реке до енисейского Большого порога с целью найти «у того порогу место, где б над тем Первым Болшим порогом зделать город или острог». Конечной точкой предписанного маршрута было устье «реки Кеми, которая впала в реку Енисей выше Саянского камени». Речь шла о современной реке Хемчик, левом притоке Верхнего Енисея. По представлениям Гагарина, эта река впадала в Енисей южнее («выше») Саянских гор. Таким образом, по замыслу губернатора красноярским разведчикам

поручалось, двигаясь вдоль Енисея, пересечь Саянские горы и выйти к их южным отрогам, откуда степью было уже не так далеко до китайских золотых россыпей. «И на той реке, — приказывал Гагарин, — явить тем посланным имянной указ великого государя: велено на усть[е] той реки Кеми в удобном месте на Енисее зделать город, и чтоб к ним ходить рекою Енисеем судами».

В апреле 1717 г. из Красноярска был послан вверх по Енисею разведочный отряд численностью 30 человек во главе с Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым. В начале мая лодки достигли Большого Саянского порога, затем поднялись до устья современной реки Хемчик. Осмотрев место, Еремеев и Нашивошников пришли к выводу, что из-за отсутствия леса строить здесь крепость нецелесообразно. При знакомстве с окрестностями казаки прошли до следующего левого притока Енисея — речки Чжакуль (совр. р. Чаа-Холь). Здесь разведчики обнаружили высеченную в скале буддийскую нишу с вытесанными фигурами каменных идолов [5]. Внутри находилось множество рукописей, часть из которых казаки привезли в Красноярск.

В то время на развалинах прииртышских монастырей сибирские военные еще не бывали, хотя Иртыш оставался единственным районом, где в 1716 г. велось крепостное строительство, связанное с российским военным продвижением в Центральную Азию. Царский приказ плыть по Иртышу «вверх, пока лотки пройти могут» сохранял актуальность. В июле 1716 г. из Тобольска на Ямышевское озеро был направлен отряд во главе с полковником Федотом Алексеевичем Матигоровым, который рядом с полуразрушенной крепостью Бухолца построил «малый острог» и перезимовал в нем, выдержав длительную осаду ойратов.

В марте 1717 г. Гагарин извещал царя: «А к Ямышеву для строения немалой крепости отправляю вскорости». Руководителем строителей большой Ямышевской крепости, который должен был сменить Матигорова, губернатор назначил подполковника Прокофия Степановича Ступина. Сразу после вскрытия Иртыша он с многочисленным отрядом отплыл к Ямышевскому озеру и к осени восстановил большую крепость.

Тогда же от Ямышева вверх по Иртышу Ступиным был отправлен разведывательный отряд из капрала, 14 солдат и грамотного человека для описания водного пути. Никаких документальных свидетельств об

---

[5] Современное название этой скальной буддийской часовни — ниша Чурумал-бурханныг в горе Сюме.

Основоположник научного изучения средневековой Тувы Леонид Романович Кызласов (1924–2007) датировал нишу близ устья р. Чаа-Холь (Чурумал-бурханныг) XIII–XIV вв. [Кызласов, 1969: 144, 151].

этой экспедиции не найдено, о ней известно только по короткому сообщению Г. Ф. Миллера: «Obrist-Lieutenant Stupin im Herbste des 1717. Jahres … einen Corporal mit 14 Mann Soldaten und einen Schreiber zu Wasser dahin abschickte, die den ersten umständlichen Bericht davon überbrachten. Dort sind die ersten Tangutischen Schriften gefunden worden» [Müller, 1760: 256]. Участники плавания первыми достигли развалин буддийского монастыря Дархан-цоржийн-хийд (монг. Darqan čorǰi-yin keyid), позднее известного у русских под названием Семь Палат, где, по словам Миллера, были найдены первые буддийские («тангутские») рукописи.

Получив сведения об удобном для проживания месте, Ступин в октябре 1717 г. послал отряд из трехсот человек во главе с Борисом Александровичем Чередовым «для дела крепости на урочище у болших полат». Отряд поднимался по Иртышу поздней осенью и не успел достичь цели до заморозков. Зимовать пришлось в небольшом наскоро построенном укреплении на Калбасунской протоке. В пункт назначения казаки прибыли весной 1718 г. Семипалатную крепость Чередов заложил в недалеком расстоянии [6] ниже Семи Палат. Летом того же года полковник Федот Матигоров вернулся из Тобольска в Ямышевский форпост, а Прокофий Ступин отправился руководить возведением Семипалатной крепости. Осенью строительство было закончено. Теперь неподалеку от Семи Палат размещалось командование военной экспедиции, здесь же находился многочисленный гарнизон, представители которого, несомненно, неоднократно бывали на месте заброшенного монастыря.

К осени 1718 г. были построены на Енисее — Саянский (Подкаменный) острог у подножия Саян, в верховьях Оби — Белоярская крепость и около северных отрогов Алтая Бийская крепость. В Красноярске и Кузнецке уже были получены распоряжения сибирского губернатора о строительстве крепостей на Большом пороге Енисея и на Телецком озере в истоках Бии. На Иртыше готовились к продвижению на озеро Зайсан. Одобренный царем в январе 1716 г. план Матвея Гагарина подняться по сибирским рекам и перевалить через южные горы, отделявшие Сибирскую губернию от китайских золотоносных месторождений, в течение 1716–1718 гг. начал реализовываться.

Однако в 1718 г. Гагарин неожиданно для него впал в немилость. С весны, после его прибытия в столицу, начались допросы по эконо-

[6] Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), посетивший развалины монастыря в 1734 г., в своих записках сетовал на путь, «который был очень труден для лошадей», и определял расстояние от крепости до Семи Палат примерно в 16 верст [Gmelin, 1751: 215]. Геодезист Василий Михайлович Шишков, посетивший те же места в 1737 г., расстояние между крепостью и монастырем оценил в 10 верст [Бородаев, Контев, 1999: 127].

мическим делам. Помимо злоупотреблений в торговле с Китаем его обвиняли в недоборе налогов, которые должны были поступать в государственный бюджет из губернии, и в «утайке сибирских разных зборов». В Сибирь Матвей Петрович Гагарин уже не вернулся. По результатам деятельности следователей-гвардейцев 11 января 1719 г. он был официально отстранен от должности и взят под стражу.

Январь 1719 г. — январь 1721 г. На третьем этапе продвижения в Алтае-Саянские горы царь вновь изменил цели и задачи широкомасштабной военной операции, начатой в Сибири по инициативе Гагарина. В январе 1719 г. Петр I приказал «о нем, Гагарине, сказывать в городех Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недоброй человек, и в Сибири уже ему губернатором не быть». В соответствии с этим военная авантюра стала приобретать негативный оттенок. Годы шли, расходы немалые, а до чужого золота по-прежнему было далеко.

18 января 1719 г. Петр I подписал указ об отправке в Сибирь гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева (1676–1728). Он начинался словами: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшаго губернатора Гагарина». Кроме следствия Лихареву поручалось, во-первых, проверить верность сведений «о золоте эркецком, подлинно ль оное есть»; во-вторых, «старатца сколко возможно, дабы дойтить до Зайсана озера» и построить там крепость; в-третьих, «проведывать о пути от Зайсана озера к Иркети». Мысли и дела Петра I вновь вернулись к золоту Яркенда. Вопрос о строительстве острогов в Саянах и на Телецком озере потерял смысл и отпал сам собою.

В апреле 1719 г. Лихарев со своей командой прибыл в Тобольск, где занялся следствием по делу Гагарина и сбором сведений об «эркецком» золоте. Военным продвижением в верховья Иртыша руководил Прокофий Ступин, которому Лихарев направил приказ «итти ему из Семиполатной крепости вверх Иртыша реки и по усмотрению ево, где надлежит, построить вновь крепость». Летом 1719 г. ниже устья реки Убы была возведена Убинская крепость. От нее до Алтайских гор оставалось меньше недели плавания.

Царское предписание дойти до озера Зайсан Лихарев выполнил в 1720 г. В начале мая его отряд отплыл из Тобольска. Двигаясь «днем и ночью», флотилия 19 июня достигла Семипалатной крепости, 22 июля лодки поднялись на озеро Зайсан, через два дня вошли в Черный Иртыш и до конца июля продвигались к его истокам. 1 августа произошло вооруженное столкновение с ойратами. На следующий день состоялись переговоры, после чего участники экспедиции «от тех мест возвратились, опасаясь от них, чтоб от контаиши не прибыл сикурс». Лихарев спустился по Черному Иртышу на Зайсан, «а вышед ис того озера, прошед Камень, при устье зделал крепость Устье каменных

гор». Таким образом, на место будущей Усть-Каменогорской крепости отряд прибыл к середине августа 1720 г.

Заложив новый российский форпост, гвардии майор поручил его строительство прибывшему из Семипалатной крепости подполковнику Ступину, а сам спешно возвратился в Тобольск, откуда выехал в Петербург. После знакомства с результатами экспедиции Лихарева Петр I отказался от планов военного продвижения в Центральную Азию. 19 января 1721 г. царь написал в своем указе: «С контайшею зделать мир».

Хронология обнаружения первых буддийских листов в Сибири

До августа 1720 г. российские сибиряки и жители Петербурга уже держали в своих руках буддийские рукописи из заброшенных ойратских молелен. Лист из Линчёпинга входит в эту группу наиболее ранних приобретений. Чтобы понять, откуда он мог происходить, рассмотрим кратко сведения о появлении буддийских рукописей в России в 1710-е годы [7].

По словам Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), «До Бухгольцовского похода… никто о найденных в Сибири неизвестных письменах не упоминал» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 58].

Впервые листы буддийских рукописей из заброшенной молельни привезли в Россию красноярские казаки, побывавшие в мае 1717 г. на устье реки Чжакуль. Судя по всему, красноярский воевода не придавал значения этой находке и никаких официальных сообщений о них в Тобольск не направлял. Часть необычных листов оставалась в Красноярске до 1722 г., когда туда приехал Даниэль Готлиб Мессершмидт (1685–1735), который поселился у Ивана Нашивошникова, одного из руководителей экспедиции 1717 г. К тому времени «бóльшая часть листов успела пойти мальчикам на хлопушки. Заметив это, Мессершмидт упросил хозяина уступить ему остальные и без особого труда, с разрешения тогдашнего красноярского воеводы, добыл их», — рассказывал Миллер в своей неизданной рукописи [Радлов, 1894: 75]. В 1735 г. при посещении Красноярска историк сам беседовал с Нашивошниковым и взял у него письменные показания, в которых Иван сообщал: «И будучи выше Кемчуга реки за Саянским камнем на речке Чжакуле, и нашел в каменной пещере татарских писем на синей бумаге многое число, и взял я из тех писем листов с дватцать, и привез с собою в город Красноярск» [Радлов, 1894: 78]. В своем исследовании

[7] Основные тезисы этого раздела уже изложены в работах А. В. Зорина [Зорин, 2015; 2020; Zorin, 2015].

Миллер, тщательно собиравший информацию о находке 1717 г., писал об обладателях рукописей во множественном числе: «Они, возвратясь в Красноярск… привезли с собою несколько листов расписанной золотыми и серебряными буквами синей и черной бумаги» [Радлов, 1894: 75]. Таким образом, листы буддийских рукописей на сине-черной бумаге с текстом, написанным золотыми буквами, к июню 1717 г. могли быть у нескольких жителей Красноярска [8].

В сентябре-октябре 1717 г. в Ямышевскую крепость вернулся разведывательный отряд, который впервые доплыл до развалин монастыря Дархан-цоржийн-хийд, вскоре получивших русское название Семь Палат. По свидетельству Миллера, в составе отряда был «Schreiber zu Wasser», который представил подполковнику Ступину «первый обстоятельный отчет» [Müller, 1760: 256]. О доставке образцов рукописей ничего не сообщается, хотя это кажется вполне вероятным.

В мае 1718 г. в недалеком расстоянии от Семи Палат, ниже по Иртышу, была заложена Семипалатная крепость, после чего началось активное освоение окрестностей сотнями строителей. К осени возведенная крепость стала передовым российским форпостом на Иртыше. После переезда сюда Ступина она должна была еще более наполниться войсками.

---

[8] Скальная ниша Чурумал позднее изредка посещалась красноярскими жителями. Сохранилось краткое описание ее казаком Дмитрием Шаровым, участником плавания 1717 г., который в 1721 г. «у помянутой пещеры был» [Радлов, 1894: 76]. Любопытно, что в конце того же, 1721-го, года в Абаканском остроге на Енисее Д. Г. Мессершмидт смог приобрести «монгольские рукописи… на черной бумаге с золотыми письменами (без указания количества)» [Зорин, 2021: 307, 318], что хорошо согласуется с находками 1717 г. Следующую экспедицию из Красноярска к устью Хемчика и далее вверх по Енисею организовали в 1726 г. Она была связана с российско-китайским разграничением. Посещение рукотворной «пещеры» вновь привело к поступлению в Красноярск листов буддийских рукописей [Радлов, 1894: 75–77].

А. В. Зорин, посвятивший отдельную статью тибетским рукописям из Абаканского острога, подозревает, что «Мессершмидт, в конце 1721 г. находившийся в Абаканском остроге, получил там несколько листов из Семи Палат или Аблай-хита (или из обоих). …К концу 1721 г. рукописи из Аблай-хита вполне могли достичь Абаканского острога и попасть к нему» [Зорин, 2021: 307]. Если это мнение верно, то в окраинной крепости на Енисее в 1721 г. теоретически могли собраться буддийские листы сразу из всех трех молелен, разорявшихся российскими военными. Осталось только изобразить на карте путь, по которому рукописи Семи Палат и Аблай-хита гипотетически были доставлены в Абаканский острог. В то время ближайшая дорога с Иртыша на Енисей начиналась из города Тары (ил. 14), далее через Чаусский острог и Томск она приводила в Красноярск, откуда до места приобретения листов было уже не слишком далеко.

Официальных канцелярских документов о находках буддийских листов среди развалин Семи Палат в архивах не выявлено. Однако имеются вполне определенные и довольно многочисленные частные свидетельства таких находок, которые достаточно убедительны.

Хронологически наиболее ранними являются записи Христиана-Фридриха Вебера, ганноверского резидента при дворе Петра I, который с февраля 1714 г. жил в Петербурге. Вебер покинул Россию в октябре 1719 г. [Беспятых, 1991: 16–17]. Уже в 1721 г. он издал в Ганновере первую часть своих записок под названием «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия»). При описании Петербурга Вебер рассказал о Кунсткамере — «превосходнейшем кабинете редкостей», где хранились старинные вещи, полученные царем «изо всех азиатских областей». В частности, он упоминал «древности, которые найдены были у Каспийского моря в разных развалинах языческих капищ и молелен, в 1716 и 1718 гг., и которые состоят из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых еще рукописей на пергаменте (они были у меня в руках)» [Вебер, 1872: 1420].

По мнению исследователей, Вебер держал в руках листы буддийских рукописей из какого-то заброшенного ойратского монастыря [Зорин, 2015: 104; Ямпольская, 2019а: 197]. Связывать эти находки с Аблай-хитом не позволяет отъезд Вебера из России осенью 1719 г. К этому времени Иван Михайлович Лихарев еще находился в Тобольске и только готовился к плаванию по Иртышу, до закладки Усть-Каменогорской крепости оставался почти год. Остается признать, что до обнаружения Аблай-хита в Петербурге уже были буддийские рукописи из Сибири другого происхождения.

О находках буддийских листов в развалинах Семи Палат первым упомянул шотландский врач и путешественник Джон Белл (1691–1780). Он приехал в Тобольск в середине декабря 1719 г. и покинул город 9 января 1720 г. [Белл, 1776: 164, 180]. В своих путевых записках, в разделе о реке Иртыше, Белл, пользуясь опросными сведениями, рассказал про Семь Палат: «Сие строение, сколько мог я о том уведать, состроено из кирпичей или камней и пребывает еще во всей своей целости. …Многия из сих комнат набиты свитками лакированныя бумаги, на которой находятся золотыя писмена. Некоторые из сих свитков черны; но бóльшая их часть еще бела. Буквы сии написаны на Тунгусском или Калмыцком языке». Далее Белл рассказывал, как он встретил на улице в Тобольске солдата, «который держал в своих руках несколько из сих свитков, которые и купил я у него за весьма дешевую цену». «Я их сохранил до возвращения моего в Англию, — сообщал Белл в своей книге, — где их роздал некоторым моим друзьям и между прочими ученому в древностях мужу, г. Гансу Слоану, кото-

рый дал им место в своем кабинете» [Белл, 1776: 173]. В настоящее время часть этих листов хранится в Британской библиотеке [Ямпольская, 2019b: 219–221].

Когда Джон Белл уезжал с приобретенными рукописями из Тобольска, Иртыш был скован льдом, до начала плавания Лихарева оставалось ровно четыре месяца, а до закладки Усть-Каменогорской крепости более восьми месяцев. Даже если бы шотландец ничего не объяснил своим читателям о месте находки рукописей, которые он приобрел в Тобольске, хронологические рамки события не оставляли бы нам выбора (см. табл. 1). Допустить, что это листы с Енисея, вряд ли решатся даже закоренелые фантазеры. Единственным местом, где в руки солдат могли попасть буддийские листы в 1719 г., были Семь Палат.

Летом 1734 г. Миллер сам осмотрел руины монастыря и оставил в путевом дневнике следующую запись: «26 июля приехали в Семипалатную крепость… На другой день ездили мы к старинным развалинам так называемых Семи Палат, по которым и крепости дано звание. Сии Семь Палат наипаче славны по обретенным прежде сего в оных тангутским письмам» [Радлов, 1894: 87–88]. Попытки найти среди жителей крепости свидетелей, способных рассказать про монастырскую библиотеку, дали неожиданный результат. В своей статье, изданной после возвращения из Сибири, Миллер сообщал: «Жители… утверждают, что, сколько они помнят, там никаких цельных листов найдено не было, и говорят, что все листы добыты из Аблайкитских развалин». Однако это не поколебало уверенности ученого в том, что именно из Семи Палат поступили первые буддийские листы в Петербург: «Те, которые впервые сибирским воеводою поднесены были Петру Великому, по общепринятому мнению, добыты оттуда» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 58–59]. В 1718–1719 гг. эти листы с Иртыша разглядывал в Петербурге Х.-Ф. Вебер. Ни дата подношения царю рукописей из Семи Палат, ни фамилия сибирского губернатора Миллером не названы. Это мог быть либо М. П. Гагарин (в 1718 г.), либо А. М. Черкасский (в 1719 г.). Тезис о том, что первые известные науке «тангутские» письмена происходили именно из Семи Палат, Миллер повторил и в своей поздней статье: «Dort sind die ersten Tangutischen Schriften gefunden worden» [Müller, 1760: 256].

Наконец, ученый не обошел вниманием ошибку своего коллеги по Академии Теофила Зигфрида Байера (1694–1738), который в сочинении «Museum Sinicum» (1730) соединил сведения о Семи Палатах со сведениями о Лозановых палатах — ламаистских монастырских постройках на реке Тесь, расположенных южнее верховий Енисея. По мнению Миллера, «Байер же, недостаточно знакомый с географией тех

стран, по-видимому… неправильно понял, под влиянием прежнего ошибочного убеждения, что Семь Палат — единственное место, в котором найдены тангутские рукописи» [Müller, 1747: 457–459; цит. по: Радлов, 1894: 81].

Таким образом, анализ текстов Миллера показывает, что вплоть до середины XVIII в. члены Петербургской Академии наук однозначно связывали первое поступление буддийских рукописей в российскую столицу с монастырем Семь Палат.

Того же мнения придерживался и Д. Г. Мессершмидт. На своей рукописной карте он отметил на берегу Иртыша «Sem-palati» и добавил пояснение: «…в которых найдены тангутские книги, привлекшие внимание парижан и всей Европы» [Зорин, 2020: 208].

В недавно изданной монографии, посвященной исследованиям Аблай-хита, Наталия Васильевна Ямпольская правильно сформулировала проблему: «Возникает необходимость объяснить тот факт, что уже в 1734 г., по свидетельству Г. Ф. Миллера, там [в Семи Палатах. — *В. Б.*] не осталось и следа от множества рукописей» [Ямпольская, 2019а: 204]. Действительно, этот вопрос требует развернутого ответа.

Как показано выше, нет никаких сомнений в том, что существовавший многие десятилетия монастырь Дархан-цоржийн-хийд имел библиотеку, причем значительную. Мне представляется, что в этом едины все исследователи. Например, Н. В. Ямпольская начинает свой обзор с констатации: «Монастырь Дархан-цорджи мог быть одним из центров буддийской учености, где шла работа по переводу и переписке книг», затем представляет перевод выразительного отрывка из записок Белла с описанием Семи Палат со слов очевидцев 1719 г.: «Несколько из этих комнат наполнены свитками глянцевой бумаги с изящными письменами, и на многих из них золотые буквы» [Ямпольская, 2019а: 191–192].

Стремительное исчезновение этого собрания рукописей я связываю с расхищением библиотеки российскими военными в 1718–1720 гг. На мой взгляд, ключ к пониманию дает описание листов из Семи Палат, которое сделал генерал Вильгельм де Геннин (1676–1750), с 1722 г. возглавлявший Сибирское горное начальство в Екатеринбурге. Молодые годы генерала от артиллерии были пропитаны пороховым дымом фейерверков и сражений. Его краткий рассказ о Семи Палатах интересен тем, что это единственная характеристика монастырской библиотеки, оставленная не ученым, а человеком военным: «Когда те полаты чрез подполковника Ступина в 1716-м году [9] обретены были, — сообщал Геннин, — тогда в них найдено множество писем, писанные на картузной доброй черной, белой и на синей бумаге и

[9] Так в опубликованном тексте рукописи. Речь идет о событиях 1718 г.

на пергаменте словами золотыми, серебреными и чернилами» [Геннин, 1937: 626].

Картузом в XVIII в. называли бумажный сверток с порохом для заряда, а также сверток с табаком [10]. Картузная бумага — это толстая бумага большими листами, которая шла на изготовление упаковки [Словарь Академии, 1792: 454]. Если в Петербурге поднесенные царю листы попали в 1718–1719 гг. в Кунсткамеру, то военные на берегах Иртыша в таких же рукописях, судя по характеристике Геннина, видели «добрую картузную бумагу», необходимую для хранения пороха и для иных армейских нужд.

Для полноты картины следует добавить, что в 1718–1720 гг. именно Семипалатная крепость была передовым форпостом на Верхнем Иртыше, где происходила концентрация войск. Осенью 1720 г. гарнизон главного города Сибири — Тобольска составлял 113 человек, Омской крепости — 458, Ямышевской — 370, на строительство Усть-Каменогорской Лихарев оставил 363 человека, а в Семипалатной крепости находилось 1909 военных — больше, чем суммарно во всех остальных линейных гарнизонах [Бородаев, Контев, 2015: 351]. При этом не будем забывать, что монастырская библиотека находилась в шаговой доступности от крепости. В таких условиях, выражаясь языком геологов, Семипалатинское «антропогенное месторождение» высококачественной картузной бумаги, необходимой в военном деле, могли выбрать очень быстро, в течение двух-трех лет, пока совершались иртышские походы.

Еще какое-то время было нужно для того, чтобы полностью довершить разорение. Вполне допустимо, что к середине 1720-х гг. в монастырской библиотеке остались только ни на что не годные обрывки подгнивших листов. Миллер, который осматривал эти остатки в июле 1734 г., позднее писал: «До нашего времени дошло лишь очень немного маленьких листочков, до такой степени истрепанных и изъеденных, что кажутся письменами, издавна сделавшимися жертвою червей и гниения. Вряд ли они еще были целы уже в то время, когда из Сибири были привезены первые рукописи» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894: 59].

Первые рукописи из Сибири были привезены в Петербург до октября 1719 г., поскольку упоминания о них имеются в дневнике Вебе-

[10] Слово «картуз» пришло в Россию во времена Петра I как заимствование из европейских языков, где означало «бумажный кулек» (из ит. carta, лат. charta — ‘бумага’). В русском языке это слово с конца XVII в. употреблялось в значении «мешочек с порохом, патронами», «пушечный заряд», «бумажный кошель» [Фасмер, 1986: 204]. Значение «вид фуражки» появилось позднее: в первой половине XVIII в. головной убор в Сибири называли «карпуз», через букву «п» [Панин, 1991: 59].

ра. В феврале 1721 г. в длительную поездку по Европе был отправлен Петром I его библиотекарь Иоганн Даниэль Шумахер (1690–1761). Осенью в Петербурге получили сообщение об открытии Аблай-хита и шесть листов рукописей, которые были посланы царю в августе 1721 г. сибирским губернатором из Тобольска. Поступившие в Кабинет Петра I восточные рукописи должны были передать лейб-медику Лаврентию Лаврентьевичу Блюментросту (1692–1755), заведовавшему Императорской библиотекой и Кунсткамерой. Ранее именно ему монарх поручил поддерживать научные контакты с Парижской академией наук, членом которой Петр I был избран в 1717 г. [Пекарский, 1862: 533; Княжецкая, 1974: 267]. Президентом Академии наук в Париже в то время был аббат Жан-Поль Биньон (1662–1743), с 1719 г. одновременно руководивший Королевской библиотекой Людовика XIV [Порше, 1938: 48]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что один из листов с неизвестными письменами Блюментрост решил послать Биньону. Сделано это было через Шумахера, который в июне 1722 г. в Голландии получил указ о возвращении его в Россию [Пекарский, 1862: 546], а также лист тибетского письма вместе с распоряжением своего начальника отправить загадочную рукопись Биньону. На то, что это распоряжение исходило не от Петра I, указывает фраза из письма Шумахера Биньону, написанного 18 июня 1722 г.: «J'ay trouvé cet original... avec ordre de vous le faire rendre» («я нашел этот оригинал... с приказом препроводить его вам») [Порше, 1938: 50; Зорин, 2020: 211, примеч. 48]. Об указе монарха говорилось бы иначе.

1 февраля 1723 г. Биньон подготовил письмо Петру I с латинским переводом тибетской рукописи, выполненным братьями Фурмон. По неясным причинам отправлено оно было лишь 7 декабря [Порше, 1938: 58, примеч. 1]. В феврале 1724 г., Блюментрост ответил Биньону, что император остался доволен переводом. «Он приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей. Часть рукописей была повреждена временем и изъедена червями» [11] [Княжецкая, 1989: 22–23].

[11] В кавычки взят пересказ текста письма Блюментроста, выполненный Екатериной Андреевной Княжецкой и опубликованный в статье, вышедшей после смерти автора. Очевидно, перевод письма был сделан самой Княжецкой, которая ранее читала и публиковала подобные документы [Княжецкая, 1974]. В одной общей ссылке указано, что переписка хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 184–185 и Д. 8. Л. 82–83, 162–163) [Княжецкая, 1989: 33, примеч. 12]. К сожалению, этот чрезвы-

Приведенная выдержка, рисующая ситуацию в Семи Палатах на 1723 г., — лучшая иллюстрация к моему ответу на вопрос, сформулированный Н. В. Ямпольской. Если в 1719 г. информаторы Белла рассказывали о нескольких комнатах, наполненных рукописями, то в 1723 г. информаторы Блюментроста рисовали уже совсем иную картину, близкую к той, что наблюдал Миллер.

Разрывы в исторической памяти обитателей Семипалатной крепости, которые в 1734 г. уверяли Миллера, что «сколько они помнят, там никаких цельных листов найдено не было» [Müller, 1747: 437; Радлов, 1894: 59], я склонен объяснять спецификой формирования населения этого пограничного укрепления. Военные гарнизоны регулярно менялись, а гражданских жителей на первом этапе существования крепости не было. Очевидно, в 1734 г. Миллер уже не нашел тех, кто служил в крепости в 1718 – начале 1720-х гг.

Завершая исторический обзор обнаружения первых буддийских листов в Сибири, нельзя не упомянуть об Аблай-хите. По единодушному мнению всех исследователей, открытие его российскими военными произошло после основания Усть-Каменогорской крепости. Хронологически эти события выходят за рамки статьи, посвященной листу из Линчёпинга. Однако без краткого рассказа о библиотеке Аблай-хита обзор не может быть полным.

Письмо сибирского губернатора Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742), в котором он сообщил Петру I, «что за Усть Каменною крепостью в степи нашли старые полаты, и в тех полатах найдены писма», имеет помету «Из Тоболска, августа 25 дня 1721 году» [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Д. 57. Л. 413–413об.] [12]. На Иртышской линии крепостей в период ее формирования коммуникации осуществлялись по воде. С ноября по апрель, когда Иртыш замерзал, укрепления существовали автономно. Сообщения об оперативной обстановке отправляли из крепостей в апреле, после ледохода; в Тобольск они поступали в мае. Поскольку известно, что первые сведения об Аблай-хите в Тобольске получили в августе, а не в мае, мы можем предположить, что ко времени отправки весенних донесений о монастыре еще не знали. В таком случае обнаружение Аблай-хита должно было произойти в интервале между концом апреля и концом июля 1721 г.

чайно интересный документ до сих пор не издан, с оригиналом я не знаком. Изучение переписки Л. Л. Блюментроста с Ж.-П. Биньоном представляется необходимым и перспективным направлением дальнейших исследований.

[12] Текст этого документа был опубликован Александром Андреевичем Спицыным (1858–1931) более века тому назад [Спицын, 1906: 241]. Дата получения в Петербурге на оригинале не проставлена. В то время письма из Тобольска в Петербург доставлялись за полтора-два месяца. При возвращении из Китая Джон Белл выехал из Тобольска 18 ноября 1721 г., а в Москву прибыл 5 января 1722 г. [Белл, 1978: 553–554].

Красивая сказка о том, как экспедицией Лихарева «осенью 1720 г., когда отряд сделал привал в новой крепости, был обнаружен покинутый монастырь и в нем старинные рукописи», а затем «и археологические находки вблизи монастыря» (с которыми Вебер знакомился в Петербурге уже в 1716 г. [Вебер, 1872: 1344, § 292]), полюбилась ученым после посмертной публикации итоговой статьи Екатерины Андреевны Княжецкой (1900—1986) [Княжецкая, 1989: 21, 26, 32–33]. Неправильно истолковав в 1960-е гг. текст обнаруженного в архиве документа [Княжецкая, 1969], она до конца жизни была убеждена, что Усть-Каменогорская крепость была заложена не в 1720 г., а «годом раньше, осенью 1719 г., по приказанию Лихарева участником экспедиции подполковником Прокофием Ступиным» [Княжецкая, 1989: 17–18] [13]. Открытие Аблай-хита Княжецкая также сдвигала на один год: руководствуясь примечанием Страленберга [Strahlenberg, 1730: 3, примеч.], она связывала обнаружение рукописей с экспедицией Лихарева, которая состоялась в 1720 г. Поэтому в ее версии обнаружения Аблай-хита отряд Лихарева не строил Усть-Каменогорскую крепость, а лишь «сделал привал в новой крепости» на обратном пути «осенью 1720 г.». Во время этой короткой остановки якобы и был найден монастырь, составлен его чертеж, собраны рукописи, затем доставленные в Петербург. Лист, который переводили братья Фурмон, Княжецкая также считала «найденным в разрушенном буддийском монастыре экспедицией И. М. Лихарева» [Княжецкая, 1989: 21, 26].

С точки зрения Екатерины Андреевны, записи на листе из Линчёпинга мог оставить в июле 1720 г. писарь Усть-Каменогорской крепости. Историографический парадокс состоит в том, что тезис Княжецкой об основании этой крепости в 1719 г. давно и надежно документально опровергнут, после чего заблуждение о времени открытия монастыря лишь укрепилось. Современные исследователи уже не понимают ни обусловленность хронологических построений, ни позицию самой Княжецкой, которая считала, что Аблай-хит нашли *на следующий год* после возведения Усть-Каменогорской крепости. Теперь для обоснования факта обнаружения Аблай-хита в 1720 г. достаточно слепо сослаться на итоговую статью ленинградского автора [Алексеев, 2014: 209; Ерофеева, 2019b: 97].

В отличие от библиотеки Семи Палат, разорение Аблай-хита затянулось на несколько десятилетий, потому что монастырь находился за пределами Российской империи, на приграничных землях чужого государства. Поездка туда грозила пленением и требовала вооруженной

[13] Подробнее об этой ошибке и текст самого документа см.: [Бородаев, 2011: 27–28; Бородаев, Контев, 2015: 288, 297 (док. № 74)].

охраны. Кроме того, существовали юридические нормы, запрещавшие российским подданным самовольно покидать пределы страны. Они строго действовали в приграничной полосе. На левобережье Иртыша территории, удаленные от реки, русские посещали нечасто и с разрешения властей. Наконец, надо помнить о специфике заселения Верхнего Прииртышья в первой половине XVIII в. Податного сословия, которое генерировало так называемых «промысловиков», там почти не было. На первых порах все население состояло из армейских гарнизонов, живших по военному уставу. Поэтому обнаруженный в 1721 г. монастырь российскими жителями посещался редко и расхищался медленно.

Благодаря относительной труднодоступности Аблай-хита, обеспечившей неспешность его разорения, в монастырской библиотеке вплоть до 1734 г. оставалось значительное количество рукописей. С другой стороны, сибиряки в 1730-е гг. были хорошо информированы о наличии такого источника бумаги. Миллер после возвращения из Сибири вспоминал, что буддийские листы «в наше же время в иртышских острогах употреблялись для завертывания товаров и заклейки окон» [Müller, 1747: 448; цит. по: Радлов, 1894: 64]. При этом, если Геннин, живший в Екатеринбурге с 1722 г., упоминал о рукописях Аблай-хита наряду с подробнее описанными (и даже зарисованными) листами из Семи Палат [Геннин, 1937: 626–627], то к середине 1730-х гг. вся монгольская бумага стала связываться с Аблай-хитом. На вопросы Миллера о библиотеке Семи Палат жители Семипалатной крепости «говорили, что все листы добыты из Аблайкитских развалин» [Müller, 1747: 437; цит. по: Радлов, 1894, с. 59].

Сводные данные о военном строительстве и сведения о ранних находках российскими сибиряками листов из буддийских парадных рукописей (с золотым письмом на сине-черной бумаге) удобнее представить в виде хронологической таблицы. Знакомство с ней будет продуктивнее, если при этом обратиться к карте (см. ил. 14).

Таблица 1

Последовательность обнаружения буддийских рукописей с «золотыми» текстами на сине-черной бумаге в ходе российского военного продвижения к истокам Иртыша и Енисея в 1717–1720 гг.

Дата	Событие
Зима 1716–1717 гг.	Отряд Федота Матигорова перезимовал в «малом остроге» около Ямышевского озера, выдержав осаду

Продолжение табл. 1

Дата	Событие
1717 г., май	*Отряд красноярских казаков во главе с Андреем Еремеевым и Иваном Нашивошниковым на Енисее, на устье реки Чжакуль (совр. р. Чаа-Холь) обнаружил скальную буддийскую нишу-часовню с рукописями (совр. название — ниша Чурумал-бурханныг).* *Десятки листов были привезены в Красноярск*
1717 г., сентябрь	Из строящейся Ямышевской крепости Прокофий Ступин отправил в плавание вверх по Иртышу отряд во главе с капралом. Разведчики побывали в Семи Палатах и вернулись с обстоятельным отчетом
1717 г., октябрь	Ступин отправил отряд в 300 человек во главе с Борисом Чередовым для строительства крепости «на урочище у болших полат»
1718 г., май	Отряд Бориса Чередова заложил Семипалатную крепость в недалеком расстоянии от монастыря
1718 г., лето	Подполковник Ступин переезжает в Семипалатную крепость, которая становится передовым российским форпостом на Иртыше и наполняется войсками
1719 г., октябрь	*Из Петербурга на родину уехал ганноверский резидент Христиан Фридрих Вебер, которому в российской столице показывали изделия и восточные рукописи, найденные «в 1716 и 1718 годах»*
1719 г., декабрь — 1720 г., январь	*В Тобольске английский путешественник Джон Белл купил у солдата листы буддийских рукописей. Ему объяснили, что листы происходят из Семи Палат*
1720 г., май	Отряд гвардии майора Ивана Лихарева отправился из Тобольска в плавание на озеро Зайсан
1720 г., июль	*Русский писец оставляет на буддийском листе запись о жителе Кузнецкого уезда Григории Нечаеве*
1720 г., августа 1–2	Вооруженный конфликт на Черном Иртыше

Окончание табл. 1

Дата	Событие
1720 г., август	При возвращении на выходе из Алтайских гор отряд Лихарева заложил Усть-Каменогорскую крепость
1721 г., август	*В Тобольск поступили сведения об обнаружении Аблай-хита и первые листы рукописей из этого монастыря*

Возможные варианты происхождения листа из Линчёпинга

Приведенная выше таблица ясно показывает, что на вопрос, в какой монгольской молельне находилась рукописная книга, из которой был изъят лист, хранящийся в Городской библиотеке Линчёпинга, имеется два варианта ответа: монастырь Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат) на Иртыше и скальная ниша Чурумал на Енисее.

Конечно, варианты разительно неравнозначны по степени вероятности. Слишком различаются по своему характеру и по величине сопоставляемые объекты. С одной стороны — комплекс монастырских построек, в котором, по словам информаторов Белла, «несколько комнат были наполнены свитками» [Радлов, 1891: 51]. С другой стороны — крохотная скальная ниша-часовня. Известно ее описание, составленное в 1726 г.: «А во оной пещере мерою в ширину две стены полтора аршина без вершка, а две стены по одному аршину с четвертью, а в вышину оная пещера полтора аршина. <…> А во оной же пещере лежат писма многое число» [Радлов, 1894: 77]. В переводе на современную систему мер это означает: размер в плане 103,5 см на 90,0 см, высота 108,0 см. Судя по обмерным чертежам 1950-х гг., объем ниши не превышает одного кубического метра, площадь пола менее одного квадратного метра [Кызласов, 1959: 79, рис. 10]. Сколько «писем» могло там находиться и откуда они взялись?

При обследовании ниши Чурумал никаких остатков монастыря поблизости от буддийской часовни археологами не выявлено [14]. Очевидно, это свидетельствует о том, что «письма на синей бумаге», которые были найдены в нише в 1717 г., создавались и первоначально хранились не здесь. Листы, оставленные ламами в нише Чурумал, в конечном счете происходили из какой-то монастырской библиотеки.

[14] Ниша Чурумал-бурханныг расположена в горе Сюме. Тувинское *сүмэ* (монг. сүм) — изначально храм, ламство которого не жило при нем постоянно, собираясь лишь по дням крупных праздников [Позднеев, 1887: 1–2; Адыг-бай, Конгу, 2016: 6].

В бассейне Верхнего Енисея нет известных исследователям буддийских монастырей XVII в. По сведениям Миллера, ближайшим местом, где хранились буддийские рукописи, были обнаруженные красноярскими казаками в 1711 г. «Лозановы палаты» («Hinc Mongolica voce *Loosan-kit*, Russice Лозановы палаты vocantur» [Müller, 1747: 457]). Заброшенный к тому времени буддийский монастырь Лоозанхийд фигурировал в русских документах под названием «Лозоновы полаты». Он находился южнее верховьев Енисея, на реке «Теси (вытекающей из озера Саншин-Далай и впадающей в озеро, называемое просто Далай)» [Радлов, 1894: 75]. Речь идет о реке Тэс-Хем, берущей начало из оз. Сангийн-Далай-Нур и впадающей на западе в оз. Убсу-Нур (см. ил. 14). Она протекает вдоль современной российско-монгольской границы, преимущественно по территории Монголии, где называется Тэсийн-Гол. «На правом берегу реки, почти на одинаковом расстоянии от обоих озер, находятся два здания, лежащие на несколько возвышенном скалистом месте и построенные из сырцового кирпича», — сообщал Миллер. В главном здании казаки в 1711 г. обнаружили «чулан, в котором лежат рукописи»; тогда их трогать не стали [Радлов, 1894: 78, 80].

Тэсийн-Гол течет с востока на запад от 99-го до 93-го меридиана. Середина ее проходит примерно по 96-му меридиану (см. ил. 14, за восточной рамкой карты). Где-то в этом месте, почти на равном расстоянии от обоих озер, во второй половине XVII в. находился буддийский монастырь, библиотека которого располагалась ближе всех остальных к скальной часовне на Енисее.

Вероятность происхождения листа из Линчёпинга с берегов Иртыша или Енисея определяется объемом рукописных собраний и (прежде всего) количеством листов, попавших оттуда в руки российских сибиряков до июля 1720 г. Очевидно, что оба критерия для Семи Палат неизмеримо предпочтительнее. Из того, что записали по рассказам очевидцев Белл — о библиотеке на Иртыше и Миллер — о рукописях в скальной нише на Енисее, объем семипалатинского собрания, где рукописями были наполнены «несколько комнат», представляется на порядок более значительным. По второму критерию святилище на Енисее из-за его труднодоступности ассоциируется скорее с Аблайхитом и чрезвычайно отличается от Семи Палат. Из ниши Чурумал в Красноярск до лета 1720 г. буддийские листы привозили всего один раз, тогда как военные почти двухтысячного семипалатинского гарнизона, несомненно, посещали ойратскую библиотеку неоднократно.

Бумага в петровское время в Сибири не изготовлялась. Она завозилась за Урал из Европейской России и уже там имела немалую цену [Беляев, 1907: 3, примеч.]. Использовалась бумага в основном для письма. Наблюдения Миллера о жителях Прииртышья, которые упо-

требляли буддийские рукописи «для завертывания товаров и заклейки окон», иллюстрируют использование бесплатной бумаги из ойратских библиотек. В тех регионах Сибири, где подобных источников не было, иногда возникал острый недостаток бумаги, затруднявший текущее делопроизводство [Бородаев, Контев, 2015: 252]. Лист из Линчёпинга показывает, что для частных записей сибиряки в качестве писчего материала изредка использовали буддийские рукописи. Очевидно, с этим была связана обрезка чистых полей на некоторых из них.

Нам известен только один случай продажи буддийских листов, описанный Беллом, но в жизни их должно было быть больше. Бесплатная «добрая бумага» из Семи Палат объективно должна была расходиться среди сибиряков в качестве товара. Листы развозили по Сибири на значительные расстояния — в западном направлении до Тобольска (Белл) и Екатеринбурга (Геннин). Восточный ареал распространения рукописей из Семи Палат, возможно, маркирует лист из Линчёпинга с записью о крестьянине Кузнецкого уезда. Такая версия представляется мне наиболее вероятной.

Вполне возможно допустить и енисейское происхождение листа из Линчёпинга, хотя такая версия кажется неизмеримо менее вероятной. По свидетельству Миллера, среди буддийских рукописей, привезенных в 1717 г. в Красноярск, имелись листы «расписанной золотыми и серебряными буквами синей и черной бумаги». Он же указывал, что вернувшийся из Сибири Мессершмидт, который приобрел остатки красноярских листов, привез с собою «такого же рода рукописи, как те прежние, которые считались привезенными из Семи Палат» [Радлов, 1894: 75, 80]. По внешним признакам лист из Швеции вполне соответствует некоторым листам с Енисея.

За пределами уезда, в котором был записан и проживал представитель податного сословия, его основным административно-определяющим признаком была уездная принадлежность, тогда как внутри собственного уезда сведения конкретизировались, и тот же человек обозначался по его ведомственной принадлежности. Таким образом, обитатель Усть-Чумышской деревни в своем Кузнецком уезде обозначался как житель ведомства Белоярской крепости, а где-нибудь в Томске, Красноярске или Тобольске это был прежде всего кузнецкий житель, и лишь потом могло следовать уточнение, что он белоярский. Исходя из таких особенностей сибирской канцелярской лексики начала XVIII в., мы вряд ли ошибемся, предположив, что запись на поле монгольского листа, появившаяся в июле 1720 г., была сделана где-то в пределах Кузнецкого уезда.

Деревня Усть-Чумышская, где проживал упомянутый в записи на листе Григорий Нечаев, располагалась на берегу Оби, около западных пределов уезда (см. ил. 14). Город Кузнецк стоял на берегу Томи, зна-

чительно восточнее и ближе к Красноярску и Абаканскому острогу. Кузнецкий и Красноярский уезды были соседними, имели общую границу. В таких географических реалиях попадание енисейского листа в Кузнецк или иной населенный пункт Кузнецкого уезда вполне допустимо. Однако шансы на достоверность у этой версии очень невелики: слишком мало листов было привезено из Саянских гор в 1717 г.

Нельзя обойти молчанием и недавно заявленное в литературе утверждение о том, что лист из Линчёпинга происходит из Аблай-хита [Ямпольская, 2019b: 217–219] [15]. Нет смысла дискутировать на эту тему — ответом является составленная мной хронологическая таблица 1.

Документы позволяют уверенно утверждать, что до начала августа 1720 г. ни один российский военный не посещал Аблай-хит. В таком случае может ли лист, использованный русским писцом в июле 1720 г., происходить из монастырской библиотеки, еще не известной российским жителям? Этот вопрос не так прост, как кажется, и пока не имеет ясного ответа.

Предположение о том, что лист происходит из Аблай-хита, неизбежно требует включения в эту версию каких-то гипотетических посредников, благодаря которым лист проделал путь из-за Иртыша в российскую Сибирь. Например, можно допустить, что до обнаружения Аблай-хита российскими военными рукописи из его библиотеки попадали к русским сибирякам либо от коренных тюркоязычных жителей Алтайских гор, несомненно, посещавших заброшенный монастырь, либо из бухарских торговых караванов, путь которых проходил мимо монастырских стен. Такие версии уводят в область неограниченных фантазий. Они могут стать увлекательным сюжетом для художественного произведения, но непродуктивны при анализе документального источника.

Вероятность подобного развития событий кажется столь малой, что предположением о гипотетическом посреднике можно было бы пренебречь, если бы не загадочное обстоятельство: помимо записей по-русски на стороне verso, на лицевой стороне того же листа с буддийским текстом имеется еще одна позднейшая надпись, выполненная явно не кириллическим алфавитом (см. ил. 15). По-видимому, мы имеем объективное доказательство того, что прежде чем попасть в российскую Сибирь, лист побывал в руках человека с иными навыками письма. Закономерно возникает вопрос: могла ли быть сделана непонятная надпись не в то время, когда лист входил в состав книги, а позднее, когда у листа возникла самостоятельная история? Не являет-

[15] В более ранней статье с участием того же автора подобная категоричность отсутствовала [Алексеев, 2014: 211].

ся ли эта короткая запись документальным аргументом в пользу версии о нероссийском владельце-посреднике?

Надпись сделана черными чернилами или тушью. Строчка знаков, выполненных тонким пером, расположена на синем верхнем поле листа recto, над левым верхним углом текста. Направление надписи перпендикулярно вертикальным строкам монгольского письма. В строчке видны (слева направо) два знака в виде креста и петли, далее еще пять-семь знаков какого-то непонятного, явно не кириллического алфавита.

Свою статью с публикацией листа из Линчёпинга Джон Ронстрём проиллюстрировал черно-белой фотографией стороны recto с непонятной надписью на верхнем поле, а в тексте сообщил: «Короткая строка неизвестных мне символов над началом монгольского текста на другой стороне листа (recto, fig. A, pl. XVIII) до сих пор не поддалась прочтению — и даже идентификации типа письма» [Rohnström, 1971: 302]. Спустя полвека мне нечего добавить к комментарию предшественника [16].

В этой связи отмечу, что если допустить наличие промежуточного звена между монастырской библиотекой и российскими сибиряками в виде какого-то тюркского владельца буддийского листа, оставившего на верхнем поле загадочную надпись, то становится возможным гипотетическое происхождение этой рукописи из любого «опустевшего города калмыков», изображенного на карте 1725 г. поблизости от российско-монгольского пограничья в Прииртышье (см. выше, рис. 1). Судя по сведениям Ирины Викторовны Ерофеевой (1953–2020), в 1710-х гг. все три упомянутых на карте монастыря уже были заброшены [Ерофеева, 2019а: 63–68] [17]. Вместе с тем в дневнике Д. Г. Мес-

---

[16] Благодарю А. В. Зорина, И. Л. Кызласова и Н. В. Ямпольскую за помощь в попытке — увы, неудачной! — понять загадочную надпись на стороне recto.

На стадии формирования сборника данную надпись пыталась разобрать А. А. Сизова, исходя из предположения, что каждый элемент в надписи представляет собой отдельные монгольские буквы, то есть речь идет о попытке их копирования лицом, не владевшим монгольской письменностью. К своему анализу она также привлекла рунические знаки или петроглифы, опубликованные Страленбергом в его книге 1730 г. Хотя наблюдаются некоторые черты сходства между элементами интересующей нас надписи и обоими указанными вариантами письма (причем эти черты более ощутимы в отношении рунических знаков или петроглифов), утверждать что-либо уверенно на данный момент не представляется возможным. (*Примеч. ред.*)

[17] Остатки укрепленного монастыря Бошохту-хан-хит (ил. 14) в 1937 г. обследовал и описал археолог Сергей Сергеевич Черников (1909–1976). Развалины находились на левом берегу р. Кальжир «при впадении в неё речки Орды… где проходит тракт на с. Буран» [Черников, 1960: 130–132]. Село Буран расположено в месте впадения Кальжира в р. Черный Иртыш. Укрепле-

сершмидта в записи от 6 марта 1722 г. именно эти три монастыря названы «особенно известными» храмами («In der kalmakschen Sprache aber würde ein solcher Ort oder Bethaus auch *Kyht* genannt, und solcher wären vornehmlich im Kalmakschen Distrikt drei sonderlich berühmte, als: [1.] Bosta-Chan-Kyht, 2. Ablay-Kyht, 3. Otzurtu-Seza-Chan-Kyht») [Messerschmidt 1962: 192] [18]. Подобное отношение к религиозным святыням делает предположение о доставке листа из Линчёпинга в российскую Сибирь самими монголами слишком неправдоподобным.

Вопрос о попадании листа в Городскую библиотеку Линчёпинга

Очерк о листе монгольского «золотого» Ганджура с русскими надписями 1720 года будет неполон, если обойти молчанием его устоявшееся в литературе название «Codex Renatus Lincopensis» и не коснуться вопроса о попадании рукописи в Швецию. Появление в Линчёпинге трех буддийских листов Дж. Ронстрём обоснованно связывал с востоковедными интересами шведского ученого-энциклопедиста Эрика Бенцелиуса младшего (1675–1743) [Rohnström, 1971: 303]. В 1731–1742 гг. Бенцелиус был епископом Линчёпинга, а до этого преподавал в университете Уппсалы, где в 1710 г. основал «Collegium curiosorum», из которого выросло Уппсальское королевское научное общество, старейшее научное общество Швеции [Лефельдт, 2021: 121]. Несомненно, буддийские рукописи Линчёпинга привезли из России, и начальная точка путешествия лежала где-то восточнее Урала. Вряд ли мы ошибемся, полагая, что лист монгольского «золотого» Ганджура из собрания Бенцелиуса как экзотический сувенир доставил в Европу один из тех пленных шведов, которые во время Северной войны были сосланы в Сибирь. Из них в ученом сообществе стали наиболее известны имена Страленберга и Рената. Однако образованных и любознательных пленников было больше.

Пути попадания буддийских листов из Сибири в страны Европы в 1720-е — начале 1740-х гг.

После ратификации Ништадтского мирного договора последовал указ Сената от 8 октября 1721 г., по которому все шведские военнопленные, находившиеся в Сибири, объявлялись свободными. Зимой

ние, отождествленное С. С. Черниковым с монастырем Бошохту-хан-хит, удалено от устья Кальжира на 12–15 км вверх по реке. Современные исследователи подтверждают верность такой идентификации [Ерофеева, 2019а: 68–69].

[18] На этот факт мне указал А. В. Зорин.

1721/22 г. сотни офицеров были отправлены из Тобольска в Петербург, тогда как возвращение рядового состава растянулось на долгие годы [Шебалдина, 2005: 150–152]. Несмотря на длительные бюрократические задержки в столице, большинство офицеров в 1722–1723 гг. вернулись в Швецию. В их числе был и капитан Филипп Иоганн Табберт (1676–1747), получивший в Швеции дворянскую фамилию фон Страленберг. Среди сибирских достопримечательностей, которые он в 1723 г. привез в Европу, имелось больше десятка листов буддийских рукописей.

Судьба Рената являлась исключением из правил, потому что ему пришлось возвращаться не из российского плена в Швецию, а из джунгарского плена в Россию и лишь потом на родину. В обратный путь Ренат отправился значительно позднее своих товарищей по сибирскому заточению. Сделал он это в 1733 г. в составе ойратского посольства, отправленного в Петербург [Бородаев, Контев, 2010: 391]. По территории России, от границы до столицы, посольство двигалось под охраной сопровождающих, в некоторой изоляции от местных жителей. Предполагать, что в таких условиях где-то в Сибири Ренат зачем-то приобрел лист монгольского письма (каких в плену он видел во множестве), да еще с рукописной пометой 1720 г. — явный плод художественного восприятия прошлого. Важно отметить другое: Ренат действительно вез с собой целый набор вещей-сувениров, специально взятых из Джунгарии [Baddeley, 1919: clxxix–clxxx; Бородаев, Контев, 2010: 392]. Такая склонность к экзотическим вещам из далеких стран, где пришлось побывать, была характерна для образованных европейцев XVII–XVIII вв.

Наши документальные знания о Ренате никак не связывают его с рукописью из Линчёпинга. Между тем за частным сюжетом о появлении в Швеции одного монгольского листа с русскими надписями стоит общая проблема. Необходимо объяснить, каким образом в различных библиотеках Европы в XVIII в. появились отдельные листы буддийских рукописей из Сибири. Кто и когда доставил их из России?

Знакомство любознательных жителей Западной Европы с буддийскими листами из Сибири началось в 1720-е гг. и проходило параллельно двумя путями. Первое направление — это официальные научные связи: поездка по европейским странам Шумахера, публикация тибетского листа в «Acta eruditorum» и отправка рукописи из Аблайхита в Париж, переписка аббата Биньона с его российскими корреспондентами. Сюжеты эти неплохо освещены в литературе, однако речь идет об одном тибетском листе. Второе направление, значительно более мощное и гораздо менее изученное, — это неофициальное проникновение буддийских листов из России в страны Европы.

Такое поступление рукописей можно наблюдать по книге Страленберга, где автор опубликовал один из листов, вывезенных из Сибири неофициально, в виде личного сувенира. Он объяснял, что «письмена эти были найдены русским уроженцем города Красноярска почти на конце реки Енисея… на том месте, где находилась старая часовня» [Strahlenberg, 1730: tab. I; Радлов, 1891: 25, 28; Зорин, 2015: 106, примеч. 6]. «Я мог бы прибавить… [к опубликованному на табл. I тибетскому листу. — *В. Б.*] по меньшей мере 10 или 12 других образцов, — добавлял Страленберг, — если бы не боялся значительных расходов. Письмена эти я подарил, в разное время, добрым друзьям» [Радлов, 1891: 25, 27].

Из-за финансовых трудностей автора произошло событие почти невероятное: лист из крохотной часовни на Енисее был издан в Европе раньше, чем листы из Семи Палат — основного сибирского источника буддийских рукописей в начале 1720-х гг. Исторический парадокс первоначального знакомства европейских ученых с буддийскими рукописями из Сибири состоит в том, что первыми в Европе были опубликованы листы из двух иных, в то время гораздо менее представительных собраний с берегов Иртыша (Аблай-хит, 1722) и Енисея (ниша Чурумал, 1730).

Характерно, что в обоих случаях были изданы тибетские, а не монгольские листы, хотя монгольские в современных собраниях численно преобладают (например, собрание листов из Аблай-хита ИВР РАН насчитывает 1245 монгольских листов и только 204 тибетских, то есть соотношение 6 : 1 [Ямпольская, 2015: 51; Зорин, 2015: 112]) [19]. На относительную редкость тибетских рукописей указывал Страленберг в письме к Эрику Бенцелиусу младшему в апреле 1724 г. («у меня только один экземпляр такого рода») [Лефельдт, 2021: 140] и в своей книге, где отметил, что подарил друзьям все листы, кроме опубликованного [Strahlenberg, 1730: 312–313; Радлов, 1891: 27–28]. Повышенное внимание к тибетским листам было обусловлено их большей загадочностью для европейской науки первой половины XVIII в.

Другим любознательным шведом, который вывез из Сибири коллекцию буддийских листов с Иртыша, был участник Полтавского сражения барон Ребиндер. Об этом пленнике, который «бывал у Семи Палат», Теофил Зигфрид Байер с благодарностью упомянул в завер-

[19] Возможно, именно этим определялся на первый взгляд странный отказ Л. Л. Блюментроста выполнить просьбу Ж.-П. Биньона послать в Париж ещё несколько рукописей с тибетским письмом. В ответ на вопрос, куда же могли подеваться в Петербурге остальные пять листов из Аблай-хита, присланные А. М. Черкасским [Зорин, 2020: 212], допустимо предположить, что эти пять листов были монгольскими.

шенном летом 1730 г. предисловии к Museum Sinicum [Bayer, 1730: 109, 145], позднее — в записке, поясняющей, что ученый получил икону, а также один «тангутский» лист и три монгольских от барона Ребиндера, сосланного в Сибирь [Weston, 2018: 65–67; Ямпольская, 2019b: 228–229]. Из другой записки Байера становится понятно, что он имел в виду три монгольских листа на белой бумаге («3. Charta alba, scriptura Mungalica, Szem Palati. 4. Item. 5. Item» [Weston, 2018: 193]).

В этой истории примечательны два обстоятельства. Во-первых, Ребиндер совершенно определенно указывал, что его раритеты происходят «из руин Семи Палат, где было обнаружено поразительное множество тангутских и монгольских книг» («ex Septem palatiorum ruinis, (Russice Szem Palati) ubi insignis librorum Tangutanoruin et Mungalorum copia reperta est» [Weston, 2018: 66]). В 1720-е гг. этот очевидец был основным информатором Байера о библиотеке монастыря Дархан-цоржийн-хийд. Во-вторых, ссылка шведского офицера закончилась в 1722 г., а Байера пригласили в Петербург в 1725 г., из чего следует, что Ребиндер действительно доставил буддийские рукописи с берегов Иртыша в Европу, а в библиотеку Байера они попали либо еще в Кёнигсберге, либо после приезда ученого в Россию.

Прямо или косвенно факты говорят о том, что появление в Европе разрозненных буддийских листов из России хронологически приурочено к 1722–1725 гг. Можно указать на первые европейские публикации подобных находок в 1722 и 1730 гг., на копию письма аббата Биньона 1723 г., хранящуюся вместе с «золотыми» листами буддийских рукописей в библиотеке герцога Августа в Германии [Алексеев, 2014: 209–210], и на пояснительные записки Байера [Weston, 2018: 66–67, 193].

Прослеживаемый «выплеск» листов буддийских рукописей в Петербург и в Европу связан с массовым выездом из Сибири шведских офицеров в 1722 г. Трудно оценить количество листов, поступивших в северную столицу вместе с бывшими пленниками и затем вывезенных из России. Некоторый ориентир дает нам реплика Страленберга, который в своей книге рассказ о буддийских рукописях снабдил комментарием: «Es möchten von derselben Art wohl ein paar hundert Blätter in Europa, bey der Schweden Zurückkunfft aus der Gefangenschafft, hinein gekommen seyn» [Strahlenberg, 1730: 312, примеч. a] («Несколько сот таких листков могли попасть в Европу с возвращением Шведов из плена» [Радлов, 1891: 25]). Это короткое замечание — важное свидетельство информированного очевидца. Привезенных частным порядком сначала в российскую столицу, а затем в Европу буддийских рукописей должно было быть достаточно много. В 1720-е гг. они абсолютно преобладали на фоне того единственного листа из Аблай-хита, который европейская наука получила через Шумахера.

Сводные данные о доставке буддийских листов из Сибири в Петербург и оттуда в страны Европы представлены в таблице 2. Хронологически она охватывает период от первого появления в российской столице буддийских рукописей до начала 1740-х гг., то есть до кончины Эрика Бенцелиуса младшего, при котором лист с кириллическими надписями попал в Линчёпинг.

Таблица 2

Последовательность появления буддийских листов из Сибири в Петербурге и странах Европы в 1718 — начале 1740-х гг.

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
конец 1718 — середина 1719 г.	По свидетельству Х.-Ф. Вебера, покинувшего Россию в октябре 1719 г., в Петербурге он держал в руках рукописи из Сибири, которые были найдены в 1718 г.	
1721 г., октябрь	Вместе с письмом губернатора Сибири от 25 августа получено шесть листов из Аблай-хита	
1722 г., январь	Джон Белл в составе посольства вернулся из Китая в Москву	
1722 г., весна		Один лист из Аблай-хита послан из Петербурга И. Д. Шумахеру, который в это время находился в поездке по странам Европы
1722 — начало 1723 г.	Массовый исход пленных шведских офицеров из Сибири в Петербург для получения документов и отъезда на родину	
1722 г., июнь		Шумахер в Голландии получил указ о возвращении в Россию [Пекарский, 1862: 546], а также один лист из

Продолжение табл. 2

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
		Аблай-хита и распоряжение послать его аббату Биньону [Зорин, 2020: 211]
весна 1722 — середина 1723 г.	Шведские офицеры находятся в Петербурге. Некоторые из них имели буддийские листы	
середина 1722 г. — конец 1723 г.		Шведские офицеры привозят буддийские листы в Европу (Ребиндер, Страленберг и др.).
1723–1724 гг.		Возвращение Джона Белла на родину [Bell, 1885: 167]. Привез в Англию листы, купленные в Тобольске зимой 1719/20 г.
1723–1724 гг.		Посол голштинского герцога А. Э. Штамбке приобрел в Петербурге два листа, которые затем вывез в Германию [Ямпольская, 2019b: 214].
1725 г., февраль		Проповедник жившего в Петербурге генерала Людвига Николауса фон Алларта отправил в Германию буддийские листы [Ямпольская, 2019b: 216]
1727 г., март	Мессершмидт вернулся в Петербург из многолетнего путешествия по Сибири. Среди его научного багажа были листы буддийских рукописей	
Середина — вторая поло-	В Петербург из Европы возвратились несколько	Дробление коллекций листов, вывезенных в Евро-

Окончание табл. 2

Дата	Поступление в Петербург	Поступление в страны Европы
вина 1720-х годов	листов из Семи Палат. Т. З. Байер получил их в дар от барона Ребиндера	пу; увеличение числа владельцев в результате дарения листов (Страленберг)
1734, март	Прибытие Рената в Петербург в составе ойратского посольства. С собой он привез две ойратские карты и китайскую книгу	
1734, август	Доставка рукописей из Аблай-хита в Усть-Каменогорскую крепость и отправка их Миллером и Гмелиным в Петербург из Колывано-Воскресенского завода [Зорин, 2015: 109]	
1735 г., начало		Возвращение Рената в Швецию. Нет никаких сведений о том, что он привозил буддийские листы
1737, вторая половина		Т. З. Байер, готовясь к отъезду из Петербурга, отправляет свою библиотеку морем в Кёнигсберг [Материалы, 1890: 47]

Как видим, в страны Европы буддийские листы из Сибири попадали в основном по неофициальным каналам. Долгий путь из Азии в Петербург большинство рукописей проделали со шведскими офицерами в 1722 — начале 1723 г. Приобретение послом голштинского герцога А. Э. Штамбке двух буддийский листов в Петербурге в 1723–1724 гг. хорошо вписывается в эту картину [Ямпольская, 2019b: 214]. Оформление документов для выезда на родину часто затягивалось, и шведы испытывали в российской столице финансовые трудности. Какие-то листы могли быть проданы в Петербурге. Очевидно, Штамбке проделал в столице России то же, что ранее сделал Белл в столице Сибири.

За пределами России сейчас известно десять собраний буддийских рукописей из Сибири. Девять из них хранятся в библиотеках Англии, Германии, Франции и Швеции [Ямпольская, 2019b], десятое утрачено [Strahlenberg, 1730: 312–313, tab. I; Радлов, 1891: 25, 27–28]. Зарубежные коллекции в основном состоят из листов, вывезенных из Сибири в 1722–1723 гг. Джоном Беллом и пленными шведами. Доставленные в Петербург листы покинули Россию в 1722 – начале 1725 г.

После 1725 г. поступление новых рукописей из Сибири в страны Европы прекратилось. Одновременно начался процесс дробления вывезенных коллекций. Дарение Страленбергом листов «добрым друзьям» приводило к росту числа владельцев буддийских рукописей. Показательно, что позднее подобное дробление произойдет и с коллекцией Белла. О фрагментации собрания Ребиндера у нас сведений нет, но Байер также мог быть не единственным получателем имевшихся у шведа буддийских листов. Равно как и листы из Семи Палат в коллекции Байера, судя по их количеству, были получены не только от Ребиндера [Weston, 2018: 66–67, 193]. Вместе с новыми владельцами рукописи получали собственные судьбы, иногда замысловатые. Например, вывезенные Ребиндером листы из Семи Палат вновь вернулись в Россию, а затем опять уплыли в Кёнигсберг (табл. 2). После смерти Байера рукописи попали в Лондон, и наконец в начале XIX в. они были перевезены в Глазго, где хранятся уже третье столетие [Ямпольская, 2019b: 227–228].

Существенно то, что к весне 1722 г., когда пленные покидали Сибирь, рукописи Аблай-хита только начали просачиваться из далекого монастыря в Россию, о них еще мало кто слышал. Напротив, разорение библиотеки Семи Палат было почти завершено, и жители Сибири, судя по описаниям Геннина (который прибыл в 1722 г.), были хорошо знакомы с «доброй бумагой» из Семи Палат. Из какого буддийского святилища могли происходить рукописи, которые вывозили шведы в 1722 г.? В случае со Страленбергом это листы из скальной ниши на Енисее. Однако для абсолютного большинства других, несомненно, в те годы доступнее были листы из Семи Палат, что документально подтверждается коллекцией барона Ребиндера.

Современные исследователи монгольских текстов упорно не хотят учитывать это обстоятельство, предпочитая сложной картине прошлого простую схему: «все рукописи, хранящиеся в Европе, происходят из Аблай-хита». Как ни странно, любые документальные свидетельства о находках буддийских листов в Сибири в петровское время до сих пор затмеваются огромным массивом рукописей, доставленных в Петербург из Аблай-хита в 1734 г. Предшествующие события 1720-х гг. превращаются в мираж, их словно бы не существует на фоне полутора

тысяч листов из Аблай-хита. В недавно изданной монографии, посвященной знаменитому монастырю, все без исключения буддийские листы из Сибири, хранящиеся в библиотеках Англии, Германии, Франции и Швеции, описаны как «фрагменты книг из Аблай-хита в библиотеках Европы» [Ямпольская, 2019b]. Этот фундаментальный тезис, вынесенный в заголовок раздела книги, документально должным образом не подкреплен. По форме он аксиоматичен, по содержанию ошибочен.

Пока достоверно известно только об одном листе из Аблай-хита, который был привезен из России в Европу в первой половине XVIII в. Буддийские рукописи из Аблай-хита доминируют историографически, однако в тех поступлениях 1720-х гг., которые в виде отдельных листов обогатили библиотеки Западной Европы, они должны составлять сравнительно небольшую часть.

Возможные варианты попадания листа в Городскую библиотеку Линчёпинга

Лист из Линчёпинга, очевидно, был среди тех «нескольких сот таких листков», которые, по свидетельству Страленберга, имели у себя в Сибири и могли привезти в Европу шведы, возвращаясь на родину в 1722 г.

Сейчас мы знаем три личных собрания буддийских рукописей, вывезенных из Сибири, — Белла, Ребиндера и Страленберга. Собрания Белла и Ребиндера отчасти сохранились в Британской библиотеке и в библиотеке университета г. Глазго [Ямпольская, 2019b: 219–221, 227–228]. Среди них имеются листы монгольских рукописей, написанных золотыми буквами на синей бумаге, то есть схожие с листом из Линчёпинга.

По словам Страленберга, помимо изображенного в его книге тибетского листа, он привез из России больше десятка рукописей на сине-черной бумаге, написанных буквами «частью желтого или золотистого, частью белого или серебристого цвета» [Strahlenberg, 1730: 312; Радлов, 1891: 25]. Следовательно, и у него были рукописи, внешне похожие на лист из Линчёпинга. Коллекция Страленберга не сохранилась: буддийские рукописи он раздарил «добрым друзьям», к 1730 г. у Страленберга оставался только лист, опубликованный в его книге.

Все исследователи листа из Линчёпинга согласны с тем, что появление буддийских рукописей в Городской библиотеке связано с научными изысканиями Эрика Бенцелиуса младшего (1675–1743). Из трех перечисленных выше собраний в качестве источников поступления листа к Бенцелиусу можно рассматривать только коллекции Страленберга и Ребиндера.

Умозрительный характер таких рассуждений недавно получил существенное документальное подтверждение. Выяснилось, что Эрик Бенцелиус младший, проживая в Уппсале, активно переписывался со Страленбергом в 1723–1725 гг., то есть сразу после возвращения офицера из Сибири в Стокгольм, когда все буддийские рукописи были еще у него. В Городской библиотеке Линчёпинга сохранилось несколько десятков писем Страленберга, адресованных Бенцелиусу [Лефельдт, 2021: 121], что позволяет уверенно включить епископа в число «добрых друзей» сибирского пленника и потенциальных получателей его раритетных подарков. Более того, в единственном опубликованном письме из этой обширной переписки (под № 47 от 21 апреля 1724 г.) речь среди прочего шла и о буддийских рукописях! Причем как тибетских, так и монгольских («калмакских») [Лефельдт, 2021: 139–140]. Указанные обстоятельства и сама тональность письма Страленберга делают почти неизбежным вывод о том, что какие-то из трех буддийских листов, хранящихся в Городской библиотеке Линчёпинга (или все три?), Бенцелиус получил в дар от Страленберга.

Гипотезу о получении Бенцелиусом интересующего нас листа с кириллическими надписями от Страленберга недавно сформулировал А. В. Зорин [Зорин, 2020: 207, примеч. 31]. Если не вдаваться в детали, в общих чертах эта версия выглядит весьма убедительно. Я считаю ее наиболее вероятной. При этом не будем забывать, что именно из собрания Страленберга просочился в Швецию енисейский лист из ниши Чурумал.

Вместе с тем пока не следует полностью отрицать и другие пути попадания листа к Бенцелиусу. В этой связи интересно упоминание Д. Уэстона о том, что «Байер обменивался длинными, эрудированными письмами со шведским епископом Эриком Бенцелиусом» (опубликовано 17 писем) [Weston, 2018: 9]. Ведь до сих пор непонятно, каким образом живший в Кёнигсберге (а с 1726 г. в Петербурге) Байер получил в дар подборку рукописей из Семи Палат от выехавшего в Швецию Ребиндера. Не являлся ли Бенцелиус посредником между ученым и военным? В таком случае какие-то листы из семипалатинского собрания Ребиндера могли попасть к профессору Уппсальского университета. Между прочим, Страленберг в своем письме к Бенцелиусу 1724 г. тоже упоминал «господина Байера из Кёнигсберга», с которым, очевидно, находился в переписке [Лефельдт, 2021: 140]. Было бы полезно проанализировать переписку Байера с Бенцелиусом применительно к сюжету о буддийских рукописях из Сибири.

Наличие значительного числа до сих пор не изученных и не изданных писем Страленберга к Бенцелиусу позволяет надеяться, что при знакомстве с их текстами удастся найти документальные уточне-

ния гипотезы А. В. Зорина. Концовка в долгой истории осмысления «Codex Renatus Lincopensis» еще не дописана.

Основные выводы

1. Уточненное прочтение кириллической надписи на поле листа из Линчёпинга позволило отождествить упомянутого в тексте жителя Усть-Чумышской деревни на Верхней Оби и прояснить локализацию не совсем понятного сюжета. Уникальность шведского листа состоит в том, что он содержит дату, проставленную промежуточным российским владельцем. Записи были сделаны в коротком временно́м интервале в июле 1720 г.

2. Проведенный хронологический анализ доказывает ошибочность мнения, будто бы все листы «золотого» Ганджура, вывезенные из Сибири в Европу в первой половине XVIII в., происходят из библиотеки Аблай-хита. Заброшенный буддийский монастырь Аблай-хит российские военные обнаружили в 1721 г., а листы «золотого» Ганджура появились в сибирских городах значительно раньше: в Красноярске с 1717 г., в Тобольске как минимум с конца 1719 г. К этой группе ранних фрагментов парадных рукописей на синей бумаге относится и лист из Линчёпинга.

3. Лист из Линчёпинга, вероятно, происходит из той же самой монастырской библиотеки, что листы Джона Белла, купленные в Тобольске зимой 1719/20 г. Такой библиотекой не могло быть ничто иное кроме рукописного собрания ойратского монастыря Дархан-цоржийнхийд, который русские называли Семь Палат.

4. Для дальнейшей разработки этой гипотезы необходимо тщательное сопоставление листа из Линчёпинга с хранящимися в Лондоне листами Джона Белла и с хранящимися в Глазго монгольскими листами из коллекции Т. З. Байера — прежде всего по характеру бумаги, красителей и чернил, а также по содержанию текста.

5. Неизмеримо менее вероятно, но возможно, что лист из Линчёпинга входил в то сравнительно небольшое число буддийских рукописей, которые первыми были привезены в российскую Сибирь красноярскими казаками в мае 1717 г. В этом случае его находка будет связана с крохотной скальной часовней в Саянских горах на Енисее, а происхождение — с каким-то монастырем на территории Монголии.

6. Связь листа из Линчёпинга с другими ойратскими монастырями, включая Аблай-хит, пока ничем не подтверждается. Единственным основанием для такой неправдоподобной версии может стать содержание короткой надписи на верхнем поле стороны recto, которая до сих пор остается непрочитанной.

7. Название «Codex Renatus Lincopensis» было присвоено листу из Линчёпинга Августом Стриндбергом в его рабочих записях. После их публикации в статье Ронстрёма, который подчеркивал, что документы библиотеки «не содержат никаких намеков» на связь рукописи с Ренатом [Rohnström, 1971: 300], результат оказался противоположным: красивое название стало популярным среди востоковедов, которые за поэтическим образом стали видеть реальный исторический контекст. В действительности никакой связи листа из Линчёпинга с Ренатом не существует. Знаменитый швед привез на родину значительно более редкие и выразительные ойратские сувениры.

8. Появление отдельных листов буддийских рукописей, отложившихся в западноевропейских библиотеках в первой половине XVIII в., связано с массовым исходом из Сибири сотен шведских офицеров в 1722 – начале 1723 г. К этому времени собрание рукописей из Семи Палат разошлось по рукам военных, а библиотека Аблай-хита, хотя и была уже обнаружена, оставалась еще почти не разграбленной и мало кому известной. Следовательно, большинство буддийских листов из Сибири, которые были вывезены в страны Европы в 1720-е гг., должно происходить из библиотеки монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат), а не из Аблай-хита или ниши Чурумал. В собрании Байера принадлежность листов к Семи Палатам удостоверяется записью владельца коллекции [Weston, 2018: 191–193].

Петербургское собрание буддийских листов из Сибири формировалось иначе: к осени 1719 г. — первые рукописи из Семи Палат; осень 1721 г. — шесть листов из Аблай-хита; 1727 г. — доставка в Академию буддийских текстов Мессершмидтом (в том числе енисейских рукописей из ниши Чурумал). В 1734 г. эти три сравнительно небольших поступления были перекрыты огромным количеством буддийских листов, вывезенных из Аблай-хита.

9. При изучении нескольких десятков фрагментов буддийских рукописей из Сибири, хранящихся в Лондоне, Глазго, Вольфенбюттеле, Галле, Касселе и Линчёпинге, следует помнить о высокой вероятности происхождения их из монастыря Дархан-цоржийн-хийд (Семь Палат). Этот вывод касается и монгольских листов на белой бумаге, которые, судя по сведениям Белла, численно преобладали в Семи Палатах. Отнесение подобных листов из Галле к рукописям Аблай-хита [Ямпольская, 2015: 51], возможно, верное, но требует дополнительной проверки и отдельной аргументации.

Мне представляется, что рабочей гипотезой при изучении буддийских листов из Сибири, попавших в западноевропейские библиотеки в первой половине XVIII в., должен быть тезис о наличии в Семи Палатах монгольского Ганджура — прежде всего на белой бумаге, а также

парадного списка на синей бумаге. Фрагменты монгольских рукописей из Семи Палат на белой бумаге имеются в коллекции Байера в Глазго; фрагменты парадного списка из Семи Палат должны быть среди листов Белла в Британской библиотеке. К ним, вероятно, тяготеет и лист из Линчёпинга.

10. Существование в 1723–1725 гг. интенсивной научной переписки между Э. Бенцелиусом младшим и Ф. Страленбергом делает наиболее вероятным предположение о связи листа из Линчёпинга с коллекцией Страленберга. Для уточнения этой гипотезы необходим анализ переписки Э. Бенцелиуса с Ф. Страленбергом и Т. З. Байером.

Список литературы

Адыгбай, Конгу, 2016: *Адыгбай Ч. О., Конгу А. А.* Сакральные аспекты буддийских монастырей Тувы // Вестник Калмыцкого ун-та. 2016. № 3 (31). С. 4–12.

Алексеев, 2014: *Алексеев К. В., Туранская А. А., Ямпольская Н. В.* Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. № 1 (20). М.: Вост. лит., 2014. С. 206–224.

Арциховский, Тихомиров, 1953: *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Белл, 1776: Белевы путешествия чрез Россию в разныя асиятския земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь: [в 3 ч.] / перевел с французскаго Михайло Попов. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1776. Ч. 1.

Белл, 1978: Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. М.: Наука, 1978. Т. 1: 1700–1725. С. 498–554.

Беляев, 1907: *Беляев И. С*. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. М.: Синодальная тип., 1907.

Беспятых, 1991: *Беспятых Ю. Н*. Введение // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 3–44.

Бородаев, 2011: *Бородаев В. Б.,* Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–27 мая 2011 г.). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. С. 25–35.

Бородаев, Контев, 1999: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: (взаимодействие народов и культур): Материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 116–132.

Бородаев, Контев, 2010: *Бородаев В. Б., Контев А. В*. Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Түүхийн товчоон / Ховд их сургууль,

Нйигэм хүмүүнлэгийн ухааны сургууль, Түүхийн тэнхим. Том 5. Улаанбаатар: Soyombo printing Co., 2010. С. 386–403.

Бородаев, Контев, 2015: *Бородаев В. Б., Контев А. В*. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015.

Булыгин, 1974: Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1974.

Вебер, 1872: Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях / пер. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6, стб. 1057–1168; вып. 7, стб. 1334–1457; вып. 9, стб. 1613–1704. [Перевод был выполнен по 4-му изданию 1744 г.]

Геннин, 1937: *Геннин В*. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Даль, 1880: *Даль В. И*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: А—З. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880.

Даль, 1881: *Даль В. И*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: И—О. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1881.

Ерофеева, 2019a: *Ерофеева И. В*. Буддийские монастыри в кочевьях ойратов // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 46–75.

Ерофеева, 2019b: *Ерофеева И. В*. Строительство Аблай-хита и жизнь его обитателей // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 76–105.

Зализняк, 2004: *Зализняк А. А*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зорин, 2015: *Зорин А. В*. О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 102–118.

Зорин, 2020: *Зорин А. В*. О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблай-хит» // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 199–215.

Зорин, 2021: *Зорин А. В.* О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г. // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 306–318. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки ; вып. 19).

Карский, 1901: Очерк славянской кирилловской палеографии: Из лекций, читанных в императорском Варшавском университете проф. Е. Ф. Карским. Варшава: тип. Варшавского учебного округа, 1901.

Княжецкая, 1969: *Княжецкая Е. А*. Когда был основан Усть-Каменогорск // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1969. Т. 101, вып. 1. С. 74–77.

Княжецкая, 1974: *Княжецкая Е. А*. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. 1972 г. М.: Наука, 1974. С. 260–273.

Княжецкая, 1989: *Княжецкая Е. А*. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI: Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Кн. 3. С. 10–35.

Кызласов, 1959: *Кызласов Л. Р*. Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3. С. 66–80.

Кызласов, 1969: *Кызласов Л. Р*. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.

Лефельдт, 2021: *Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И. В., Элерт А. Х.* Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей. СПб.: Реноме, 2021. С. 119–142. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19).

Лурье, 1988: *Лурье Я. С*. Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1: А—К. С. 89–93.

Материалы, 1890: Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 6 : История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера: (1725–1743). СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890.

Мочульский, 1893: *Мочульский В. Н*. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса: тип. штаба войск Одесского военного округа, 1893.

Отчет ИПБ, 1885: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885.

Панин, 1991: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.

Пекарский, 1862: Наука и литература в России при Петре Великом : исследование П. Пекарского. — Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862.

Позднеев, 1887: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1887.

Порше, 1938: *Порше Ж.* Петр Великий и Парижская Королевская Библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Вып. IV. С. 43–60.

Пыпин, 1862: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб.: тип. Кулиша, 1862.

Радлов, 1891: *Радлов В. В*. Приложения // Радлов В. В. Сибирские древности. СПб: Издание имп. Археологической комиссии, 1891. Т. 1, вып. 2. С. 21–52, приложения IV–XII. (Материалы по археологии России, № 5).

Радлов, 1894: *Радлов В. В*. Приложения // Радлов В. В. Сибирские древности. СПб: Издание имп. Археологической комиссии, 1894. Т. 1, вып. 3. С. 53–146, приложения XIII–XVI. (Материалы по археологии России, № 15).

РНБ, загадка: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Азбуковник. Q.XVI.21, л. 251 об. — Опубликовано: Загадка [Электронный ресурс]: // РНБ. Отдел рукописей. Ex Libris. URL: http://nlr.ru/manuscripts/RA568/ex_libris?mnt=8CFD87C2-DD3A-406F-BD9B-00E1E9EB7B81 (01.06.2021).

Садовников, 1876: Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1876.

Словарь Академии, 1792: Словарь Академии российской. Ч. III: от З до М. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1792.

Спицын, 1906: *Спицын А. А*. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Зап. отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 227–248.

Фасмер, 1986: *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е—Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.

Черников,1960: *Черников С. С*. Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории Калмыцкой АССР. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 115–134.

Чупин, 1873: *Чупин Н. К*. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: тип. Поповой, 1873. Т. 1: А—Іоркан.

Шебалдина, 2005: *Шебалдина Г. В*. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005.

Ямпольская, 2015: *Ямпольская Н. В.* Сводный перечень фрагментов рукописей «черных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // Mongolica-XV: сборник научных статей по монголоведению. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 48–58.

Ямпольская, 2019a: *Ямпольская Н. В*. Обнаружение рукописей в ойратских монастырях // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 190–211.

Ямпольская, 2019b: *Ямпольская Н. В*. Фрагменты книг из Аблай-хита в библиотеках Европы // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 212–229.

Ямпольская, 2019c: *Ямпольская Н. В*. Монгольские рукописи // Буддийский монастырь Аблай-хит / К. М. Байпаков, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов, Н. В. Ямпольская. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019. С. 262–281.

Baddeley, 1919: *Baddeley John F*. Russia, Mongolia, China being some record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602–1676. Vol. 1. London, 1919.

Bayer, 1730: *Bayer T. S.* Praefatio // *Bayer T. S.* Museum Sinicum in quo Sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur. Petropoli : ex typographia Academiae imperatoriae, 1730. Tomus primus. P. 1–145.

Bell, 1885: R. H. Bell, John (1691–1780) // Dictionary of national biography. Vol. 4: Beal — Biber / Ed. by Leslie Stephen. London: Smith, Elder, 1885. P. 166–167.

Gmelin, 1751: *Gmelin J. G.* Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Th. 1. Goettingen, 1751.

Heissig, 1979: *Heissig W*. Die erste mongolische Handschrift in Deutschalnd // Zentralasiatische Studien, 13, 1979. S. 191–214.

Messerschmidt, 1962: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720−1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721−1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin, 1962.

Müller, 1747: *Müller G. F.* De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae. T. 10. Ad annum 1738. Petropoli: Typis Academiae, 1747. P. 420–468, tabl. I–IX.

Müller, 1760: *Müller G. F*. Nachricht von dem Gold-Sande in der Bucharey, von denen deshalb unternommenen Reisen, und von Erbauung der am Flusse Irtisch gelegenen Festungen: Omskaia, Schelesenskaia, Jamyschewskaia, Semipalatnaia und Ustkamenogorskaia // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4, Stück 3. St.-Petersburg: bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1760. S. 183–274.

Rohnström, 1971: *Rohnström, John*. Strindbergs mongoliska studier: Ett nyfunnet Strindbergsmanuscript // Bibliotek och historia. Festskrift till Uno Willers. Acta Bibliothecae Regiae Stockholmiensis, 12. Stockholm, 1971. S. 290–305, pl. XVII–XVIII.

Strahlenberg, 1730: *Strahlenberg Ph. J., von*. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begriffet. Stockholm: in Verlegung des Autoris, 1730.

Weston, 2018: *Weston D*. The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. Glasgow, 2018.

Zorin, 2015: *Zorin A*. Tibetan Buddhist Text Acquired by the Russian Academy of Sciences during the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo : ICPBS, 2015. Vol. XIX. P. 184–142 (=1–43).

Vadim B. Borodaev

A Folio of the Mongolian "Golden" Kanjur with the Russian inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library

This paper presents an annotated translation of Cyrillic inscriptions found on a Mongolian folio from the "Golden" Kanjur kept in the Linköping City Library (Sweden). It proves that the notes in Russian cursive were made in July 1720 and identifies the person mentioned in them.

The course of events that relate to the discovery of Buddhist monasteries in southern Siberia during the reign of Peter the Great as well as the process of their destruction by the Russian soldiers are considered in historical context of 1714–1721.

The paper states that the Linköping folio was originated from either the Darqan čorǰi-yin keyid (Sem Palat) monastery that used to be found on the shore of the Irtysh or (with a very low probability) some monastery in Mongolia that could be located close to the upper reaches of the Yenisey.

The sequence of the appearance of Buddhist manuscripts from Siberia in St. Petersburg and several countries of Europe from 1718 to the early 1740s is traced. It is argued that the Linköping folio probably belonged to the collection of Ph. Stralenberg, although its connection with some other Swedish captives who left Siberia in 1722–1723 cannot be ruled out.

It is pointed out that the correspondence between Erik Benzelius Jr. and Ph. Stralenberg as well as Th. S. Bayer may bring some promising results that can help clarify the question of the origin of the folio erroneously named *Codex Renatus Lincopensis* by J. A. Strindberg.

Key words: Buddhist manuscripts, Cyrillic inscriptions, Russian cursive, Linköping, Sem Palat, Darqan čorǰi-yin keyid, Churumal, Ablaikit, Erik Benzelius Jr., J. G. Renat, Ph. I. Strahlenberg, T. S. Bayer.

А. А. Туранская

ФРАГМЕНТЫ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ ИЗ ОЙРАТСКОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙ-ХИТ В КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ФРАНЦИИ *

DOI 10.25882/sat3-7k63

Фрагментам книг из ойратского монастыря Абхай-хит «посчастливилось» стать одними из первых тибетских и монгольских текстов, с которыми познакомились европейцы. Большая часть разрозненных листов книг некогда богатой монастырской библиотеки Аблай-хита была доставлена в Петербург участниками Второй Камчатской экспедиции Академии наук (1733–1743) в 1734 г. Другие листы этих рукописей хранятся в книжных собраниях Европы. Настоящая статья посвящена четырем фрагментам монгольских рукописей, хранящимся в коллекции Национальной библиотеки Франции под шифром *Tibétain 464*. В статье представлены описание, идентификация, транскрипция текстов, а также некоторые предварительные сведения по истории их поступления в коллекцию.

Ключевые слова: Аблай-хит, монгольские рукописи, Национальная библиотека Франции, монгольский Ганджур.

Фрагменты книг, обнаруженные в ойратском монастыре Аблай-хит [1] в первой половине XVIII в., были одними из первых текстов на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и НЦНИ в рамках научно-исследовательского проекта «У истоков тибетологии: российско-французское сотрудничество в исследовании первых тибетских рукописей в Европе», проект № 21-512-15001.

[1] Начиная с XVIII в. название этого монастыря передавали на русском языке в разных вариантах: Аблакет, Аблайн-хийд, Аблайн-хит, Аблайкит и пр. В большинстве публикаций этот монастырь назван джунгарским, что, учитывая современные исследования по истории ойратов, не совсем корректно. Изначально носивший название Улзейту-хит (монг. Ölǰeyitü keyid), этот монастырь был построен в 1657 г. хошутским тайджи Аблаем (?–1674). По-

тибетском и монгольском языках, привезенных в Петербург и Европу [2]. Бóльшая часть рукописных фрагментов из этого монастыря, который был покинут обитателями в силу различных исторических обстоятельств уже к моменту его обнаружения в 1721 г. [3], была доставлена в Петербург в 1734 г. Второй Камчатской экспедицией Академии наук под руководством Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783) и Иоганна Георга Гмелина (1709–1755). Составленные ими описания указывают на то, что в первые десятилетия XVIII в. в Аблай-хите все еще хранилось значительное количество разрозненных листов книг некогда богатой монастырской библиотеки. Так, по свидетельству Г.-Ф. Миллера, участникам экспедиции удалось увезти множество листов тибетских и монгольских рукописей, несмотря на то, что в течение нескольких лет их растаскивали русские солдаты и местные жители, использовавшие их для различных хозяйственных нужд [Müller, 1747: 448]. И.-Г. Гмелин в своей книге «Путешествие по Сибири в 1733–1743 гг.» (*нем*. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733, bis 1743) отмечал, что в Аблай-хите «в настоящее время лежит еще так много письмен, что ими можно нагрузить еще около 20 подвод. И хотя лучше сохранившиеся уже изъяты, следовало бы сберечь и остальные, так как и плохо сохранившиеся могут быть прочитаны» [Гмелин, 1994: 142].

Ценность приобретенных фрагментов, доставленных в Академию наук в 1734 г., довольно скоро перестала быть очевидной. Несколько десятилетий спустя библиотекарь Иоганн Бакмейстер (1732–1788) отмечал, что «монгольская премудрость… представляет обрывки, кото-

---

скольку в тот исторический период управление ойратской племенной конфедерацией осуществлялось правящей элитой хошутов и джунгаров, союз не может определяться как «Джунгарское ханство» (1635–1758 гг. по периодизации И. Я. Златкина [Златкин, 1983]). Полемика о правомерности предложенной Златкиным периодизации представлена в: [Цыремпилов, 2018: 28–31]. Известно, что строительство Аблай-хита началось в 1653 г., а в 1657 г. он был торжественно освящен наиболее влиятельным ойратским ученым ламой Заяпандитой Намхайджамцо (1599–1662) [Ратнабхадра 1999: 75]. Помимо знаменитого эпизода осады крепости 1661 г. более ни о каких событиях из истории Аблай-хита источники не сообщают. Общие сведения о монастыре-крепости Аблай-хите см.: [Цыремпилов, 2018].

[2] Несколько листов рукописей на тибетском языке были доставлены из Сибири в Петербург в 1718 г., а также в 1721 г. Подробнее см.: [Зорин, 2015; Zorin, 2015; Байпаков et al., 2019].

[3] Об обнаружении «в степи за Усть-Каменогорской крепостью старых палат и в них рукописей» писал в письме к Петру I в 1721 г. сибирский губернатор князь А. М. Черкасский. Он также переслал шесть листов на тибетском языке. Один из них, судя по всему, впоследствии оказался в Париже, остальные — возможно, в Лондоне. Подробнее см.: [Зорин, 2015: 108; Zorin, 2015: 19—21; Байпаков et al., 2019: 202, 209].

рые стоит хранить разве лишь потому, что они уже хранятся» [Busse, Jährig, 1796: 124]. Отдельные листы неизвестных буддийских текстов находились среди разрозненных материалов в коллекции Азиатского Музея (ныне ИВР РАН) и долгое время не привлекали особого внимания исследователей [4]. В настоящий момент Н. В. Ямпольской идентифицированы как аблай-хитские 1265 фрагментов трех рукописных списков буддийского канона Ганджура (тиб. bKa' 'gyur, монг. Ganǰur) на монгольском языке. 20 фрагментов представляют собой листы из разных томов богато декорированного списка, написанного золотыми чернилами внутри вычерненной рамки листов темно-синего цвета (MS.3) [5]. Остальные 1245 фрагментов относятся к двум так называемым «черным спискам», текст которых написан черными и красными чернилами на неокрашенной бумаге (MS.1 и MS.2) [6].

Помимо ИВР РАН, листы этих же монгольских рукописей выявлены в коллекциях Российской национальной библиотеки и нескольких европейских библиотек, находящихся в Германии (Берлин, Вольфенбюттель, Кассель, Галле), Швеции (Линчёпинг), Великобритании (Лондон, Глазго) и Франции (Париж) [7].

---

[4] А. Г. Сазыкин в предисловии к каталогу монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР отмечал: «Началом создания монгольского фонда Азиатского Музея — Института востоковедения принято считать 1720 г., когда в библиотеку Кунсткамеры поступили первые монгольские рукописи, обнаруженные в развалинах монастыря Абхай-хит на Иртыше. После основания в 1818 г. Азиатского Музея все эти материалы были переданы туда, однако определить сейчас, какие именно это были рукописи, с полной уверенностью не представляется возможным» [Сазыкин, 1988: 10].

[5] Кодикологически и палеографически фрагменты схожи с парадным списком «Золотого Ганджура», который хранится в Академии общественных наук Внутренней Монголии (Хух-Хото, КНР). Подробнее о нем см.: [Alekseev, Turanskaya, 2013]. Прямых и надежных сведений об обстоятельствах обнаружения фрагментов MS.3 до сих пор не обнаружено. Тем не менее все выявленные на сегодня «золотые» листы хранятся вместе с фрагментами рукописей, происходящими из Аблай-хита. А. В. Зорин не исключает возможности, что фрагменты ойратского «Золотого Ганджура» были обнаружены в Семи Палатах. Подробнее см.: [Zorin, 2015; Helman-Ważny, Kriakina, Zorin, 2015; Walravens, Zorin, 2016].

[6] Для удобства исследователей в статье использованы обозначения, предложенные Н. В. Ямпольской. Общее описание этих фрагментов см.: [Ямпольская, 2015; Байпаков et al., 2019: 269–281]. Первый список (MS.1), вероятно, имеет южномонгольское происхождение, второй же (MS.2) был переписан в ойратских кочевьях (вероятно, является копией с MS.1). Оба списка датированы XVII в.

[7] Список MS.1 сохранился в 794 фрагментах: 775 листов хранится в ИВР РАН (под шифрами К 26 — К 36 и частично без шифра), 1 — в РНБ (Дорн

Настоящая статья посвящена фрагментам вышеупомянутых монгольских рукописей из Национальной библиотеки Франции, которые хранятся вместе с 17 тибетскими листами [8] под общим шифром *Tibétain 464*. В коллекцию включены шесть листов на монгольском языке, а именно: два листа «золотого» списка MS.3, три листа «черных» Ганджуров (1 л. MS.1 и 2 лл. MS.2), а также один лист монгольской рукописи сутры «Золотого Блеска» (санскр. Suvarṇaprabhāsottama).

О поступлении этих материалов в коллекцию в настоящий момент практически ничего не известно. Одно из немногих упоминаний о рукописях, хоть немного подходящих под описание, представлено в книге Л. В. Делиля (1826–1910) «Рукописный отдел Императорской библиотеки» 1868 г., согласно которому в 1777 г. часть тибетских и «тартарских» [9] рукописей была передана в дар придворным медиком российской императрицы Леклерком [10], и примерно в это же время у

№ 847), 12 — в Берлинской государственной библиотеке (5:9 Ohne Signatur), 3 — в Британской библиотеке (Stowe 32), 3 — в Библиотеке Университета Глазго (PL61) и 1 — в Городской библиотеке Линчёпинга (OL5). Список MS.2 сохранился в 479 фрагментах: 470 из них выявлены в ИВР РАН (под шифрами К 26 — К 36 и частично без шифра), 3 — в Фонде Франке (R.-Nr. 48) и 6 — в Берлинской государственной библиотеке (5:9 Ohne Signatur). Базовое описание и перечень этих фрагментов были опубликованы в: [Ямпольская 2015]. В настоящее время известно о 34 фрагментах «Золотого Ганджура»: 20 л. хранятся в Институте восточных рукописей РАН (К 37); 1 — в Библиотеке Герцога Августа, г. Вольфенбюттель (Cod. Guelf. 9 Extra v V); 1 — в Городской библиотеке г. Линчёпинга (OL3); 1 — в Университетской библиотеке г. Касселя (Ms. orient. Anhang 3); 1 — в Фонде Франке, г. Галле (R.-Nr. 48); 1 — в Берлинской государственной библиотеке (Ms. or. Fol. 477); 4 — в Британской библиотеке (Stowe 32, Sloane 2838 a-b); 3 — в Библиотеке Университета Глазго (PL61); 2 — в Национальной библиотеке Франции (Tibétain 464).

[8] Подробнее см.: [Zorin, 2015: 31 (Примеч. 87)].

[9] По всей вероятности, имеются в виду монгольские рукописи. Из-за скудных и отрывочных сведений о территории от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии в западноевропейской литературе и картографии XIII–XIX вв. для обозначения этой территории использовался термин Тарта́рия (лат. Tartaria).

В европейских источниках Тартария стала наиболее распространенным наименованием Центральной Азии, а значительное количество неизвестных языков, в т. ч. тибетский, монгольский, маньчжурский и др., назывались «тартарскими». Подробнее см.: [Abel-Rémusat, 1820].

[10] В упоминании фамилия Леклерка, по всей вероятности, передана некорректно как «Clère». Николя-Габриэль Леклерк (1726–1798), французский медик и историк России, прибыл в Петербург по приглашению императрицы Елизаветы в 1759 г. и вернулся во Францию в 1762 г. после ее смерти. Избранный в почетные члены Императорской Академии наук в 1965 г., он вер-

Шерера [11] были приобретены «тартарские свитки» (*фр*. rouleaux tartares) [Delisle, 1868: 548]. Отсутствие описаний поступивших в 1770-х гг. в библиотеку «тартарских» рукописей не позволяет отождествить их с монгольскими листами, хранящимися в Национальной библиотеке Франции под шифром *Tibétain 464*, с одной стороны, и исключить вероятность того, что это были другие фрагменты, — с другой.

Довольно важные сведения содержатся в записках на отдельных листках бумаги небольшого формата, а также в пометках на полях рукописных фрагментов. Общая записка, приложенная к альбому с названием «Тибетские и тартарские фрагменты» (*фр*. Fragmens Tibétains et Tartares), изготовленному в XIX в. для хранения этих тибетских и монгольских фрагментов, сообщает: «Тибетские и монгольские фрагменты того же типа, что и в этой коллекции, найдены в кабинете герцога Блакаса [12]. Тибетские фрагменты содержат молитвы в форме литаний [13], адресованные богу Джангчубу [14], и буквы написаны золотом, серебром, а иногда и тем и другим. Что касается монгольских фрагментов, то распознать их содержание крайне сложно. Они имеют номера 230, 263, 273 и 275, что позволяет предположить, что тома, к которым они принадлежали, были довольно объемными [15]». Понять, о каких именно монгольских фрагментах идет речь, не представляется возможным: указанные номера листов не совпадают с подписанной на фрагментах сохранившейся фолиацией. Тем не менее, несмотря на всю противоречивость содержащихся в записке сведений, отсылка к

нулся в Петербург в 1769 г. и занимал до 1777 г. различные должности. Подробнее о нем см.: [Библиографический словарь 1914: 179–180].

[11] Ш е р е р — скорее всего, имеется в виду Жан-Бенуа Шерер (1741–1824) — немецкий и французский историк, географ и экономист. Известно, что он много путешествовал по России, а в 1760-е был атташе французского посольства в Санкт-Петербурге.

[12] Г е р ц о г Б л а к а с — Пьер Луи Жан Казимир, герцог де Блакас д'О (1771–1839), французский дипломат, находившийся в Петербурге некоторое время в 1790-х гг.

[13] Л и т а́ н и я (лат. litania от греческого греч. λιτή, 'молитва' или 'просьба') — в христианской традиции молитва, состоящая из повторяющихся коротких молебных воззваний.

[14] Тиб. byang chub, санскр. bodhi.

[15] *Фр*. Des fragmens Thibetains et Mongols du même genre que aux que renferne ce recueil, de trouvent dans le cabinet de m'le duc de Blacas. Les fragmens Thibetains renferment des prières en forme de litanies, adresseés au dieu Djangtchoub, et sont écrits tantôt en lettres d'or, tantôt en lettres d'argent, et tantôt en lettres mêleés. Quant aux fragmens Mongols, on a de la peine à er reconnaitre le sujet. Ils portent les nos 230, 263, 273 et 275. Ce qui suppose que lés volumes auz quéls ils ont appartenu, étaient considerable.

похожим рукописям из коллекции французского собирателя древностей герцога де Блакас д'О позволяет предположить наличие неизвестных на настоящий момент тибетских и монгольских фрагментов из Прииртышья во Франции.

В другой записке, вложенной в альбом между монгольскими листами, сказано: «Два свитка с черными надписями на белом фоне, хранящиеся в коробках с этикетками 2 и 3, были свернуты один в другой. 2) Свиток поступил от господина Клерка [16]». Если информация верна, то по меньшей мере один лист был приобретен Н.-Г. Леклерком во второй половине XVIII в.

На двух монгольских листах (рукописей MS.3 и MS.2) на полях есть пометки «В дар Библиотеке короля от Ланглеса» (*фр*. offerts à la Bibliotheque du Roi par Langlès), и на черном листе стоит дата — 1818 г. (см. ил. 18). Эти пометки, наряду со штампом «Королевская библиотека» (*фр*. Bibliothèque Royale), позволяют точно установить поступление в коллекцию указанных листов: переданы они были французским академиком, хранителем восточных рукописей в Национальной библиотеке в наполеоновской Франции, переименованной в Библиотеку короля после падения Наполеона [17], Луи-Матье Ланглесом [18] (1763–1824).

Эти отрывочные сведения не воссоздают полной картины, однако явно позволяют предположить, что монгольские фрагменты попали во Францию во второй половине XVIII в. Сделанные на листах пометки являются своего рода «живыми» свидетельствами трудностей, с которыми столкнулись собиратели материалов XVIII — начала XIX в. в процессе идентификации языка текстов. Многочисленные исправления, в том числе, вероятно, сделанные самим Л.-М. Ланглесом, — доказательства смутного представления о системах письма в период, когда тибетология и монголоведение не сформировались как научные дисциплины.

---

[16] *Фр*. Les deuz rouleax en écriture noir sur fond blanc, contenus dans les boëtes quoteés en dedans 2 et 3, etoient roulés l'un dans l'autre. 2) Rouleau venu de M. Clerc.

[17] Несколько позднее библиотека получила наименование Императорской, что оказалось зафиксировано в названии книги Л. В. Делиля.

[18] Л.-М. Ланглес был одним из первых французских ученых, овладевших персидским, арабским, малайским и маньчжурскими языками. Автор значительного числа работ по восточной литературе, истории и географии, которые в настоящий момент считаются малоавторитетными и устаревшими. По его заказу в типографии Ф. Дидо (1764–1836) был изготовлен первый наборный «тартаро-маньчжурский» типографский шрифт в 1787 г. (в настоящий момент хранится в музее типографии *Imprimerie Nationale* под шифром Mandjou Corps 9).

Ниже представлены идентификация и транскрипция [19] четырех монгольских листов, включенных в коллекцию *Tibétain 464.* Два листа «золотого» списка Ганджура готовятся к публикации К. В. Алексеевым и Н. В. Ямпольской [20]. Фрагмент сутры «Золотого Блеска», судя по орфографии и дукту, имеет южномонгольское происхождение. Другие листы этой рукописи в коллекции ИВР РАН в настоящий момент не выявлены, и можно предположить, что лист был привезен не из Аблай-хита. Тем не менее элементы орфографии, типичные для монголоязычных буддийских текстов переходного периода (XVII в.) [21], не позволяют полностью исключить обратное.

Несмотря на фрагментарность сохранившихся четырех текстов, все они представляются довольно значимыми для исследований монгольской литературы в целом и монгольского буддийского канона в частности. Последние десятилетия исследователи тибетской литературы отмечают условность ставшего традиционным термина «канон»: в Тибете был создан не единый, обладающий общепризнанным авторитетом свод священных текстов, а множество таких текстов, которые существенно отличаются друг от друга структурой и репертуаром [22]. Монгольский рукописный Ганджур, в свою очередь, — это не просто перевод с тибетского [23], а уникальная система текстов, которая в том

---

[19] В монголоведении до сих пор не создана единая система транскрипции. В настоящей статье был использован индекс к сочинению *Erdeni-yin tobci* Сацан-Сэцэна, изданный И. Рахевильцем и Дж. Крюгером [Rachewiltz, 1991]. Для передачи галика была использована система, разработанная К. В. Алексеевым. Знаки галика, встречающиеся в рукописных фрагментах, переданы следующим образом:

c”		c’		d’		d*	
n’		p		t’		z’	

Текстологические обозначения: [ ] — номера строк; {⋮ } — вставка, подведенная пунктиром; { } — вставка без маркировки; < > — текст не виден на листе (обрыв, пятно); " " — текст помечен как лишний.

[20] Результаты исследования всех 34 «золотых» листов Ганджура, выявленных на настоящий момент в рукописных собраниях России и Европы, будут в скором времени опубликованы в монографии «Фрагменты золотого монгольского Ганджура из Джунгарии. Исследование, транскрипция, комментарии, указатели».

[21] О периодизации монгольского письменного языка см.: [Владимирцов, 1989: 34–39].

[22] См.: [Skilling, 1997: 100–101].

[23] Большинство исследователей до недавнего времени отмечали вторичность и неоригинальность всего корпуса канонических текстов, переведенных

числе вполне может уточнить историю тибетских оригиналов. Особенности структуры и содержания монгольских рукописных Ганджуров не имеют полного соответствия ни в одной из известных сегодня тибетских версий Кагьюра. Возможно, они базировались на не дошедших до нас тибетских прототипах.

Рис. 1. Фрагмент 1; хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж) в составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 21); источник: gallica.bnf.fr

с тибетского на монгольский язык. См., например: [Пубаев, 1989: 65–66; Elverskog, 2006: 124; Wallace, 2009: 89].

Фрагмент 1 (MS.1 [24]; см. рис. 1)

Санскр. *Śatasāhasrikāprajñāpāramitā*, тиб. *Shes rab kyi pha rol tu phyin pa stong phrag brgya pa*, монг. *Bilig-ün činadu kiǰaγar-a kürügsen ǰaγun mingγan toγa-tu* [25]

Фрагменты для текстологического сличения: BK: *yum, nya,* 91a–91b [26]; D: 'bum, nya, 66b4–67b1

[? [27]r7] <…*qamuγ*> ǰüil-i medegči [8] <*masida arilbai : tegüber ene burq*>an-u es-e qoličalduγsan [9] <*nom-ud masida ariluγsan*> kiged : daγun masida [10] <*ariluγsan*> ba : qamuγ <*ǰ*>üil-i medegči masida arilu-[11]gsan anu qoyar ügei büged : qoyar bolγaγdaqui [12] ügei : anggida busu : tusburi busu bolai :: [13] burqan-u es-e qoličalduγsan nom-ud masida [14] ariluγ-san-iyar ünür masida arilbai: ünür [15] masida ariluγsan-iyar qamuγ ǰüil-i medegči [16] masida arilbai: tegüber ene burqan-u es-e qoličal-[17]duγsan nom-ud masida ariluγsan kiged: ünür [18] masida ariluγsan ba : qamuγ ǰüil-i medegči [19] masida ariluγsan anu qoyar ügei büged : qoyar [20] bolγaγ-daqui ügei : anggida busu : tusburi busu [21] bolai :: burqan-u es-e qolilčal-duγsan nom-ud masida [22] ariluγsan-iyar amtan masida arilbai : amtan [23] masida ariluγsan-iyar qamuγ ǰüil-i medegči [24] masida arilbai : tegü-ber {⁞ene} burqan-u es-e qoličaldu-[25]gsan nom-ud masida ariluγsan kiged : amtan masida [26] ariluγsan ba qamuγ ǰüil-i medegči ad [28] masida [27] ariluγsan anu qoyar ügei büged : qoyar [28] bolγaγdaqui ügei : anggida busu : tusburi busu [?v29] <*bolai : burqan-u ese qoličalduγsan nom-ud masida ariluγsan-iyar : kürtekü masida arilbai : kürtekü masida ariluγ-san-iyar : qamuγ ǰüil-i medegči masida arilbai : tegüber ene burqan-u es-e qoličalduγsan nom-ud masida ariluγsan kiged : kürtekü masida ariluγsan ba : qamuγ ǰüil-i medegči masida ariluγsan anu qoyar ügei büged : qoyar bolγaγdaqui*> [35] ügei : anggi<*da busu tusburi busu bolai* :> [36] burqan-u es-<e qolilčalduγsan nom-ud masida> [37] ariluγsan-iyar : nom masida <*arilbai*:> {nom masida ariluγsan-iyar : qamuγ ǰüil-i medegči ma<*sida aril-bai* :} *tegüber ene*> [38] burqan-u es-e qoličalduγsan nom-ud ma<*sida ar-*

[24] Подробное кодикологическое описание списка см.: [Байпаков et al., 2019: 269–275]. Левая часть листа с фолиацией и указанием метки тома и маргинального названия отсутствует.

[25] Ср.: [Касьяненко, 1993: № 531; Ligeti, 1942–1944: № 753; Hackett, 2012: № 25].

[26] В изданный ксилографическим способом в Пекине в 1717–1720 гг. Ганджур включена незначительно отредактированная версия текста, переведенного с тибетского.

[27] Фолиация отсутствует из-за повреждения левого края листа. Однако количество строк (28 на сторонах recto и verso) можно восстановить по ксилографическому изданию сочинения.

[28] Ошибка писца, но не помечен как лишний.

iluγsan> [39] kiged : nom masida ariluγsan ba : qamuγ ǰüil-i [40] medegči masida ariluγsan anu qoyar ügei büged : [41] qoyar bolγaγdaqui ügei : anggida busu : tusburi [42] busu bolai :: burqan-u es-e qoličalduγsan nom-ud [43] masida ariluγsan-iyar nidün-ü medeküi masida [44] arilbai : nidün-ü medeküi masida ariluγsan-iyar [45] qamuγ ǰüil-i medegči masida arilbai :: tegüber ene [46] burqan-u es-e qoličalduγsan nom-ud masida ariluγsan[47] kiged : nidün-ü medeküi masida ariluγsan ba : qamuγ [48] ǰüil-i medegči masida ariluγsan anu qoyar ügei [49] büged : qoyar bolγaγdaqui ügei : anggida busu : [50] tusburi busu bolai :: burqan-u es-e qolčalduγsan [51] nom-ud masida ariluγsan-iyar čikin-ü medeküi [52] masida arilbai : čikin-ü medeküi masida ariluγsan-iyar [53] qamuγ ǰüil-i medegči masida arilbai : tegüber ene [54] burqan-u ese qoličalduγsan nom-ud masida ariluγsan [55] kiged : čikin-ü medeküi masida ariluγsan ba : qamuγ [56] ǰüil-i {⁞medegči} masida ariluγsan anu qoyar ügei büged :

Фрагмент 2 (MS.2 [29]; см. рис. 2a, 2b)

Санскр. *Āryasūryagarbhanāmamahayānasūtra*, тиб. *'Phags pa shin tu rgyas pa chen po'i sde nyi ma'i snying po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, монг. *Qutuγ-tu masi delgerenggüi-yin qyimaγ naran-u ǰirüken neretü kölgen sudur* [30]

Метка тома: тиб. zha. *Маргинальное название*: eldeb sudur.

Фолиация: 79 (монг. dalan yisün).

«*Рабочая пагинация*» [31]: тиб. 6

Фрагменты для текстологического сличения: BK: eldeb sudur, ha, 291b–294a [32]; D: mdo sde, za, 226a4–228a6.

[79r1] ǰaraγ tegüsügsen nigen buqar ke{yi}d-i ber bayiγulbai : tere čečeg engkiǰiregsen [2] qaγan-u saqarǰuna neretü nigen köbegün buyu : tere orčilang-ača masi ayuǰu [3] ilaǰu tegüs nögčigsen-ü dergede maγad γaruγad : ečige-yin quvaraγ-ud-un [4] qotola bayasqaqui quriyan-dur tere daγan sakiγad amui : tendeče ilaǰu tegüs [5] nögčigsen alimad siravag quvaraγ-ud-un oron kiged : tende alimad idegen : [6] umdaγan oron debisker edlegdeküi bügüde-dür : čečeg-ün engkiǰiregsen-ü [7] köbegün tere sara(=saqa)

[29] Подробное кодикологическое описание списка см.: [Байпаков et al., 2019: 275–281].

[30] Ср.: [Касьяненко, 1993: № 755; Ligeti, 1942–1944: № 1014; Hackett, 2012: № 275].

[31] Нумерация листов, которую использовали переписчики в процессе работы. Подробнее о традиционных способах маркирования страниц при переписывании рукописей см.: [Yampolskaya, 2015].

[32] В Пекинский печатный Ганджур включена незначительно отредактированная версия текста, переведенного с тибетского.

arǰuna toyin ayidan sedkibei : ilaǰu tegüs nögčigsen-ü tedeger [8] siravag toyid-un oron-u tendeče ber ǰorčibai : tere ber duran-iyan [9] masi bayasču : öber-iyen ber ülü atala busud-ta ber ülü ögkü-[10]yü kemegdeküi-eče : tere toyin ber ükül ǰegüdgeǰü bürün : amitanu yeke tamu-yin [11] dotoru töröber(=töröbei) kemegdeküi-dür kürtel-e bolai : tere eng olan ǰaγun mingγan [12] ayud toγatan{⁞-ud-tur} amitan-u yeke tamu-yin dotora töröǰü činaγdabai : tere tendeče [13] ükül ǰegüdgeǰü birid-un dotora töröged : tere eng olan ǰaγun mingγan ayud [14] toγatan-ud-tur ǰobalang-i üǰebei : qoyina basa amitan-u tamu kiged birid-un [15] dotora ǰobalang-i üǰebei : γar-iyar yabuγči orčilang-iyar ǰüdegen sedkil-lüge [16] tegüsügsen saqarǰuna neretü toyin boluγad : tendeče ükül ǰegüdgeǰü teyin kü ünide maγui [17] ǰayaγan-u ǰobalang-i üǰegsen tegünü öbere bui kemen či sedkibesü öbere bui [18] kemen ü<*lü*> sedkigdeküi : tere metü ǰayaγan-u tüidügčide čingde bariγdaγsan ber [19] či bolai : egünče qoyinasida γučin nigen galab-ud-tur či nasuda γurban maγui ǰayaγad-un [20] dotora töröbei: tegün-ü ǰayaγan-u üleǰü qočoruγsan tere üile-yin tüidker-iyer [21] ende luusun dotora töröγsan inu öber-e busu či buyu : ter-e metü [22] mederekü ǰobalang-i üǰebei : ali či tendeče ükül ǰegügdeǰü bürün : qoyina [23] bas-a amitan-u tamu kiged: aduγusun birid-un dotora nasuda ǰobalang [24]-iyar nerbeγdeküi ene kemebesü oron buyu : tere luusun köbegü{d} duran-iyar [25] masida qorosǰu "i" asuru masida uilaγad ilaǰu tegüs nögčigsen-ü qoyar [26] köl-dür mörgöǰü eyin kemen öčibei : toyin ilaǰu tegüs nögčigsen-e il{γal} [27] yambar büküi : soγtaγsan yambar büküi : butungγui kiged : bidaγu yambar [28] büküi endegsen-yin: öbere öbere namančilasuγai : endegsen öbere öbere namančilasuγai : toyin [29] ilaǰu tegüs nögčigsen-e bi sedkil-iyer sanvar barisuγai : bi tegünčilen iregsen-ü ubasi [30] boluγad : keǰiy-e-de nasu torqaru amin nitulqui-yi tebčisügei : bi "tegünčilen iregsen-ü" [31] ilaǰu tegüs nögčigsen-dür itegen odsuγai : ilaǰu tegüs nögčigsen ǰarliγ bolurun: [32] iǰaγur-tanu köbegün-e sayin sayin : ülemǰi sedkil-iyer nadur itegen öčigsen-iyer : [33] činu maγu ǰayaγan bügüde oγoγata bariγdayu : endeče ükül ǰegüdgeǰü či [34] manǰusiri-yin čaγ-tur inu kümün-ü töröli olqu boluγad : mayidari-yin dergede [35] maγad γaruγad arqad-tur kürtel-e ilete bolqu boluyu: tere čaγ tere učir-tur [36] alimad-iyar sigi [33] burqan-u nöködlüge bügüde-dür qamuγ kereg ǰaraγ-iyar [37] γurban saran-dur tabilγaγad : tegünü tulada quvar<*aγ-u*>d-un qotola-yi bayasqaqui [38] quriyan-dur qamuγ {⁞kereg} ǰaraγ tegüs sayin boluγsan čečeg-eče engkiǰiregsen neretü [39] qaγan öber-e bui kemen ta sedkibesü tegüni öbere bui kemen ülü sedkigdeküi : [40] "tere kemebesü ülü sedkigdeküi" : ter-e kemebesü ene sagara luus-un qaγan [41] bolai : ene büged γučin nigen galab-tur keǰiy-e ber maγu ǰayaγan-dur ese [42] töröbei : tngri-nar-un čoγ ǰali kiged : sayin

[33] Санскр. śikhin, тиб. gtsug tor can.

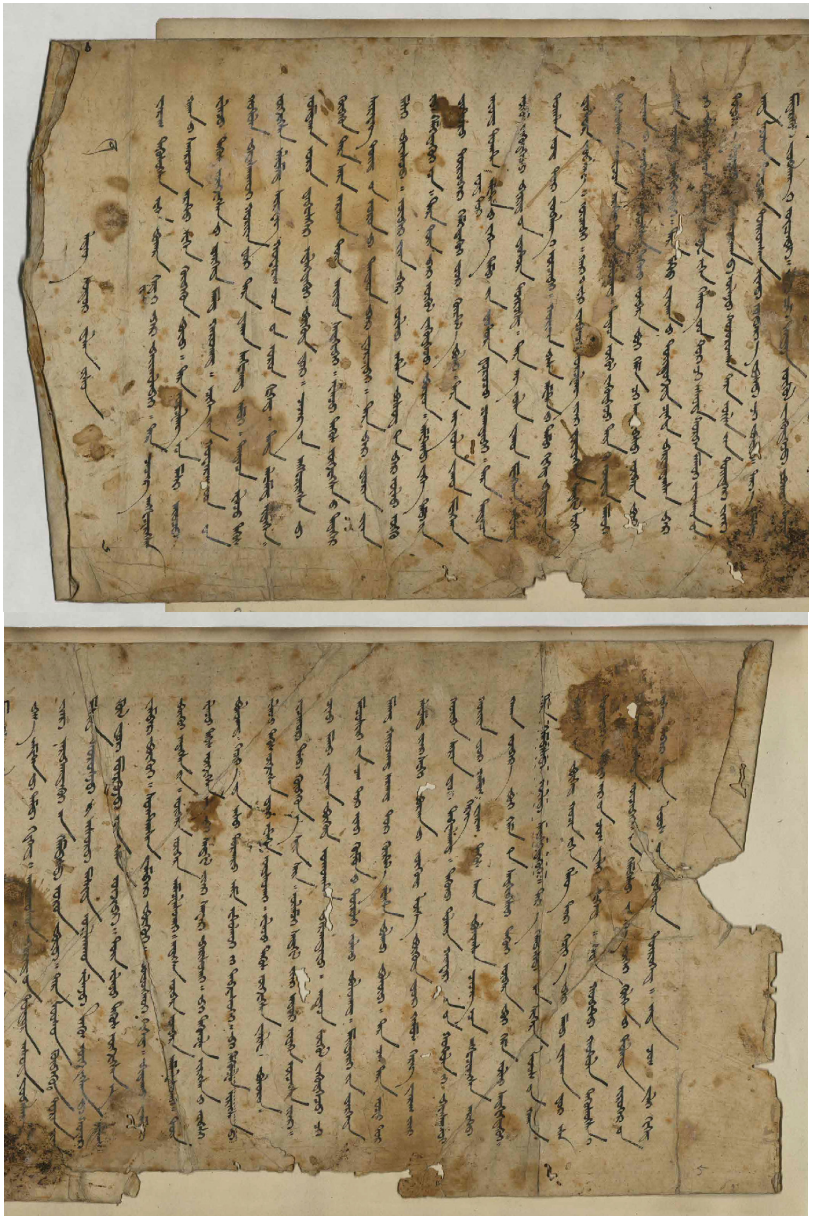


Рис. 2а. Фрагмент 2, recto; хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж) в составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 20); источник: gallica.bnf.fr

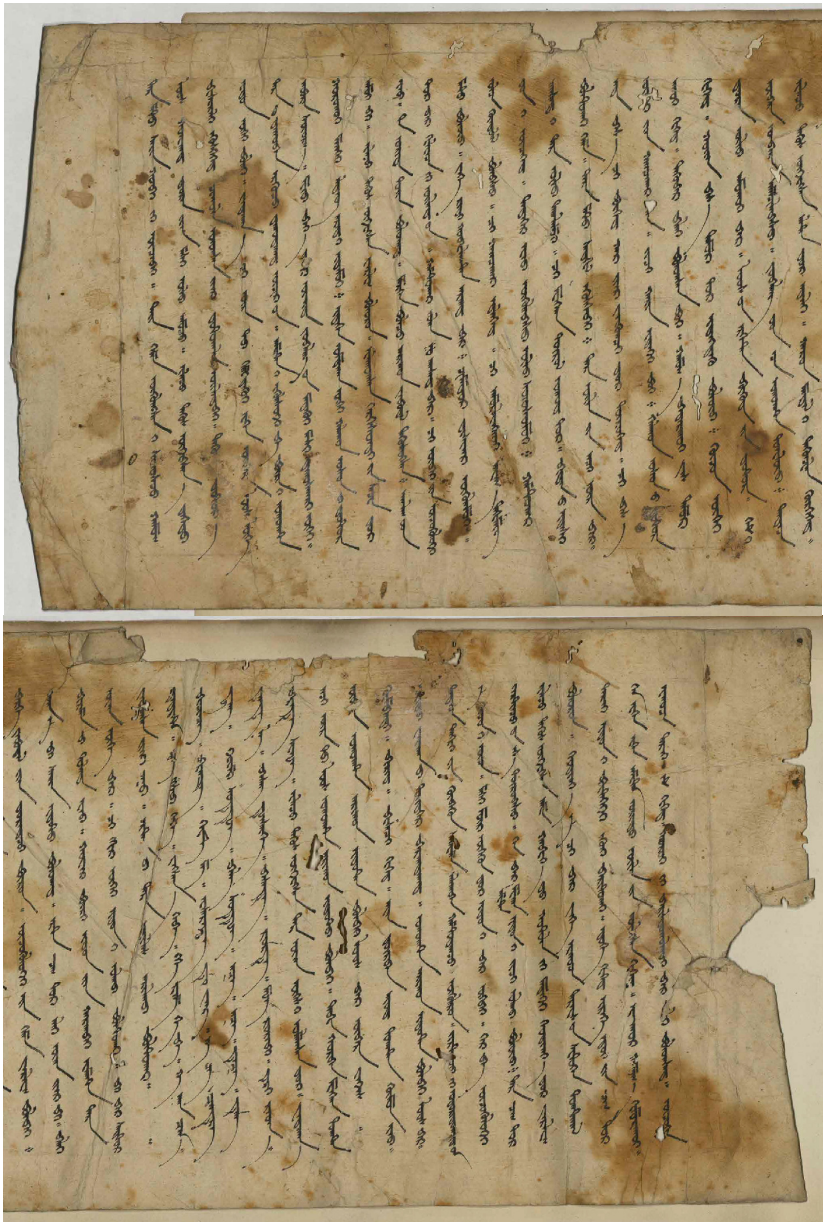


Рис. 2b. Фрагмент 2, verso (обе фотографии разрезаны на две половины, чтобы был лучше виден монгольский текст)

qubitu qotola tegüsügsen-i [43] masi aγui yekede üǰebei : ene kemebesü <*dege*>re ügei kölgen-ü tulada irüger-ün [44] erke-ber tede luus-un dotora töröged : ende čoγ ǰali kiged [79v45] tere metü sayin qubi-yi üǰebei : teyin kemen ügülegsen-i sonosču qamuγ [46] luus γuniγad duran-iyan masi ülü amuǰu : ilaǰu tegüs nögčigsen-e degedü [47] bisireli egüskeged čiqula onoγ-san-iyar dotoγalan(=todoγalan) üiledbei: tegu<*n-ü*> dotor-a [48] nidün ügei bolai : yadaγan-a ači üre-tü kemegdeküi nigen öbere luus-lüge(=bölüge) [49] tere "d" daγuban ergüǰü daγudaγad öčir-ün : amitan-i nigülesügči ba burin-i oγoγata [50] aburan soyurq-a : minu bey-e-dür ünide ǰobalang-un medeküi masi daγusqari ügei : [51] qoroqoi menekei eldeb arad-i idemüi :: idegen umdaγan ügei qalaγun usun-u dotora [52] amui bi : ilaǰu tegüs nögčigsen ǰarliγ bolurun : ilaγuγsan karkasundi-yin saǰin-dur [53] inu : ta urida toyin boluγad : mergen bolǰu ariγun yabudal tegüsügsen :: aγlaγ-ud [54]-tur ber kilinče-yi üiled-ün : qamtuγar olan "u" aγsad ber :: či öber-iyen üǰügülügči [55] metü boloyu : yeke ridi qubilγatan arqad ber :: čimadur disi-nar(=tidsi-nar) ügülemüi : [56] olǰa kündülel bolbasu : či γaγčaγar edleged : či amurlingγui ayaγ-a tegimlig [57]-ud-i üǰečed : tedeger inu ügülebesü ülü sonosumui :: qamtuγar [58] aγsad-i tere ülü taγalamui : či mingγan töröl-nuγud-tur : biden-ü idesi [59] boltuγai kemen : tere metü sedkil egüskebei :: tere üile-yin ači üre-ber : [60] ende bas-a či büged γar-iyar yabuγči-dur töröged : či bas-a [61] ügei-iyen γaγčaγar <...>a : ǰiči qarin idegči bui :: qalaγun usun-u dotora [62] aqui kiged : tegüber balai boluγsan bui : qamuγ-a badaraqui ǰes temür [63] kiged : qoyina bas-a temür(=tamu)-tür idegdekü boluyu :: küčün ügei [64] duran ülü amuqui-bar : luus-un erketen bügüde-yin dotora : gem-i [65] öbere öbere namančilabasu : ǰobalang-ud-ača oγoγa-ta toniluyu :: tendeče [66] ilaǰu tegüs nögčigsen altan-dur adali : γarun man-dal-i tegünčilen kürgeged : [67] berke yabudal-iyan duradču bürün : üǰügülügči eyin kemen ǰarliγ bolbai :: [68] qaγan-a bi sayin nidütü boluγad : erte čaγ-tur ali ünen-iyer bi : balai [69] biraman-u tulada inu : qoyar büri nidün-iyan γaryabai imaγta tere [70] ünen üge-ber : či kkir ügei nidün-i olqu bol-tuγai : bi ber sayitur [71] yabuγsan-iyar činu : erten-ü tere üiles arilqu bol-tuγai : : [72] t’adyata : č”a kksu kaba : raksan-a kaba : kka rma ka ba : ka anan č’an-a : [73] biraǰa : brant’a: z’n’a ma : nišaran”a d’ō yang : a he č”and’ra [74] d*ane : krimi šud’d’he : pala šud’d’he : āǰe : āǰe : d’āǰe : d’ang [75] d'and’a le : base d’hasike : basat’e : rūrt’i : maha rurabi : d’ri ratn-a : [76] brat’e svaha[1] : ilaǰu tegüs nögčigsen tere ünen üges-i nomlaγ-san-dur : yadaγan-a (=ǰayaγan-a) [77] ači üre-tü luus oγoγata ariγun nidütü bolbai : tabin γurban mingγan toγatan [78] öbere oγoγata ariγun nidüten

[1] Тиб. ta+dya thā| tsa+kṣu kha ba| ra sa na kha ba| ka+rma kha ba| a nan dza na| bi ra dza| ba ra an ta| dznyā ma| ni sa ra ṇa tro ya| a he tsan dra ḍa ne kri mi shud dhe| pha la shud dhe| a dze ta dze| ta le tan ta le| ba se dha sa ke| ba sa te| rū ra ti| ma hā rū ra bi| tri rad na bra te swā hā|.

bolbai luus ber öbere yagčas(=yakšas) :[79] kimbandi : birid : bišači kiged : nayan dörben ayud toγatan kümün inu : [80] uridu ǰayaγan-u tüidker baraγdaγad : oγoγata ariγun nidüten bolbai luus ber : [81] tendeče tngri-yin köbegün sasiman [2] alγaban qamtudqaǰu ügülerün : yirtinčü-yi uduriduγčid-un-[82]a küčün-i üǰe : masi mör ügegün-dür nidün-i ber ögbei : ker be üǰügülügči [83] yirtinčü-da ese töröbesü : ken ber {⁞amitan} miqan nidün-i ǰiči olqu boluyu :: tere čaγ-tur [84] ilaǰu tegüs nögčigsen amin qubiy-a-du qotola-yi medegči kaudiniy-a-dur ǰarliγ [85] bolurun : kaudiniy-a-ā či ber yeke niγuča tarnis-un sitügen toγtaγal [86] tarni nidün-i bütegegči egüni barituγai : edüge kiged irege edui-yin čaγ-tur [87] ken nigen nigen amitan uridu üile-yin ülegsen kiged : i<*ǰa*>γur qamuγ-a kimuraqui [89] niγuča tarni em kiged : qooroi-yi barilduγulqui-bar balai boluγsan : üčüken

Фрагмент 3 (MS.24; см. ил. 17)

Санскр. *Āryāstasahasrikaprajñaparamitanāmamahayānasūtra*, тиб. *'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa*, монг. *Qutuγ-tu bilig-ün činadu kürügsen naiman mingγatu* [3]

Метка тома: тиб. ka. *Маргинальное название*: naiman mingγatu.

Фолиация: 152 (монг. ǰaγun tabin qoyar).

Пометки собирателя: «Фрагменты монгольских рукописей. В дар библиотеке короля от Ланглеса. 1818» (*фр*. fragmens de ens[criture] Mongol. offerts à la Bibliothèque du Roi par Langlès). «~~Маньчжурское~~ монгольское письмо. Читается слева [направо], как в [европейских книгах] (лат. Scriptura ~~Mantchu~~ Mongolica. Legitur a sinistra, uti nos). На стороне verso: «Монгольско-татарское маньчжурское письмо (кисть) (лат. *Scriptura (penicillo) Mongolica ~~Mantschu~~ tatarica*). Печать Королевской библиотеки (*фр*. Bibliothèque Royale).

Фрагменты для текстологического сличения: BK: naiman mingγ-a-tu, ǰa, 281a–283b [4]; D: brgyad stong, ka, 308a4–309b3.

[152r1] @ ničuqui bodisung maqasung-narun nögögede ülü ničuqui-[2]yin lagšan kemen uqaγdaqui :: busuber subuti-a bodisung maqasung-[3]narun ǰegüdün-dür übesüben tegünčilen iregsen dayini daruγ-[4]san üneger tuγuluγsan burqan bolǰu : eng olan ǰaγun nököd [5] ba eng olan mingγan nököd kiged : eng olan ǰaγun mingγan nököd-[6]ün dumda saγuǰu man'dal-un čaγar-tur : ayaγ-q-a tegimlig-ün [7] quvaraγ-ud-iyar sayitur küriyele-

[2] Санскр. Susīma, тиб. mtshams bzang.

[3] Ср.: [Касьяненко, 1993: № 543; Ligeti, 1942—1944: № 766; Hackett, 2012: № 29].

[4] В печатный Ганджур включен другой, более поздний перевод текста. Текстологическое сличение показало, что текст фрагмента довольно существенно отличается от тибетского текста в Дэргэском и Пекинском издании Кагьюра.

gülǰü : ayaγ-q-a tegimlig-üd-ün [8] quvaraγ-ud-iyar emün-e-ečegen qanduγulǰu nom-i üǰügül-ün [9] bükü üǰebesü ele : subuti egün-i ber bodisung maqasung-[10]nar nögögede ülü ničuquyin lagšan kemen uqaγdaqui :: busuber [11] subuti-a bodisung maqasung-nar-un ǰegüdün-dür : übesüben [12] oγtarγui-dur ilete übedegsi bolǰu : amitan-nuγud-tur [13] nom-i üǰügülküi kiged nigen altan gerel-tü bolba kemen sedkigde-[14]ged: öbere yirtinčü-yin ulus-tur odču: amitan-u tusa-yi [15] üiledüged nom-i üǰügülküi qubilγan-i qubilγasuγai kemen : [16] tere bodisung maqasung <*sedkik*>üi bolbasu ele : subuti-a egüni [17] ber nögögede ülü ničuγči <*bodi*>s<*ung*> maqasung-nar nögögede [18] ülü ničuquyin lagšan kemen uqaγdaqui bus<*u*>ber subuti-a [19] bodisung maqasung nar-{un} ǰegüdün-dür ber ülü ǰüden masi [20] ǰüdeküi ülü bolǰu : sitügen-dür qoor ba : qoton-dur [21] qoor ba : balγasun-dur qoor ba : ulus qoor ba : irgen ornad[22]-dur qoor ba aγlaγ küdügeki-yin γal tüimer-eče qoor bolqui [23] ba : ariyatan ba tegün-eče busu üčügüken amitan-i üǰeged : [24] terigün oγtaluγči : oyira aγsan ba : tegün-eče busu öbere [25] aliba daγusqal-i ügei yeke ayul bolqui kiged : ǰobaqui-dur-[26]iyen γutuqui boluγad : öbere amitan-u ǰobalang kiged : [27] daγusqal-i ügei yeke ayul-nuγud üǰebesü ber terigün-eče [28] ayuqui ba : ülü küličeküi ülü bolumui : ülü ayun [29] ülü ǰüden masi ǰüdeküi ülü boluyu : tendeče yeke-de [30] umurtaγsan-ačaγan serǰü bosuγad sača eyin kemen sedkimüi : [31] γurban yirtinčü-dekin bügüde ǰegüdün metü buyu : bi degere [32] ügei ünen tegüs tuγuluγsan bodi qutuγ-yi ilete tegüskeged [33] burqan bolǰu bürün : tere metü ünen maγad üǰügülǰü nom-i [34] üǰügülsügei kemen sedkibesü ele : subuti-a egüni ber [35] nögögede ülü ničuqui bodisung maqasung-nar-un nögögede [152v36] ülü ničuquyin lagšan kemen uqaγdaqui : busuber subuti-a [37] nögögede ülü niču<*yč*>i tere bodisung maqasung-nar degere [38] ügei ünen tegüs tuγuluγsan bodi qutuγ-yi ilete tegüsken [39] burqan bolbasu ele : maγui ǰayaγan bügüde-yi oγoγata ülü [40] törögülküi kemen uqaγdamui kemebesü : subuti-a kerber [41] bodisung maqasung-nar aduγusun törölten amitan-nuγudi [42] üǰebesü duradqui -yi olǰu bolumui : tere duradqui-yi olǰu [43] bürün eyin kemen sedkimüi : kerkiǰü bi degere ügei ünen tegüs [44] tuγuluγsan bodi qutuγ-yi ilete tegüsken burqan bolbasu ele : [45] maγui ǰayaγan bügüde-yi oγoγata ülü törögülküi tere metü [46] üiledsügei kemen sedküi ene kemebesü : bodisung maqasung-[47]nar-un maγui ǰayaγan-i oγoγata arilγaquiyin lagšan kemen uqaγ-[48]daqui buyu : subuti-a egüni ber bodisung maqasung-narun [49] nögögede ülü ničuquyin lagšan kemen uqaγdaqui :: busuber [50] subuti-a bodisung maqasung-nar-un ǰegüdün-dür balγasun γal-a [52] tülegdegsen-eče seribesü ele : tende tere ǰegüdün-ečegen eyin [53] kemen sedkimüi : yambar ǰegüdün-dür-iyen aliba ǰüil aliba belge-i [54] aliba düri-yi üǰebesü ele : aliba ǰüil aliba belge aliba [55] düri-nügüd-iyer bodisung maqasung-nar nögögede ülü ničuqui [56] kemen sedkigdeküi : tede ǰuil tede belges

tede düris nadur bui [57] bolbasu : ünen kiged tere ünen üneger qotod-i tülegsen γal : [58] balγasun-u ene tüimer γal amurliqu boltuγai : ügei boltuγai : [59] sirigün boltuγai kemen ügüleǰü : subuti-a kerber γal-dur tüleg-[60]sen qoton kiged : γal-dur tülegsen balγasun tere amurliǰu [61] ügei bolbasu ele : subuti-a tere bodisung maqasung-nar erten-ü [62] tegünčilen iregsen dayini daruγsan üneger tuγuluγsan burqan-[63]nuγud ta : degere ügei ünen tegüs tuγuluγsan bodi qutuγ-[64]tur nögögede ülü ničuγči bodisung-nar-un orodtur [65] vivagirid ögdegsen kemen uqaγdaqui : kerber ese amurliγad [66] serigün ese bolǰu ügei ese bolbasu ele : subuti-a tere bodi-[67]sung maqasung-nar degere ügei ünen tegüs tuγuluγsan bodi [68] qutuγ-tur yivagirid ögdegsen kemen uqaγdaqui : subuti-a [69] kerber tere altan-γasan γal ger-deče ger-tür tergeküi-eče terge-[70]küi-tür odču : aliba tergeküi bolbasu : aliba ger bolbasu [71] sitaγsan-ača : ese amurliǰu ese serigüdǰü ügei ese bolbasu :

Фрагмент 4 [5] (см. ил. 16)

Санскр. *Āryasuvarṇaprabhāsottamasūtrendrarājanāmamahayānasūutra*, тиб. *'Phags pa gser 'od dam pa mdo sde'i dbang po rgyal po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*, монг. *Qutuγ-tu degedü altan gerel-tü erketü sudurnuγud qaγan neretü yeke kölgen sudur* [6].

Метка тома: монг. γutaγar bölög.

Фолиация: 11 (монг. arban nigen).

Пометки собирателя: «Древние религиозные заповеди ~~тангутов~~ монголов» (*фр*. Anciens préceptes de la religion des ~~Tangouts~~ Mongols).

Фрагменты для текстологического сличения: BK: dandr-a, pa, 243b–244a [7]; D: rgyud 'bum, pa, 318a3–318b7.

[11r1] bayasquγulun ber üiledsügei tere qaγan-u nököd čečereg-[2]üd-i ber baγatur ǰirüketü bolγasuγai teyin kemen öčibesü [3] ilaǰu tegüs nögčigsen burqan sayin kemen ǰarliγ bolurun sayin [4] sayin iǰaγur-tanu köbegün-e yambar ügülesügei tegünčilen [5] bütugegdekün tere qaγan nomčilan yabuγsan-iyar tegünü boγod inu [6] ber qaγan-tur adali nomčilan yabuqu bolqu tegün-tür ta bürün [7] öngge küčün tegüs sayin-i ögčü bürün degedü tusatu-bar [8] aγulǰu nököd terigüten-i gereltü boluγad tendeče esrün [9] qormusta terigüten ber ilaǰu tegüs nögčigsen ker alin [10] boluγsan yosuγar teyin kisü kemen öčibei tendeče ber [11] ilaǰu tegüs nögčigsen bur-

[5] Многослойная бумага средней плотности; размер листа ~ 24,5×64,0 см. Текст написан последовательно (по три строки) красными и черными чернилами внутри одинарной рамки черного цвета.

[6] Ср.: [Касьяненко, 1993: № 145; Ligeti, 1942—1944: № 177; Hackett, 2012: № 584].

[7] В печатный Ганджур включена отредактированная версия перевода тибетского текста.

qan nom-un ken ene sudurun erketü-[12]yi nomlaγad delgeregülkü oron kiged tere ulus-un qaγan-u oron-[13]tur dörben ǰüil tusatu üiles edükü boluyu : dörben ali [14] bui kemebesü nigen nigen-iyen kündüleǰü amurliqui sedkil-den [15] bolǰu nasuda qaγan-u soyurqaγdaǰu toyin biraman kiged amur-[16]lituγai qar-yin qad terigüten-eče ber sayisiyan sedkigdekü boluyu :: [17] irügekü degedü nom-i bütegen erkilen olǰa qar-a aldar nereyi [18] ülü ǰiküi-ber : yeke aldar qotola ǰüg-üd-i delgereǰü qotola-[19]da maγtaqu urdu nasulaγad amuγulang-iyar ǰirγaqui dör-[20]ben ede-ger ede-ger bolai : busu ber ene degedü nom-i nomlaqui [21] tere ulus-un toyin biraman-nuγud-ta ede dörben jüil tusa-[22]du üiles boluyu : dörben ali bui kemebesü : degel binvad [23] oron debüsker terigüten-iyer ügegürekü ülü boluγad : tede [24] bügüdeger ber uriqui ungsiqui sedkil-iyer : sedkil boluγad :[25] tede bügüdeger ber amuγulang-tu bolqui kiged öi(=oi) aγulan [26] terigüten-tür aγčid amuγulang-iyar aqu boluyu : ali küseg-[27]sen bui küsel bügesü tere küsel sayitur tegüskü bolqui edeger [28] dörben boluyu : busu ber ene suduri uriqui tere ulus-taqi [29] tedeger amitan ebečin ügei ǰirγalang-ud nemeǰü ede tavar kereg [30] ǰaraγ erdeni terigüten bütügegdekün-i ödür(=ödter) bütügen buyan nemekü [31] terigüten edeger tusatan-a üiles-tür tegülder boluyu : tendeče [32] qormusta esrün kiged dörben maqaraǰa terigüten tedeger čiγuluγ-[33]san nököd eyin kemen öčibei ilaǰu tegüs nögčigsen burqan gün [11v34] udqa-yi üǰegülügči ene sudur"-ud" yirtinčütür oγtala(?) [35) bodi ǰüg-ün ǰučin doloγan nom-ud ba aqu bolqu ene sudur [36] keǰiy-e ülü aqu tere čaγ-tur degedü nom-un ber ügei [37] bolqu kemen öčibesü ilaǰu tegüs nögčigsen ǰarliγ bolurun [38] tere teyimü bolai iǰaγurtanu köbegün-e tere metü-yin tula-[39]da degedü altan gerel-dü sudur-ača eng ese bügesü nigegen [40] üge ber nigege silüg-i nigegen bölög ber qotola-yi tegüs [41] ber bolbasu ünen-iyer uriγdaqui bariγdaqu sedkigdekü [42] sayitur bütüged üileddekü olan amitan {keǰiy-e} šilayin üiles ba [43] tusa kiged ǰirγaγulqui-yin dulada(=tulada) qamuγ nomlaǰu [44] delgeregülün üiledbesü ele tere buyan-u čoγčas čaγ [45] ügei bolqu boluγsan-tur [46] ilaǰu tegüs nögčigsen-u ǰarliγ-i [47] ilede maγtabai :: : :: [48] daγusba sadu edgü ::

Список сокращений

Cf.	— лат. confer (сравни)
D	— Дэргэское издание тибетского Кагьюра
BK	— Пекинское ксилографическое издание Ганджура 1717–1720 гг.
MS.1	— Ойратские «черные» фрагменты Ганджура
MS.2	— Ойратские «черные» фрагменты Ганджура
MS.3	— Ойратские «золотые» фрагменты Ганджура
монг.	— монгольский
санскр.	— санскрит
тиб.	— тибетский

Список литературы

Байпаков et al. 2019: *Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В.* Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019.

Биографический словарь 1914: Русский биографический словарь: Лабзина — Ляшенко. Т. 10. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1914.

Владимирцов 1989: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. Издание 2-е. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.

Гмелин 1994: *Гмелин И.-Г.* Поездка по Рудному Алтаю в августе — сентябре 1734 года // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк, 1994. С. 140–169.

Златкин 1983: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758. Издание 2-е. М.: Наука, 1983.

Зорин 2015: *Зорин А. В.* О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в. // Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2015. С. 102–118.

Касьяненко 1993: *Касьяненко З. К.* Каталог Петербургского рукописного Ганджура. Составление, введение, транслитерация и указатели. Памятники письменности Востока. CII. Bibliotheca Buddhica. XXXIX. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

Пубаев 1989: *Пубаев Р. Е.* Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: историко-библиографический очерк. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1989.

Раднабхадра 1999: Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты / Факсимиле рукописи. Перевод с ойратского Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. Транслитерация текста, предисловие, комментарий, указатели и примечания А. Г. Сазыкина. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999.

Сазыкин 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Vol. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

Цыремпилов 2018: *Цыремпилов Н. В.* Хозяин Аблай-кита. Кто и зачем построил крепость-монастырь на Иртыше? // Вестник Евразийского национального ун-та имени Л. Н. Гумилева. № 4 (125). Исторические науки, философия, религиоведение. 2018. С. 28–53.

Ямпольская 2015: *Ямпольская Н. В.* Сводный перечень фрагментов рукописей ‘черных’ монгольских ганджуров в коллекции ИВР РАН // Mongolica-XV. 2015. С. 48–58.

Abel-Rémusat 1820: *Abel-Rémusat M.* Recherches sur les langues tartares ou Mémoires sur différens points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains. Tome I. Paris: De l’Imprimerie Royale, 1820.

Alekseev, Turanskaya 2013: *Alekseev K., Turanskaya A.* An overview of the Altan Kanjur kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // Asiatische Studien. 2013. LXVII (3). P. 755–782.

Delisle 1868: Le cabinet des manuscrits d e la Bibliothèque impériale: étude sur la formation de ce dépôt comprenant les éléments d'une histoire de la calligraphie de la miniature, de la reliure, et du commerce des livres à Paris avant l'invention de l'imprimerie. Par Léopold Delisle. Tome I. Paris: Impimerie Impériale, 1868.

Busse, Jährig 1796: *Busse J. H.,* [*Jährig J.*] Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. Verzeichniß des Inhalts Mongolischer und Tübätischer, theils gedrukter, theils geschriebener Bücher und Schriften, und selbst abgezeichneter Allegorischer Tempeln-Bildniße Brachmanischer Heiligen, wie selbige in derselben Tempeln befindlich // Journal von Rußland. Dritter Jahrgang. Zweiter Band, 1796. S. 122–137.

Elverskog 2006: *Elverskog J.* Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, And the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2006.

Hackett 2012: *Hackett P. G.* A catalogue of the Comparative Kangyur (Bka'-'gyur dpe bsdur ma). Treasury of the Buddhist sciences series. New York: American Institute of Buddhist Studies, 2012.

Helman-Ważny, Kriakina, Zorin 2015: *Helman-Ważny A., Kriakina L., Zorin A.* The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Content and Paper Analysis // Written Monuments of the Orient 2. 2015. P. 61–67.

Ligeti 1942–1944: *Ligeti L.* Catalogue du Kanǰur Mongol imprimé: Catalogue. Vol. I, II. Bibliotheca Orientalis Hungarica III. Budapest: Société Körösi Csoma, 1942–1944.

Müller 1747: *Müller G. F.* De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio // Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae X. 1747. P. 420–468, tabl. I–IX.

Rachewiltz 1991: Erdeni-yin tobci ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Word-Index to the Urga text prepared by I. de Rachewiltz and J. R. Krueger. Canberra: The Australian National University, Faculty of Asian Studies, 1991.

Skilling 1997: *Skilling P.* From bKa'bstan bcos to bKa''gyur and bsTan'gyur // Transmission of the Tibetan Canon: Papers Presented at a Panel of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995 / ed. by Helmut Eimer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997. P. 87–111.

Wallace 2009: *Wallace V. A.* Diverse aspects of the Mongolian Buddhist manuscript culture and realms of its influence // Buddhist Manuscript Cultures: Knowledge, ritual and art, edited by Stephen C. Berkwitz, Juliane Schober, and Claudia Brown. London & New York: Routledge, 2009. P. 76–94.

Walravens, Zorin 2016: *Walravens H., Zorin A.* Two Archival Documents on the Tibetan and Mongolian Texts Preserved at the St. Petersburg Academy of Sciences by the End of the 18th Century and not Included in J. Järig's Catalogue // Zentralasiatische Studien 45. 2016. P. 659–676.

Yampolskaya 2015: *Yampolskaya N.* A Note on Foliation in Mongolian Pothi Manuscripts // Rocznik Orientalistyczny. Tom LXVIII. Zeszyt 2. Warszawa: Elipsa, 2015. P. 258–265.

Zorin 2015: *Zorin A.* The History of the First Tibetan Texts Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century. 国際仏教学大学院大学研究紀要 = Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies 19. 2015. P. 184–142.

Anna A. Turanskaya

Mongolian manuscript fragments from the Oirat monastery Ablaikit preserved in the National Library of France

Book fragments discovered in the Oirat monastery Ablaikit happened to be one of the first Tibetan and Mongolian texts brought to Europe. The bulk of book fragments of the once rich Ablaikit monastery library were brought to St. Petersburg by the participants of the Second Kamchatka Expedition (1733–1743) in 1734. The others are preserved nowadays in various European depositories. The paper deals with four Mongolian manuscript folios stored in the National Library of France under call number Tibétain 464. The paper presents description, identification and transcription of the preserved parts of texts, along with some brief data concerning their acquisition.

Key words: Ablai-kit, Mongolian manuscripts, the National Library of France, Mongolian Kanjur.

В. Л. Успенский, Н. С. Яхонтова

ПИСЬМА КАЛМЫЦКИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ НАЧАЛА XVIII в. В БИБЛИОТЕКЕ СПбГУ

DOI 10.25882/v4tt-zv46

Статья посвящена хранящимся в Библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета уникальным архивным материалам об истории калмыков и других народов России нач. XVIII в. Эти материалы были собраны и скопированы Г. С. Лыткиным (1835–1907), который проживал в калмыцких кочевьях и изучал архивные материалы в Астраханской палате государственных имуществ в 1859–1860 гг. В статье опубликованы факсимиле трех калмыцких оригиналов и десяти копий писем калмыцких владельцев, а также скопированные Лыткиным русские переводы документов и писем (не только калмыцких). Все опубликованные документы датированы 1708 г. Эти письма были адресованы главным образом русским чиновникам в Астрахани. Бóльшая их часть написана Аюкой-ханом и старшим сыном Чакдорджабом. Все публикуемые письма уникальны и обогащают знания об истории России времен Петра I.

Ключевые слова: калмыки, Аюка-хан, Астрахань, письма, Крым, башкиры.

Отдел по направлению «Востоковедение» Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ (далее — НБ СПбГУ) обладает обширным собранием книг и рукописей на монгольском «ясном письме» (*тод бичиг*). Подавляющее большинство имеет источником своего происхождения Калмыцкую степь. Профессора Казанского, а затем Петербургского университетов А. В. Попов, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев выезжали к калмыкам в научные командировки и собирали рукописи и фольклорные материалы.

В 1859–1860 гг. кандидат Петербургского университета Г. С. Лыткин (1835–1907) находился в калмыцких степях, где занимался изучением истории, литературы, этнографии калмыков. Насколько можно судить по его собственноручным записям, в основном он проживал в «сельце» Тюменевка Астраханской губернии, которое являлось главной ставкой Хошеутовского улуса. Опубликовав несколько работ по

истории калмыков и вернувшись в Петербург, Г. С. Лыткин отошел от монголоведения и сосредоточился на переводе христианской литературы на свой родной коми-зырянский язык и преподавании истории в 6-й петербургской гимназии.

Собранные им во время командировки к калмыкам материалы и даже личные записи о проделанной работе попали в библиотеку Санкт-Петербургского университета. Можно предположить, что это произошло в 1863 г. Сохранилась запись о поступлении в этом году небольшой коллекции калмыцких книг, которая отмечена в опубликованном каталоге монгольских книг (хотя и с оговорками) как коллекция К. Ф. Голстунского [Uspensky, 2001: X, note 3].

В 1892 г. в университетской библиотеке проводилась инвентаризация книг на восточных языках, и материалы Г. С. Лыткина были включены в инвентарную книгу 1892 г. в двух разных местах:

1. «16 Писем калмыцких владельцев» [1] (с. 106). Это оригиналы писем, которые на данный момент каталогизированы [Uspensky, 2001: 289–291, No. 269]. На каждом письме неизвестной рукой написаны год и месяц по европейскому летоисчислению. Все эти письма относятся ко времени правления Аюки-хана. Впрочем, следует отметить, что в «свертке разных бумаг» (см. ниже) также имеются оригинальные письма калмыцких владельцев значительно более позднего периода. Печати с легендой на квадратном письме сменили печати с легендой на «ясном письме», китайскую киноварь — русский сургуч. Но, в отличие от писем нач. XVIII в., они были собраны бессистемно и их немного.

2. «Сверток разных бумаг, заключающих в себе калмыцкие песни, поговорки, сказки и выписки из дел Астраханской Палаты Гос[ударственных] Имущ[еств]» (с. 225). Краткий обзор материалов, которые находятся в этом «свертке разных бумаг», был опубликован [Успенский, 2000].

Бывший «сверток» (а теперь папки с отдельными документами и прошитые тетради) среди прочего содержит копии оригинальных калмыцких писем и их русские переводы. Копии были сделаны специально нанятыми калмыками-переписчиками и отличаются четкостью письма. Русские переводы можно разделить на два типа: переводы, сделанные самим Г. С. Лыткиным (с калмыцкого), и переводы (как с калмыцкого, так и с других восточных языков), скопированные им из русских архивных документов. Необходимо учитывать, что это —

[1] Термин «владельцы» употреблялся в России для обозначения представителей высшего правящего сословия у калмыков и соответствовал монгольскому «нойон» (noyan). Они наследственно владели улусами, т. е. подвластным населением, которое несло повинности в их пользу.

черновые материалы, которые не предназначались Г. С. Лыткиным для публикации, поэтому тексты содержат многочисленные исправления, пометки (например, NB), «приписки для себя», комментарии и пр.

Эти материалы в какой-то момент были сгруппированы погодно следующим образом:

1708 г. — 10 копий писем на «ясном письме»;

1709 г. — 9 копий писем на «ясном письме»;

1710 г. — 47 копий писем на «ясном письме»;

1711 г. — 18 копий писем на «ясном письме»;

1712 г. — 29 копий писем на «ясном письме»;

1715 г. — 22 копии писем на «ясном письме», 51 русский перевод;

1717 г. — 43 копии писем на «ясном письме», 76 русских переводов (не только с ойратского);

1719 г. — 32 копии писем на «ясном письме» (по исходной архивной описи 1), 14 копий писем на «ясном письме» и 5 русских переводов (по исходной архивной описи 2). Четыре письма беспорядочно зачеркнуты карандашом с припиской: «уничтожить».

Как видно из этого перечисления, количество копий оригинальных писем и их переводов было весьма внушительным. Конечно, возникает вопрос: сохранились ли оригиналы этих писем и их переводы? Определенно ответить на этот вопрос пока невозможно. Н. Н. Пальмов, который работал в Астраханском архиве в конце 1932 г., писал крупному государственному и культурному деятелю Калмыкии Х. Б. Канукову: «…в этом архиве хранится масса материалов о калмыках, причем могут быть прослежены связи их с казаками и с башкирами, и с иными кочевниками в XVIII в. Положим, это видно было и по документам Калмыцкого архива, но, по-видимому, Астраханский архив даст нечто более ценное или, во всяком случае, новое» [Пальмов, 2007: 12–13]. Тогда же Н. Н. Пальмов предложил Х. Б. Канукову совместную работу по изучению этих документов: «Вы займетесь калмыцкими текстами, а я буду предлагать Вам старинные их переводы» [Пальмов, 2007: 16]. Можно предположить, что перед глазами Пальмова были те же самые документы, которые читал и копировал Г. С. Лыткин.

В последние годы исследователи неоднократно обращались к письмам калмыцких ханов и владельцев, хранящимся в Национальном архиве Республики Калмыкии и Российском государственном архиве древних актов [Сусеева, 2003; 2009; Гедеева, 2004; Кокшаева, 2011; Орлова, 2019; Тепкеев, 2017б]. Была опубликована и переведена на русский язык переписка Аюки-хана с турецким султаном [Документы, 2008: 248–276, № 38–42]. Здесь надо обратить внимание, что большинство указанных публикаций посвящено анализу документов, начинающихся с 1713 г.

Поскольку хранящиеся в НБ СПбГУ калмыцкие документы явно не попадали до настоящего времени в поле зрения исследователей, то авторы статьи ставят задачу напомнить о существовании этой интересной коллекции и ввести часть ее в научный оборот.

В настоящей статье публикуются калмыцкие оригиналы: факсимиле (см. ил. 1–3) и транслитерация, и русские переводы писем, датируемых только 1708 г. — как калмыцких владельцев, так и некоторых местных правителей, которые были переведены или скопированы Г. С. Лыткиным. А также факсимиле копий оригиналов писем в записи «ясным письмом», сделанные в 1860 г., возможно, по просьбе Г. С. Лыткина.

1708 г. был трудным годом для России. С 1700 г. шла тяжелая Северная война со Швецией. Великий русский историк С. М. Соловьев так писал об этом времени: «С запада шел страшный неприятель, против которого нужно было напрячь все силы, а на востоке и юго-востоке кипел злой бунт» [Соловьев, 8: 172]. Бунтовали одновременно и башкиры, недовольные религиозной и налоговой политикой русских властей; и не желавшие расстаться с былой вольницей казаки. Русские города и крепости подвергались нападениям горцев и кочевников. Калмыки находились в эпицентре этих событий, и их лояльность была крайне важна для русских властей. Более того, калмыцкая конница была крайне необходима как для борьбы с бунтовщиками, так и для войны со Швецией. Авторы хотят надеяться, что публикуемые материалы прибавят наших знаний об этом драматичном периоде отечественной истории.

Ниже приведены все материалы (русские переводы и копии переводов), датируемые 1708 г., они занимают начальные страницы двух тетрадей, материалы расположены в хронологическом порядке. Сохранена оригинальная нумерация (двойная и сбивчивая), но добавлена сплошная в квадратных скобках, на которую даются ссылки в тексте статьи.

Всего среди приведенных 35 единиц (30 основных номеров и дополнительных): писем — 31, из них: переводов с калмыцкого — 21, (номера [3, 6, 7, 9, 11–21, 23, 26–28]), переводов с других языков — 10 (номера [2, 4, 5, 8, 10, 22, 24]), документов — 4 (номера [1, 25, 29, 30]).

Дореволюционная орфография упрощена и приближена к современной, хотя многие грамматические и синтаксические особенности сохраняются. Сохраняются также комментарии, имеющиеся в тексте в круглых скобках.

Комментарии авторов статьи даются в квадратных скобках или в сносках.

В отдельных случаях в сносках объясняются вышедшие из употребления русские слова или их устаревшие значения.

1-я тетрадь.

[Вводное описание]

8 марта 1860 год. Астрахань. Юрия Лыткина.

Из архива Астрах[анской] Палаты Госуд[арственных] Имущ[еств].

по алфавиту № 1, по описи № 1. Столп [1] неполный[,] написанных в оном листов не сохранилось с 1 по 34 лист. О распросных речах, отобранных с башкирского Салтана и о прочем. на 103 листах.

[1] С т о л п — связка, кипа бумаг в архиве.

[1] 1) 1708 г. Апреля в 20 день по указу Великого Государя и по приказу ближнего окольничего и воеводы Петра Матвеевича Опраксина [1] с товарищи присланной с Терка взятой самозванной башкирской салтан в Астрахани в приказную Палату у астраханца у Михаила Карейтова да у терченина у Микиты Дрокина с товарищи принят и роспрашиван.

[Далее на 4 листах (7 стр.) содержится изложение допроса «салтана» Мурата (Мурата Кучукова), одного из руководителей башкирского восстания 1707–1711 гг., которое не приводится в настоящей публикации] [2].

[1] П е т р М а т в е е в и ч А п р а к с и н (1659–1728), астраханский и казанский губернатор.

[2] Этот документ был опубликован [Материалы, 1936: 238–243]. Оригиналом для публикации послужила рукописная копия XIX в., которая хранится в архиве Русского географического общества. При этом отмечено: «Из архива Калмыцкого Управления в Астрахани. Подлинника на месте не сохранилось» [Материалы, 1936: 243]. Как показало предварительное сличение этого опубликованного документа с рукописной копией Г. С. Лыткина, между двумя текстами имеются различия. Это касается прежде всего имен собственных и географических названий. Например, в самом начале документа говорится об отце «салтана» Мурата:

опубликованный текст: «убит на войне у Гречанех от Аюки хана» [Материалы, 1936: 238–239];

рукопись Г. С. Лыткина: «убит на войне ургенчах от Аюки хана».

Прочтение Г. С. Лыткина явно предпочтительнее. Хотя Ургенчи (старый и новый) почему-то написаны с маленькой буквы, это легко можно приписать малограмотности писца. Зато небольшое село Гречаны в Речи Посполитой едва ли могло быть местом столкновения отца Мурата и Аюки-хана. И подобных разночтений встречается немало.

Поэтому необходимо новое издание этого важного исторического документа с привлечением копии, сделанной Г. С. Лыткиным.

[2] № 1. 2) 1708 года Февраля 15.

От терского Дивея мурзы письмо (на персидском языке), писанное от имени терских жителей. В нем просят, чтоб марену [1] позволено было копать на Терке всем повольно, — ибо тогда торговые люди из Дербента, Шемахи, Гиланы будут ездить по-прежнему, и пошлины будут собирать по-прежнему, — между тем как ныне купецкие люди обратились за мареною в Андреевскую деревню, в Мачкисы, на Чечень, кто говорили ходит в Тарки…[текст обрывается].

[1] Выращивание м а р е н ы (Rubia tinctorum L.) было развито на Кавказе, поскольку на нее был большой спрос как на красильное вещество. Соответственно, торговля мареной была важным источником дохода местного населения [Алиев, 2015].

[3] № 2. 3) 1708 г. Марта 2 [1]. Письмо Аюки-хана к Михаилу Ильичу: «Я слышал, что Ваше войско отправляете в Хиву. Говорят, что сами бухарцы, Хасаки, (Хара) Калпаки, Хивинцы соединились дать вам отпор. (В их странах) нет ни воды, ни травы. Я хочу сказать то, чтоб войскам белого царя не было худа. Так я говорю потому, что от белого царя опасаюсь получить выговор: Зная (о состоянии тех стран), зачем я не говорил о том? Отправляйте к белому царю послов вы одного человека и я одного, чтоб объявить о том словесно. Посол мой Цухула Денчжин с 7 человеками». Печать Аюки-хана.

[1] Возникает вопрос о датировке этого письма.

Во-первых, адресат письма Михаил Ильич Чириков стал обер-комендантом Астрахани в 1709 г. и занимал эту должность до 1719 г.

Во-вторых, события, о которых говорится в письме, произошли позже. В 1708 г. главной задачей было подавление казацкого восстания под руководством Булавина и башкирского восстания, о котором шла речь выше. Калмыки принимали участие в подавлении этих восстаний [Тепкеев, 2017а]. Неудачный Хивинский поход под командованием князя А. Бекович-Черкасского был предпринят в 1717 г. Вот что мы читаем у С. М. Соловьева: «20 февраля 1717 года Черкасский возвратился в Астрахань, куда с разных сторон приходили дурные вести; находившийся в русском подданстве калмыцкий хан Аюка писал: “Служилые люди идут в Хиву, и нам слышно, что тамошние бухарцы, кайсаки, каракалпаки, хивинцы сбираются вместе, хотят на служилых людей идти боем; а я слышал, там воды нет и сена нет государевым служилым людям: как бы худо не было?”» [Соловьев, 9: 352]. Очевидно, что С. М. Соловьев цитирует русский перевод этого письма Аюки-хана. Если предположить, что русская дата в оригинале письма указана ошибочно, то возникает другой вопрос: почему среди копий русских переводов писем это письмо тоже значится под 1708 г.? Его перевод помещен среди других писем и документов, относящихся исключительно к 1708 г. Копия калмыцкого текста этого письма открывает упомянутый выше сборник калмыцких писем 1708–1710 гг.,

переписанных нанятым для этой цели калмыком Бамбаем. Таким образом, хотя трижды это письмо датировано 1708 г., его содержание относится к 1717 г.

[4] № 3. 4) 1708. Июня 22. От тарковского Амулат Шавкала [1] письма (на персид[ских] языках):

[4.1] 1) Шавкал говорит, что он стерег, сколько мог, украинский [2] город и верно служил Государю; приходивших под город неприятелей он отгонял; что неприятели не любят его, ибо он учинился холопом государя, служа ему, — что он просит за службу милости Государевой. Неприятели, приходящие к Тарку, злоумышляют на него. Когда понадобятся войска, просит снабжать его для того, чтоб тех неприятелей воевать.

[1] Т а р к и — столица Тарковского шамхальства на территории совр. Дагестана. Шамхал (более старая форма: шавкал) — титул его правителя. Автором письма является шамхал Умалат (правил 1704–1719).

[2] Более правильная форма слова «украйный», т. е. «окраинный; пограничный».

[4.2] 2) Прежде из деревень Измускура и Искабая воживали в стругах [1] пшеницу и пшено сорочинское [2], а ныне струга нет, — почему просит прислать ему струг.

[1] С т р у г (калм. *ongγoco*) — речное судно, гребное и парусное.

[2] Более правильно «пшено сарацинское», т. е. рис.

[5] № 5. 5) 1708 г. Августа 21 дня. От крымского Каплан Гирей Хана [1] (на турецк[ом] яз[ыке]) три письма с печатями.

[5.1] a) Асан Пача янычар и другие взяли на Кубани баранту [2] у русских людей, за что были русскими удержаны 17 человек торговцев татарских. Хан говорит, что он приказал кафинскому владельцу Мета-за Паше сыскать взятой баранты и отдать русским, — обещать впредь преследовать баранту и просить, чтоб с обоих сторон не было никаких обид.

[5.2] b) о том же: «мы слышали, кто у ваших баранту взял в Кафе в Тоганове городке… Турецкий султан худых дел не приказал делать и баранту брать не велел; велел нам с вами жить в миру и дружелюбно».

[5.3] c) просит сыскать своего человека, к[оторый] пошол с товаром в (астраханскую) вашу сторону и за к[оторого] поручался Хан, и просить взять живот [3] того человека и отдать посланному (подлинные письма утеряны).

[1] Капла́н I Гера́й (Гире́й) (1678–1738).

[2] Б а р а н т а (тюрко-татарск.) — поход, набег […]; теперь значит грабеж, на который отправляются барантачи [Брокгауз и Ефрон, 3: 36].

[3] Ж и в о т — устар. «имущество; богатство».

[6] № 6. 6) 1708 Сентябрь 23 дня. Письмо Аюки-хана: «Я, Аюка Хан, здесь здоров; в Астрахани боярин (Петр Матвеевич Апраксин) вероятно здоров. Нынешнего года весною с Дмитрием Галачаловым мой Зула привез вам 2 челов[ек] полоненников русских людей, к[отор]ых купил мой бухаренин Мўнкö Тömировых людей. Он, Мўнкö Тömöр, говорил, что эти русские — казаки, а мне эти русские сказали, что они — не казаки, а государевы люди. Поэтому я послал их с Дмитрием и Зулою. Мўнкö тömировы люди бухаренину моему за тех людей-полоненников денег и товару не отдают для того, что называют их казаками. Если же они не казаки, а подлинные государевы люди, вы пришлите ко мне нарочного русского с письмом, и чтоб за этих русских Мўнкö тömировы люди отдали бухаренину моему взятые деньги и товар. Посыльщик мой Зула с 4 товарищами; отпустите его скорее обратно». Печать Аюки-хана (подлинное письмо утеряно).

[7] № 7. 7) 1708 Сентябрь 7. Письмо Дасана, сына Чакдорчжабова: «Отец мой здравствует, а я, сын твой, здесь… …здоров. Что отец, то и сын, и дело всякое нераздельно. Пороху и свинцу у меня нет: пожалуй пришли мне с послом моим сколько изволишь». Отправлено с Чжаб мулатом 5 фун[тов] пороху и свинцу тож отправлено (подлинник письма утерян).

[8] № 8. 8) 1708. Сент[ября] 7. Письмо от Дивея Мурзы Черкаского (на турецк[ом] яз[ыке]): После нападения на г. Терек [1], произведенного в прошлом году Мурадом и другими, повелено перенесть ближе к морю. Дивей Мурза, выставляя свою преданность к интересам Государевым, говорит, что на новое место не следует переносить город: «ибо туда купецким людям и на Кабарду и Кумык и иным иноземцам ездить невозможно, и Татары и Нагайцы с мареною и с коровьим маслом ездить не будут же и пошлины здесь сбирать будет не с чего; и которые ныне купецкие люди в городе и те все хотят разъехаться, а которые суда к Терку приходят и про то изволишь проведать — пошлина Государева сбираться будет или не будет?.. … (Если же город будет на новом месте) все разбредутся, один я останусь и купецких людей в приезде никого не будет. После сего впредь на меня гневу не подержи, что я не доносил…» Писано от имени народа.

Резолюция: просят Апраксин с товарищами, чтоб Дивей Мурза и прочие помогали генерал-маиору и коменданту Карлусу Рягимона [2] во всем, касающемся строения нового города и крепости. (Этот указ послан тотчас же).

[1] Т е р е к (Терки, Терский городок) — русская крепость в устье одноименной реки.

[2] Христофор (Карл) Андреевич Регимон (Региман) — генерал-майор, военный деятель петровской эпохи.

[9] № 9. 9) 1708 Сент. 10. От Чакдорчжаба письмо: «Я, Чакдорчжаб, здесь здоров, а Астраханский князь Петр Михайлович вероятно там здоров. Приказывал ты ко мне, чтоб со мною переговорить, и для того послал двоих: Досана да Накбу и о чем говорить, прикажи им с ними ко мне, а от меня что говорить и то приказано все им» (подлинник утерян).

[10] № 11. 10) 1708 г. октябрь 9. Письмо от табунного головы Ишей Кашкарина [1] (на турецк[ом] яз[ыке]). Степному набольшему владельцу многознатному Чингисову потомку Аюке-хану: «Прежде сего отцы и деды наши посылали послов и ныне послал я к Белому Царю своего посла Ачжи Аведа, которому в Астрахани чести не было, и взяли с него 1000 рублев и самого задержали. Как я на ханство сел, таких худых дел не бывало, а мы никакой худобы не делывали. Наш посол был послан промеж 2 государств про здоровье ведать… Вместо 1000 руб., 5333 овчинок у себя мы оставили: буде 1000 руб. отдадите, мы те ваши овчинки отпустим. Купецких русских людей для того я удержал, что дорога был не чиста: Каракалпаки воровали, и прежде сего они, Каракалпаки, воровали многожды и грабили и людей до смерти побивали, да кроме того держал же, что в русской стороне был бунт и друг друга грабили. После того посланный русский был у меня, чтоб мне русских людей отпустить, и я тех рус[ских] людей и с товары отпустил, — а если я хотел взять и те куп[ецкие] люди с 200 верблюдами и с товарами были у меня в руках. Желали мы промеж собою, чтоб в любви быть и впредь промеж 2 государств с обоих сторон повольно было ездить… Трухменцы неведомо какого человека нищего поставили у себя начальством: по вашему ли велению этого нищего у себя начальством учинили, или они сами собою, а мы про то не знали. И с послом нашим о этом к нам прикажите, покамест ты и мы будем здоровы. А промеж нами кто станет ездить и тем людям от этого человека добра не будет. Кочека послом я к тебе послал и с ним словесно приказ послал к тебе. 2 лука гостинцы, 3 миткали [2], 2 овчинки серые, 2 бурметя [3]». Печать Мусы Багадырь Хана (подлинник утерян).

[1] В русских документах также Эшай (Эшей) Кашкарин, юртовский татарин. Табунный воевода (табунный голова) — должностное лицо, ответственное за торговлю лошадьми и снабжение ими царского двора с помощью табунов.

[2] Миткаль — суровая тонкая хлопчатобумажная ткань.

[3] Бурмет — грубая хлопчатобумажная ткань.

[11] № 12. 11) 1708 Октябрь 27. Письмо от Чакдорчжаба: «Я, Чакдорчжаб, здесь здоров; астрахан[ский] князь вероятно там здоров. Получено приказание большого князя, отдать вам русских людей. Разве мы взяли русских казаков? Наших мангатов воевавших казаков мы взяли 2 человек, которые ушли в (Астрахань) балгасун: их отдайте нам; если не отдадите, мы двух русских возьмем. Посол Шараб гецуль (Не Габан Шараб ли? Известный ойратский историк?) Печать Чакдорчжаба.

[12] № 13. 12) 1708 Октябрь 26. Письмо Аюки-хана: «Я, Аюка Хан, здесь здоров, астраханский боярин Феодор Григорьевич (кто?) вероятно там здоров. Петром Матвеевичем (Апраксиным) отправленный Керет Михали [1] к нам прибыл здоров. Мы Бориса отправили обратно в Астрахань. Мы отправили в Астрахань, Царицын и Черный Яр (калмыками в полон) взятых русских людей; если же еще остались, то отдадим мы Керет Михалию. — Вы разве не взяли (4^{x}) человек, купленных Ачжи-Хошхором? Об этом обстоятельстве мы писали Петру Матвеевичу. У Ачжари Хошхора есть и жена: их не мучьте». Печать Аюки-хана.

[1] Михаил Федорович Кереитов (ум. 1717), астраханский дворянин, комендант г. Красного Яра.

[13] № 14. 14) 1708 Октябрь 30. Письмо Аюки-хана: «Я, Аюка Хан, здесь здоров, астрахан[ский] князь вероятно там здоров. Мне нужно лекарственной водки да уксусу к ранам: пожалуй пришли. Какие вести с 4 сторон есть, пиши ко мне. Посол мой Чаб с 3 товарищами». Печать Аюки-хана.

[14] № 15. 14) 1708 г. ноябрь 5 дня.

[14.1] a) Письмо Дасана: «Я, Дасан, и все здесь здоровы, Астрах[анский] князь вероятно там здоров. Я иду на войну. Мне нужны: 8 кўкўр [1] (ведра?) вина, 4 ведра чихирю (цагар) — пришли мне. Посол Дамба». Печать Дасана.

[1] Калм. көкүүр — ‘бурдюк’.

[14.2] b) Письмо (Чакдорчжабовой большой жены) Чжал Астраханскому князю: «(послан был нами Калмык для покупки товаров в Астрахань с лошадьми и корсаками и на Красном Яру) перевощики отняли у наших людей все и 7 корсаков: прикажите возвратить наши вещи». Печать Чакдорчжаба.

[15] № 16. 15) 1708 г. Октябрь 25. Письмо Аюки-хана: «Я, Аюка Хан, здесь здоров, Астрах[анский] князь вероятно там здоров. Как

прежде даваны были: порох, свинец и деньги, те и ныне прикажи отдать: а мне все это очень нужно. Хивинский посол, к[оторый] прислан ко мне, и о том после спросите про все у Ишея Кашкарина и рассудите в правду и уведомость ко мне пришлите. Нашего татарина Енбулученина, имя ему Букрей, взяли в Астрахани: будто он убил 3 русских, и будто взяли с него за ту вину пожитки его. Этого Енбулученина вины у нас не явилось. Русских же людей взяли терские татары, которым на дороге встретился ваш юртовский Кантемир мурза и отбил у них русских и привез в Астрахань. Нашего Енбулученина взятой живот отдайте назад. А которые торговые люди хивинцы и всякие люди покупали ваших русских полон[енников] за донских казаков и тот ясырь [1] у них взят и отдан вам: вы о том рассудите: «Берите государ[евых] людей, а казачей ясырь не берите». Как наши калмыки государевы деревни разорили и людей брали, мы тех калмыков сами отдадим головами и взятый ясырь велели сыскивать и съискав всех отдадим. Посол наш Курулдей с 9 товарищами». Печать Аюки-хана (подлинник утерян).

[1] «Я с ы р ь — слово татарское, значит пленник. Было усвоено нами для обозначения татарского полона и потом вообще пленников» [Брокгауз и Ефрон, т. 41А: 851].

[16] № 17. 16) 1708. Ноябрь 4. Письмо Аюки-хана.

«Я, Аюка Хан, здесь здоров, астрах[анский] князь там вероятно здоров. Посланный Ваш Яков Тимофеев к вам отпущен и которые с ним были присланные бухаряне, и тем бухарянам дав нарочитых людей для сыску и отдачи того живота тем бухарянам приказав им того живота съискав отдать». Печать Аюки-хана (подлинник утерян).

[17] № 18. 17) 1708 г. Декабрь 4. Письмо Чакдорчжаба: «Я, Чакдорчжаб, здесь здоров, астраханский боярин там вероятно здоров. Если с 4 сторон есть какие вести, сообщите нам. Пришлите мне 4 ведра чихиря. Посол Чжалцан с 4 товарищами». Печать Чакдорчжаба.

[18] № 19. 18) 1708 Декабрь 5.

[18.1] 1) Письмо Аюки-хана: «Я, Аюка Хан, здесь здоров, астр[аханский] князь там вероятно здоров. Вами присланные сани (цана) и гостинцы (белек идēн) сполна дошло до нас. Не прибыли ли из Москвы ваши послы? Напишите нам какие привезли они известия. Пишите также, если есть какие вести от (белого) царя. Посол Амба». Печать Аюки-хана.

[18.2] 2) Письмо Чакдор-чжаба [1]: «Мы, Чакдорчжаб, здесь здоровы, Астраханский боярин там вероятно здоров. Мы слышали, что (крымский хан) Каплан Гирей Хан свергнут (с престола), а на место

его посажен Давлет Гирей Хан [2]. Это известие вероятно истинно. Если у вас есть какие вести с 4 стран, пишите нам. По указу белого царя разве мы не отдавали русских, которых брали (в плен, барантою)? Из числа их мы сбираем и возвращаем вам, о чем я стараюсь. Так как мои люди захвачены (вами), о том дайте нам ответ. Прекратите обычай брать людей (барантою) и будемьте судить по правде суда. Посол Сату с 4 товарищами». Чакдорчжабова печать.

[1] Имя «Ч а к д о р ч ж а б» (также Чакдорджаб) — тибетское и в оригинале пишется в три слога (Phyag rdor skyabs — «Хранимый Ваджрапани»). Об этом было известно калмыкам, и поэтому они часто писали это имя в два слога, и даже иногда начинали с транскрипционного знака, предназначенного для передачи тибетской буквы pha. Раздельное написание имени Чакдорчжаба на калмыцком иногда отражалось и в русском переводе.

[2] Имеется в виду Девлет II Гирей (1648–1718; правил 1708–1713).

[19] № 20. 19) 1708 Декабрь 23. Письмо Аюки-хана: «Мы, Аюка Хан, здесь здоровы, астрах[анский] князь там вероятно здоров. Нам из Москвы прислан указ (ами буте гексен бичик) возвратить взятых в плен людей, но нет указа о возврате скота. Если вам прислан указ об отдаче скота, покажите, мы желаем видеть. Я приказывал словесно Ивану Михайловичу: от него вы можете слышать. Мы слышали, что у вашего бухарца (тани хотонду — в вашем городе) есть чай: вы купите для нас по 500 копеек (5 руб., а деньги мы заплатим после). Нам чай весьма нужен. Посол Цаб». Печать Аюки-хана.

[20] № 21. 20) 1708 Декабрь 29. «Чимета [1] письмо. Мы здесь здоровы, там Астрах. боярин вероятно здоров. О том, как мы ездили к казакам (на Дон), извещали мы Петра Матвеевича (Апраксина). Мои люди не брали ничего от русских: о том ведает тамошний саратовский (воевода) Никифор Пахомович [2]; здешний (воевода?) Алексей Тихонович [3] засвидетельствует; о том всем ведает и князь Петр Иванович Хованский [4], отправленный по важным делам. Царицынский Михаил Иванович Бакунин [5], будучи у нас (в улусе), переговорил с русскими, которых не стало. Я не делал зла людям белого царя, и не желаю делать. Пребывая в постоянной дружбе, желаем быть в совете и впредь. Нам прежде давали жаловали (от государя) вина, табаку и чихирь [6]: ныне прошу я один пуд табаку, вина и чихиря; пороху, свинцу я возьму весною». Печать Чимета Дёрбётовского.

Приписка: послано 5 ведер вина, 3 ведра чихиря, полпуда табаку.

[1] Имя «Ч и м е т» упомянуто у Д. А. Сусеевой со ссылкой на Запись сообщения калмыцкого посланца Лаузана в Посольском приказе об устных поручениях калмыцкого хана Аюки от 1714 г. января 22. «Из владельцев

Чимет в прошлом 1711 году в походе на Кубань убит… две жены его взял себе ханский сын Чаптержап и улусами завладел». Аюка же хочет улусы Чимета отдать своему племяннику Абашу. Просит царское величество их рассудить [Сусеева, 2003: 212].

[2] Никифор Пахомович Беклеми́шев (даты рождения и смерти неизвестны) — воевода (комендант) Саратова в 1707–1713 гг.

[3] Алексей Тихонович Шахматов (1679 — ок. 1749) — адъютант князя П. И. Хованского.

[4] Петр Иванович Хованский (1648–1709) — командовал войсками при подавлении Астраханского, Башкирского и Булавинского (казацкого) восстаний.

[5] Михаил Иванович Бакунин — комендант в Царицыне.

[6] Чихирь (калм. *cayar*) — разновидность кавказского не перебродившего виноградного вина домашнего приготовления.

2-я тетрадь.

[Вводное описание]

Из архива Астрах[анской] Пал[аты] Госуд[арственных] Имущ[еств].

Дела 1708 года Главного Калмыцкого пристава.

Столп сношениям из Астрахани от коменданта Вердеревского из Казан. и Астрах. губ. Апраксину о Крымских и Кубанских известиях на 39 листах.

[21] № 1. 1) 1708 г. Январь 22. Письмо Дондука: «Астрах[анский] князь со всеми здоров, я в степи со всеми здоров. Я послал о твоем (Петра Матвеевича Апраксина) здоровье спросить своего посла. С 4 сторон какие вести пишите ко мне. Посол мой Торгон батырь с 5 товарищами». Печать Дондока (подлинник утерян).

[22] № 2. 2) 1708 Январь 22. Письмо Тарковского Умалат Шавкала (на персидском языке): «Верного человека своего Аблу послал я послом для дел и для всяких своих нужд к Аюке Хану ради дружелюбия, того моего посла отпусти к Аюке с честию. Впредь какие с вашей стороны какие люди будут к нам, за вашу эту дружбу будем вашим людям всякое добро делать». Умалат Шавкала печать (подлинник утерян).

[23] № 3. 3) 1708 Январь 29. Письмо Чакдорчжаба: «Я, Чакдорчжаб, здесь здоров, в Астрахани князь Петр Матвеевич вероятно здоров. Андреевский владелец Арза Мурза едет ко мне для дел и я с ним о всем переговорю. Пришли мне вина и чихирю хорошего. С послом моим есть словесный приказ. Посол мой Катан Зарунту с 7 товар[ищами]». Печать Чакдорчжаба (подлин[ник] утерян).

[24] № 4. 4) 1708. Янв. 10. Письмо с Кубани от Менгли Гирей салтана (на турецк[ом] яз[ыке]): «человек мой Эдимбай был на вашей стороне с торгом и Едисанской Эбага мурза Калмаметев отнял у него кошель будто барантою и тот кошель прикажи у него Эбаги взять и отдай моему человеку, п[отому] ч[то] никакого долга на моем человеке его, Эбаги Мурзы, нет». Печать (подлин[ник] утерян).

[25] 5) 1708. янв. 30. По указу В[еликого] Госуд[аря] царя и Вел[икого] Кн[язя] Петра Алексеевича… и по приказу ближнего окольничего и воеводы и наместн[ика] нижегородск[ого] Петра Матв[еевича] Апраксина… велено астраханцу Дмитрию Герасимову Говачарову ехать к Аюке Хану. Выехав 3 февраля, он приехал к Аюке Хану в урочище Сасык коле (Сасколь) и послал толмача известить о себе. Того ж числа Аюка прислал своего ближнего человека Самтана за ним. Аюка Хан, после приветствий и распросов об Апраксине и товарищах, говорил: «в нынешнем, 1708 году, прислан к Аюке от казанских судей: Микиты Кудрявцев… (два слова не разобрать) с письмом царицынский дворянин Алексей Герасимов Быков. В письме написано: «Башкирцы, которые около Уфы и других местах в Казанских уездах великому Государю изменили, деревни и села воюя разоряют и русских в полон берут и Уфу осадили, и что ему, Аюке, послать ратных людей своих на тех воров — изменников башкирцов и на юрты их». Аюка Хан на тех изменников пошлет своих ратных людей на весне, только б де были при его посланных ратные русские люди из Астрахани, Царицына, Саратова, также Яицкие казаки, да чтоб русские знали башкирские деревни. По другому письму из Казани просили Аюку ратников послать на Саратов, оттуда в Казань, что ему, Аюке, не спутно, ибо путь дальний, да и потому, что кругом Казани деревни русские, а его калмыки поползновенные и в том де будут многие ссоры, а на башкирские юрты идти им степью путь прямой и от русских деревень удален.

Он же Аюка опасен Великого Государя на себе гневу, п[отому] ч[то] посланный его Чимет с ратными людьми не дошел на службу В[еликому] Госуд[арю] в указанные места поворотился и Калмыки воровски ходили и русские деревни и села разорили без его Аюкина повеления. Говачаров его Аюку в том просил не опасаться, а послать ратников на башкирцев, а сопутникам Чимета взятых пленных отъискивая отсылать в города Вел[икого] Госуд[аря] — Аюка обещал все сделать весною.

Февраля 4 посланные Аюкою люди прибыли из Москвы (Лаузан с товарищами) и сказали, чтоб Аюка против прежнего В[еликого] Госуд[аря] указу приготовил к весне ратников в свейской (шведский) по-

ход 3000 человек, а с ними послал сына своего Чакдорчжаба, а для того прислан будет из Москвы стольник Иван Ефремов Бахметев». Аюка говорил, что к весне войско будет готово в Свейской поход и пошлет безо всякого отлагательства.

[26] № 6. 6) 1708. Февраль 7. Письмо Чакдорчжаба: «мы, Чакдорчжаб и все здоровы, Астр[аханский] князь вероятно здоров. (С 4 сторон если есть какие вести, известите нас). У нас есть старый суд: кто в воровстве пойман будет, бывает с них платеж с прибавкою; похитителя отставить или по прежнему быть. 8 лошадей отдали, а прибавки не отдают, да истинных 5 лошадей не отдают». Чакдорчжаба печать.

Это письмо написано по поводу будто бы украденных татарами подвластными (табунного головы Ишея Кашкарина) 13 лошадей из именья Чакдорчжаба, из урочища у Кобылья озера.

[27] № 7. 7) 1708 февраля 8. Письмо калм[ыцкого] владельца Маргамера «Князь Маргамер велел письмо подать за братних Чю Гёрёчина людей: моего человека держат бухареня: прикажи о том рассудить» (подлинник утерян).

[28] № 8. 8) 1708 Февраля 10. Письмо Аюки-хана (подлинник утерян), к[оторый] извещает, что его люди прибыли из Москвы, откуда просят его о том, чтобы он прислал для Шведской войны 3000 человек ратников, да из Казани просят ратных же людей (против башкирцев).

[29] № 9. 9) Об отдаче жалованья Диве Мурзе, князю Канбулатову сыну Черкаскому [1] и узденям [2] его.

[1] Дивей Канбулатович Черкасский — кабардинский князь, активный участник обороны Терков в 1708 г.

[2] В Кабарде под словом У[здень] понимается высшее сословие, происходящее от древних родовых старейшин племени адыге [Брокгауз и Ефрон, 34А: 610].

[30] № 10. 10) 1708. Февраля 25. Астрахан[ский] воевода и окольничий Петр Матвеевич Апраксин с товарищами приказали: из Терека было дано извещение о том, что башкирский изменник, выдававший себя Салтаном, с Чеченцами, Кумыками и со многими бусурманскими людьми разорили город Терек; в чем преклонились многие Мурзы Юрмовские, Едисанские, Енбулутов и прочие, которых приказано привести снова в присягу В[еликому] Государю — Затем две шерти.

Среди материалов «свертка» есть сборник копий (инв. № 1877/1) писем на «ясном письме», написанный черными чернилами очень ак-

куратным почерком, с соблюдением классической графики и орфографии. Десять копий помечены (Г. С. Лыткиным?) как относящиеся к 1708 г. (см. рис. 1–4). Этот сборник имеет «колофон переписчика», написанный фиолетовыми чернилами в более вольной форме, чем тексты писем:

ayidarxani xalimaqgiyin surγālidu bayidaq baγa coxor nutuγai / züün ayinggi zayisang čijĭbayin ubušān ayimiq dalantān köbüün / bambai bičibebi:: / nasan mini arban yesen:: / tömör möčin ǰiliyin moγoi sarayin xorin xoyor-tu::

«Написал находящийся (обучающийся) в астраханском Калмыцком училище сын Даланта — Бамбай, Бага-Цохуровского улуса, Зюнова рода, аймака зайсанга Чиджипова Убаши. Возраст мой 19 лет. 22 числа месяца змеи (шестой месяц) года железной обезьяны (1860)».

Переводы всех писем, скопированных Бамбаем, присутствуют в списке Г. С Лыткина.

Перевод письма Аюки-хана [3] — копия 1 (см. ил. 4) оригинал этого письма (см. ил. 1).

Перевод письма Чакдорджаба [11] — копия 2 (см. ил. 4).

Перевод письма Аюки-хана [12] — копия 3 (см. ил. 4–5).

Перевод письма Дасана [14.1] — копия 4 (см. ил. 5).

Перевод письма жены Чакдорджаба [14.2] — копия 5 (см. ил. 5).

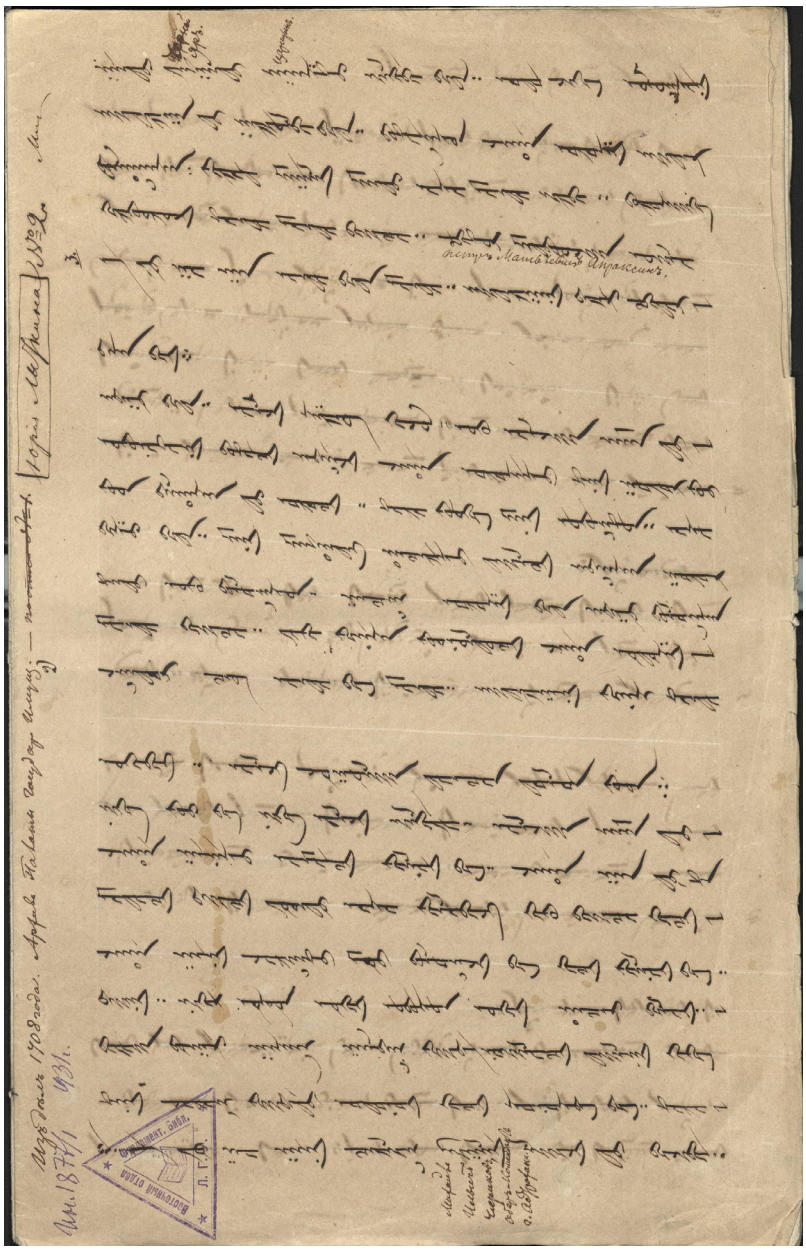


Рис. 1. Копии калмыцких писем 1708 г. Л. 1. Коллекция НБ СПбГУ

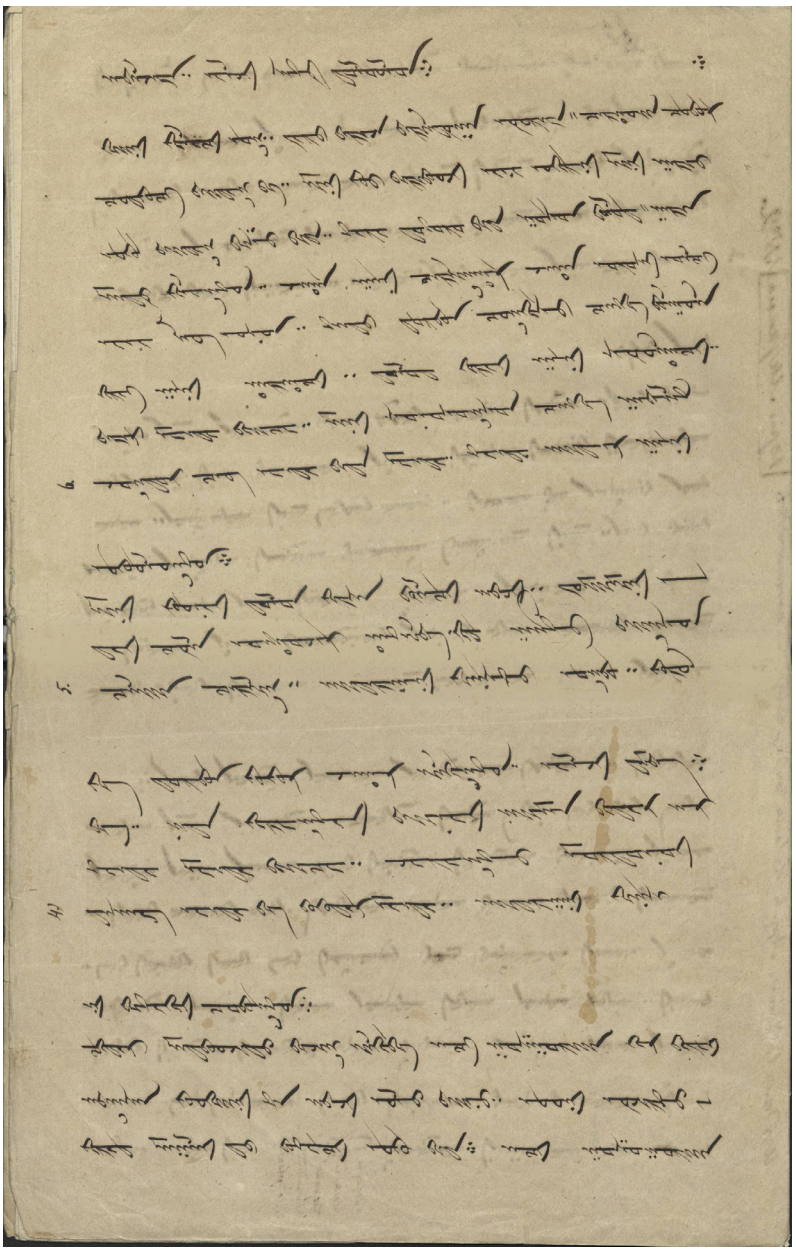


Рис. 2. Копии калмыцких писем 1708 г. Л. 2. Коллекция НБ СПбГУ

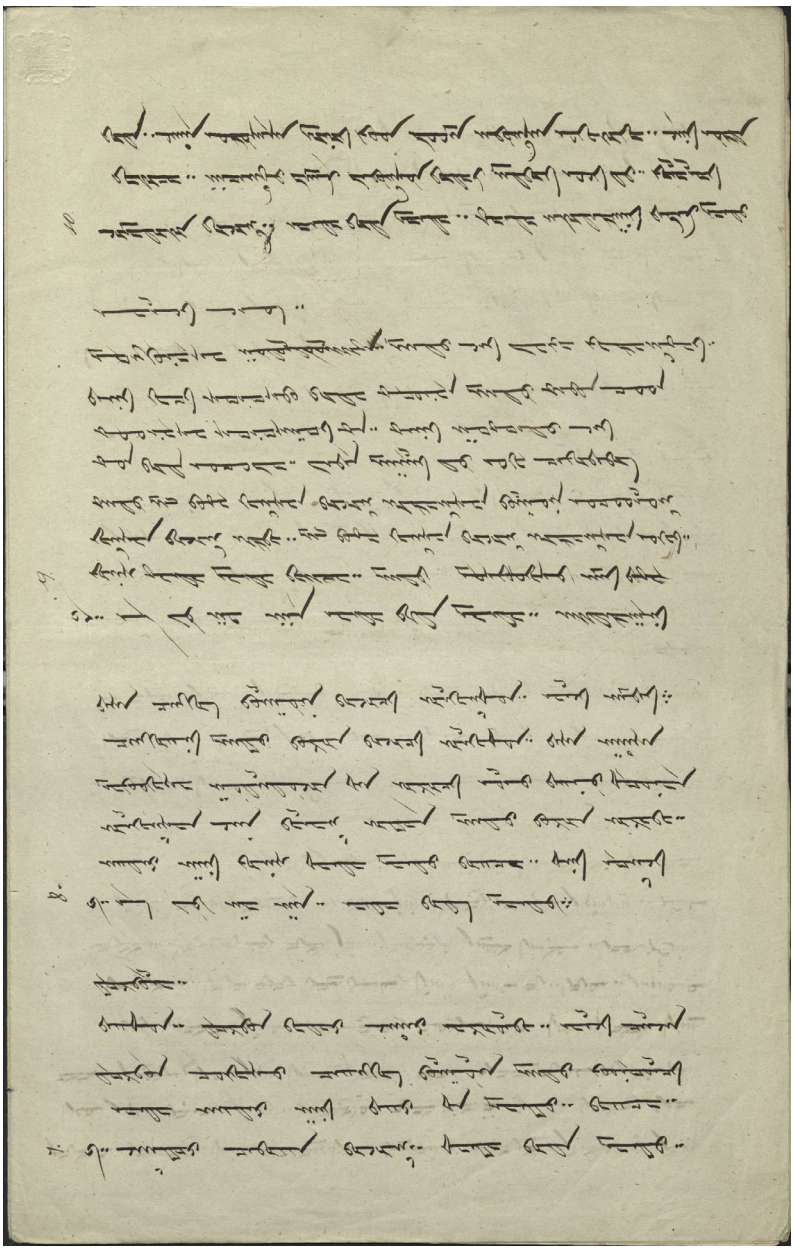


Рис. 3. Копии калмыцких писем 1708 г. Л. 3. Коллекция НБ СПбГУ

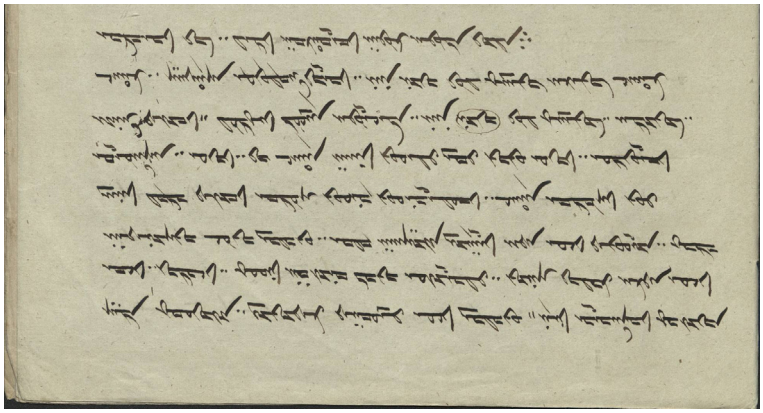


Рис. 4. Копии калмыцких писем 1708 г. Л. 4 (часть). Коллекция НБ СПбГУ

Перевод письма Чакдорджаба [17] — копия 7 (см. ил. 6).

Перевод письма Аюки-хана [18.1] — копия 8 (см. ил. 6).

Перевод письма Чакдорджаба [18.2] — копия 6 (см. ил. 5). Оригинал этого письма (см. ил. 2).

Перевод письма Аюки-хана [19] — копия 9 (см. ил. 6).

Перевод письма Чимеда [20] — копия 10 (см. ил. 6–7). Оригинал этого письма (см. ил. 3).

Ниже приведены транслитерации писем, датированных 1708 г. (всего их три) из коллекции НБ СПбГУ. При транслитерации были использованы следующие условные обозначения:

/ переход на другую строку в тексте рукописи (отделяем пробелами; если часть слова или аффикс перенесены на другую строку — без пробелов);

- аффиксы, написанные отдельно от слова, пишем через дефис; так же соединяем части слова, написанные раздельно;

[*] восстановленное написание слов или частей слов, которые невозможно прочитать из-за дефекта рукописи (часть листа оборвана или загрязнена);

( ) слово или графема, вписанные в текст рукописи в качестве исправления;

: точки (*давхар цэг*) ставим после слова без пробела.

Имена собственные и географические названия пишутся со строчной буквы.

Курсивом даются пояснения.

Переводы этих писем уже приведены выше ([3], [18.2], [20]), но здесь они повторяются для удобства сопоставления калмыцкого текста и его перевода. В некоторых переводах предлагаются уточненные варианты трактовки калмыцкого текста. Для упрощения понимания ори-

гинальных тестов переводы снабжены небольшим лексическим и грамматическим комментарием.

Письмо [3] (см. ил. 19).

Транслитерация

[*ā yu x]e xāni zarliq mixāli liyiči/-du bičibe: tani ceriq kiyibādu odnoi / geǰi sonosbo bi: tere beyeyin buxār xasaq / xalbaq kiyibā neyileǰi dayilanai gekü bayinai / nigēr usun ügei öbösün ügei γazar / belei: caγān xāni ceriqtü muu boluqči / bi geǰi kelenei bi medeǰi bayiǰi yuundu / ese kelebeči gekü beyize geǰi caγān xanāsa / emēǰi kelenei bi: caγān xandu ta nige küü bi / nige küü elči ilgeye elčiyin (amandu) ügebei elči cuxula / denǰin dolōn küün::

По-русски Марта 1708 года

Красная квадратная печать

Перевод

1708. Марта 2. Письмо Аюки-хана к Михаилу Ильичу: «Я слышал, что Ваше войско отправляете в Хиву. Говорят, что сами бухарцы, Хасаки, (Хара) Калпаки, Хивинцы соединились дать вам отпор. (В их странах) нет ни воды, ни травы. Я хочу сказать то, чтобы войскам белого царя не было худа. Так я говорю, потому что от белого царя опасаюсь получить выговор:

„Зная (о состоянии тех стран), зачем я не говорил о том?“ Отправляйте к белому царю послов вы одного человека и я одного, чтобы объявить о том словесно. Посол мой Цухула Денчжан с 7 человеками». Печать Аюки-хана.

Письмо [18.2] (см. ил. 20).

Транслитерация

čaqdor zab ende bida mendü: / tende ayidar-xani bayar mendü beyize: / mani sonusuqsan zanggi xablam gerei xani / γarγaǰi: doulad gerei xani suul/γaǰi: ene lab ünen: tandu dörbön / züqgēse zanggi bolxula mandu keleqtün: caγān xani zarliqγār caγān orosi / ülǰi ögö bayidaq bišüü bida / tere dotoro bida xōsun bolōd: / xarin züdgüǰi bayidaq bi: / mini küü baribuči ene ügeyinei / mini xariugiyini keleǰi öq: yerü / baricān barilduxān uuraya [1] zarγuyin / zöbō̄r abulcaya: elči sadu doloula::

По-русски декабрь 1708. *Красная квадратная печать, по-русски* Чагдоржапа.

[1] Более точно: давайте прекратим захватывать друг у друга [людей] (*yerü baricān barilduxān uuraya*).

Перевод

№ 3. Письмо Чакдор-чжаба: «Мы, Чакдорчжаб, здесь здоровы, Астрахан[ский] боярин там вероятно здоров. Мы слышали, что (Крымский хан) Каплан Гирей хан свергнут (с престола), а на место его посажен Давлет Гирей хан. Это известие вероятно [2] истинно. Если у вас есть какие вести с 4 стран, пишите нам. По указу белого царя разве мы не отдавали русских, которых брали (в плен, барантою)? Из числа их мы сбираем и возвращаем вам [3], о чем я стараюсь. Так как мои люди захвачены (вами), о том дайте нам ответ. Прекратите обычай брать людей (барантою) и будемьте судить по правде суда. Посол Сату с 4 [4] товарищами». Чакдорчжабова печать.

Письмо [21] (см. ил. 21).

Транслитерация

Čimediyin bičiq: ende bida mendü: / tende ayidarxani bayar mendü beyize: / xazaqtu yamar yabuqsān beder madbii-uči-dü: / kelelei bida: caγān orusāsa minii küün youma / abuqsan ügeyigi: cāni urda šara-tougiyin: mikibar / baxoumu-uči medekü: nāni eleqsei teyiken-üči: / gereči: töüni xoyino yeke üyiledü: kinas peder / iban-uči xabaniski cugi (так!) medekü odō axašiyin / mixāli iban-uči bakoulin: tere manai dere bayiǰi / orus küünē köüneldüǰi: caγān orusai küü oluqsan: / ügei: bi caγān xanai küündü mou kekü ügei: ürgülǰi / inaq bayiǰi: duratai youmān abulcaya: nana tamaki: / araki: caγar: šangγās ögüdeq belei: nana nige bud tamaki / araki caγar erinei bi: dari xorγolǰi xabur abuya / bida

Красная квадратная печать, *по-русски:* Декабрь 1708 года.

Перевод

№ 21 1708 Декабрь 29. «Чимета письмо. Мы здесь здоровы. Там Астрах[анский] боярин вероятно здоров. <Петра> о том, как мы ходили к казакам (на Дон) извещали мы Петра Матвеевича (Апраксина). Мои люди не брали ничего от русских, о том ведает тамошний Саратовский (воевода) Никифор Пахомович; здешний (воевода ?) Алексей Тихонович засвидетельствует; о том всем ведает и князь Петр Иванович Хованский, отправленный по важным делам. Царицынский Михаила Иванович Бакулин [5], будучи у нас (в улусе), переговорил с рус-

[2] В калмыцком тексте письма: *lab* ‘точно’ (*ene lab ünen* ‘это точно истинно’).

[3] Более точно: из числа их (русских людей) никого нет (*tere dotoro bida xōsun bolōd*).

[4] В калмыцком тексте письма: *doloula* ‘семеро’ (*elči sadu doloula* ‘посол Саду с семью [товарищами]’).

[5] В калмыцком тексте письма — *bakoulin*. В русском переводе также, скорее, нужно читать как Бакулин.

скими, которых не стало [6]. Я не делал зла людям белого царя и не желаю делать. Пребывая в постоянной дружбе, желаем быть в совете и впредь [7]. Нам прежде давали жаловали (от государя) вина, табаку и чихирь: ныне прошу я один пуд табаку, вина и чихиря; пороху, свинцу я [8] возьму весною»

Печать Чимета Дёрбётовского. (приписка: послано 5 ведер вина, 3 ведра чихиря, полпуда табаку).

Комментарии

Названия народов, городов: Хива — *kiyibā* [3] [9], хивинцы — *kiyibā* [3], бухарцы — *buxār* [3], казахи; киргизы — *xasaq* [3], казаки — *xazaq* [3], (хара)-калпаки — *xalbaq* [3], саратовский — šara-tougiyin [21], царицынский — axašiyin [21].

Имена собственные: Михаил Ильич — *mixāli liyiči* [3], астраханский боярин — *ayidar-xani bayar* [18.2], Каплан Гирей хан — *xablam gerei*) [18.2], Давлет Гирей хан — *doulad gerei xan* [18.2], Чимед — *čimed* [21], Петр Матвеевич — *beder madbii-uči* [21], Никифор Пахомович — *mikibar baxoumu-uči* [21], Алексей Тихонович Шахматов — *eleqsei teyiken-üči* [21], князь Петр Иванович Хованский — *kinas peder iban-uči xabaniski* [21], Михаил Иванович Бакунин — *mixāli iban-uči bakoulin* [21].

В монографии Д. А. Сусеевой (2003) представлен подробный лингвистический анализ языка 176 писем, написанных ханом Аюкой и его современниками в период 1714–1724 гг. Имеющиеся в нашем распоряжении три более ранних письма, датированные 1708 г., — Аюки-хана, его сына Чакдорджаба и Чимеда — не могут предоставить столь обширный языковой материал, поэтому ограничимся лишь некоторыми наблюдениями, дополняющими исследование Д. А. Сусеевой.

Письма написаны разными почерками, но написание отдельных графем и расстановка диакритических знаков во всех письмах следуют классическому «ясному письму». В единичных словах при твердой гласной «*u*» отсутствует диакритика, когда есть другие указания на твердый ряд. Для передачи русского звука «*n*» в русских именах соб-

---

[6] Более точно: переговорил о своих русских людях. Русских людей не нашел (*orus küünē köüneldüǰi: cayān orusai küü oluqsan: ügei:*).

[7] Более точно: Я не делаю зла людям белого царя. Пребывая в постоянной дружбе, хотел бы получить необходимые вещи (*bi cayān xanai küündü mou kekü ügei: ürgülǰi inaq bayiǰi: duratai youmān abulcaya*:)

[8] Более точно: мы (*bida*).

[9] Цифра в квадратных скобках дает ссылку на текст транслитерации и соответствует номеру письма по списку переводов.

ственных и слове «пуд» используется буква «*b*» (*beder* ‘Петр’ [21, строка 3], *baxoumo-učі* ‘Пахомович’ [21], *bud* ‘пуд’ [21]), но один раз в имени Петр [21, строка 7] используется знак *галика*.

Особенности записи русских имен собственных в трех письмах подтверждают отмеченную А. Д. Сусеевой особенность указания на ударный гласный в заимствованных русских словах в ойратской графике использования долгих гласных (или помечаются знаком «удан» либо удвоением гласных, а иногда дифтонгом) [Сусеева, 2003: 262]. Например, *mix**ā**li* ‘Михаил’ [3], *madb**ii**-učі* ‘Матвеевич’ [21], *bak**ou**lin* ‘Бакулин’ [21], *t**eyi**ken-üčі* ‘Тихонович’ [21].

Суффиксы *-ович/-евич*, образующие отчества в русском языке, пишутся в графике «ясного письма» отдельно от слова — *učі*. Например, *iban-učі* ‘Иванович’ [21].

Некоторые формы словоизменения соответствуют произношению их в живом языке, а не классическому написанию.

Исходный падеж — *-āsa*[4] (классический вариант *-ēce*), орудный падеж — *-ār*[4] (классический вариант *-yēr*/*-bēr*). Например, *xanāsa* ‘от хана’ [3], *zöbō̄r* ‘по правильности’ [18.2]. Интересно, что в слове *xanāsa* в основе долготы нет, потому что долгота есть в суффиксе.

Исходный падеж и орудный падеж от основ, оканчивающихся на согласную «q», регулярно образуется с добавлением согласной «γ/g»: *züqgēse* ‘из сторон’ [18.2], *zarliqγār* ‘по указу’ [18.2].

Суффиксы родительного падежа в основном классические *-yin* и *-i,* но в двух местах использован суффикс *-ai*: *xanai* ‘ханские (люди)’ [21] и *orusai* ‘русские (люди)’ [21].

Среди глагольных суффиксов часто встречается суффикс прошедшего времени в усеченной форме *-ba*[4] (классический вариант *-bai*[4]), настоящее время передается только суффиксом *-nai*[4] (классический вариант *-mui*[2]).

Вспомогательные глаголы имеют разговорную форму *belie* (классический вариант *bülügē*)*, beyize* (классический вариант *bayiza*).

Письмо Аюки (№ 1) называется *zarliq* ([**ā yu x*]*e xāni zarliq*). Об употреблении слова *zarliq* в письмах хана Аюки подробно написано в книге А. Д. Сусеевой [Сусеева, 2003: 180–185]. Суть полемики — считать или нет употребление этого слова проявлением неуважительности или, как минимум, равенства по отношению к русским властям. Такая трактовка была четко сформулирована А. М. Позднеевым: «Сохранившаяся от этого времени переписка Аюки с астраханскими воеводами поразительна по своей надменности; каждая его бумага носит имя указа» [Брокгауз и Ефрон, 14: 59]. Однако в оправдание употребления слова *zarliq* следует указать, что в русском переводе этого пись-

ма употреблено слово «письмо», а не «указ», и это подтверждает, что у слова *zarliq* в данном контексте исключительно уважительный смысл, не имеющий приказной смысловой составляющей. В классическом языке слово *zarliq* имело уважительное значение «слово», произнесенное, например, Буддой. Второе значение — «приказ», является вторичным.

В заключение можно привести не утратившую актуальность цитату из работы В. Л. Котвича, который писал сто лет назад: «во всех архивах еще предстоит много работы для достижения даже предварительной цели — приведения в должную известность ойратских документов» [Котвич, 1919: 1213].

Список литературы

Алиев, 2015: *Алиев Б. Г.* Технические культуры как одна из доходных статей жителей равнинного и предгорного Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 20–26.

Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь. СПб.: Тип. а/о Брокгауз-Ефрон, 1891–1904.

Гедеева, 2004: *Гедеева Д. Б.* Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004.

Документы, 2008: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. документов / сост. Мустакимов И. А. Казань: Гасыр, 2008.

Кокшаева, 2011: *Кокшаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: ИД «Герел», 2011.

Котвич, 1919: *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. II. // Известия РАН. 1919. № 12–15. С. 1071–1092.

Материалы, 1936: Материалы по истории Башкирской АССР / отв. ред. А. П. Чулошников. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Орлова, 2019: *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19.

Пальмов, 2007: *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2007.

Соловьев: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1–15. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1962—1965.

Сусеева, 2003: *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724): Опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003.

Сусеева, 2009: *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771). Избранное. Элиста: Джангар, 2009.

Тепкеев, 2017а: *Тепкеев В. Т.* Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 6–19.

Тепкеев, 2017б: *Тепкеев В. Т.* «Пребывает ли во здравии великий Белый хан?»: История самого раннего письма калмыцкого владетеля русскому царю (1642) // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 111–120.

Успенский, 2000: *Успенский В. Л.* Архивные материалы по истории волжских калмыков из фондов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России: Доклады научной конференции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 28–36.

Uspensky, 2001: *Uspensky, V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001.

Vladimir L. Uspensky, Nataliya S. Yakhontova

Eighteenth-Century Letters of Kalmyk Chieftains Kept at the Saint Petersburg University Library

The article introduces unique archival materials concerning the Kalmyks and other peoples of Russia which are kept at present in the Saint Petersburg University Library. These materials were collected and copied by G. S. Lytkin (1835–1907) who stayed in the Kalmyk steppes from 1859 to 1860 and also made research at the archive of the Astrakhan Chamber of state properties. There he copied many Russian translations of letters originally written in the Kalmyk and other Oriental languages which are included into this article. The article is supplemented with facsimiles of three original letters and ten copies of letters in the Kalmyk language. All these letters of Kalmyk chieftains date back to the year 1708. They were mostly written by Ayuka Khan and his elder son Chagdojab and addressed to Russian functionaries of the city of Astrakhan. All published letters are unique and supplement the knowledge of the history of Russia under the reign of Peter the Great.

Key words: the Kalmyks, Ayuka Khan, Astrakhan, letters, Crimea, the Bashkirs.

Часть 2

ПАМЯТИ В. С. ТОЛОКНОВА
(1980–2016)

Н. Л. Жуковская

ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ПАМЯТЬЮ О НЕМ, О ТОМ, ЧТО ОН ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ НЕ УСПЕЛ СДЕЛАТЬ САМ

Больно, когда внезапно обрывается чья-то жизнь. Еще тяжелее, если это жизнь молодого человека, находившегося на взлете, перед ним только что открылся огромный мир, исследованием которого он начал заниматься. Именно это произошло с Вячеславом Толокновым.

Он поступил в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН в 2012 г., отлично сдал вступительные экзамены, в том числе экзамен по специальности «этнология», проявив знание основных проблем, которыми занимается эта наука. В отличие от многих поступающих в аспирантуру молодых людей, часто не знающих, чем они будут заниматься, какой народ, страна или проблема станут предметом их исследования, он имел уже сложившийся интерес к судьбе тибетской эмиграции в Индии. В Институте этнологии и антропологии тибетолога практически не было никогда, хотя небольшие работы по тем или иным вопросам, касающимся народов Тибета, изредка появлялись в трудах института. Именно поэтому и Ученый совет ИЭА РАН, утверждавший тему его диссертации, и наш Центр азиатских и тихоокеанских исследований, к которому его прикрепили, и лично я, которую назначили его научным руководителем, восприняли с интересом и, можно сказать, с энтузиазмом появление аспиранта-тибетолога, т. к. в перспективе он мог стать сотрудником института и скорее всего нашего центра. Тибетолог нам был очень нужен.

По базовому образованию, а у него их было два, Слава был учителем истории и права (Смоленский государственный педагогический университет) и бакалавром менеджмента экономического управления предприятием (Московский авиационный институт), но не востоковедом. Однако зов Востока, интерес к таинственному Тибету уже сыграл свою роль, и к моменту поступления в аспирантуру он уже немного знал тибетский и продолжал учить его с помощью живущих в России

тибетских учителей [1]. В работу по теме диссертации он включился сразу. Было ощущение, что еще задолго до прихода в аспирантуру эта тема уже сложилась в его голове и что ее нужно только насытить какими-то необходимыми деталями. И этим он занимался активно.

Он свободно «путешествовал» по интернету в поисках необходимого материала, переписывался со многими учеными-тибетологами и живущими в разных странах Европы и в США тибетскими эмигрантами. Это очень помогло ему сориентироваться в основных проблемах жизни тибетцев, покинувших родину в поисках новых возможностей для себя и своего народа.

Слава участвовал в восьми научных конференциях, которые происходили в Москве (в Институте этнологии и антропологии РАН, Институте востоковедения РАН), в Санкт-Петербурге (в Институте восточных рукописей РАН и в СПбГУ, где конференция была международной), участвовал в работе XI Конгресса антропологов и этнологов России, который состоялся в Екатеринбурге. В сентябре 2015 г. Слава выступил с докладом на Международном симпозиуме молодых тибетологов в Лейпциге.

И все же главным для себя он считал обязательно побывать в Индии и своими глазами увидеть, как живут там тибетские эмигранты, как сохраняют или, напротив, теряют свой язык и свою культуру, какие общественные организации им в этом помогают, какие у них возможности получить хорошее образование, найти приличную работу, чтобы иметь возможность содержать семью, какова политика индийского правительства по отношению к тибетским мигрантам и многое другое.

Ему удалось осуществить свою мечту: дважды побывать в Индии и провести полевые исследования в местах поселения тибетских мигрантов, в 2014 г. — в штате Химачал-Прадеш на севере Индии, в 2015 г. — в том же штате Химачал-Прадеш на севере и в штате Карнатака на юге страны. Этот материал лег в основу его диссертационного исследования. Из последней поездки, длившейся 3 месяца (с октября по декабрь 2015 г.), на которую Слава выиграл грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), он вернулся буквально светящимся от радости, что нашел очень интересный материал.

Заскочив к нам в Центр азиатских и тихоокеанских исследований всего лишь на пару часов в последних числах декабря 2015 г., он ска-

---

[1] Кроме того, с сентября по декабрь 2014 г. он прошел курсы грамматики и разговорного тибетского языка уровня Intermediate (средняя ступень) в Центре тибетских исследований при Библиотеке тибетских трудов и архивов в Дхарамсале, Индия; получил сертификаты об их успешном прохождении.

зал, что уезжает на новогодние каникулы к родителям в Смоленск, где будет писать отчет о поездке в Индию, завершит работу над диссертацией и по возвращении в январе 2016 г. представит ее на окончательное обсуждение.

И всё! В конце января пришла трагическая весть о его безвременном и скоропостижном уходе из жизни. Трудно смириться с этой потерей всем, кто его знал. Пусть предлагаемая ниже публикация фрагментов его исследования будет памятью о нем, о том, что он по воле судьбы не успел доделать сам.

А. В. Зорин

В. С. ТОЛОКНОВ И ЕГО РАБОТА О ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЕ В ИНДИИ

Предисловие редактора

Тибетология — одна из старейших востоковедных дисциплин в России. Ее трехсотлетняя история знает немало ярких личностей, удивительных и трагических судеб. Многие исследователи умерли или погибли раньше срока, многим не суждено было увидеть свои главные труды опубликованными при жизни. К числу особенно печальных принадлежат судьбы нескольких молодых людей, которые горели искренним интересом к Тибету, усердно занимались изучением его языка, культуры, религии, общества, но очень мало успели сделать по причине ранней смерти. Прежде всего на ум приходят имена В. В. Горского (1819–1847), В. С. Воробьева-Десятовского (1927–1956), В. А. Алдошина (1962–1988) [1]. В наше время такой фигурой, на мой взгляд, стал В. С. Толокнов (1980–2016).

Вячеслав появился в поле моего зрения осенью 2013 г., когда подал заявку на участие во Вторых Петербургских тибетологических чтениях и приехал на один день из Москвы, чтобы сделать свой доклад и познакомиться с коллегами-тибетологами из нашего города. Мне было приятно с ним встретиться, провести экскурсию по Тибетскому фонду ИВР РАН, узнать об обширных научных планах московского коллеги. Он произвел чрезвычайно приятное впечатление своим энтузиазмом. Видно было, что в российской тибетологии появился новый серьезный исследователь, твердо намеренный заявить о себе. Первое впечатление было подкреплено впоследствии профессиональными и

[1] Конечно, В. С. Воробьев-Десятовский несколько выделяется в этом ряду тем, что ему довелось при жизни приобрести статус одного из ведущих тибетологов (и индологов) послевоенного Ленинграда, но, к сожалению, его тибетологическое наследие включает лишь несколько статей, которые он успел подготовить к публикации до своей скоропостижной кончины.

отчасти личными сведениями, которыми он делился с друзьями и знакомыми в одной из популярных социальных сетей в интернете.

Его переполняла любовь к избранному им предмету изучения, каковым стали люди Тибета, вынужденные бежать со своей родины или родившиеся уже на чужбине, их беды и радости, проблемы выживания их родной тибетской культуры в современном прагматичном мире. Это сочеталось в нем со страстной любовью к собственной стране, к русской культуре. Он ярко выразил это в шуточных стихах (датируются 2012 г.):

Люблю я всеми фибрами души
Лобсангов, Ньим, Тензинов и Таши.
Но было бы бесчестнейшим обманом
Сказать, что меньше я люблю Ива́нов.

Должен признаться, что по многим вопросам, связанным с российской проблематикой, нам оказалось трудно найти общий язык. Тем не менее я с большим интересом следил за новостями о его профессиональных успехах и радовался, что у нас появился коллега, столь искренне заинтересованный в изучении современных проблем тибетского общества в доступной для открытого исследования эмигрантской среде, с таким энтузиазмом ищущий возможности полноценной реализации своих замыслов. Для российской тибетологии это было неординарное явление. Тем труднее было поверить страшной новости о его неожиданной смерти…

Так получилось, что я редактировал одну из его основных прижизненных научных публикаций. Упомянутый выше доклад он преобразовал в статью, и она вышла в первом выпуске сборника «Тибетология в Санкт-Петербурге» в далеком уже 2014 г. (см. список публикаций на с. 303–304). Следующий год он провел самым активным образом: писал диссертацию, сделал доклад на представительном международном семинаре молодых тибетологов в Лейпциге [2], совершил длительную и, насколько можно судить, очень успешную экспедицию в Индию в рамках научного проекта, поддержанного грантом РГНФ. Можно было не сомневаться, что в скором времени его самозабвенный труд

[2] Тема доклада — «The Relationship between Representatives of Different Generations of Tibetan Immigrants in Northern India: a Case Study of Dharamsala Tibetans». Судя по всему, российский исследователь запомнился иностранным коллегам. Во всяком случае, выдающийся тибетолог Пер Сёренсен, много лет проработавший профессором Лейпцигского университета и курировавший указанное научное событие, в 2019 г. говорил мне при встрече, что помнит о Вячеславе и очень сожалеет о его ранней смерти.

выльется в новые статьи, в кандидатскую диссертацию. К несчастью, этому не суждено было осуществиться.

В прошлые времена неопубликованные работы могли сохраняться только в бумажных черновиках. Очень многое оказалось сокрыто в архивах [3], еще больше, вероятно, было утрачено безвозвратно. Современные электронные средства фиксации информации, с одной стороны, кажутся более эфемерными, с другой — их проще сохранять и обрабатывать. Это позволило Анне Юдкиной, близкому другу В. С. Толокнова, вернуть к жизни его рабочие материалы, которые иначе, скорее всего, бесследно пропали бы. Я, со своей стороны, счел необходимым выступить в роли их редактора, чтобы отдать долг памяти безвременно ушедшему коллеге и в то же время ввести в научный оборот то, что он написал, но не успел опубликовать.

Речь идет об исследовании «Сохранение этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры в Индии», которое должно было стать диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — этнология, этнография, антропология; научный руководитель д-р ист. наук Н. Л. Жуковская. Черновой вариант диссертации В. С. Толокнов планировал закончить в первой половине 2016 г. Учитывая, что ему удалось совершить две очень плодотворные экспедиции в Индию (особенно важной была вторая, совершенная осенью 2015 г.), не приходится сомневаться, что этот план вполне мог быть реализован.

Нельзя сказать, что выбранная автором тема совсем не исследована мировой наукой: в своем труде он неоднократно ссылается на публикации предшественников. Новизна его работы состоит в попытке комплексного исследования феномена тибетской диаспоры в Индии, в рассмотрении ее как своего рода системы. Внутри этой системы непрерывно происходит накопление и преодоление противоречий, при этом она зависит от меняющихся внешних условий, поскольку тибетская диаспора существует в конкретных политических, экономических, социальных условиях принимающей страны — Индии. Кроме того, изменения происходят достаточно быстро, поэтому новые исследования, опирающиеся на свежие официальные данные и живую экспедиционную работу, всегда имеют актуальность.

---

[3] Достаточно упомянуть в связи с этим одного из зачинателей изучения тибетского языка и письменности в Петербурге Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), чьи обширные научные труды по различным областям знания, хранящиеся в СПбФ АРАН, стали издаваться лишь со второй половины XX в., при этом его материалы по восточной лексикографии только сейчас впервые готовятся к публикации.

В своей работе автор не рисует благостную картину. Он указывает на болевые точки как внутри самой диаспоры, так и в ее отношениях с окружающим обществом, демонстрирует неизбежные сложности в сохранении тибетской идентичности за пределами исторической родины. Вместе с тем он делает это с большим сочувствием, ищет объективно существующие источники для оптимизма. Автору удалось продемонстрировать некоторые серьезные структурные отличия в экономическом, социальном, даже психологическом состоянии тибетцев, проживающих на севере Индии, прежде всего в своеобразной «метрополии» диаспоры — городе Дхарамсала, и тибетцев, проживающих на юге страны, в штате Карнатака. Для объяснения этих отличий им был проведен исторический, социоэкономический, этнопсихологический анализ.

Остается только сожалеть, что у В. С. Толокнова не было возможности полноценно обработать обширные экспедиционные материалы, собранные им во время полевой работы в южноиндийских тибетских поселениях и, безусловно, представлявшие первоочередной интерес для науки. Черновые электронные материалы, которые передала мне А. Б. Юдкина, подтверждают, что работа над текстом исследования шла полным ходом и требовалось только немного времени (возможно, несколько месяцев) для ее завершения.

Хочется верить, что и в усеченном виде исследование В. С. Толокнова будет востребовано отечественной наукой, а изложенные в нем факты и идеи будут учтены будущими исследователями.

По таким основным структурным элементам исследования, как Введение, Главы I–IV, имеются значительные по объему фрагменты, пригодные для публикации, хотя, конечно, они не имеют того финального вида, который автор, очевидно, предполагал им придать. Мной была проведена небольшая обработка этих фрагментов с целью создать частичную реконструкцию монографии, которая могла бы получиться у автора в конечном счете. Введение и Глава I («Исторические условия возникновения тибетской диаспоры») основаны на соответствующих частях из черновика диссертации. В последнем также представлены небольшие фрагменты и наброски к Главе II («Современное положение тибетской диаспоры в Индии»). Большой фрагмент, раскрывающий замысел Главы III («Тибетская диаспора Северной Индии на примере современной тибетской общины города Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш)»), представлен в материалах к докладу, сделанному В. С. Толокновым на конференции в Лейпциге (текст написан по-русски, доклад был сделан на английском языке). Примерно такой же по величине фрагмент Главы IV («Тибетская диаспора Южной Индии на

примере тибетских поселений штата Карнатака») взят из отчета по проекту, поддержанному РГНФ, на средства которого автором была совершена вторая экспедиция в Индию. В итоге собрался довольно обширный материал, равный примерно трети от объема гипотетической монографии без учета предполагавшихся приложений, о структуре которых можно только догадываться.

Помимо незначительной перекомпоновки фрагментов мной осуществлялась стилистическая правка, неизбежная при любой редактуре и тем более необходимая при работе с текстом, который самому автору не суждено было представить в законченном виде. Те редкие случаи, когда внесенные мной изменения имеют смысловой, а не чисто стилистический характер, помечены квадратными скобками или оговорены в сносках. Все дополнения также помещены в квадратные скобки, исключая библиографические записи, мной полностью проверенные и уточненные. Отдельные сведения, содержащиеся в тексте, требовали комментария, который представлен в сносках с пометкой «*Примеч. ред*.».

Мне хотелось бы поблагодарить А. Б. Юдкину за подготовительную и организационную работу, без которой предлагаемая публикация была бы невозможна, а также О. И. Трофимову за содействие и поддержку. Издаваемый текст согласован с родителями В. С. Толокнова — Сергеем Николаевичем и Валентиной Сергеевной Толокновыми, проживающими в г. Смоленске.

В. С. Толокнов

АВТОБИОГРАФИЯ [1]

Я, Толокнов Вячеслав Сергеевич, родился 20 июля 1980 г. в г. Ужгород Закарпатской области [УССР].

В 1986 г. был зачислен в 1-й класс общеобразовательной школы № 84 г. Львова, в которой проучился до 1994 г. С 1994 по 1997 г. учился в СШ № 39 г. Смоленска. В 10-м и 11-м классах учился по юридическому направлению (юридические классы от Смоленского Гуманитарного университета). Регулярно участвовал в научных конференциях по истории.

В 1997 г. поступил в Смоленский государственный педагогический университет на факультет «История и право». В период обучения в СГПУ участвовал в научных конференциях с докладами по тематике восточной философии и религии. Принимал участие в масштабных археологических раскопках славянского населения VIII века близ пос. Колодня Смоленской обл. под руководством доктора ист. наук профессора Е. А. Шмидта.

Дипломную работу защищал по теме «Тибето-китайские отношения: от истоков к современным проблемам». Закончил СГПУ в 2002 г., получив квалификацию «Учитель истории и права».

В 2003 г. переехал в Москву. В этом же году поступил в Московский авиационный институт (МАИ), который с отличием окончил в 2005 г., получив степень бакалавра менеджмента, специализация — экономическое управление предприятием.

В 2003 г. начал работать в строительном концерне НПО «Космос» в г. Москве на должности инженера технического отдела, принимал участие в проектировании и строительстве крупных объектов в г. Москве (например, «Лефортовские тоннели» ТТК). На этой должности я занимался вопросами контроля качества выпускаемой проектной

[1] Составлена при поступлении в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН (2012).

документации, согласования проектной документации с надзорными и эксплуатирующими организациями столицы.

Весь дальнейший трудовой стаж также получен в сфере инжиниринговых услуг; занимался также вопросами маркетинга, финансового анализа, административной работой, юридическим сопровождением.

В течение всего периода обучения в ВУЗах и трудовой деятельности я не переставал самостоятельно заниматься востоковедением. В том числе изучал восточные языки: санскрит (курсы в ИЯ РАН) и тибетский язык. Приоритетной сферой своих научных интересов считаю тибетологию и буддологию. Ориентируюсь в специальной литературе в области тибетологии.

Также в сферу интересов входят: лингвистика (особенно компаративистика), литература и литературоведение, западная философия.

В настоящее время продолжаю посещать курсы тибетского языка, проводимые квалифицированными преподавателями и носителями языка.

Список публикаций В. С. Толокнова: статьи, тезисы [2]

1. Тибетская диаспора в Индии: опыт совместного проживания и межкультурного взаимодействия // Культурные границы и границы в культуре: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 5–7 декабря 2012 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 227–234.

2. Буддийские общины Москвы в нач. XXI в. // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М. Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 167.

3. The Role of the Literary Tradition in Preserving of Ethnic Identity of the Tibetans in the Diaspora [Роль литературной традиции в сохранении этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры] // Тибетская письменная традиция и современность: Тезисы и доклады / отв. ред. П. Л. Гроховский. СПб.: Студия «НП-Принт», 2014. С. 34.

4. Пути сохранения этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 92–99.

5. Тибетские беженцы в Индии: статус, проблемы и перспективы // Миграция и мигранты: Тезисы докладов и программа. Секция 2. XI конгресс антропологов и этнологов России (г. Екатеринбург, 2–

[2] Составлен на основе списка, содержащегося в черновом тексте автореферата диссертации, с некоторыми дополнениями.

5 июля 2015 г.) / ред. В. В. Степанов, Н. А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 43–44.

6. Тибетские беженцы в Индии: статус, проблемы и перспективы // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2015–2016. С. 280–284.

В. С. Толокнов

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТИБЕТЦЕВ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ В ИНДИИ

[Предполагавшаяся структура работы [1]]

Введение

Глава I. Исторические условия возникновения тибетской диаспоры

1.1 Тибето-китайские отношения с 1913 по 1949 г.

1.2. События в Китае в 1950-х гг. и первая волна эмиграции

1.3. Первые годы в Индии: миграционная политика в отношении тибетских беженцев

[1.4. Вторая волна эмиграции]

Глава II. Современное положение тибетской диаспоры в Индии

2.1. Статус тибетских беженцев в Индии

[2.2. Социально-политическая система тибетской диаспоры как инструмент сохранения тибетской идентичности

2.2.1. Возникновение политических институтов

2.2.2. Центральная Тибетская администрация — правительство тибетцев в изгнании

2.2.3. Тибетский парламент в изгнании

2.2.4. Общественные организации

2.2.5. Политические институты тибетской диаспоры в политической системе Индии

2.2.6. Политические стратегии развития тибетского общества

2.2.7. Тибетский национализм в диаспоре]

[1] В квадратные скобки помещены наименования тех параграфов и подпараграфов, которые вообще не отражены в черновых материалах, имеющихся в нашем распоряжении. (*Примеч. ред.*)

2.3. Процессы адаптации тибетцев в Индии и диаспорная идентичность

2.3.1. Взаимоотношения тибетцев с местным индийским населением

[2.3.2. Психологическая адаптация вновь прибывших тибетцев

2.3.3. Социоэкономическая адаптация тибетских мигрантов в Индии

2.3.4. Взаимоотношения между различными поколениями тибетских беженцев в Индии]

2.3.5. Диаспорная идентичность тибетцев в Индии

2.4. Языковая ситуация в тибетской диаспоре Индии

2.5. Система образования в тибетской диаспоре как один из ключевых компонентов сохранения этнической идентичности

[2.5.1. Возникновение, становление и отличительные черты

2.5.2. Тибетская детская деревня: школа, интернат или семья?

2.5.3. Интеграция тибетской образовательной системы в изгнании в индийскую систему образования

2.5.4. Инклюзивное образование

2.5.5. Система высшего духовного и светского образования]

2.6. Культура тибетской диаспоры как фактор сохранения этнической идентичности

2.6.1. Современная тибетская диаспорная музыка и кино

2.6.2. Современная тибетская литература в условиях диаспоры

[2.6.3. Традиционная тибетская буддийская живопись в жизни тибетских беженцев]

Глава III. Тибетская диаспора Северной Индии на примере современной тибетской общины города Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш)

Глава IV. Тибетская диаспора Южной Индии на примере тибетских поселений штата Карнатака

[4.1. Тибетские поселения в Белакуппе]

4.2. Тибетские поселения в Мундгоде

[Заключение]

[Приложения]

Введение

Актуальность темы исследования лежит как в области изучения мировых миграционных процессов, так и в культурологической сфере.

Что касается миграционного аспекта исследования, то на фоне новых тенденций мировой миграционной политики в работе рассматриваются истоки процесса вынужденной миграции на примере части тибетского народа, столкнувшегося с этим явлением еще в середине XX в. и продолжающего жить в этом состоянии уже более полувека. Тибетская диаспора в Индии во многом является наиболее успешной и эффективной моделью диаспорного сообщества из всех известных в мире. Опыт построения государства беженцев (пусть и не признанного ни одной страной мира) на территории другого государства, принявшего их и обеспечившего всем необходимым, является уникальным в мировой истории. Такое уникальное положение тибетцев является одним из ключей к пониманию современных нарастающих процессов вынужденной миграции во многих регионах планеты.

Практическая ценность исследования состоит в том, что оно на примере тибетских беженцев в Индии позволяет выявить закономерности возникновения, нарастания и затухания процессов вынужденной миграции в долгосрочном периоде и влияние последних на трансформацию этнической идентичности мигрирующего этноса.

До сих пор в отечественной науке не было комплексных исследований феномена тибетской диаспоры в контексте социокультурной и экономической адаптации тибетских беженцев из КНР, рассматривающих тибетскую диаспору в исторической перспективе с момента ее возникновения в 1950-х гг. вплоть до сегодняшнего дня. Научная новизна работы проявляется в следующих аспектах:

1) обоснована справедливость применения к тибетским мигрантам за пределами КНР классического понятия «диаспора» на основании наличия всех необходимых признаков диаспоричности;

2) выявлена специфика различных волн тибетской миграции;

3) обозначена роль и место тибетского правительства в изгнании в сохранении традиционных институтов тибетского общества;

4) проанализирован внутридиаспоральный дискурс относительно будущего Тибета и тибетской диаспоры за пределами Тибета;

5) показано значение для современных тибетцев в целом и для членов диаспорного сообщества в частности личности Далай-ламы как одной из основ тибетской этнической идентичности;

6) раскрыта уникальность образовательной системы внутри тибетской диаспоры и ее роль в функционировании диаспорного сообщества;

7) прослежены процессы адаптации и аккультурации тибетцев в инокультурной среде в Индии;

8) представлен и проанализирован межпоколенный диалог внутри тибетской диаспоры;

9) определена роль тибетского языка в сохранении этнической идентичности; отмечены аспекты многоуровневости тибетского языка и влияние этого лингвистического явления на взаимоотношения между различными поколениями тибетцев;

10) сохранение национальных праздников и обрядов охарактеризовано как условие сохранения этнической идентичности тибетцев на фоне повсеместной вестернизации тибетской молодежи;

11) рассмотрено явление повторной миграции тибетцев в страны Запада на материалах опросов и интервью;

12) введены в научный оборот новые документальные данные по вопросам, связанным с тибетскими беженцами в Индии (материалы заседаний нижней палаты парламента Индии за период с 1952 по 2005 г.);

13) представлены новые демографические данные, позволяющие увидеть динамику миграционных процессов тибетских беженцев из КНР.

Кроме того, сделана попытка рассмотреть привычные аспекты жизни тибетского диаспорного сообщества в условиях процессов глобализации. Актуальное состояние тибетского мигрантского сообщества изменяется очень быстро, что приводит к устареванию как количественных показателей, так и качественных параметров исследуемых вопросов.

Несмотря на многочисленные работы зарубежных исследователей в области изучения различных аспектов жизни тибетских беженцев в Индии, существует ряд трудностей и нерешенных проблем. С одной стороны, работы многих исследователей зачастую предвзяты в использовании тех или иных источников. Так, данные Тибетского правительства в изгнании используются, как правило, почти безоговорочно, а данные официальных китайских ведомств если не игнорируются, то, во всяком случае зачастую почти априорно, считаются умышленно искаженными и служащими пропагандистским целям КНР.

Абсолютное большинство работ, посвященных указанной проблематике, выходит за пределами России и является результатом многочисленных исследований зарубежных ученых из различных отраслей науки — историков, социологов, этнологов, лингвистов, психологов. Основной массив исследований и документов по данному вопросу относится к периоду с середины XX в. до наших дней, но, несмотря на

столь небольшой период изучения, представляет собой довольно внушительное количество статей, диссертаций, монографий. Особую ценность представляют аудиовизуальные материалы, а также письменные интервью с представителями тибетских мигрантов.

Большая часть издаваемой литературы выпускается в виде международных сборников статей и монографий.

Изучение различных аспектов жизни тибетской диаспоры берет свое начало в 1960-х гг. Связано это главным образом с массовым исходом части населения исторического Тибета вместе со своим политическим и духовным лидером Далай-ламой XIV.

Всплеск изучения тибетской диаспоры с начала 1960-х гг. связан в том числе и с вновь возникшей изоляцией Тибета начиная с 1959 г., после Лхасского восстания тибетцев против китайских властей. Полевая работа среди тибетских беженцев в Индии в то время (впрочем, как и сейчас) давала исследователям свежий материал о положении дел в закрытом от посторонних глаз Тибете, а также позволяла изучать тибетский народ в условиях, когда последний находился в инокультурной среде, претерпевал лишения и стоял перед вызовом.

Ученых также интересовало то, каким образом и в какой мере тибетцы в условиях формирующейся диаспоры будут воспроизводить традиционные духовные и политические институты, решать вопросы образования и здравоохранения, взаимодействовать с региональными властями и местным населением принимающей страны.

В сферу научного интереса изначально было включено изучение таких показателей, как социальный состав тибетских мигрантов, процент грамотного населения среди прибывших, уровень их образования, прочность связей с родственниками на исторической родине и т. д.

Крупнейший американский тибетолог Мэлвин Голдстейн в 1968 г. защитил диссертацию на тему «Антропологическое изучение тибетской политической системы» [2]. В основу работы помимо прочего были положены и результаты полевых исследований, проведенных ученым с декабря 1965 по август 1967 г. во время научной экспедиции в районы поселения тибетских беженцев на юге Индии и на севере Индии.

Первые свидетельства о жизни тибетских беженцев в Индии, помимо немногих ученых, принадлежат, естественно, путешественникам и писателям, которые в начале 60-х годов находились в тех районах Индии, куда прибывали первые потоки мигрантов из Тибета. Ярким примером такого свидетельства является ирландская путешественница

---

[2] *Goldstein M.* An Anthropological Study of the Tibetan Political System. University of Washington, Ph. D., 1968. Anthropology. (*Примеч. ред.*)

и писатель Дэрвла Мёрфи, которая не просто была свидетельницей обустройства первых тибетских поселенцев на индийской земле, но и помогала им в качестве волонтера в лагерях для беженцев в Северной Индии. В 1966 г. вышла ее книга «Тибетский плацдарм» («Tibetan Foothold») [3], в которой она живо описывает ежедневную тяжелую жизнь обитателей этих лагерей, работу горстки волонтеров по спасению сотен тибетских детей от голода и болезней. Вместе с тем она освещала культурные и социальные проблемы, с которыми тогда столкнулись тибетские беженцы, бывшие до этого в изоляции от всего остального мира.

В 1979 г. как один из результатов конференции по тибетским исследованиям в Оксфордском университете, организованной Майклом Арисом (Michael Aris), была основана Международная ассоциация тибетологических исследований (IATS). По результатам IATS публикуются сборники **(**например, «Tibet, Self, and the Tibetan Diaspora: Voices of Difference» (Brill's Tibetan Studies Library, 2)**)**.

В 2006 г. вышла статья доктора Мартина Миллза из университета Абердина, которая называется «The Silence in Between: Governmentality and the Academic Voice in Tibetan Diaspora Studies» [4].

Среди ученых, занимающихся проблемами тибетской диаспоры, следует также отметить следующих: Дибьеш Ананд (университет Вестминстера), Мартин Бауманн (университет Ганновера), Дагмар Бернсторфф (Нью-Дели), Хуберт фон Вельк (Южная Африка), Питер Бишоп (университет Южной Австралии), Энн Фрешетт, Пол Клигер (Калифорнийская академия наук), Фрэнк Кором (Бостонский университет), Франц Михаэль (Вашингтонский университет), Манфред Новак (Венский университет), Стивен Вентурино (университет Лойолы в Чикаго) [5] и ряд других.

---

[3] *Murphy D.* Tibetan Foothold. [London]: John Murray, 1966. (*Примеч. ред.*)

[4] *Mills M.* The Silence in Between: Governmentality and the Academic Voice in Tibetan Diaspora Studies // Critical Journeys: The Making of Anthropologists. Eds. G. de Neve, M. Unnithan-Kumar. Abingdon, UK: Routledge, 2006. P. 191–206. (*Примеч. ред.*)

[5] Приведем имена указанных исследователей в латинском написании и уточним места работы некоторых из них: Dibyesh Anand; Martin Baumann (с 2003 г. работает в Университете Люцерна, Швейцария); Dagmar Bernstorff; Hubertus von Welck (многолетний сотрудник германского Фонда Фридриха Наумана (Friedrich-Naumann-Stiftung), с 2020 г. возглавляет представительство фонда в Шри-Ланке и Бангладеш); Peter Bishop; Ann Frechette (в начале 2000-х гг. преподавала в Гамильтонском колледже, г. Клинтон, штат Нью-Йорк, США); Paul Christian Klieger (1951–2019); Frank Korom; Franz H. Michael (1907–1992); Manfred Nowak (австрийский правовед, специализирующийся в области защиты прав человека, сотрудничает с различными универ-

Что касается России, то существуют 2–3 основных очага изучения проблем тибетской диаспоры. Прежде всего это Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) и кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Следует отметить, что исследования, касающиеся непосредственно тибетской диаспоры за пределами исторического Тибета, составляют крайне низкий процент от общего числа тибетологических исследований. Отдельно следует выделить монографию И. С. Урбанаевой «Дхарамсала и мир тибетской эмиграции», изданную в 2005 г. ИМБТ СО РАН в Улан-Удэ.

Цель данной работы — показать уникальность тибетской диаспоры ввиду специфического отношения ее членов к своим традициям, религии, культуре и представить целостную картину жизни тибетских мигрантских поселений в Индии. На сегодня существует более тридцати пяти тибетских поселений в Индии. По преобладающему роду занятий жителей их можно условно разделить на три категории: сельскохозяйственные поселения (четырнадцать), ремесленные (девять), сельскохозяйственно-промышленные (двенадцать).

Одной из целей работы является выявление и фиксация тех многоуровневых трансформаций, которые претерпевает тибетский беженец, попадая в инокультурную среду. Это и лингвистические трансформации (например, рассматривается вопрос, почему в случае с тибетцами в Индии не происходит языкового сдвига и почему он происходит с тибетцами на Западе), и экономические, и религиозные, и другие.

Ввиду крайней политизированности так называемого «тибетского вопроса» важнейшей задачей был сбор, обработка и анализ первичных данных о процессе миграции тибетцев, их экономической и культурной адаптации в принимающей стране.

Источниками при работе над исследованием послужили материалы национальных переписей населения Индии и Китая и текущей статистики Центральной Тибетской администрации (призваны образовать стройную систему социально-демографических и этноязыковых показателей, характеризующих различные стороны развития населения); данные экспертных опросов (чиновники различных рангов, преподаватели и руководители учебных заведений, работники миграционной службы, органов труда и занятости и т. п.); архивные материалы Тибетской библиотеки рукописей и архивов (LTWA) в г. Дхарамсале (штат Химачал-Прадеш); материалы отчетности школ (Tibetan Child-

---

ситетами и международными организациями); Steven J. Venturino (в настоящее время преподает в Библиотеке Ньюберри, Чикаго). (*Примеч. ред.*)

ren's Village) и других образовательных учреждений (College For Higher Tibetan Studies, Tibetan Transit School) [6]; материалы конференций и конгрессов, посвященных вопросам тибетских мигрантов и образовательной политики; материалы министерств и ведомств Индии, касающиеся статуса и положения тибетцев в Индии; материалы судебной практики; опубликованные нарративы тибетцев разных волн эмиграции (см.: «Children of Tibet: an Oral History of the First Tibetans to Grow Up in Exile» [7]); полевые материалы автора, собранные во время двух экспедиций в Индию (в 2014 г. полевые исследования проводились в городе Дхарамсала, штат Химачал-Прадеш в Северной Индии; в 2015 г. — в тибетском квартале Маджну-Ка-Тилла в Дели и в тибетских поселениях штата Карнатака в Южной Индии — Мундгод, Белакуппе, Коллегал, Хунсур).

В основе методологии данного исследования лежит конструктивистский подход к пониманию этнической идентичности.

Что касается понимания диаспоры, то в исследовании я опираюсь на первоначальное историческое основание возникновения этого термина у древних евреев, а также на положения тех современных ученых, которые рассматривают диаспору во многом как политическое явление. Я рассматриваю диаспору в узком понимании, т. е. как этническую группу, проживающую вне исторической родины и обладающую четко выраженной институциональной структурой, которая позволяет данной этнической группе сохранять свою этническую идентичность.

При подготовке и проведении исследования применялись следующие методы:

Архивная работа. В течение октября — декабря 2014 г., а также сентября — декабря 2015 г. работа велась в городе Дхарамсала (Индия) в Библиотеке тибетских рукописей и архивов, которая является главным архивным и библиотечным центром всего тибетского диаспорного сообщества. Здесь хранится большая часть работ, издаваемых специалистами всего мира по тибето-буддийской проблематике в целом и по вопросам тибетской диаспоры в частности. Так, я ознакомился с диссертационными исследованиями Акселя Кристиана Строма («Идентификация и культурная преемственность в тибетской диаспоре») [8], Матильды Бернабей («Образование, идентичность и деятель-

[6] Все три названные организации базируются в Дхарамсале или рядом с ней. (*Примеч. ред.*)

[7] *Cayley V.* Children of Tibet: an Oral History of the First Tibetans to Grow Up in Exile. Balmain, New South Wales: Pearlfisher, 1994. (*Примеч. ред.*)

[8] У данного автора (Axel Kristian Strøm) имеется публикация: The Quest for Grace. Identification and Cultural Continuity in the Tibetan Diaspora // Occa-

ность тибетской молодежи в индийской диаспоре») [9], Кимберли Дюк («Культурное гражданство тибетцев в изгнании») [10], Церинг Дхундупа («Пространственная структура грамотности тибетских беженцев в Индии») [11], Тензин Чходака («Образование тибетских беженцев») [12] и с некоторыми другими работами. Кроме того, мной были проанализированы законодательные акты, изданные в различные периоды времени Тибетским правительством в изгнании.

Анкетирование. Во время полевого выезда в Дхарамсалу в 2014 г. мною был проведен опрос местного тибетского населения методом анкетирования. В опросе приняли участие люди различных возрастных групп и социального статуса. Анкету можно условно разбить на блоки: личные данные, сведения об образовании, этнолингвистические данные и т. д.

Данные, собранные при помощи анкетирования, были необходимы для подтверждения как уже имеющейся информации, так и некоторых новых предположений и не преследовали целей количественного анализа данных.

Кроме анкетирования с использованием универсальной анкеты, проводилось экспресс-анкетирование студентов Колледжа высших тибетских исследований [13], в ходе которого была получена информация о жизни тибетских студентов, их мотивации, участии в образовательном процессе, предпочтениях и трудностях. В сочетании с информацией, полученной в результате экспертного интервью с генеральным секретарем данного учебного заведения (аналог проректора по учебной работе), анкетирование студентов позволило создать более объективную картину образовательного процесса тибетского мигрантского сообщества.

---

sional papers in Social Anthropology, No. 24. Oslo: Institute and Museum of Anthropology, University of Oslo, 1995. Однако диссертацию А. К. Стром защитил по иной теме: Continuity, adaptation and innovation: Tibetan monastic colleges in India. PhD dissertation, University of Oslo, 2001. (*Примеч. ред.*)

[9] *Bernabei, Matilde*. “Born on Tongue”: Education, Identity and Agency of Tibetan Youth in the Indian Diaspora. MA thesis. Simon Fraser University, 2001. (*Примеч. ред.*)

[10] *Dukes, Kimberly*. Cultural Citizenship in the *Tibetan Exile*: Movies, Media, Personal Stories. PhD Dissertation. Temple University, 2006. (*Примеч. ред.*)

[11] *Tsering Dhundup.* Spatial Pattern of Literacy of Tibetan Refugees in India. Shimla, 1998. (*Примеч. ред.*)

[12] *Tenzing Chhodak*. Education of Tibetan Refugees: Characteristics and Conditions of Learning Environments in Selected Tibetan Schools in India. Doctoral dissertation, University of Massachusetts, 1981. (*Примеч. ред.*)

[13] Упоминавшаяся выше организация (College For Higher Tibetan Studies), расположенная в поселении Сарах близ Дхарамсалы. (*Примеч. ред.*)

Интервью. В ходе полевых выездов 2014 и 2015 гг. был проведен ряд экспертных интервью с представителями тибетского правительства в изгнании (в том числе со спикером парламента и с заместителем министра иностранных дел), руководством средних и высших учебных заведений, преподавателями, сотрудниками библиотеки и архива. Спецификой подобных интервью являлся их надличностный характер, то есть интервьюеры рассказывали каждый о своей области компетенций, а также о жизни тибетского сообщества в целом — с точки зрения политики, экономики, образования, культуры и т. д. Экспертные интервью фиксировались при помощи диктофона, в ряде случаев велась видеосъемка.

Помимо экспертных интервью применялся и такой вид качественных исследований, как глубинное неструктурированное интервью. Среди интервьюируемых были тибетские беженцы различных поколений и социальных статусов.

Наблюдение. Одним из важнейших источников получения информации являлось включенное наблюдение. Во время полевого выезда 2014 г. более двух месяцев мне удалось прожить в Дхарамсале, практически не покидая этот город и его окрестности. Благодаря этому стало возможным ежедневное детальное наблюдение за жизнью тибетской общины при непосредственном участии в ней в качестве того или иного действующего лица. Вместе с тибетцами я принимал пищу, работал в библиотеке и архиве, участвовал в шествиях со свечами в память о тибетцах, погибших в результате самосожжения, посещал местные кинофестивали и фотовыставки, присутствовал на многочисленных торжественных и праздничных мероприятиях, посещал учения Далай-ламы при стечении тысяч тибетских паломников. При этом наблюдение всегда сопровождалось общением на самые различные темы с тибетскими чиновниками и рядовыми тибетцами.

Помимо Дхарамсалы работа велась и в компактном тибетском квартале Дели (Маджну-Ка-Тилла), где также осуществлялся сбор данных о жизни тибетских беженцев при помощи метода включенного наблюдения и опросов.

Статистика. Статистические данные, касающиеся различных сторон жизни тибетских беженцев, публикуются с периодичностью приблизительно раз в 10 лет. Последний такой отчет был опубликован Комиссией по планированию (Planning Commission) Центральной Тибетской администрации (ЦТА) в 2009 г. Предыдущий отчет публиковался лишь в 1998 г. Статистические данные для подобных отчетов стекаются в вышеуказанную комиссию из профильных департаментов ЦТА. Свежую информацию возможно получить после соответствую-

щего запроса в то или иное ведомство. Например, статистические данные по учебным заведениям были получены мной в Департаменте образования.

Также использовались статистические данные некоторых неправительственных организаций, таких как «Международная кампания за Тибет» (International Campaign for Tibet), сотрудничающих с Департаментом информации и международных отношений Тибетского правительства в изгнании.

Для сопоставления масштабов миграции тибетцев из Китая, а также для проведения количественного анализа различных аспектов жизни тибетцев в Тибете и за его пределами использовались материалы Всекитайской переписи населения 2010 г.

Анализ СМИ. В ходе работы в Библиотеке тибетских рукописей и архивов в Дхарамсале я проанализировал главный печатный орган Департамента образования ЦТА, газету «Sherig News», за период с 1997 по 2014 г.

Также в работе я использовал текущие выпуски газет «Tibetan Review» и «Tibet Times» (за октябрь — декабрь 2014 г.), освещающие как мировые новости и события в Тибете, так и насущные вопросы жизни тибетской диаспоры.

[Были достигнуты следующие результаты:]

— на основе собранных полевых материалов и архивных данных представлена целостная картина функционирования тибетской диаспоры в Индии;

— сделана попытка рассмотрения двух конкурирующих стратегий развития тибетской диаспоры и доказано, что рядовые представители тибетской диаспоры редко бывают знакомы со всеми нюансами внешне поддерживаемых ими стратегий, и потому судьбу тибетской диаспоры во многом определяют официальные власти (политика Срединного пути или достижения «подлинной автономии») или радикальные молодежные активисты (политика борьбы за полную независимость Тибета от Китая);

— рассмотрена специфика внедрения принципов демократии по западному образцу в традиционную тибетскую систему взаимоотношений власти и общества;

— доказана особая роль личности Далай-ламы как определяющего фактора стабильности тибетского мигрантского сообщества во всем мире и выявлена угроза раскола тибетской диаспоры в случае исчезновения/смерти лидера тибетских буддистов;

— обоснована уникальность тибетской диаспоры как сообщества, сумевшего создать единственное в мировой истории государство бе-

женцев с воспроизведением всех ветвей власти, с парламентом, созданным на основе представительства от всех регионов проживания тибетского населения, правительством, полноценными системами образования и здравоохранения, системой распределения финансовых средств и социальных благ. При этом показано, что вся созданная тибетскими беженцами административная система органично вплетена в административную систему Индии — государства, являющегося основным центром сосредоточения тибетских беженцев;

— выявлена недооценка масштабов повторной эмиграции тибетцев из Индии в страны Западной Европы, Канаду и США, а также помощи, оказываемой друг другу родственниками из разных регионов мира;

— обозначена и проанализирована парадоксальность статуса тибетских беженцев в Индии, которая проявляется в следующем: несмотря на проблемы, возникающие у тибетских иммигрантов из-за отсутствия индийского гражданства, наблюдается нежелание получать его со стороны тех из них, кто имеет для этого все правовые основания.

В заключении к работе сформулированы некоторые рекомендации относительно мер, которые следует принять в сферах образования, просвещения, культуры, межэтнического взаимодействия с целью сохранения этнической идентичности тибетцев в условиях диаспоры.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ. ФЕНОМЕН ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ

Географическое положение Тибета на протяжении всей истории играло важную роль в его взаимоотношениях с соседними государствами. На севере он граничил с Восточным Туркестаном и Монголией, на востоке — с Китаем, на юге — с Индией, Непалом, Бутаном, Бирмой, на западе — с Кашмиром. Это соседство неизбежно порождало контакты тибетцев с окружавшими их народами, проявлявшиеся в поддержании взаимовыгодных торговых отношений, духовных связей, а также в периодическом возникновении военных и политических союзов. Степень сотрудничества или конфронтации зависела чаще всего от политической ситуации в соседних регионах и в самом Тибете.

Эти связи во всем своем многообразии можно проследить во взаимоотношениях Тибета с теми или иными правящими династиями Ки-

тая. Что касается тибетско-индийских отношений, то здесь красной нитью проходит преимущественно их духовная компонента. Для тибетцев во все времена Индия была прежде всего родиной буддийского учения и рассматривалась, таким образом, как старший брат и учитель. Об этом и сегодня говорит Далай-лама XIV Тензин Гьяцо, подчеркивая, что «Индия — это наш учитель (guru), а Тибет — это ученик (chela). Поэтому, когда у ученика случаются проблемы, учитель также несет ответственность за их решение» [14].

1.1. Тибето-китайские отношения с 1913 по 1949 г.

Статус Тибета на протяжении веков был различным, и нельзя сказать, что в какой-то из периодов своей истории Тибет был полностью независимым государством, способным игнорировать то или иное внешнее влияние [15]. Прежде всего речь идет о влиянии Китая. Однако период с 1913 по 1950 г. был временем, когда Тибет был свободен в той мере, в какой ему этого всегда хотелось. В 1913 г. в Китае произошла Синьхайская революция [16], была свергнута маньчжурская династия и, как следствие, разрушилась система вассалитета, существовавшая в Цинской империи на протяжении нескольких веков.

Потрясения в Китае неизбежно породили начало патриотических настроений в Тибете. Главным выразителем идей возрождения «Великого Тибета» стал Далай-лама XIII, вернувшийся в 1913 г. из Индии, где он жил в вынужденном изгнании с 1910 г. Сразу по прибытии Далай-лама обратился к народу с воззванием, в котором содержался призыв к изгнанию ханьцев со всей территории Тибета[17]. Правовым основанием для обретения Тибетом независимости представлялся тот факт, что статус Тибета определялся через призму взаимоотношений «священник — покровитель», но не между Тибетом и Китаем вообще, а между Тибетом и конкретно династией Цин. С падением цинской ди-

---

[14] India Today. Volume XI, Number 28. July 13, 2015. P. 20.

[15] Это не совсем корректное утверждение. Древнее тибетское государство в период своего расцвета (VII–IX вв.), безусловно, обладало всеми признаками суверенности; во время последовавшей затем раздробленности и вплоть до подчинения монгольским завоевателям в первой половине XIII в. Тибет также не входил в состав других государств. (*Примеч. ред.*)

[16] Неточность: Синьхайская революция началась осенью 1911 г. и закончилась 12 февраля 1912 г. официальным отречением от власти Цинского императора. (*Примеч. ред.*)

[17] *Богословский В. А.* Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.: ИВ РАН, 2002. С. 10.

настии прекращались и указанные выше отношения. Так следовало из логики тибетских властей.

6 октября 1913 г. в Симле (Индия) по инициативе британцев были начаты трехсторонние переговоры, в которых участвовали делегации из Тибета, Великобритании и Китая. В результате переговоров была выработана Конвенция, которая среди прочего обязывала правительство Китайской республики не превращать Тибет в китайскую провинцию, не создавать там китайских поселений, а также не посылать туда свои войска и гражданских лиц. И хотя впоследствии, в 1914 г., эта Конвенция не была подписана и признана китайской стороной, участие Тибета в качестве самостоятельной и равноправной стороны переговорного процесса вдохновило тибетское правительство на дальнейшие шаги по укреплению своего нового статуса. Так или иначе, начиная с 1913 г. Далай-лама XIII стал вести независимую внутреннюю и внешнюю политику и действовал достаточно решительно.

Под руководством Далай-ламы XIII в Тибете были проведены обширные реформы, направленные на «модернизацию». Они затрагивали практически все сферы жизни Тибета — от преобразования государственного аппарата до широкомасштабных экономических реформ, от реорганизации армии до изменений во взаимоотношениях буддийских монастырей и государства.

Разумеется, все это вызывало сопротивление и внутри части тибетского общества, прежде всего феодальной знати (представителей старых аристократических родов) и высшего духовенства, для которых провозглашенный Далай-ламой тезис «идти в ногу со временем» зачастую означал потерю существенной части собственности и власти. Что касается реорганизации армии, то можно говорить о создании армии с нуля. Это было важнейшим решением, так как позволяло укрепить позиции Тибета во взаимоотношениях с Китаем и одновременно поддержать начинания Далай-ламы по внутреннему реформированию Тибета, а также придавало уверенность в том, что оппозиционные силы в лице светской знати и духовенства не смогут воспрепятствовать намеченным целям.

Тем временем Китай не прекращал усилий по возвращению Тибета под свою власть. Были и серьезные военные столкновения, такие как конфликт в Кхаме в 1930 г., продлившийся 2 года. После смерти в 1933 г. Далай-ламы XIII наступил довольно долгий и противоречивый период регентства. За эти годы Китаю так и не удалось установить свой суверенитет над Тибетом. Во время Второй мировой войны гоминьдановское правительство ослабило давление на тибетском направлении своей внешней политики. Однако после окончания этой

войны Китай вновь активизировал свои силы в решении «тибетского вопроса». Ослаблению Тибета в этот период способствовали внутренние разногласия. Так, весной 1947 г. произошла попытка государственного переворота, ставшая апогеем конфликта между правительством и монастырем Сэра на фоне попыток реставрации власти старого регента, правившего до интронизации Далай-ламы XIV и избрания нового регента.

В том же, 1947-м, году происходит событие, на которое и сегодня нередко ссылаются сторонники независимости Тибета. Речь идет об участии тибетской делегации в работе Межазиатской конференции, которая проходила в Дели весной 1947 г. Делегация была принята на самом высоком уровне с участием Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. На некоторых фотографиях тех дней можно видеть тибетский флаг в ряду флагов других государств, а на карте Азии, вывешенной в зале заседаний, Тибет был обозначен как самостоятельное государство. Однако после протеста МИД Китая флаг Тибета был снят, а на карте Тибет был включен в состав территории Китая [18]. Тем не менее тибетская делегация была выслушана.

Чуть более чем через год, 8 июля 1949 г., под предлогом борьбы с коммунистической пропагандой тибетским правительством было решено выслать из Лхасы всех членов китайского представительства, а также китайских торговцев, врачей, работников радиостанций, учителей.

Таким образом, были прекращены всякие отношения с гоминьдановским Китаем. Вернуть Тибет в состав Китая предстояло вскоре уже другому государству, Китайской Народной Республике.

1.2. События в Китае в 1950-х гг. и первая волна тибетской эмиграции

Символической отправной точкой в развитии «тибетского вопроса» в рассматриваемый период можно считать сообщение китайского агентства Синьхуа от 2 сентября 1949 г., в котором говорилось:

«*Китайская Народно-освободительная армия освободит всю территорию Китая, включая Тибет, Сикан, острова Хайнань и Тайвань. Она не позволит ни одной пяди китайской земли остаться вне Китайской Народной Республики*» [19].

[18] *Богословский В. А.* Политика XIII Далай-ламы в Тибете... С. 120.

[19] *Гуревич Б. П.* Освобождение Тибета. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 93.

Через год китайские войска вторглись на еще не занятые [20] территории Восточного Тибета и, обладая военно-техническим и стратегическим преимуществом, вскоре одержали безоговорочную победу над гораздо более слабыми тибетскими вооруженными силами. Итогом этих событий стало подписание 23 мая 1951 г. тибетской и китайской сторонами «Соглашения о мерах по мирному освобождению Тибета», больше известного как «Соглашение из 17 пунктов». Уже из первого пункта Соглашения становилось понятно, что Тибет теперь и de jure утрачивал свою и без того шаткую независимость:

«Тибетский народ должен сплотиться и изгнать из Тибета империалистические силы, тибетский народ должен вернуться в великую семью Родины — Китайскую Народную Республику» [21].

Я не буду здесь давать оценку и разбирать правомерность заключения такого рода соглашений делегатами обеих договаривающихся сторон, так же как не делал этого и в отношении Конвенции, заключенной в 1914 г. в Симле. Моей задачей является представить тот исторический фон, на котором позднее развернутся положившие начало феномену тибетской диаспоры события, связанные с массовым исходом тибетцев во главе с Далай-ламой со своей исторической родины.

В первые годы напряженности, сложившейся в связи с тибетским вопросом, Индия не ощущала на себе потока беженцев из Тибета. Об этом свидетельствуют официальные индийские документы того времени. Если обратиться к сборнику дебатов нижней палаты парламента Индии (Лок Сабха), то в записи от 6 июня 1951 г. мы видим, что на вопрос члена Временного парламента [22] Шри Кришнананда Рая министру внутренних дел Индии Шри Раджагопалачари о том, был ли приток беженцев в Индию со стороны Тибета со времени вступления туда китайских войск, последний ответил отрицательно [23]. Возможно,

---

[20] В оригинале здесь и на следующей странице использовано слово «оккупированные»; это единственный случай использования в работе политически маркированной лексики; поскольку далее автор заявляет, что он не собирается давать политическую оценку описываемым событиям, редактор счел возможным заменить использованное слово нейтральным синонимом. (*Примеч. ред.*)

[21] *Гарри И. Р.* Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 51.

[22] Временный парламент (Provisional Parliament of India) пришел на смену Конституционной ассамблее 26 января 1950 г. (дата окончательного вступления в силу Конституции Индии) и просуществовал до 1952 г. (до проведения в Индии первых всеобщих выборов).

[23] Indian Parliament on the issue of Tibet: Lok Sabha Debates 1952–2005. Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre (TPPRC). New Delhi, 2006. P. 13–14.

некоторое количество тибетских беженцев все же было и в указанный выше период (начало 1950-х гг.), но не было зафиксировано в официальной индийской отчетности тех лет. Это связано с тем, что до 26 декабря 1950 г. действовали Правила о паспортах (Passport Rules), согласно которым тибетцы могли въезжать на территорию Индии без паспортов, виз и разрешений на въезд (граждане Индии могли въезжать на территорию Тибета на тех же условиях). С 26 декабря 1950 г. в Индии начали действовать правила, по которым тибетцы могли пересекать границу Индии и находиться на территории республики только при наличии разрешения на въезд [24].

В дальнейшем, вплоть до 1959 г., новая китайская власть проводила политику укрепления на занятых территориях. С одной стороны, происходило наращивание китайского военного контингента и распространение административного порядка по общекитайскому образцу, с другой — проводилась повсеместная агитация среди тибетского населения с целью привлечения его на свою сторону. С. Л. Кузьмин приводит данные, свидетельствующие о том, что количество членов коммунистической партии Китая из числа тибетского населения уже в 1957 г. достигло 1 тыс. человек. Кроме членов компартии к тому времени насчитывалось более 2 тыс. членов комсомола, более 6 тыс. членов Патриотической культурной ассоциации молодежи и более 1 тыс. членов Патриотической ассоциации женщин [25]. Но в целом в 1950-е гг. настроение тибетцев в отношении китайских властей было весьма негативным. Все это время на территории Тибета, особенно в восточных и южных его частях, действовали партизанские отряды, а также вспыхивали локальные восстания.

Апогеем антикитайского сопротивления стало многотысячное восстание в Лхасе 10 марта 1959 г. Поводом к нему послужили слухи о том, что китайские власти собираются силой увезти Далай-ламу в Пекин на съезд Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), а также последующие действия властей, подтверждавшие, по мнению тибетцев, эти планы. В частности, Далай-лама был приглашен в штаб военного округа в Лхасе на театральное представление и его охране было предписано не сопровождать его во время этого визита [26].

В течение нескольких дней находившийся в Лхасе Далай-лама пытался решить конфликт мирным путем и даже вел переписку с китай-

---

[24] Indian Parliament on the issue of Tibet… P. 9.

[25] *Кузьмин С. Л.* Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2010. С. 213.

[26] *Цепон В. Д. Шакабпа.* Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг, 2003. С. 335.

ским генералом Тань Гуансанем. Но уже в ночь на 17 марта 1959 г. по совету государственного оракула он со своим ближайшим окружением тайно покинул Лхасу, двинувшись в сторону индийской границы. Затем в течение 1959 г. из Тибета бежало около 80 тыс. тибетцев [27].

1.3. Первые годы в Индии: миграционная политика в отношении тибетских беженцев

Получив в Индии убежище, тибетские беженцы с самого начала остро нуждались во всесторонней помощи. По представлениям Далай-ламы, все тибетские беженцы должны были поселиться компактно в непосредственной близости от индийско-тибетской границы [28]. Но из соображений безопасности индийское правительство отказалось от этой идеи. Вместо этого с целью помощи тибетским беженцам, в особенности тем из них, кто прибыл из Тибета через территории Агентства северо-восточной границы (North-East Frontier Agency, NEFA) и Бутана, правительство Индии при поддержке властей Ассама и Западной Бенгалии основало транзитные лагеря для беженцев в Миссамари (Ассам) и в Буксе (Западная Бенгалия). Эти транзитные лагеря находились под надзором специального индийского чиновника, и беженцы оставались там до тех пор, пока их не переселяли на более или менее постоянные места жительства в различных частях Индии.

Несмотря на то что в лагерях беженцы обеспечивались бесплатной едой, медикаментами и медицинским оборудованием, одеждой, многие из них умирали из-за резкой смены климатических условий и последствий трудного перехода через Гималаи [29].

Необходимо отметить, что и в наши дни многие тибетские беженцы умирают как во время пути через горы, так и уже по прибытии в Индию. Причинами смерти зачастую являются обморожение, переохлаждение, голод, инфекции. Также следует учитывать, что среди общего числа тибетских беженцев крайне высок процент детей и подростков, поскольку в последнее время наблюдается тенденция, когда родители переправляют своих детей в Индию, а сами остаются в КНР.

[Параграф 1.3. не окончен, параграф 1.4. не раскрыт.]

---

[27] *Богословский В. А.* Тибетский район КНР (1949–1976). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 86.

[28] *Grunfeld A. T.* The Making of Modern Tibet. London: Zed Books Ltd., 1987. P. 191.

[29] Refugees and the State: Practices of Asylum and Care in India (1947–2000). Edited by Ranabir Samaddar. New Delhi: Sage Publications Pvt. Ltd., 2003. P. 287–288.

Глава II

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ В ИНДИИ

2.1. Статус тибетских беженцев в Индии

Индия столкнулась с проблемой тибетских беженцев в 1959 г., и до настоящего времени остается много неурегулированных вопросов. В Индии проживает большое количество беженцев из различных стран Азии — Китая, Пакистана, Афганистана, Шри-Ланки, Бутана, Мьянмы и др., и наибольшее количество среди них — тибетцы, около 1/3 всех беженцев, или около 100 тыс. чел. Численность тибетцев в Китае составляет 6,28 млн чел. (по данным 6-й всекитайской переписи населения 2010 г.) [30].

Между тем в Индии до сих пор нет законодательства о беженцах. Нет и последовательной политики государства в отношении данной категории лиц. Республика Индия, образовавшаяся в 1947 г., оказалась в числе немногих стран-участниц ООН, не присоединившихся к Конвенции ООН «О статусе беженцев» от 28 июля 1951 г. и Протоколу к ней от 31 января 1967 г. Все беженцы в Индии, включая и тибетцев, подпадают под действие «Закона об иностранцах» (1946) и «Закона о регистрации иностранцев» (1939), т. е. рассматриваются попросту как иностранные граждане.

Началом массового исхода тибетцев со своей исторической родины, из Тибета, является 1959 г. Связано это прежде всего с жестоким подавлением частями НОАК антикитайского восстания тибетцев в столице Тибета Лхасе. Следует отметить, что к этому времени Тибет уже почти 10 лет вынужденно находился под властью коммунистического Китая. Итак, в 1959 г. Далай-лама принимает трудное для него решение покинуть Тибет. Вслед за ним в изгнание отправилось приблизительно 80 тыс. тибетцев. Эта цифра фигурирует в большинстве источников, но понятно, что эта первая волна беженцев не была одномоментной, длилась около года и была как началом, так и пиком вынужденной миграции тибетцев за весь ее период. В последние десятилетия главными мотивами, побуждающими тибетцев становиться беженцами, являются ограничения религиозных прав со стороны китайских властей, стремление улучшить материальное положение, языко-

[30] Здесь имеется в виду вся территория КНР. Численность тибетцев, проживавших в ТАР, согласно той же переписи, составляла 2,716 млн чел.

вая дискриминация в сфере образования и в повседневной жизни, желание воссоединиться с родственниками и др.

Решение о принятии тибетских беженцев Индией было крайне своевременным и благородным жестом со стороны премьер-министра страны Джавахарлала Неру в 1959 г., когда на первом после прибытия Далай-ламы заседании нижней палаты парламента Индии Неру сказал: «Это сложная и деликатная ситуация, и мы должны избегать любых действий, которые бы могли ее ухудшить. Мы не намерены вмешиваться во внутренние дела Китая, с которым у нас дружественные отношения»[31]. Одновременно с этим Неру гарантировал Далай-ламе политическое убежище. Но ни Далай-лама, ни десятки тысяч тибетцев, присоединившихся к нему сразу и в течение последующих десятилетий, не получили официального статуса беженцев.

С тех пор все вопросы и проблемы, касающиеся тибетцев в Индии, решаются индийскими властями на разных уровнях (от государственного до местного) методом административного управления. На интернет-сайте Иммиграционного бюро при Министерстве внутренних дел Индии четко изложены все нюансы, связанные с прибытием, пребыванием и статусом тибетцев в Индии. В отношении некоторой части тибетцев используется такое понятие, как «временный беженец»: «Тибетцы, прибывшие в Индию до 1959 г., будут иметь право на пособие по восстановлению здоровья как временные беженцы в Индии. <…> Дети тибетцев, рожденные до 1987 г. у родителей-тибетцев, прибывших в Индию до 1959 г., также будут иметь право на пособие по восстановлению здоровья как временные беженцы в Индии» [32]. Тибетцы, прибывшие в Индию с 1959 г. по 30 мая 2003 г., выделяются властями в отдельную категорию «пребывающих долгосрочно» и получают свидетельства о регистрации в региональных бюро по регистрации иностранцев (Foreigners Regional Registration Offices, FRRO).

Большинство тибетцев, живущих в Индии, не являются гражданами этой страны. Согласно индийскому закону о гражданстве, малая их часть имеет право на приобретение гражданства по рождению. Это касается тибетцев, родившихся в Индии с 26 января 1950 г. по 1 июля 1987 г. [33] Также в эту категорию попадают те, кто родился с 1 июля

---

[31] Refugees and the State… P. 284.

[32] Данные официального сайта Иммиграционного бюро при Министерстве внутренних дел Индии (Bureau of Immigration, India), Information Pertaining Tibetan Nationals.

[33] http://mha1.nic.in/pdfs/ic_act55.pdf [Материал в настоящее время недоступен на сайте МВД Индии; речь идет о документе: The Citizenship Act, 1955 = ic_act55, в отсканированном виде он доступен на платформе Scribd.]

1987 г. по день вступления в силу поправок 2003 г. к указанному закону, но при условии, что хотя бы один из родителей являлся гражданином Индии. Более поздние уроженцы Индии приобретают гражданство по рождению лишь при условии, что оба их родителя являются гражданами Индии, или при условии, что на момент их рождения один из родителей являлся гражданином Индии, а другой не был нелегальным мигрантом.

Проживая в Индии на постоянной основе, но обладая статусом иностранцев, тибетцы сталкиваются со многими ограничениями. Они не могут быть владельцами недвижимого имущества, вести коммерческую деятельность, занимать государственные должности, принимать участие в выборах и т. д.

Практически у каждого тибетца, живущего в Индии, есть два основных документа:

1) свидетельство о регистрации (Registration Certificate, сокр. RC), которое выдается индийскими властями (региональными бюро по регистрации иностранцев) сроком на шесть месяцев или на один год с возможностью продления. С 2012 г. по просьбе Центральной Тибетской администрации правительство Индии приняло решение выдавать новые и продлевать старые свидетельства тибетцам, рожденным в Индии или проживающим там не менее 20 лет, сроком на 5 лет с последующим продлением [34];

2) удостоверение личности, которое выдается только при наличии указанного свидетельства о регистрации и по рекомендации Бюро Его Святейшества Далай-ламы в Дели. Действует это свидетельство в течение двух лет и может быть продлено. Именно по этому документу, являющемуся аналогом паспорта для людей, проживающих в Индии и не имеющих индийского гражданства, тибетцы могут выезжать за пределы страны. Из-за цвета обложки его часто называют «Желтой книжкой» [35]. Удостоверение личности выдается в соответствии с индийским законом о паспортах 1967 г. Согласно этому закону, удостоверение личности относится к одному из трех классов проездных документов с целью установления личности человека [36].

Кроме того, почти у всех тибетцев в Индии есть так называемая «Зеленая книжка» («Green Book»), которая является документом, име-

---

[34] https://tibet.net/india-nod-to-extension-of-rc-for-5-years/ [21.02.2021].

[35] Здесь и в следующем абзаце у автора — «книга», что в данном контексте (обозначение персональных документов) не представляется оправданным. (*Примеч. ред.*).

[36] http://passportindia.gov.in/AppOnlineProject/pdf/passports_act.pdf (The Passports Act, 1967) [21.02.2021].

ющим юридическую силу лишь в пределах компетенции Центральной Тибетской администрации (Тибетского правительства в изгнании) [37]. Этот документ выдается с 1971 г. и при соблюдении некоторых формальностей и уплате первоначального взноса получить его может любой тибетец, достигший 6-летнего возраста, живущий в любой точке мира. По сути, это книжка по учету уплаты ежегодных взносов в пользу Тибетского правительства в изгнании на нужды тибетской диаспоры. Но обладание этим документом носит для тибетских беженцев важный символический характер. Документ важен и для тибетской администрации, поскольку подразумевает наличие полноценных членов тибетской диаспоры, связанных с Тибетским правительством в изгнании, могущих голосовать на выборах в тибетские органы власти и баллотироваться на различные должности. Кроме того, Центральная Тибетская администрация помогает людям с трудоустройством, учреждает различные стипендии, оказывает социальную поддержку.

Исходя из практических соображений, тибетцы, казалось бы, должны стремиться получить гражданство Индии, чтобы чувствовать себя уверенно и полноправно в стране, в которой им приходится жить, учиться, работать, вести бизнес, пользоваться социальными благами и защищать свои интересы. Однако большинство тибетцев, имеющих право на получение индийского гражданства, принципиально от него отказываются. Тибетцы верят, что они в Индии «ненадолго» и в обозримом будущем смогут вернуться в Тибет. Возвращение на историческую родину является основной декларируемой целью. Но есть и «промежуточные» цели, такие как миграция в страны Запада (США, Канада, Европа). Мой опыт общения с тибетцами (молодежью и людьми среднего возраста), проживающими в г. Дхарамсале (штат Химачал-Прадеш), показывает, что для многих именно переезд в страны Запада представляется важнейшей жизненной стратегией. Льготы и привилегии на Западе, хоть и небольшие, но есть и связаны именно со статусом тибетских беженцев. Для тибетцев же, имеющих индийское гражданство, на Западе получение таких льгот невозможно. Другая категория тибетских беженцев изначально рассматривает Индию только лишь как перевалочный пункт на пути в иные страны. Однако в случае с тибетцами в Индии практически нет той криминальной и не-

[37] С целью эффективного управления большим количеством как уже прибывших, так и продолжающих прибывать тибетских беженцев 29 апреля 1959 г. по инициативе Далай-ламы была учреждена Центральная Тибетская администрация, задуманная как преемница Правительства Тибета [Гадэн Подранг = Dga’ ldan pho brang], действовавшего до включения последнего в состав КНР.

легальной составляющей, которая возникает при транзитной миграции. По данным Тибетского правительства в изгнании, свыше 30 тыс. тибетских беженцев в Индии (около 1/3 всех тибетцев, проживающих в стране) намерены мигрировать дальше. Из них 80 % выразили желание уехать за границу (что в данном случае означает желание поселиться в западных странах, предпочтительнее всего в США или Канаде).

Западные страны воспринимаются тибетцами как место, где они смогут не только свободно жить, но и получить достойное образование, улучшить материальное положение. Многие тибетцы из тех, кто уже там обосновался, помогают своим родственникам в Индии и в Китае (по разным причинам стараясь это не раскрывать). Надо отметить, что желающие уехать на Запад нередко говорят, что это своего рода инвестиция в сохранение тибетской национальной идентичности. Тибетская интеллигенция широко расселена в странах Европы и Америки. Ее представители, получившие там образование, занимаются исследованием многих проблем и аспектов жизни тибетцев в изгнании и тибетцев внутри Китая.

Хотя представители тибетской диаспоры относятся уважительно к принявшим их индийцам, они зачастую пытаются различными способами подчеркнуть отличия своей культуры от местной индийской культуры. Тибетцы в большинстве своем отрицают всякую принадлежность к индийскому миру. Их желание дистанцироваться от индийской культуры нельзя назвать неприятием всего индийского или пренебрежением традиционными индийскими нормами жизни — скорее, в этом проявляется стремление сохранить свою собственную культуру и идентичность.

Административным, культурным и религиозным центром тибетских беженцев (не только Индии, но и всего мира) стал небольшой город Дхарамсала в штате Химачал-Прадеш на севере Индии в предгорьях Гималаев. Сюда в 1960 г. переехала Тибетская администрация, а также Далай-лама. В настоящее время в Дхарамсале и окрестностях проживает свыше 10 тыс. тибетцев. Кроме того, тибетские мигранты проживают и в других регионах Индии на севере (Шринагар и Ладак в штате Джамму и Кашмир [38]), северо-востоке (штаты Сикким и Аруначал-Прадеш) и востоке (штаты Орисса и Западная Бенгалия). По данным последнего на сегодня демографического обследования тибетцев в изгнании, проведенного Центральной Тибетской администрацией в

[38] В 2019 г. штат Джамму и Кашмир был разделен на две союзные территории Индии: Джамму и Кашмир и Ладак (Ладакх); город Шринагар (Сринагар) является летней столицей первой из них. (*Примеч. ред.*)

2009 г. [39], основная часть тибетских мигрантов Индии проживают на юге страны, преимущественно в штате Карнатака — 44,5 тыс. чел.

Проблемы тибетцев, живущих на севере и на юге Индии, во многом схожи, но есть и некоторые различия, обусловленные спецификой регионов. Серьезным вызовом являются взаимоотношения с местным индийским населением, а также с индийскими властями.

Поводы для конфликтов могут быть как чисто бытовые, так и имеющие политическую подоплеку (например, антикитайские митинги тибетцев). Случаются и административно-хозяйственные конфликты, связанные с земельными спорами. К типичным случаям относятся проявления зависти со стороны местного индийского населения по отношению к тибетским беженцам. По словам некоторых тибетцев, с которыми мне приходилось общаться, местные индийцы считают, что их тибетским соседям незаслуженно оказывается столь щедрая помощь со стороны мирового сообщества в целом и иностранных гостей в частности, в то время как самих индийцев, страдающих не меньше, эта помощь обходит стороной. Предметами зависти становятся одежда, технические устройства, бытовые условия, транспорт и даже сам факт повышенного внимания. В результате представители той и другой стороны в большинстве случаев говорят, что у них практически нет друзей из среды соседствующего с ними народа и их отношения лежат преимущественно в деловой плоскости.

Вот что рассказывает в одном из интервью тибетец, пожелавший, чтобы его имя не называлось:

«*Когда я жил в Массури* [40]*, то считал, что взаимоотношения между тибетцами и индийцами очень близкие, но здесь, в Дхарамсале, индийцы возмущены нашим присутствием. Они думают, что мы процветаем за их счет. Правда состоит в том, что тибетцы по своей природе очень трудолюбивый и энергичный народ. В индийских семьях работают в основном мужчины. В наших же семьях работают все — мужчины, женщины, дети. В 1994 г., когда были столкновения между местными и тибетцами, наши дома забрасывали камнями, а наши магазины поджигали. <…> Полиция никак нас не защищала. Внизу по улице проходили шесть индийских полицейских. Я громко звал их на помощь, но они равнодушно прошли мимо*» [41].

---

[39] Demographic Survey of Tibetans in Exile — 2009. Dharamsala: Planning Commission, Central Tibetan Administration, 2010.

[40] М а с с у р и (*англ.* Mussoorie) — город в индийском штате Уттаракханд в округе Дерадун. Является одним из мест компактного проживания тибетских беженцев.

[41] *Vahali H. O.* Lives in Exile: Exploring the Inner World of Tibetan Refugees. New Delhi: Routledge India, 2009. P. 16.

Индийские власти на всех уровнях неизменно подчеркивают тот факт, что Тибет является неотъемлемой частью Китая, а также то, что Индию и Тибет объединяют многовековые исторические и культурные связи. В связи с этим правительство Индии призывает тибетцев, проживающих в Индии, не вести активную политическую деятельность, направленную на конфронтацию с Китаем. В тех случаях, когда такая активность ведется, она пресекается силами индийских правоохранительных органов.

Тибетская диаспора не является однородной. Внутри тибетского мигрантского сообщества порой кипят нешуточные страсти, например, по поводу путей решения так называемого тибетского вопроса. Среди тибетцев есть как сторонники радикальных мер (движение за независимость Тибета), так и приверженцы официальной позиции Тибетского правительства в изгнании и Далай-ламы (подход Срединного пути, стремящийся к достижению «подлинной автономии» Тибета в составе КНР и соблюдению прав и интересов тибетцев как одного из национальных меньшинств Китая).

Чрезвычайно важной и неизменно актуальной проблемой для тибетской диаспоры в Индии является проблема адаптации тибетцев, вновь прибывших из Китая. Тибетское правительство в изгнании старается оказывать всестороннюю помощь вновь прибывшим тибетцам на всех этапах их жизни в новых условиях. На начальном, самом трудном этапе адаптации неоценимую роль для новых членов диаспоры играют центры приема тибетских беженцев, расположенные в Дхарамсале и в Дели. Эти центры находятся в ведении Тибетского правительства в изгнании, а точнее его Департамента безопасности. Их задачей является оказание первичной юридической, медицинской, социальной помощи тибетцам, впервые прибывшим в Индию. Здесь помогают получить документы, найти работу, поступить в школу или в монастырь. В связи с большим количеством малограмотных людей, прибывающих из Тибета, еще в 1993 г. была основана Тибетская транзитная школа (Tibetan Transit School). В этом заведении могут жить и учиться вновь прибывшие тибетцы в возрасте от 18 до 30 лет. Время пребывания в данной школе ограничено сегодня 5 годами (до 1998 г. этот срок не мог превышать 2 лет, до 2000 г. он был не более 3 лет), что мотивирует людей максимально активно участвовать в устройстве своей дальнейшей судьбы, не надеясь лишь на помощь извне. На сегодня в этой школе прошли обучение около 6,5 тыс. человек — это не так много, во всяком случае, меньше, чем требуется.

При общении с тибетцами легко заметить, что среди компонентов тибетской идентичности (того, что в англоязычных работах принято называть “Tibetanness”) на первом месте стоит религиозная или ду-

ховная составляющая. Речь идет, конечно же, о тибетском буддизме во всех его проявлениях [42]. И хотя каждый тибетец-буддист знает о Трех Драгоценностях буддизма (Будда, дхарма и сангха) как о коренных идеалах буддизма и своеобразном буддийском символе веры, тем не менее в повседневной жизни, в разговорах с простыми тибетцами на первый план отчетливо выходит личность нынешнего Далай-ламы. Очень часто при первом знакомстве тибетские собеседники задавали мне вопрос: «Веришь ли ты в Далай-ламу?»

Тибетцы предпринимают немало усилий по сохранению своей культуры. Что касается тибетского буддизма, то причин для опасений по поводу его исчезновения нет. Этому способствует и постоянно возрастающая популярность тибетского буддизма во всем мире, проявляющаяся как в увеличении числа его приверженцев, так и в росте объема буддологических исследований. Но есть опасность другого рода. Дело в том, что нынешний Далай-лама XIV является тем стержнем, на котором, по сути, сегодня держится весь тибетский мир. Об этом говорил выдающийся индийский ученый и политик Локеш Чандра, с которым мне посчастливилось беседовать в 2014 г. в Дели. По его мнению, есть серьезные опасения по поводу дальнейшей судьбы тибетцев как нации после того, как не станет нынешнего Далай-ламы, если тибетцы уже сейчас не найдут в себе силы консолидироваться также и вокруг других основ тибетской идентичности.

Одним из главных вызовов для тибетцев, живущих в диаспоре, является сегодня сохранение не только буддийской традиции, но также языка, литературы, искусства, ремёсел, фольклора, традиционных праздников и обрядов во всем их многообразии. Сам по себе факт жизни в изгнании является вызовом, ответить на который вслед за предыдущими поколениями тибетских беженцев предстоит и нынешнему поколению.

Сохранение языка особенно актуально для тибетской диаспоры. Тибетский язык вряд ли исчезнет в обозримой перспективе. Более того, сейчас возникает все больше проектов по сохранению и поддержанию тибетской языковой традиции. Но в самом Тибете есть проблемы, связанные с повсеместной китаизацией всех сфер жизни, в том числе образования, что приводит к вытеснению тибетского языка в сторону факультативности. В то же время у тибетской диаспоры в Индии наблюдается обеднение тибетского языка. Тибетцы, чаще молодежь, в повседневной жизни нередко пользуются своеобразным пиджином — смесью тибетского языка с хинди и английским. Зачастую происходит

[42] Очевидно, в поле зрения автора не попала та (небольшая) часть эмигрантов, которые являются последователями религии бон. (*Примеч. ред.*)

замещение ряда тибетских слов иностранными словами, и молодежь не всегда может сразу вспомнить исконно тибетское название того или иного предмета или явления. Постепенно сокращается употребление в повседневной речи форм вежливости, присущих тибетскому языку. Грамотность населения (как количественно, так и качественно) также оставляет желать лучшего. В этом направлении активно работает Центральная Тибетская администрация (Тибетское правительство в изгнании): она регулярно выступает с обращениями к представителям подрастающего поколения, объясняя им, что на них лежит повышенная ответственность перед соотечественниками, живущими сейчас в Тибете.

Не перестает быть актуальной для тибетских беженцев в Индии и проблема безработицы. По данным упомянутого демографического обследования 2009 г., численность безработных среди работоспособных тибетцев Индии, Непала и Бутана составляла 36,8 тыс. чел., то есть 53 % всех проживающих на этих территориях тибетцев. По словам премьер-министра Тибетского правительства в изгнании г-на Лобсанг Сенге [43], в ближайшие годы уровень безработицы будет только расти. Половину безработных составляют студенты. У нас нет данных о том, относятся ли к числу безработных многочисленные тибетские монахи, живущие в Индии. Вероятно, те из них, что являются послушниками монастырей-университетов, также включены в общее количество безработных, в категорию «студенты». Лишь треть из числа не имеющих работы сообщили об активном поиске ими работы [44]. Внутри тибетского эмигрантского сообщества рабочих мест очень мало, а индийские работодатели предпочитают трудоустраивать в первую очередь индийцев. Особенно сложно найти работу вновь прибывшим тибетцам. Довольно распространенной практикой является получение неработающими беженцами помощи от родственников, живущих в странах Запада. Бывают случаи индивидуального спонсирования конкретных тибетцев со стороны иностранцев (как физических лиц, так и неправительственных организаций). Такую регулярную спонсорскую помощь получают, как правило, юные члены тибетской диаспоры. Малоимущим членам диаспоры также оказывают помощь тибетские общественные организации. Следует отметить, что в последние годы в связи с улучшением уровня жизни тибетцев в некото-

[43] Тиб. blo bzang seng ge; по-английски имя премьер-министра Тибетского правительства в изгнании (занимает этот пост с 2011 г. по сей день) пишется Lobsang Sangay, поэтому по-русски его имя иногда записывают как Лобсанг Сангай, однако автор работы использовал более корректный вариант, следующий тибетскому произнесению имени. (*Примеч. ред.*)

[44] Demographic Survey of Tibetans in Exile – 2009... P. 16.

рых тибетских регионах Китая (не обязательно в Тибетском автономном районе) нередки случаи оказания ими материальной помощи своим малоимущим родственникам в Индии. Кроме того, множество тибетцев несколько месяцев в году (в основном в зимний период) занимаются сезонной работой. Традиционным и весьма распространенным видом сезонного заработка для тибетцев является торговля свитерами с выездом в различные индийские города. Существует даже так называемая Тибетская ассоциация торговцев свитерами.

Спектр проблем, с которыми сталкиваются тибетцы в Индии, весьма широк: от административно-правовых до психологических, от социальных до духовно-нравственных. Существенная помощь приходит к тибетским беженцам в Индии извне, со стороны неправительственных организаций из различных стран мира, а также в результате реализации многочисленных волонтерских программ. Однако многие проблемы постепенно удается решать благодаря воссозданию и поддержанию традиционных институтов тибетского общества, поддержке и взаимопомощи внутри тибетских общин и сообществ.

В последние годы наблюдается существенное снижение потока тибетских беженцев из Китая, вызванное прежде всего изменившимися условиями внутри этой страны. С одной стороны, как упоминалось выше, постепенно растет уровень жизни населения Китая, в том числе и тибетского. С другой стороны, усложнился выезд из Китая, а также транзит тибетских беженцев через китайско-непальскую границу, так как китайские власти оказывают существенное давление на руководство Непала в вопросах незаконной миграции. Если раньше непальские пограничные службы закрывали глаза на отсутствие у тибетцев, идущих с китайской стороны, необходимых документов, то теперь контроль значительно усилился.

Хотя положение тибетских беженцев в Индии, Непале и Бутане существенно отличается от положения их соотечественников в других странах мира, особенно западных, будущее тибетской диаспоры во многом будет зависеть от той стратегии, которой будет придерживаться руководство тибетцев в изгнании. Это касается и позиции тибетцев в изгнании по решению так называемого «тибетского вопроса» в Китае. Вероятнее всего, положение тибетских беженцев в Индии в лучшую сторону существенно не изменится. Но наличие хорошо отлаженной и ориентированной на сохранение национальной культуры и традиций системы тибетского образования, прошедшей долгий эволюционный путь, позволяет нам смотреть на будущее этого страдающего народа с некоторой долей оптимизма.

[Параграф 2.2. не раскрыт.]

2.3. Психологическая адаптация тибетцев в Индии

Когда речь идет об адаптации тибетских мигрантов к жизни за пределами своей исторической родины, то помимо вопросов экономической интеграции в принимающее общество остро встает вопрос о духовной, культурной и психологической адаптации людей в новых условиях.

И хотя эта проблема в предыдущие десятилетия, начиная с 1959 г., стояла гораздо острее в силу того, что в числе первой волны беженцев были в основном взрослые, сформировавшиеся в Тибете люди, тем не менее и сегодня она остается одной из главных. Необходимо отметить, что Тибет 1950–1980-х гг. резко отличался от того, каким его можно видеть сегодня. Если раньше между средневековым, в сущности, Тибетом и Индией середины XX в. (не говоря уже о странах западного мира) пролегала культурная пропасть и поэтому процессы адаптации были продолжительными и болезненными, то современные тибетские беженцы, прибывающие из тибетских регионов Китая в страны Южной Азии, адаптируются гораздо легче и быстрее. Значительно облегчает адаптацию и многократно возросшее количественно тибетское население в принимающих странах, достаточно развитая инфраструктура и относительно отлаженная система взаимоотношений с местным населением и властями.

2.3.1. Взаимоотношения тибетцев с местным индийским населением

Несмотря на то что тибетские беженцы Индии живут в окружении местного индийского населения, они тщательно стараются сохранять свою обособленность в вопросах традиций, религии, языка и зачастую даже пищи. В последующих разделах я буду обращать внимание на то, что тибетская эмигрантская молодежь в последнее время имеет смешанные языковые предпочтения в силу различных причин. Так, например, многие информанты в качестве причин, по которым они используют в своей речи не только тибетский язык, но и хинди, называли привычку и необходимость делового общения с людьми, говорящими на хинди. С другой стороны, некоторые представители молодого поколения время от времени переключаются на английский язык и объясняют это тем, что они учатся в англоязычных учебных заведениях, а также тем, что им просто нравится говорить по-английски, а регулярное использование этого языка при ежедневном общении повышает уровень владения английским языком. При общении с тибетской

молодежью у меня сложилось впечатление, что хорошее знание английского языка повышает социальный статус говорящего и является своего рода модным атрибутом. Это во многом связано с тем, что в некоторых регионах Индии (особенно в штате Химачал-Прадеш) в постоянное инокультурное окружение тибетцев включены представители западных стран, которые иногда превышают по численности местные тибетские общины.

Взаимоотношения индийцев и тибетцев в приграничных с Тибетом областях Индии не были неизменно ровными на протяжении многовековой истории и особенно в последние полвека, когда здесь стали массово поселяться мигранты из тибетских районов КНР.

Хотя представители тибетской диаспоры в Индии уважительно относятся к индийцам, принявшим их в свое время (и принимающим по сей день все новых беженцев), тем не менее они зачастую пытаются различными способами подчеркнуть отличие своей культуры от местной, то есть не стремятся к осознанию своей принадлежности к индийской культуре как к свершившемуся факту. Желание тибетцев дистанцироваться от индийской культуры нельзя назвать неприятием всего индийского или пренебрежением традиционными индийскими нормами жизни. В основе этой дистанцированности лежит инстинкт сохранения себя как нации.

Существует мнение, что «если раньше сохранение этнической идентичности интегрирующейся группы оценивалось как затрудняющее процесс аккультурации, сегодня оно оценивается позитивно, так как помогает сгладить трудности этого процесса. Особенно это важно для беженцев (недобровольных мигрантов)» [45].

Что касается конфликтов, то они случаются постоянно. Если следовать одной из классификаций конфликтов, то в рассматриваемых регионах можно выделить два основных типа: межличностные (встречаются наиболее часто) и локальные.

Приведу два примера, иллюстрирующие природу межличностных конфликтов, которые, как правило, не выходят за рамки словесных перебранок и споров.

Антрополог Сандра Пэнни-Димри (Университет Сиднея) в одной из своих статей [46] описывает типичный случай, когда в поезде «Дели —

---

[45] *Садохин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. С. 132.

[46] Вероятно, имеется в виду статья: *Penny-Dimri S.* Conflict amongst the Tibetans and Indians of North India: Communal Violence and Welfare Dollars // The Australian Journal of Anthropology. Vol. 5. Is. 1–2. March 1994. P. 280–293. (*Примеч. ред.*)

Варанаси» группа индийской молодежи спорила с группой тибетцев по поводу чистоплотности последних. Известно, что индийцы, особенно индусы, традиционно стараются ежедневно принимать водные процедуры и тщательно заботятся о чистоте своих жилищ, одежды, пищи. У тибетцев же на родине такая практика повсеместно не распространена, и им сложно сразу адаптироваться к жарким и пыльным равнинам Индии. Поэтому некоторые индийцы находят тибетский образ жизни несколько неряшливым и неприятным и склонны обвинять тибетцев в нечистоплотности. В этом конкретном конфликте в поезде вопрос гигиены ехавших в нем тибетцев был решен, как только тибетцы достали свои ножи, а индийцы ретировались. Другой похожий случай Сандра Пэнни-Димри наблюдала на одном из рынков. Там возник спор между несколькими молодыми индусами-вегетарианцами и тибетскими монахами, покупающими мясо. Индусы порицали практику мясоедения тибетскими монахами как противоречащую нравственной чистоте и духовности.

Это в очередной раз демонстрирует, что если мирное сосуществование имеет относительно универсальные черты в разных странах, то конфликтные ситуации случаются зачастую по весьма специфическим причинам, характерным лишь для представителей конкретных народов, проживающих по тем или иным причинам на одной территории.

Когда тибетцы говорят о преимуществах проживания внутри своих собственных общин, они обычно указывают на различия в личностных чертах тибетцев и индийцев. Так, один информант-тибетец утверждал, что тибетцы — это такие люди, которым он «может доверять и на которых он может положиться», в то время как индийцам он «не может доверять и положиться на них не может». Также этот информант сказал, что хотя тибетцы «с виду, может, и не кажутся добрыми и учтивыми, но в душе они добрые и отзывчивые». Индийцы же, по его словам, могут выглядеть внешне добрыми и учтивыми, но этих качеств нет в их сердцах.

Эта общая позиция недоверия и приписывания некоторых негативных характеристик другой этнической группе создает ситуацию, которая препятствует тесным межличностным отношениям. В то же время это укрепляет социальные связи внутри этнической группы путем оправдания, объяснения поведения, которое отделяет их от других социальных групп данной территории.

Помимо незначительных межличностных конфликтов, на протяжении вот уже нескольких десятилетий возникают более серьезные споры и разногласия, носящие преимущественно экономический характер. Поначалу индийцы жаловались на то, что выделенная тибет-

цам под устройство их поселений земля с лесами и пастбищами стала для них недоступна и они не могут беспрепятственно пасти скот, собирать древесину на дрова и вообще вести привычный образ жизни. Потом стали регулярно возникать взаимные обвинения в незаконных посягательствах на землю. Причиной этому послужила неясность в понимании границ земельных участков как тибетцами, так и индийцами. Обе стороны апеллировали к индийской администрации (в частности, к инспекторам по сбору земельного налога), которая также не всегда могла раз и навсегда разрешить тот или иной спор. Такие ситуации, когда конфликты разгораются по экономическим причинам, чаще всего возникают в южноиндийских районах компактного проживания тибетцев, где в начале 1960-х гг. с разрешения индийских властей были основаны первые тибетские агропоселения (первое из них — Билакуппе в штате Карнатака).

Несмотря на все эти противоречия, тибетцы и индийцы в трудные минуты (например, после цунами, землетрясений и т. п.) всегда приходят друг другу на выручку: создают совместные восстановительные бригады, оказывают материальную помощь.

[Подпараграфы 2.3.2.–2.3.4. не раскрыты.]

2.3.5. Взаимоотношения между различными поколениями тибетских беженцев в Индии

[План работы]

Процессы внутри диаспоры: вновь прибывшие, феминизм [47], экологическое движение, споры внутри диаспоры по различным вопросам, в том числе Умэлам и Рангзэн [48].

См.: *Moustogianni G. S.* Tibetan but not from Tibet. A Minor Field Study on Tibetan Diasporic Identity in India. Master's Thesis. Lund University, 2007.

---

[47] http://www.tibetanfeministcollective.org [Данный ресурс более не поддерживается, но ему предшествовала страница: https://tibetanfeministcollective.wordpress.com/, на которой зафиксированы записи вплоть до 28 апреля 2015 г., т. е. все материалы, которыми мог пользоваться В. С. Толокнов].

[48] Тиб. *dbu ma'i lam* и *rang btsan* (читается *рангцэн*; использованная автором форма «Рангзэн», вероятно, основана на часто используемой в англоязычной литературе форме *rangzen*). Первый термин обозначает 'срединный путь', т. е. требование полноценной автономии тибетских территорий (Центрального Тибета, Амдо и Кама) внутри Китая, второй — независимость, суверенитет. (*Примеч. ред.*)

2.4. Языковая ситуация в тибетской диаспоре Индии

[План работы]

Уровень грамотности населения по возрастам; пиджин (хинди-английский-тибетский); сокращение лексикона (активного и пассивного); утрата молодежью почтительной формы языка; унификация диалектов в единый язык диаспоры (чи-ке [49]); языковой сдвиг (с тибетского на английский); консервативность старшего поколения в вопросах языка; переключение кодов; секретный язык.

Проект «Esukhia», направленный на сохранение языка, а также подготовку высококвалифицированных переводческих кадров, обладающих языковым мастерством, экспертов в области тибетского языка. За четыре года своего существования (с 2011 г.) проект, начатый всего лишь одним человеком, занял ведущие позиции в Индии [50].

2.5. Система образования в тибетской диаспоре как один из ключевых компонентов сохранения этнической идентичности

[Вступление]

Уже в первые годы пребывания в эмиграции Далай-лама XIV ясно дал понять, что вопросы образования тибетских беженцев являются приоритетными, представляя собой один из базовых компонентов тибетской этнической идентичности.

С первых же лет изгнания стало очевидно, что тибетские поселения не являются чем-то кратковременным и что предстоит обустраивать жизнь в эмиграции на довольно долгосрочной основе. Строительство школ было одной из первых мер, предпринятых вновь образованным Тибетским правительством в изгнании. Уже в 1959 г. был образован Совет по тибетскому образованию, а в 1960 г. — Департамент образования Центральной Тибетской администрации.

Главной целью создания отдельных школ для тибетских беженцев в Индии было одновременно обеспечение детей качественным современным образованием и сохранение тибетского языка и культуры.

Многие тибетцы, прибывшие в Индию в первые годы эмиграции, были заняты на строительстве горных дорог на севере страны. Поначалу их дети жили вместе с ними, и присмотр за детьми осуществлялся официальными лицами. Но вскоре количество детей многократно увеличилось, и к тому же на-

---

[49] Тиб. *spyi skad* (букв.: ‘общий язык’). (*Примеч. ред.*)

[50] В этом месте была ссылка на старый сайт проекта, который более не поддерживается. Вместо него действует сайт: http://esukhia.net/ [23.02.2021]. (*Примеч. ред.*)

зрела необходимость создания для них приемлемых условий для жизни. Как тогда, так и сейчас многие из тибетских детей-беженцев являются сиротами, имеют только одного родителя или же оказались разделенными со своими родителями, которые по тем или иным причинам остались в Тибете.

2.6. Культура тибетской диаспоры как фактор сохранения этнической идентичности

2.6.1. Современная тибетская диаспорная музыка и кино

[Основной тезис]

Склонность молодежи к общению, просмотру кино и прослушиванию музыки в ущерб чтению и образованию.

См.: *Dukes K.* Cultural Cititzenship in the Tibetan Exile: Movies, Media and Personal Stories. PhD Dissertation. Temple University, 2006; *Diehl K.* Echoes from Dharamsala. Music on the lives of Tibetan Refugees. PhD Dissertation. The University of Texas at Austin, 1998 [51].

2.6.2. Современная тибетская литература в условиях диаспоры

[Тезисы]

Наряду с сохранением религиозных традиций, классического тибетского образования, тибетского языка одним из факторов сохранения этнической идентичности тибетцев является сохранение литературной традиции. Особенно существенно это для тибетцев, живущих в условиях диаспоры, так как для них очень важна как преемственная связь с предыдущими поколениями тибетцев, так и синхронная связь с современными соотечественниками во всем мире. В настоящее время тибетская литературная традиция трансформируется вследствие изменения мировосприятия у тибетцев — как живущих в Китае, так и существующих в условиях диаспоры.

Благодаря поддержанию литературной традиции, из поколения в поколение передается художественный опыт. В наши дни привычные жанры тибетской литературы существуют параллельно с новыми жанрами, появление которых обусловлено изменяющимися условиями жизни представителей тибетской диаспоры в современном глобализирующемся мире.

Принимая во внимание, что тибетская литературная традиция естественным образом несет в себе жанры религиозной литературы, а также учитывая особое место в жизни тибетцев религии в целом и религиозной литературы в

[51] Работа издана в виде книги: *Diehl K.* Echoes from Dharamsala: Music in the Life of a Tibetan Refugee Community. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2002. (*Примеч. ред.*)

частности, можно рассчитывать на то, что тибетская литературная традиция не растворится в условиях инокультурной среды.

Перед представителями тибетской диаспоры (особенно в странах Запада) остро стоит вопрос сохранения чистоты тибетского языка, как письменного, так и разговорного. В этом отношении роль тибетской литературной традиции также трудно переоценить.

Литературная традиция является той осязаемой опорой, на которую может опереться народ, рискующий утратить свою национальную и этническую идентичность.

Широкая издательская деятельность представителей тибетской диаспоры за пределами КНР и разнообразные электронные проекты по сохранению и распространению тибетской духовной и светской литературы как на тибетском языке, так и в переводах на другие языки также позволяют надеяться на сохранение тибетской литературной традиции как одной из основ этнической идентичности тибетцев.

Важно, чтобы современная тибетская молодежь не утратила понимания литературной традиции как одной из основ существования и выживания народа в современном мире.

[Подпараграф 2.6.3. не раскрыт.]

Глава III

ТИБЕТСКАЯ ДИАСПОРА СЕВЕРНОЙ ИНДИИ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ТИБЕТСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРОДА ДХАРАМСАЛА (ШТАТ ХИМАЧАЛ-ПРАДЕШ)

[Аннотация]

В основу данной главы положены материалы полевых исследований, собранные автором во время экспедиции в Индию в октябре-декабре 2014 г. Исследования проводились в городе Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш в Северной Индии), а также включали в себя работу в тибетском районе Маджну-Ка-Тилла в Дели.

Дхарамсала — это небольшой город в предгорьях Гималаев, являющийся административным, религиозным, культурным центром всего мира тибетской эмиграции. В контексте тибетских беженцев под Дхарамсалой обычно подразумевается верхняя (малая) ее часть — районы МакЛеод Ганж и Ганчен Кьишонг [52]. Нижнюю (основную) часть Дхарамсалы практически полностью населяют индийцы.

См.: *MacDonald P.* Dharamsala Days, Dharamsala Nights: The Unexpected World of the Refugees from Tibet. [S. l.], 2013.

[52] Тиб. gangs can skyid gshongs. (*Примеч. ред.*)

[Фрагмент]

Взаимоотношения между представителями различных поколений тибетских иммигрантов в Северной Индии на примере тибетцев г. Дхарамсалы [53]

Каждый новый приток иммигрантов всегда получает помощь от ранее прибывших и обосновавшихся на чужбине соотечественников и в то же время неизбежно сталкивается с определенным непониманием, а иногда даже противодействием с их стороны, особенно в сфере межличностной коммуникации. Это зачастую противоречит ожиданиям беженцев, грезивших о новой родине, поскольку если они и готовы к противодействию и конфликтам, то скорее со стороны местных жителей-индийцев.

В чем это проявляется на бытовом уровне среди тибетцев разных волн миграции в Северной Индии?

Рассмотрим на примере тибетских беженцев, находящихся в индийском штате Химачал-Прадеш (в основном на примере тибетцев Дхарамсалы и окрестностей), различные стороны и аспекты коммуникации и взаимодействия между тибетцами, живущими долгие годы или всего несколько лет в Дхарамсале, и тибетцами, которые совсем недавно прибыли из КНР — из исторического и географического Тибета.

Я попытаюсь показать точки соприкосновения и моменты различия этих двух сторон. Мое исследование основано на материалах, полученных с использованием метода включенного наблюдения, а также в результате ряда интервью, проведенных мной с представителями обеих сторон. Интервью охватывают представителей различных возрастных групп, полов, социальных страт, образовательного уровня и степени вовлеченности в политическую жизнь. Для полноты картины я привлекаю также данные других исследователей и ресурсы интернета. Это позволит рассмотреть проблему в динамике и дать некоторые прогнозы на будущее с учетом меняющейся социально-политической обстановки в регионе.

К этой же проблематике относятся и другие актуальные вопросы:

— проблема отцов и детей — как в широком плане (будущее тибетского народа), так и в более конкретном (ежедневные насущные дела и интересы);

---

[53] Основан на материалах к докладу «The Relationship Between Representatives of Different Generations of Tibetan Immigrants in Northern India: A case study of Dharamsala Tibetans», представленному на Международном семинаре молодых тибетологов, который прошел в Лейпцигском университете (Германия) 7–12 сентября 2015 г.

— проблема языковой коммуникации выходцев из различных регионов Тибета (У-Цзан, Амдо, Кхам и др.);

— ограниченные ресурсы компактно проживающих тибетцев.

Также я попытаюсь разобраться в причинах, по которым часть вновь прибывших тибетских беженцев возвращаются в тибетские районы Китая, выяснить, почему не оправдались их ожидания на новом месте.

Сформулирую еще несколько вопросов своего исследования. В чем заключается конфликт интересов и каким видят решение тибетского вопроса представители различных поколений тибетских мигрантов? Происходит ли со временем трансформация ценностей и идеалов? Как Центральная Тибетская администрация пытается найти универсальное решение для всех тибетцев?

В самом начале следует внести ясность в вопрос о том, что здесь будет пониматься под «поколением». Помимо естественного для любого общества деления по возрастному признаку и времени рождения (молодежь, средний возраст, пожилые люди), специфика тибетского общества в изгнании позволяет рассматривать понятие «поколение» шире, учитывая и другие признаки, помимо возраста. Так, известно, что с начала массового исхода тибетцев с их исторической родины (в 1959 г.) произошло три волны миграции. Считается, что сейчас мы являемся свидетелями третьей волны миграции. Но, учитывая, что поток тибетских беженцев носит постоянный непрерывный характер (хотя за последние 5–7 лет он по различным причинам значительно сократился), можно говорить о «поколениях» внутри одного краткого периода. Имеются в виду так называемые «вновь прибывшие» (new arrivals), которые могут быть любого возраста, но их можно считать молодым поколением относительно членов данного мигрантского сообщества. То есть речь идет не о биологическом, а о своеобразном мигрантском возрасте того или иного человека. Период, за который новый мигрант проходит путь от «вновь прибывшего» до «живущего давно», зависит от интенсивности протекания процесса его адаптации и включения в сообщество соотечественников, живущих в том или ином месте уже относительно давно. Эта интенсивность зависит от особенностей принимающего сообщества, а также от места [происхождения и] исхода, биологического возраста и личностных характеристик самого индивида.

Согласно Карлу Маннгейму, социальные поколения — это когорты людей, находящихся в одном возрастном диапазоне и разделяющих сходные культурные опыты [54]. По словам социолога Хайнца Буде, по-

[54] См.: *Mannheim K.* Das Problem der Generationen // Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie, 7, 1928 und 1929, S. 157–185; 309–330. (*Примеч. ред.*)

коление «формирует сообщество людей сходного возраста, близкое к непосредственно переживаемым событиям и открытое для нового опыта, которое сознает свое отличие от предшествующих и последующих поколений». Именно поэтому, подчеркивает Буде, «коммуникация между поколениями всегда находится на грани взаимопонимания, что обусловлено временем непосредственного переживания событий. Возраст экзистенциально разделяет, потому что нельзя уйти от своего времени». Согласно данному подходу к исследованию поколений, абстрактное единство исторической эпохи и память общества распадаются, ибо у разных возрастных групп формируется своя память, которая зависит от опыта собственных переживаний; соседствуя и противопоставляя себя друг другу, эти возрастные группы отличаются видением мира, отсюда между ними возникают напряженности, трения и конфликты. Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать иную точку зрения [55].

Если мы говорим о самом очевидном и традиционном делении на поколения по одному лишь возрастному критерию, то и здесь в случае с тибетскими беженцами есть своя специфика. В любом обществе есть психологическое пространство между старшим и младшим поколениями внутри сообщества. Это связано и со сменой предпочтений в зависимости от возраста, и с разницей в мировоззрении, и с особенностями исторических условий, в которых выросли представители разных поколений, и т. д. В случае же с тибетской диаспорой в изгнании мы фиксируем еще и различное отношение к перспективе вернуться на родину, разные формы тоски и грусти, разные мечты, связанные с Тибетом. Дело в том, что огромное количество тибетских беженцев либо уже родились за пределами Тибета, либо уехали оттуда в таком возрасте, в котором сложно осознавать территорию исхода как покидаемую родину. Таким образом, для этого огромного числа молодых тибетцев Тибет является местом, о котором они лишь слышали от кого-то из своих родных или от посторонних лиц. И хотя на сегодня издано очень много книг и статей по истории и современности Тибета, в сети доступно много видеороликов и документальных фильмов, в которых можно увидеть просторы Тибета, можно послушать традиционную тибетскую музыку и поговорить с людьми, приезжающими из

[55] В этом абзаце автор цитирует книгу: *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 22–24. А. Ассман, в свою очередь, цитирует работу: *Bude H.* Generationen im sozialen Wandel // Alt und Jung. Das Abenteuer der Generationen. Hrsg. von Annette Lepenies (Hg.). Basel; Frankfurt am Main: Stroemfeld, 1997. (*Примеч. ред.*)

Тибета, молодые тибетцы лишены такого важного компонента, влияющего на формирование идентичности, как персональная память о родной стране. Многие молодые информанты в Дхарамсале говорили, что их дедушки и бабушки немало рассказывали им о жизни в Тибете до прихода туда китайцев в начале 1950-х гг. Тибетцы более старшего возраста слышали это, соответственно, от своих родителей.

Несмотря на большую разницу в культурном и историческом опыте между молодежью и старшим поколением, родившимся и выросшим в Тибете, в условиях совместного проживания в диаспоре у них не возникает серьезных конфликтов, которые выходили бы за рамки семейных перебранок, укоров и назиданий. Вся же основная масса конфликтов, носящих действительно травмирующий характер, случается, как правило, между представителями одной и той же возрастной группы. Чаще всего это подростки. Именно подростки болезненнее всего реагируют на критику, проявляют нетерпимость к сверстникам, чем-либо непохожим на них. Именно в этом возрасте жесткость иногда может принимать форму жестокости.

Надо отметить, что сами представители тибетской диаспорной молодежи не любят говорить о возникающих конфликтных ситуациях между вновь прибывшими и старожилами. Мне не раз приходилось слышать реплики о том, что муссирование этого вопроса способствует лишь разжиганию розни внутри тибетской диаспоры. К слову, примерно то же самое говорится и по поводу дебатов между сторонниками движения за независимость Тибета (Rangzen) и теми, кто придерживается стратегии Срединного пути (Umaylam). Но в личных доверительных беседах зачастую все же выясняются некоторые нюансы противоречий, некоторые причины и поводы возникновения конфликтных ситуаций. Так, один молодой информант, родившийся и выросший в Дхарамсале, сообщил, что сам он никогда не вступал в конфликт с вновь прибывшими тибетцами, но не раз видел, что стычки происходят по мелочам — на спортивных площадках, на улицах, в школе. Вновь прибывшие молодые тибетцы приезжают из своих регионов с характерными для них привычками, обычаями, манерой общения и разрешения конфликтных или спорных ситуаций. Так, некоторые тибетцы-старожилы отмечали грубость и невыдержанность вновь прибывших — те могли жестко играть в спортивные игры, быть чрезмерно импульсивными и т. д. С другой стороны, иногда бывает и так, что старожилы посмеиваются над вновь прибывшими без всяких на то причин, что вызывает обоснованный гнев последних.

Здесь же следует сказать и о специфическом сленге, относящемся к вновь прибывшим. Самым известным словом, которое само по себе не обидно, но в определенном контексте может носить уничижитель-

ный оттенок, является слово *sarjor/sanjor* (тиб. གསར་འཇོར།), которое буквально означает ‘вновь прибывший’. Противоположным ему по значению является слово *nyingjor* (тиб. རྙིང་འཇོར།) — ‘прибывший давно’ [56]. Есть еще одно английское название для тех тибетцев, которые прибыли в Индию с первой волной эмиграции из Тибета, а также тех, кто родился и вырос в Индии, — *settlement Tibetans* (*Settlers*).

Изредка слово *sarjor* может быть противопоставлено нейтральному слову «тибетец» (Tibetan), получив в своем лексическом значении оскорбительный оттенок. По крайней мере один такой случай встретился мне в интернете: некий тибетец утверждал, что слова *sarjor* и ‘тибетец’ соотносятся между собой так же, как оскорбительное *nigger* и нейтральное *black* в отношении чернокожих. Следует подчеркнуть, что подобные негативные ситуации немногочисленны, но все же было бы необъективно с нашей стороны умолчать о них.

В действительности в подавляющем большинстве случаев тибетцы в изгнании тепло относятся к своим вновь прибывшим соотечественникам. Это проявляется как в личной помощи и поддержке, так и в создании общественных организаций, призванных помочь новым членам диаспоры адаптироваться в непривычных новых условиях.

Необходимо отметить роль различных волонтерских организаций (таких как LHA Charitable Trust в Дхарамсале) в создании условий, при которых вновь прибывшие тибетцы могут чувствовать себя комфортно. Подобные организации работают над проектами, связанными с экологией, образованием и т. д., привлекая в качестве волонтеров тибетцев и иностранцев. При этом срок волонтерства никак не ограничен. Достаточно быть, например, носителем немецкого языка, чтобы преподавать всем желающим тибетцам немецкий язык. При этом происходит и обратный процесс изучения тибетского языка немецкоговорящим учителем. Атмосфера таких центров очень способствует консолидации вновь прибывших тибетцев со старожилами или коренными местными тибетцами.

Между различными поколениями тибетцев, живущих за пределами Тибета, возникают споры по поводу ближайшего будущего их родины. И если все в конечном счете хотели бы независимости Тибета, то стратегии достижения этой цели каждый видит по-разному. Есть и сторонники радикальных мер — это, как правило, молодежь со свойственными ей идеализмом и максимализмом. Но я не раз становился свидетелем того, как меняется человек, получая больше образования, читая больше книг по истории и праву, знакомясь с аргументами своих политических оппонентов.

---

[56] Если переводить буквально, это будет, скорее, ‘староприбывший’. (*Примеч. ред.*)

Нередки случаи, когда старшее поколение укоряет молодежь за то, что последняя мало внимания уделяет традициям, религии, семье. Можно было бы сказать, что такое положение вещей характерно для любого общества, для любого народа на планете. Но не стоит забывать, в каких исторических условиях оказались тибетцы в изгнании. Многие тибетские официальные лица не перестают напоминать тибетцам, особенно молодежи, об их повышенной ответственности не только за свое настоящее и будущее, но и за настоящее и будущее тех соотечественников, которые испытывают различного рода лишения в Тибете, где наблюдается устойчивая тенденция к исчезновению многих компонентов традиционной тибетской культуры.

Очень непросто одновременно быть современным человеком, отвечать требованиям глобализирующегося мира и при этом сохранять многовековые традиции предков. В этом смысле тибетская диаспорная молодежь постоянно стоит перед необходимостью соблюдать определенный баланс между сохранением этнической идентичности (всего того, что принято по-английски называть *Tibetanness*) и соответствием современному мировому развитию. Особенно показательна в этом отношении Дхарамсала: живущей в ней тибетской молодежи соблюдать этот баланс гораздо сложнее, чем тибетской диаспорной молодежи в других регионах Индии. Но и Дхарамсала несравнима с условиями проживания тибетцев в западных странах, где вся окружающая среда далека от традиционного тибетского уклада.

Зачастую у представителей современной тибетской молодежи нет особого желания и усердия изучать родную культуру, историю, литературный язык, традиции. Та часть тибетской молодежи Дхарамсалы, которая пытается ориентироваться на западные ценности, усваивает и перенимает, к сожалению, лишь самые поверхностные (и вторичные) стороны жизни своих западных сверстников.

В связи с постепенной секуляризацией и «вымыванием» традиционных национальных привычек из жизни молодых тибетцев Дхарамсалы можно говорить о процессе постепенного замещения традиционных тибетских ценностей общемировыми (чаще всего западными), но на этом фоне внутри тибетского диаспорного сообщества нарастает число призывов сохранять тибетскую культуру и идентичность.

Глава IV

ТИБЕТСКАЯ ДИАСПОРА ЮЖНОЙ ИНДИИ НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ШТАТА КАРНАТАКА

[Аннотация]

В основу данной главы положены материалы полевых исследований, собранные автором во время экспедиции в Индию в сентябре-декабре 2015 г.

Центральную часть экспедиции составила поездка в тибетские поселения юга Индии (штат Карнатака), где проживает около половины всех тибетских беженцев Индии.

[Фрагмент] [57]

[...] Экспедиция в Индию проходила с 24 сентября по 20 декабря 2015 г. Данный период был определен как наиболее оптимальный с климатической (единственный период в Индии без сезона дождей), политической (проведение выборов, общественная активность) и с хозяйственной (активизация деятельности фермеров, глав поселений) точек зрения. За этот период мной было посещено два индийских штата — Химачал-Прадеш (Северная Индия) и Карнатака (Южная Индия). За время экспедиционной работы был собран большой массив аудио-, фото- и видеоматериалов. Были проведены интервью с тибетскими беженцами различных поколений, социальных категорий, политических взглядов и регионов исхода. Кроме того, были проведены экспертные опросы и интервью с чиновниками различных министерств и ведомств Центральной Тибетской администрации (в том числе со спикером Тибетского парламента и некоторыми заместителями министров), чиновниками местных органов самоуправления тибетских поселений, преподавателями и директорами средних и высших учебных заведений, сотрудниками учреждений социальной сферы и др.

Необходимость посещения северного штата Химачал-Прадеш была обусловлена нахождением там административного, политического, культурного, религиозного центра тибетской диаспоры в городе Дхарамсала. Здесь мной был проведен ряд встреч с руководством профильных министерств и ведомств Центральной Тибетской администрации (министерство образования, министерство информации и международных отношений, министерство иностранных дел), спикером и некоторыми депутатами Тибетского парламента, взяты экспертные интервью у представителей избирательного комитета Тибетского правительства в изгнании, директоров и преподавателей тибетских школ и колледжей, руководства Института тибетской медицины и астрологии. Указанные руководители и эксперты существенно помогли мне в подготовке к работе в южноиндийских тибетских поселениях, снабдив рекомендательными письмами и гарантиями в адрес руководителей

[57] Содержится в отчете по проекту РГНФ №15-51-00018 за 2015 г. Этому отчету суждено было стать последним научным текстом, написанным В. С. Толокновым: он закончил его в больнице за день до своего ухода.

тибетских поселений юга Индии, а также школ, колледжей, университетов, общественных организаций, социальных учреждений (дома престарелых, больницы, интернаты) и др.

Отдельной важной причиной пребывания в течение одного месяца в городе Дхарамсала (штат Химачал-Прадеш) была работа в Библиотеке тибетских рукописей и архивов (LTWA). Здесь я провел анализ существующих работ зарубежных исследователей по разрабатываемой мной проблематике (большинство из них недоступны в России), в том числе статей, диссертаций, монографий, материалов международных конференций. Также были проведены консультации с сотрудниками библиотеки и архива по вопросам современного состояния южноиндийских тибетских поселений, был пополнен список контактных лиц и информантов в этих поселениях.

В ходе многочисленных бесед с тибетцами Дхарамсалы выяснилось, что почти у каждого из них есть родственники в тибетских поселениях Южной Индии (в основном в штате Карнатака) либо же они сами являются выходцами из указанных поселений. Впоследствии это помогло установить ряд ценных для исследования контактов.

После подготовительной работы в Дхарамсале я переехал непосредственно в Южную Индию, сначала — в столицу штата Карнатака город Бангалор. Здесь нет поселений тибетских беженцев, но есть достаточно большой и быстро развивающийся тибетский образовательный центр, один из самых популярных и востребованных среди тибетской молодежи, — Институт высшего образования Далай-ламы (Dalai Lama Institute for Higher Education), аккредитованный при Майсурском университете. Комплекс Института включает в себя учебные корпуса, административные здания, библиотеку, общежития для студентов и преподавателей, гостевые дома для посещающих Институт ученых и преподавателей из Индии и со всего мира (мне выделили номер в одном из таких домов), комбинат питания, спортивную площадку. Территория прекрасно благоустроена. Все студенты Института — тибетцы из различных уголков Индии и Тибета — проживают на территории комплекса. Здесь же проживает почти весь преподавательский и административный состав. Расположенный в непосредственной близости к индийским поселениям и недалеко от крупного индийского мегаполиса (Бангалора), Институт Далай-ламы представляет собой некий анклав, более или менее изолированный от окружающего мира. Студенты вольны покидать территорию по своему усмотрению в любое время кроме ночи. Территория защищена индийским охранным предприятием. В данном Институте мне удалось взять экспертное интервью у ректора заведения, а также провести ряд интервью со студентами и преподавателями. Для студентов были подготовлены небольшие опрос-

ные листы (17 вопросов), но также имело место неформальное общение на английском и частично тибетском языках.

Следующим пунктом экспедиции было тибетское поселение Догулинг (Doeguling) близ индийского городка Мундгод на северо-западе штата Карнатака, в котором я провел десять дней. В состав поселения входит девять деревень (вместо названий деревни имеют нумерацию от 1 до 9), каждая из которых окружена землями сельскохозяйственного назначения. В общей сложности в поселении проживает около 17 000 тибетцев, а также незначительное число индийцев.

Представители той части индийского населения близлежащего Мундгода, которая вовлечена в торговлю и производство, в неформальных беседах зачастую отмечали, что существенную долю прибыли приносят им тибетские жители поселения Догулинг. В качестве яркого примера можно привести разговор с индийским владельцем магазина лакокрасочных изделий и бытовой химии в городе Мундгод, который заверил меня в том, что главными покупателями продукции его магазина являются тибетцы. Нацеленность на тибетского покупателя выражается даже в том, что магазинные вывески представлены на трех языках: английском, тибетском и каннада [58].

Для тибетцев южноиндийских поселений, в том числе живущих в Догулинге, огромное значение имеет деятельность так называемых «кооперативных сообществ», которые выполняют все важнейшие экономические функции в тибетских поселениях и являются своеобразными гарантами благосостояния местного тибетского населения. Тибетские кооперативные сообщества действуют на основании Акта о кооперативных обществах штата Карнатака от 1959 г., однако имеют свою специфику, связанную с особенностями статуса и рода занятий тибетских беженцев в Индии. Кооперативные сообщества выполняют следующие функции: банковское обслуживание тибетского населения на условиях, более выгодных в сравнении с теми, что предоставляют местные филиалы индийских коммерческих банков; предоставление населению в аренду сельскохозяйственной техники в период сева и сбора урожая; скупка урожая по рыночным ценам, что позволяет тибетским фермерам избежать услуг перекупщиков и посредников; строительство объектов социальной инфраструктуры и др. Следует отметить, что за последние 5–7 лет функции некоторых тибетских кооперативных сообществ существенно расширились и их работа стала во много раз эффективнее. Об этом свидетельствуют материалы ежегодных отчетов, с которыми мне удалось ознакомиться, а также пространные интервью руководителей данных кооперативных сообществ.

[58] Основной индийский язык штата Карнатака. (*Примеч. ред.*)

В разговорах с лидерами тибетских деревень, которые являются своеобразными посредниками между руководством поселения и рядовыми фермерами, удалось выяснить, что многие фермеры в основном довольны деятельностью кооперативных сообществ и свое материальное благополучие также связывают не в последнюю очередь с их активностью. Об этом же говорят и опрошенные мной фермеры, активно модернизирующие свои хозяйства за счет гибкой политики кооперативных сообществ.

Почти в каждой деревне того или иного поселения есть свои небольшие здания для проведения общественных и культурных мероприятий (Community Hall), которые поддерживаются в хорошем состоянии и регулярно используются в различных целях — для собраний, выборов, религиозных церемоний, праздников, встреч гостей и т. д. Это способствует сохранению традиционных тибетских институтов и традиций.

Как правило, все социально значимые здания и сооружения в тибетских поселениях построены за счет привлечения спонсорских средств, о чем свидетельствуют памятные таблички на них. В основном спонсорами являются частные лица и/или общественные организации из развитых стран — США, Канады, Франции, Германии, Италии, Японии и некоторых других. Иногда спонсорами выступают тибетцы, проживающие в странах Запада.

Отличительной чертой всех тибетских поселений юга Индии является то, что количество монахов в местных тибетских буддийских монастырях многократно превышает численность светских тибетцев (фермеров, ремесленников, торговцев, офисных работников и др.). С одной стороны, это способствует процветанию местных торговых лавок и заведений общественного питания за счет неубывающего потока клиентов и покупателей из числа монахов. С другой стороны, часть местного светского тибетского населения время от времени высказывает свое недовольство сложившимся положением вещей и, в частности, ростом экономического влияния монастырей, а также ничем не обоснованным, по их мнению, ростом благосостояния отдельных монахов (за счет щедрых пожертвований западных спонсоров). Это также, на их взгляд, приводит к излишнему вниманию индийских властей и надзорных органов ко всему поселению, что при существующей нечеткости в трактовке имущественных прав тибетцев в Индии в некоторых случаях может усложнить жизнь местным тибетским жителям и предпринимателям.

В ходе работы в тибетских поселениях юга Индии было выявлено много нововведений и изменений, которые до сих пор не были описаны и проанализированы тибетологами. Так, в некоторых поселениях

существенно изменилась стратегия и методика работы местных тибетских кооперативных сообществ в сторону расширения их функций и оптимизации работы с населением; изменилось соотношение типов выращиваемой тибетскими крестьянами сельскохозяйственной продукции, что, в свою очередь, влияет на уровень жизни тибетских крестьян и на изменение процента жителей того или иного поселения, участвующих в сезонном челночном бизнесе во время вынужденного простоя пахотной земли (при этом картина внутренней трудовой миграции также меняется); меняется структура сельского хозяйства, а также уровень жизни населения.

Что касается взаимоотношений тибетских беженцев с местным индийским населением, то ситуация в тибетских поселениях штата Карнатака и на прилегающих к ним территориях существенно отличается в лучшую сторону от ситуации в штате Химачал-Прадеш в целом и от ситуации в городе Дхарамсала в частности. Тому есть несколько причин. Однако, как мне кажется — и это подтверждается рассказами информантов, — первая и главная причина столь тесных и зачастую позитивных взаимоотношений коренится в том, что изначально правительство Индии выделило тибетским беженцам земли на юге Индии (около 4000 акров), полностью непригодные для ведения сельского хозяйства, а также для строительства поселений и инфраструктуры. Все рассматриваемые территории практически целиком представляли собой непроходимые джунгли, полные диких зверей, вследствие чего коренные индийские племена в этих местах не селились. Тибетские иммигранты, получившие права на эти земли, в течение нескольких лет осуществляли вырубку лесов и культивацию высвободившихся из-под лесов земель. Только после того как на рассматриваемых территориях появились поля, пастбища, дороги и другие условия для нормальной жизни, вокруг тибетских деревень начали селиться первые индийские семьи и общины. Эти первые индийские переселенцы по понятным причинам зависели от уже освоившихся на преобразованных территориях тибетцев. В то же время тибетцам постоянно была необходима дополнительная рабочая сила для полевых работ, строительства зданий и сооружений, дорог. В дальнейшем индийское население начало вести активную торговлю с тибетскими жителями продукцией сельского хозяйства и животноводства, оказывать услуги по перевозке людей и грузов, а также осуществлять другие виды деятельности, традиционные и привычные для индийского населения региона. Не являясь гражданами Индии и не обладая поэтому всей полнотой гражданских прав (в том числе и имущественных прав), тибетцы периодически пользовались наличием таковых прав у живущих рядом с ними ин-

дийцев (например, чтобы открыть и зарегистрировать торговую лавку или магазин).

Специфика процессов адаптации тибетских беженцев на юге Индии связана прежде всего с тем, что большинство из них распоряжается землей на правах аренды (в отличие от тибетских беженцев в Дхарамсале, которые не имеют земли). Тибетские семьи арендуют одинаковые участки у местной тибетской администрации, которая, в свою очередь, владеет этой землей на правах лизинга, предоставленного индийским правительством в начале 1960-х гг. С тех пор общее количество земель, переданных тибетским беженцам, не изменялось; происходит лишь перераспределение земель внутри тибетских поселений в связи с изменениями в составе семей.

Привязанность к земле, а также опасение потерять ее являются одной из причин гораздо более низкой повторной миграции (выезд за рубеж на постоянное место жительства), чем в остальных местах компактного проживания тибетцев в Индии, где, как правило, у тибетцев нет своего недвижимого имущества и земли. Но что касается внутренней мобильности, то она в равной степени характерна как для безземельных тибетцев Северной Индии, так и для тибетцев-фермеров Южной Индии. Связано это с традиционным сезонным бизнесом, которым занимаются все тибетцы, если только у них есть подходящие материальные, физические и семейные условия. Это так называемый *sweater business*, который вовлекает в себя тибетцев со всей Индии в период с октября по февраль. Существует даже Ассоциация торговцев свитерами (несмотря на название, торговля ведется различной продукцией, в основном сделанной из шерсти — свитерами, шалями, носками, рубахами и другой одеждой). Схема ведения бизнеса выглядит, как правило, так: тибетец (один или с родственниками) едет в город Лудхиана (штат Пенджаб), закупает там продукцию и затем отправляется в ту или иную точку Индии (география самая обширная), где сбывает купленную продукцию на арендованной заранее площадке. Некоторые тибетцы возвращаются каждый год на одну и ту же площадку, кто-то постоянно меняет место дислокации, но неизменным остается место закупки товара — Лудхиана. Часто в некоторых индийских городах приезжие тибетские торговцы организовывают целые рынки, которые пользуются неизменной популярностью у местного индийского населения.

В каждом тибетском поселении существует как минимум один дом престарелых. Интервью с пожилыми тибетцами, постоянно проживающими в этих домах, послужили бесценным источником информации о начальном периоде миграции тибетцев из Тибета в Индию, о первых шагах части тибетского народа на пути к адаптации в новых

социокультурных и природных условиях. Многие из жителей домов престарелых рассказывали, что до своего прибытия на юг Индии они были направлены индийским правительством на строительство дорог в северной части страны. В те первые годы пребывания тибетцев на индийской земле очень многие из них умерли от сложных условий труда, жаркого и влажного климата в сочетании с непривычной едой и сравнительно грязной водой. Также, по словам моих информантов, они испытывали большие трудности в коммуникации, так как не знали никаких языков кроме родного тибетского. Некоторые пожилые люди, стоявшие у истоков новых южноиндийских тибетских поселений, много рассказали мне о первых шагах тибетских общин на новых территориях, о трудностях и особенностях адаптации, о взаимоотношениях с местным индийским населением и властями.

Выводы

1) Тибетцы юга Индии ведут традиционный образ жизни, характерный для тибетских земледельцев в Тибете до начала миграции в 1959 г. Таким образом, сохранение идентичности здесь происходит органичнее, чем на севере Индии, где хоть и сосредоточена вся административная, политическая и духовная власть, но происходит размывание традиционных ценностей и образа жизни.

2) Система местной администрации на юге Индии играет существенно бóльшую роль в жизни тибетской диаспоры, чем местная администрация в других частях Индии. Это связано прежде всего с землей и ее перераспределением внутри тибетских общин в условиях фиксированного количества этого ресурса у тибетцев.

3) Процессы адаптации и социализации тибетских иммигрантов в Индии в целом происходят универсальным образом, но иногда имеют существенные различия, связанные с историческими реалиями, внутренним развитием тибетской диаспоры и меняющимся влиянием иностранных граждан и организаций (особенно из западных стран).

4) Изменения в индийском законодательстве, регулирующем жизнь тибетцев в Индии, приводят к новому переосмыслению положения тибетской диаспоры в принимающей стране. Так, введенный в действие индийским правительством в результате многочисленных консультаций с Центральной Тибетской администрацией документ «Тибетская реабилитационная политика — 2014» (в названии указан год его принятия) существенно расширяет права тибетских беженцев в Индии в экономической сфере (право осуществлять любой вид экономической деятельности, получать лицензии на торговлю), а также дает

право занимать должности в любой сфере в соответствии со своим профильным образованием и квалификацией. Также теперь разрешается регистрироваться в качестве избирателей тибетцам, родившимся в Индии. Раньше все эти вопросы были очень болезненными для тибетской диаспоры в Индии, вызывали резкие споры и конфликты. Принятие данного документа означает существенный поворот в жизни тибетских беженцев в Индии и может серьезно повлиять как на взаимоотношения с индийским населением, так и на уровень повторной миграции в западные страны.

5) Стремление эмигрировать в западные страны у молодежи тибетских поселений юга Индии так же велико, как и на севере, но отсутствие в этих отдаленных уголках Индии большого количества иностранных туристов снижает ежедневную эмоциональную нагрузку на молодежь.

6) Преобладание буддийских монахов из прилегающих к южноиндийским тибетским поселениям монастырей над тибетским фермерским, ремесленным, торговым и другим светским населением имеет в глазах последних не всегда позитивную оценку. Однако воссозданные крупнейшие тибетские монастыри (по образцу одноименных монастырей в докоммунистическом Тибете) не без основания считаются важнейшим фактором сохранения этнической и религиозной идентичности тибетцев в условиях диаспоры и являются местом паломничества тысяч тибетцев из Тибета, Индии, Непала и других стран.

Об авторах

Бородаев Вадим Борисович, ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Жуковская Наталия Львовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН

Зайцев Вячеслав Петрович, научный сотрудник отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Зорин Александр Валерьевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов ИВР РАН

Сизова Алла Алексеевна, младший научный сотрудник отдела рукописей и документов и лаборатории «Сериндика» ИВР РАН

Туранская Анна Александровна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории «Сериндика» ИВР РАН

Успенский Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ

Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

AUTHORS

Borodaev, Vadim Borisovich, Leading Specialist in Education and Methodology at the Educational Research Laboratory for Regional History, the Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sizova, Alla Alekseyevna, Junior Researcher at the Serindica Laboratory and the Department of Manuscripts and Documents, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Turanskaya, Anna Aleksandrovna, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — Philology, Junior Researcher at the Serindica Laboratory, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Uspensky, Vladimir Leonidovich, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — History, Professor and Chair of Mongolian and Tibetan Studies, the Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University

Yakhontova, Natalia Sergeyevna, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — History, Senior Researcher at the Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Zaytsev, Viacheslav Petrovich, Researcher at the Department of Far Eastern Studies, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Zhukovskaya, Natalia Lvovna, Doctor of Sciences (equiv. Habilitation) — History, Professor, Head of the Center for Asiatic and Pacific Research, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Zorin, Alexander Valeryevich, Candidate of Sciences (equiv. PhD) — Philology, Senior Researcher at the Department of Manuscripts and Documents, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

ТИБЕТОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
Сборник статей. Выпуск 2

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

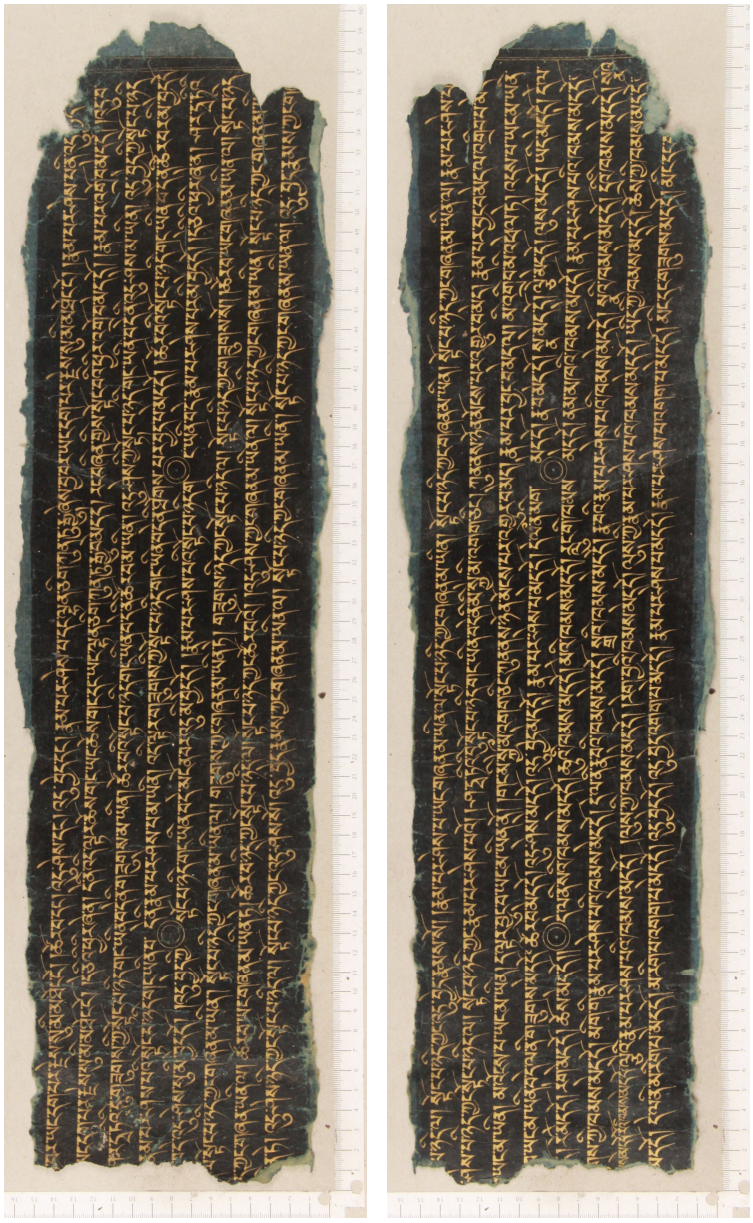
Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Дизайн обложки — *А. А. Сизова*

Подписано в печать 02.08.2021. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 22,25 печ. л. + вклейка
Тираж 300 экз. Заказ № 60

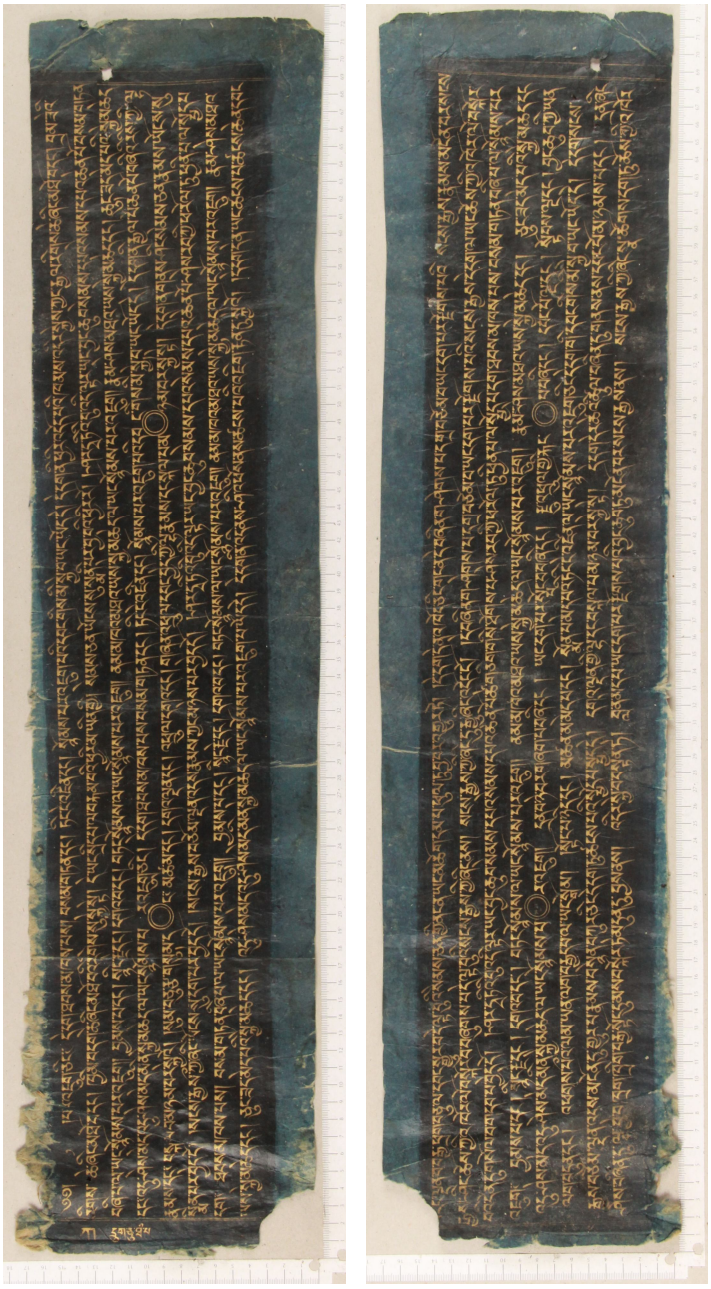
PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru

Иллюстрации к статье А. В. Зорина



Ил. 1. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 3 (ИВР РАН)

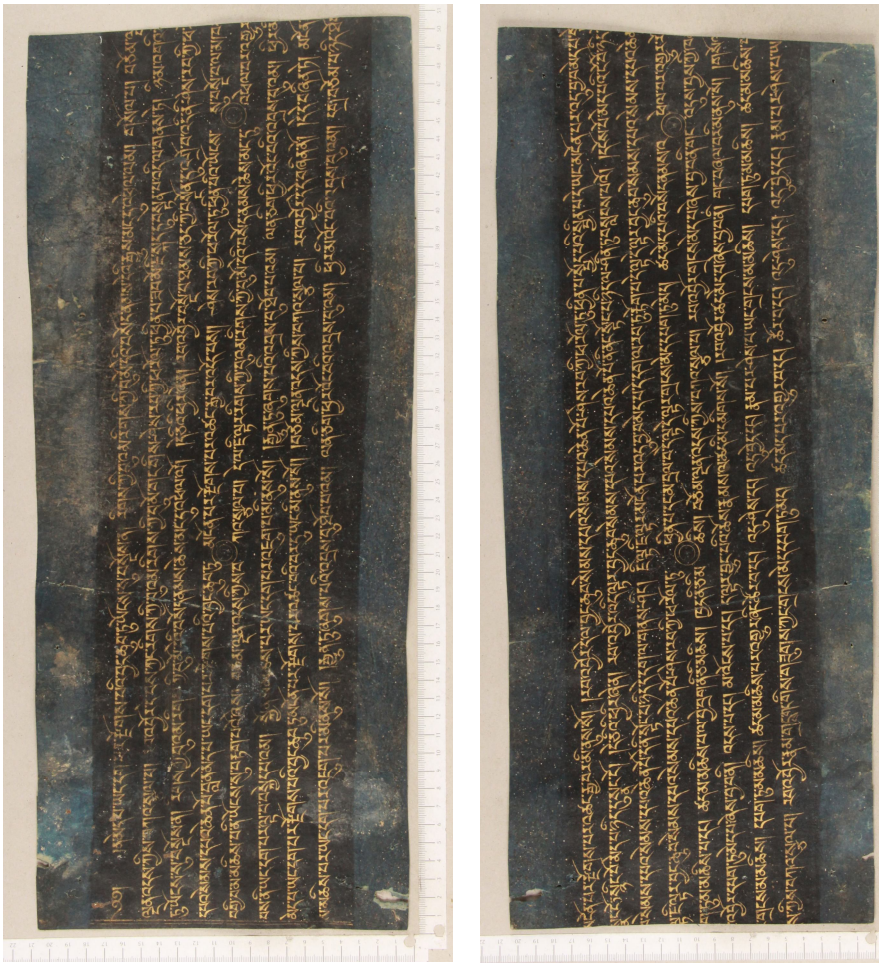


Ил. 2. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 5 (ИВР РАН)

Ил. 3. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 6 (ИВР РАН)

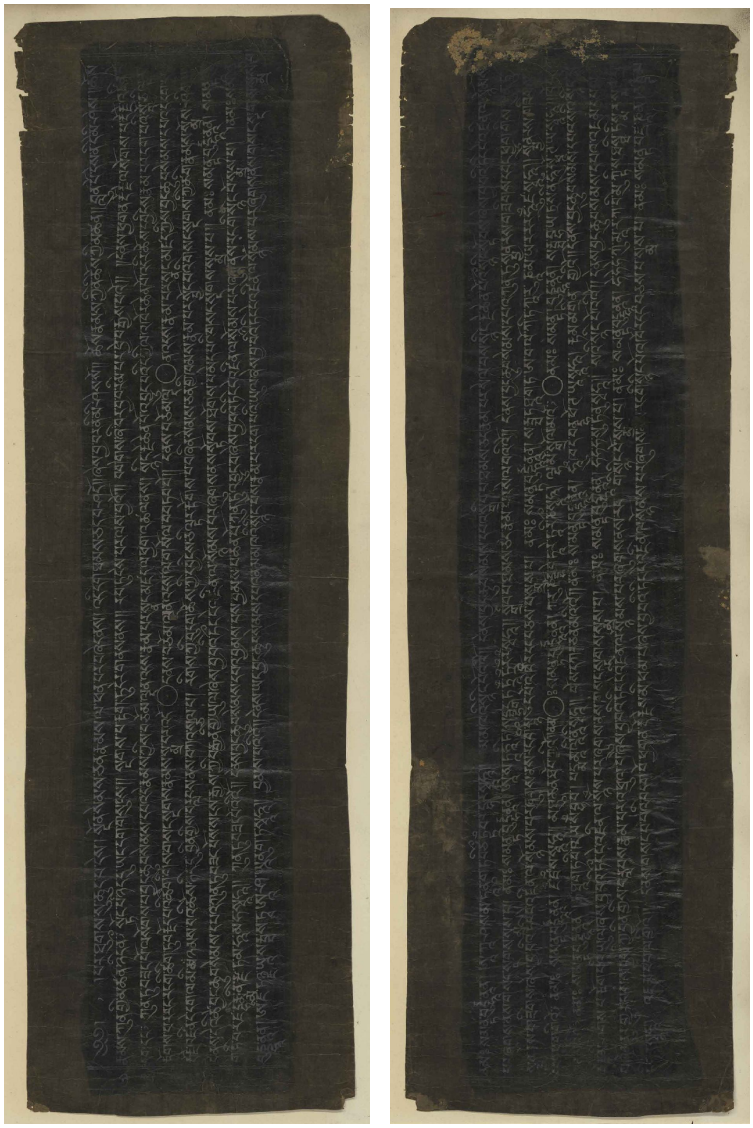
Ил. 4. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 12 (ИВР РАН)

Ил. 5. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 14 (ИВР РАН)



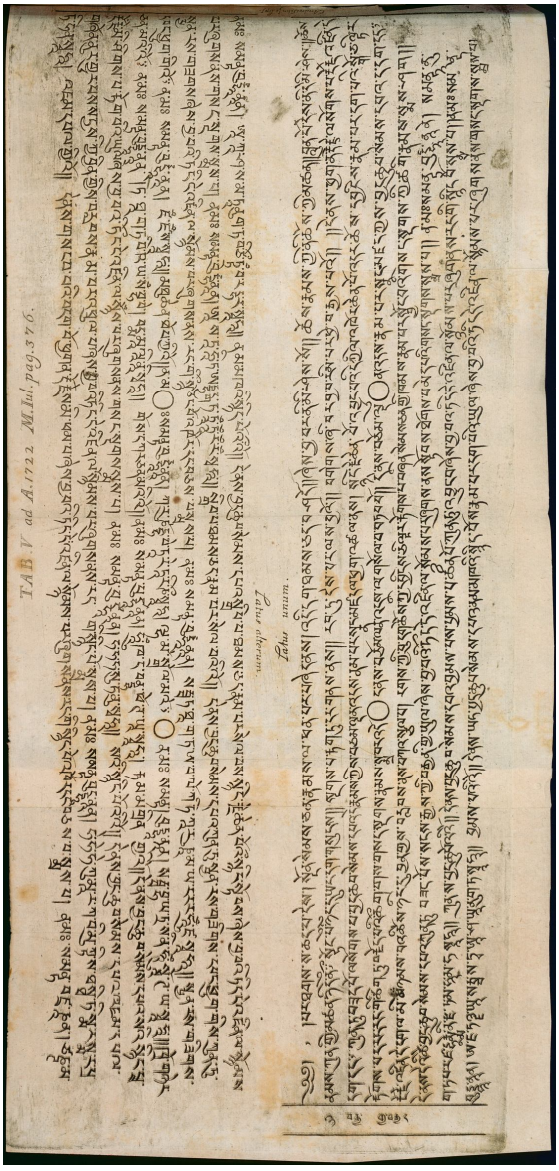
Ил. 6. Лист из Семи Палат Tib. 957, No. 18 (ИВР РАН).
На примере данного образца отчетливо видно, что многие листы из брошенных ойратских монастырей подвергались разрезанию на части для последующего использования в хозяйственных и т. п. целях

Иллюстрация к статье А. А. Сизовой

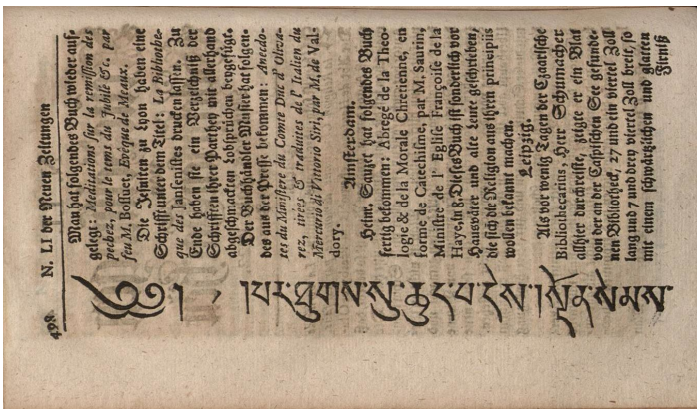


Ил. 7. Знаменитый аблай-хитский лист, отправленный Петром I в Париж,
где его попытались перевести братья Фурмон.
Хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж)
в составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 5). Источник: gallica.bnf.fr

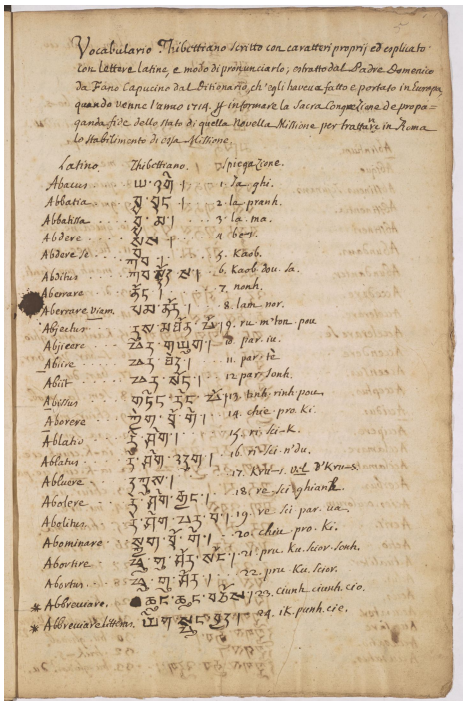
Иллюстрации к статье В. П. Зайцева



Ил. 8. Гравюра с оригинального тибетского листа, опубликованная И. Б. Менке в «Acta eruditorum» в 1722 г. Источник: Università degli Studi di Firenze — Sistema Bibliotecario di Ateneo



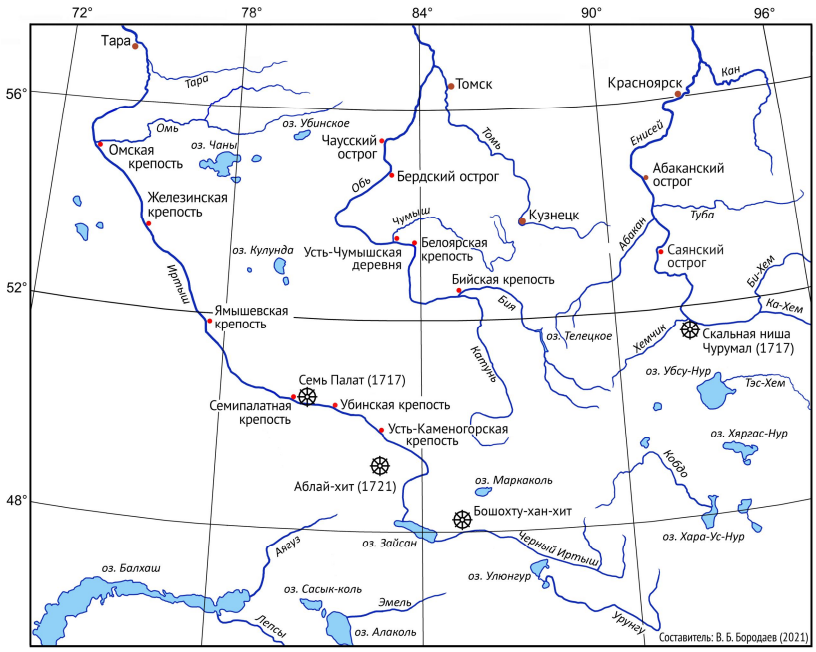
Ил. 9. Образец неизвестных письмен, опубликованный И. Б. Менке в «Neuer Zeitungen von Gelehrten Sachen» в 1722 г. Источник: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen



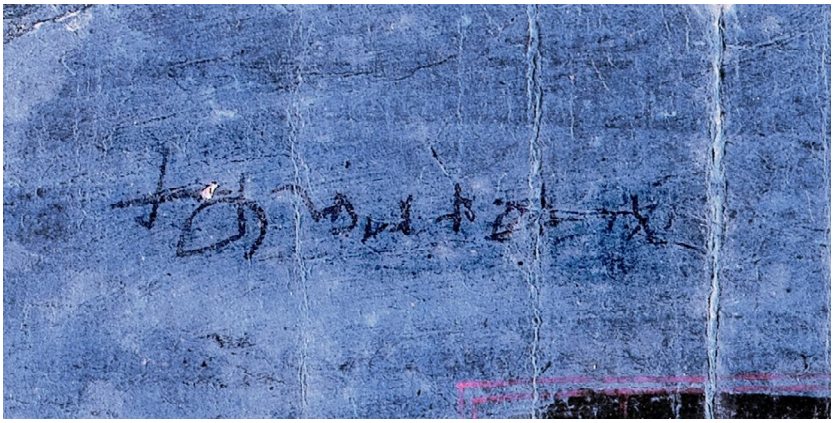
Ил. 10. Страница из латинско-тибетского словаря («Тибетского вокабулярия») Доменико да Фано [Tibétain 542: f. 5]. Источник: gallica.bnf.fr

Иллюстрации к статье В. Б. Бородаева

Ил. 11 (вверху слева). Кириллическая надпись на левом боковом поле стороны verso монгольского листа из Линчёпинга; источник: Linköpings stadsbibliotek
Ил. 12 (внизу). Кириллическая надпись на правом боковом поле стороны recto монгольского листа из Аблай-хита [Ямпольская, 2019с: 274, рис. 74]
Ил. 13 (вверху справа). Непрочитанная кириллическая надпись на стороне verso того же монгольского листа из Аблай-хита (ИВР РАН)

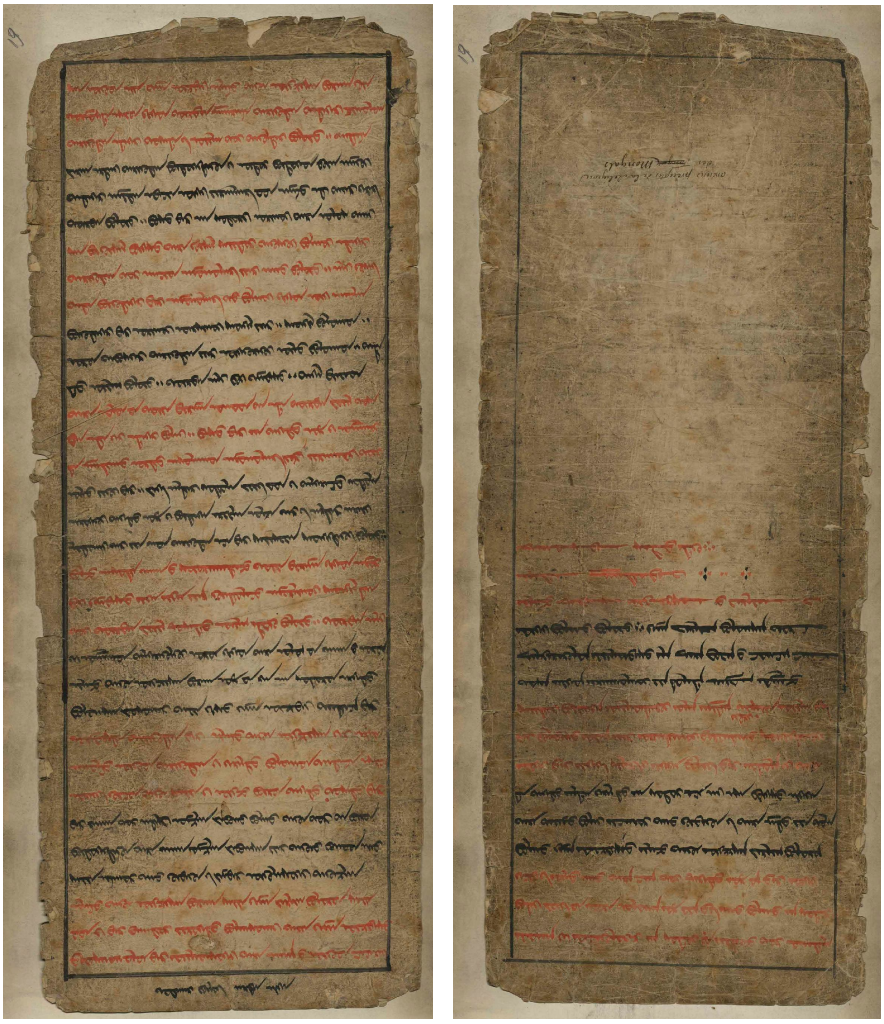


Ил. 14. Иртышско-Енисейское междуречье к началу 1720-х гг.
На карте отмечены заброшенные ойратские монастыри в Прииртышье
и часовня на Енисее, откуда буддийские рукописи вывозили в российскую
Сибирь, Петербург и страны Европы (цифрами указаны годы их обнаружения)



Ил. 15. Загадочная надпись непонятным письмом. Верхнее поле стороны recto
монгольского листа из Линчёпинга. Источник: Linköpings stadsbibliotek

Иллюстрации к статье А. А. Туранской

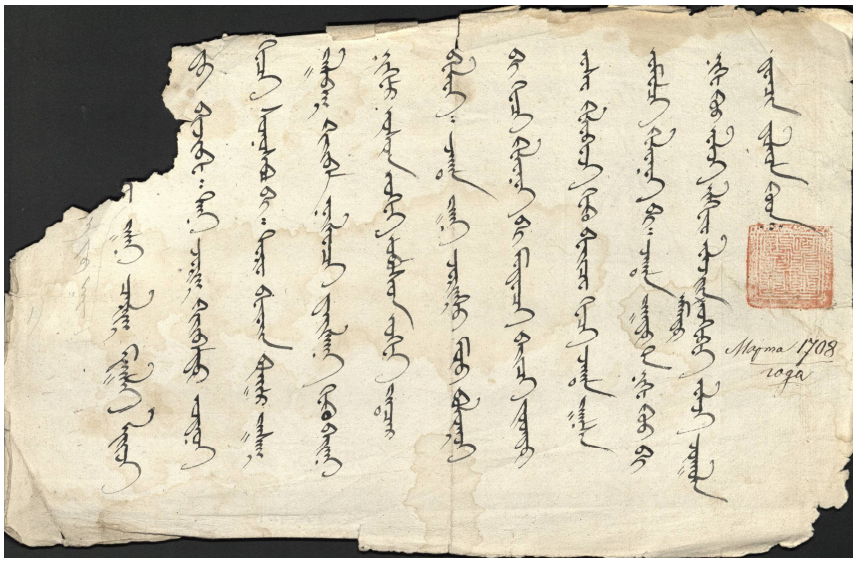


Ил. 16. Монгольский лист из Аблай-хита. Хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж) в составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 19). Источник: gallica.bnf.fr

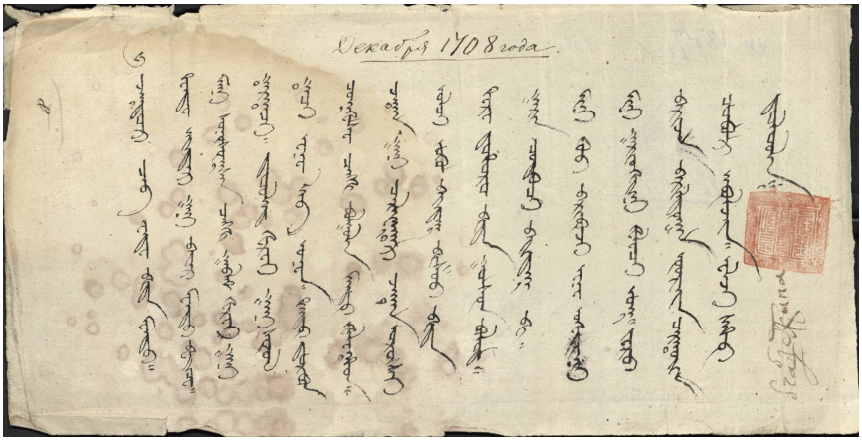
Ил. 17. Монгольский лист из Аблай-хита. Хранится в Национальной библиотеке Франции (Париж) в составе ед. хр. Tibétain 464 (л. 22). Источник: gallica.bnf.fr

Ил. 18. Надписи на полях и печать Библиотеки короля на листе с ил. 17

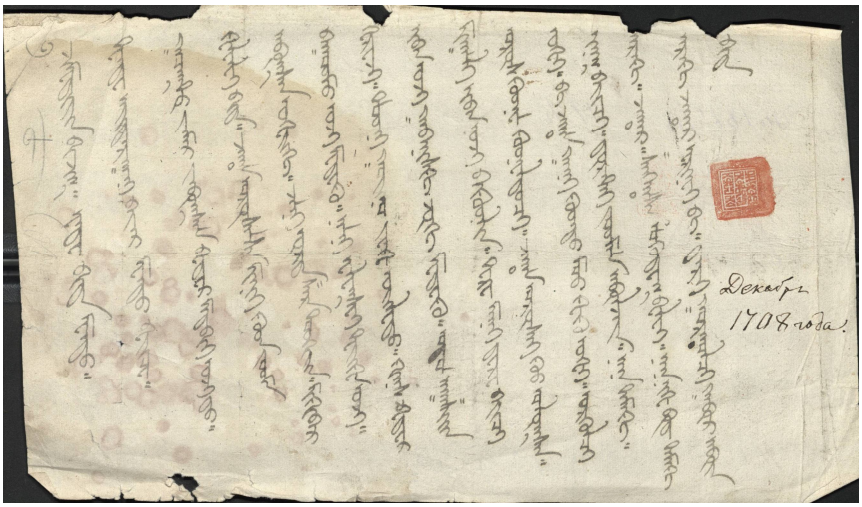
Иллюстрации к статье В. Л. Успенского и Н. С. Яхонтовой



Ил. 19. Письмо хана Аюки (март 1708 г.). Коллекция НБ СПбГУ



Ил. 20. Письмо Чакдорджаба (декабрь 1708 г.). Коллекция НБ СПбГУ



Ил. 21. Письмо Чимеда (декабрь 1708 г.). Коллекция НБ СПбГУ

Иллюстрации к Части 2: памяти В. С. Толокнова

Ил. 22. В. С. Толокнов в национальном тибетском костюме, Дхарамсала, Индия (10.12.2014, фото из домашнего архива семьи Толокновых)

Ил. 23. Интервью в доме престарелых, Дхарамсала, Индия. 19.10.2015. Фото из домашнего архива семьи Толокновых